Ж 47/304

247
304

ВЦК НА
при Президиуме Совета
Национальностей

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ СССР

стенографический отчет
I-го Всесоюзного пленума НС ВЦКНА

SSC Ittifaki xəlklərinin dil və yazıları

umum ittifak yeni əlifba mk Elmi
şurasinin birinci umum ittifak
plenumunun stenografik otçotu

МОСКВА
1933

Proletaires de tous les pays unissez vous!

LA LANGUE ET L'ECRITURE DES PEUPLES DE l'URSS

COMPTE RENDU DE LA PREMIÈRE CONFÉRENCE PLÉMIÉRE DU CONSEIL SCIENTIFIGUE DU COMITÉ CENTRAL DU NOUVEAU ALPHABET

15—19 février 1933

La rédaction de
K. Alaverdov, S. Dimanchtein,
D. Korkmassov, A. Noukhratt

Г47-304

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ СССР

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

I ВСЕСОЮЗНОГО ПЛЕНУМА НАУЧНОГО СОВЕТА

ВЦК НА

15—19 февраля 1933 г.

Под редакцией
К. Алавердова, С. Диманштейна,
Д. Коркмасова, А. Нухрат

Издание ВЦК НА
при Президиуме Совета Национальностей Союза ССР

МОСКВА 1933

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 27689 М64

Уполномоченный Главлита № 58501. Зак. 2735 18 п. л. Тираж 1.500.
Типография ВЦИК — Москва, Ильинка, 1. Верхние торговые ряды, 3-я линия

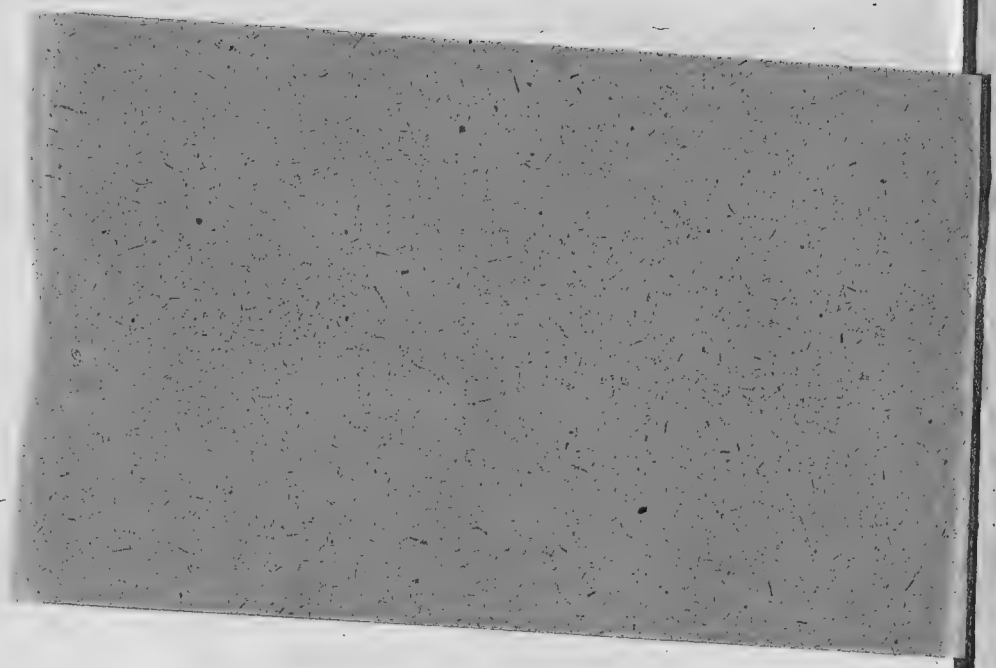
ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Открытие пленума Научного Совета	11
Письмо и язык—доклад акад. Марра	13
О работе президиума НС—отчетный доклад Д. Коркмасова	27
О работе комитета НА Севера—Коряков	31
	35
	38
	79
	82
	83
	89
	107
	115
	162
	167
	171
	177
	183
	191
	208
	213
	230
	241
	253
	256
Содоклад т. Тогмитова	258
Закрытие пленума. Заключительное слово т. Коркмасова	263
Резолюция по докладу президиума НС ВЦК НА и содокладам о научно-исследовательской работе институтов народов Севера, комитета НА Татарии и Бурят-Монголии	267
Тезисы доклада т. Диманштейна по вопросам терминологии для языков национальностей, одобренные в основном пленумом	268
Практические предложения по терминологии	274
Резолюции по докладам об итогах латинизации и унификации алфавитов	276
Резолюция по докладам об орфографии	279
Положение о Научном Совете ВЦК НА	282
Список присутствовавших на пленуме	285

ПОПРАВКА

На странице 235-й, в строке 13-й после слова „Энгельса" пропущено слово „Ленина".

Таким образом конец строки 12-й и строку 13-ую следует читать: „...переведены и переводятся на узбекский язык сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина..."



Уполномоченный Главлита № 58501. Зак. 2735 18 п. л. Тираж 1.500.
Типография ВЦИК — Москва, Ильинка, 1. Верхние торговые ряды, 3-я линия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Открытие пленума Научного Совета 11
Письмо и язык—доклад акад. Марра 13
О работе президиума НС—отчетный доклад Д. Коркмасова 27
О работе комитета НА Севера—Кошкин 31
О работе комитета НА Татарии—Сейфи 35
Прения 38
Заключительное слово академика Марра 79
Заключительное слово Кошкина 82
Заключительное слово Д. Коркмасова 83
Принципы создания национальной терминологии—доклад С. Диманштейн 89
Терминологическая работа дагестанского комитета НА—докл. Гаджибекова 107
Прения 115
Заключительное слово т. Диманштейна 162
Заключительное слово т. Гаджибекова 167
Итоги и перспективы латинизации и унификации — доклад т. Дьякова 171
Об унификации горских алфавитов—содоклад т. Сердюченко . 177
О техническом анализе унифицированного алфавита—содоклад проф. Артемова 183
Прения 191
Заключительное слово т. Дьякова 208
Принципы построения национальной орфографии—доклад т. Пальмбах 213
Содоклад А. Хашимова 230
Прения 241
Заключительное слово т. Пальмбах 253
Заключительное слово т. Хашимова 256
Содоклад т. Тогмитова 258
Закрытие пленума. Заключительное слово т. Коркмасова 263
Резолюция по докладу президиума НС ВЦК НА и содокладам о научно-исследовательской работе институтов народов Севера, комитета НА Татарии и Бурят-Монголии 267
Тезисы доклада т. Диманштейна по вопросам терминологии для языков национальностей, одобренные в основном пленумом 268
Практические предложения по терминологии 274
Резолюции по докладам об итогах латинизации и унификации алфавитов 276
Резолюция по докладам об орфографии 279
Положение о Научном Совете ВЦК НА 282
Список присутствовавших на пленуме 285

ПРЕДИСЛОВИЕ

Правильное проведение ленинской национальной политики и создание в течение первой пятилетки мощных индустриальных баз в национальных республиках и областях СССР, обеспечили бурный рост национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов СССР.

В этом росте громадную положительную роль сыграл переход от архаичных клерикальных алфавитов на новый латинизированный алфавит, технически более совершенный и легко доступный массам.

Введение нового алфавита, несмотря на ожесточенное сопротивление классовых врагов, в громадной степени ускорило темпы ликвидации неграмотности. Народности, которые при царизме насчитывали 2—3% грамотных, ныне довели свою грамотность до 60—70%. Ряд же национальных республик и областей вплотную подошли к сплошной ликвидации неграмотности.

Первый этап деятельности Всесоюзного Центрального Комитета нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР, характеризовавшийся созданием письменности для бесписьменных народов и переходом народов, ранее пользовавшихся архаическими формами алфавитов,—на новый латинизированный алфавит—этот период теперь, к началу второй социалистической пятилетки, можно считать в основном завершенным.

По линии латинизации алфавитов в настоящее время вопрос сводится к закреплению и внедрению уже достигнутых успехов.

В настоящий момент во всей своей остроте встали проблемы национальных литературных языков, национальных терминологий, орфографий и т. д. Эти вопросы сейчас являются коренными вопросами.

Для успешного разрешения этих сложных проблем необходимо было:

1) изучить и обобщить опыт огромной работы, который за истекшие 10—15 лет накопился на местах;

2) привлечь к разработке вопросов национальных письменностей выросшие в после октябрьский период национальные лингвистические кадры и научно-исследовательские институты центра и мест;

3) коллективными усилиями наметить те пути, по которым должно в дальнейшем пойти развитие национальных языков и письменностей.

Именно эти задачи и ставил перед собой первый Пленум Научного Совета Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита (15—19 февраля 1933 г.).

В работах Пленума приняли участие свыше 90 чел., представлявших 26 национальностей Союза, 10 научно-исследовательских институтов центра и мест и ряд других учреждений и организаций, связанных в своей работе с вопросами языка и письменности.

Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита выражает надежду, что выпускаемый в свет стенографический отчет I Пленума его Научного Совета послужит делу успешного разрешения задач развития новых литературных языков и письменностей народов СССР.

PRÉFACE

La réalisation juste de la politique nationale leniniste et la création au cours de la premiere pjatiletka de fortes bases industrielles dans les republiques nationales de l'URSS ont assuré le developpement grandiose de la culture nationale par sa forme et socialiste par son contenu des peuples de l'URSS.

Dans ce developpement un role immense a eu la transition des alphabets archaïques cléricaux au nouveau alphabet latinisé au point de vue technique plus accompli et accessible aux masses.

L'introduction du nouveau alphabet malgré l'opposition acharnée des ennemis des classes a aidé puissamment à activer la liquidation de l'analphabetisme. Les peuples qui pendant le tzarisme avaient 2—3% de personnes sachant lire et écrire aujourd'hui ont atteint 60—70% et même une partie de républiques nationales est arrivée à liquider tout à fait l'analphabetisme.

La première étape de l'activité du Comité Central du Nouveau Alphabet près du Conseil des Nationalités du ZIK de l'URSS c'est caracterisée par la création des alphabets pour les peuples qui jusqu'ici n'enavaient pas et par le changement pour les nationalités em plogaient des formes archaïques des alphabets par le nouveau alphabet latinisé. Ou peut estimer que maintenaut au commencement de la deuxième „pjatiletka" socialiste cette période dans sa partie essentielle est terminée.

En ce qui conserne la latinisation des alphabets à l'époque préseute cette question se porte à assurer et à inculquer les succés déjà obtenus.

Au moment présent se posent dans tout leur tranchant les problèmes des langues nationales litteraires, de la terminologie nationalé, de l'orthographe et. c. ces questions maintenant sont les principales.

Pour résoudre avec succes ces problèmes compliqués ie a fallu:

1) étudier et généraliser l'expérience de ce travail immence qui se poursuivait dans les régions durant les 10—15 années passées;

2) attirer les cadres nationaux linguistiques qui se sont formés dans la période d'après l'Octobre et les instituts scientifiques centraux et locaux pour étudier les questions des alphabets nationaux;

3) unissant les efforts collectifs choisir les voies du developpement suivant des langues et des alphabets nationaux.

La première couférence plénière du Conseil Scientifique du Comité Central du Nouveau Alphabet de l'URSS justement s'est posé ces problèmes (15—19 février 1933).

Aux travaux de cette conférence ont pris part plus de 90 représentants des 26 nationalités de l'URSS, 18 institutions scientifiques centraux et régionnaux et d'autres institutions et organisations qui sont eu contact dans leur travail avec les questions linguistiques et alphabetiques.

Le Comité Central du Nouveau Alphabet de l'URSS veut ésperer que le compte rendu suivant de la 1-ère Conférence de son Conseil Scientifique pourra aider à assurer la resolution des problèmes consernant le developpement des nouvelles langues litteraires et des alphabets des peuples de l'URSS.

BAŞLANQIЬC.

Lenin milli sejasetinin doqrylyqla həjatə kecirilməsi və birinçi biş-illiq ərzində Ş. S. Ç. Jttifaqьnьn milli çəmhyrjjet və oblastlarьnda quvvətli sənai bazalar jaratmak, Ş. S. Ç. Jttifaqi xəlqlərinin şəklə'ti-barilə milli və myndəricə e'tibarilə isə soslialistlikli mədənijjetlərinin cok quvvətli bir surətdə artmasьnь tə'min etdilər.

Arxaiq və qləriqal əlifbalərdən texnik çihətinçə daha mykəmməl və kitlələrcə daha coq tez əldə ediləbilən latьn əsasində dyzəldilmiş əlifbajə kecmegin də bu artmakda coq bəjyk bir rolu olmuşdur.

Sinfi duşmanlarьn ən şiddetli muqavimetinə baqmajaraq jeni əlif-bani həjatə keçirmək, səvadsьzlьqь ləqv etmək işlərinin templərini coq myhimm bir syrətdə tezikdirdi. Carizm vəqtində 2—3% ançaq savadlьlarь olan xəlqlər, bu gyn əz səvadlьlьqlarьnь 60—70% cat-dьrmьşlardьr. Bir coq milli çəmhurjjet və oblastlar isə səvadsьzlьqь bytyn—bytynə ləqv etmek işinə bilavasitə jaqьn olmuşlardьr.

Ş. S. Ç. Ittifaqi Mərkəzi Içraijjə Qomitəsi Millətlər Şurasi janьn-daki Ieni Əlifba Imum-Ittifaq Mərkəzi Qomitəsinin birinçi dəvrəji fəalij-jetini jazьsь olmujan xəlqlər icun jazь tə'sis etmek və əvvəllər arxaiq şekilli əlifbalərdən istifadə edən xəlqləri isə latьn əsasində dyzeldil-miş jeni əlifbajə kəcirmekdən ibarət olan birinçi dəvrəi fəalijjetini,— imdi, ikinçi sosializm bişilliginin başlanqьçında, əsas e'tibarilə, biti-rilmiş sajmaq olar.

Əlifbaləri latьnlaşdьrmaq jolundaki imdi qarşumьzda duran məs-ələ, əldə edilmiş olan muvəffəqijjetləri bərkitmek və həjatə kəcyr-mekdən ibaret qalьr.

Imdiki zamanda qarşumьzda bytyn kesginliklərilə milli ədəbi dil-lər, milli istilahlar (termin), imla (orfoqrafija) və ilx. məsələləri dur-muşdurlar. Bu mesələlər imdi ən əsaslь mesələlərimiz durler.

Bu kibi coq qarьşьk və cətin mesələləri həll edəbilmek icyn la-zьm idi:

1) jerlərdə son 10—15 illərdən bəri aparьlmьş olan bəjyk işlərin toplanьlan teçrubələrini əgrənmek və tə'mim etmek;

2) Oqtjabirdən sonraki dəvrlərdə əmələ gəlmiş olan milli lişani-jatcь (lingvist) qadrolarь və mərkəz ilə jerlərin ilmi—tedqiqat institutlarьnь milli jazьlarьn meselərini inkişaf etdirmək işlərinə çəlb etmek;

3) Milli dil və jazьlarьn bundan sonraki inkişafinin gedəcəgi olduqi jollarь, birlikdə olarak calьşmamьz ilə, tə'min etmek.

Iştə jeni əlifba Imum Ittifaq Mərkəzi Qomitəsi Ilmi Şurasьnьn birinçi Plenumu өz karşusunda həmin bu meseleləri kójmuşdu 15--20 fevral 1933 çi il).

Plenumun işlərində Ittifaqdaki 26 millətləri təməssul etmekdə olan 90 dan coq şəxs, mərkəz və jərlerin 18 ilmi—tedqiqat institutlarь və өz işlərində dil və jazь mesələləri ilə baqlь olan bir coq teşkilat və muəssesələr iştirak etmişdilər.

Jeni əlifba Imum Ittifaq mərkəzi qomitəsi ymid edir ki өz ilmi syrasinin birinçi Plenumu stenoqrafik muhasibəsini təb' və neşr etmekle Ş. S. Ç. Ittifaqi xəlqlərinin jeni ədəbi dil və jazьlarьnь inkişaf etdirmek karşusunda duran meselələrin muvəffəqijjetlə həll edilməsinə xidmet edəbiləçkdyr.

ПИСЬМО и ЯЗЫК

Доклад академика МАРРА

ОТЧЕТНЫЕ ДОКЛАДЫ

Президиума Н С — т. КОРКМАСОВ

Комитета Н А Севера — т. КОШКИН

Комитета Н А Татарии — т. СЕЙФИ

ОТКРЫТИЕ ПЛЕНУМА НАУЧНОГО СОВЕТА

Д. КОРКМАСОВ (председатель Научного совета ВЦК НА)

Товарищи, разрешите открыть первый Пленум Научного Совета ВЦК НА (аплодисменты).

Созыв нашего первого Пленума совпадает с завершением первой социалистической пятилетки и 10-летним юбилеем введения латинизированного алфавита. Детище Октябрьской революции— латинизированный алфавит, как о нем сказал т. Ленин, явился „великой революцией на Востоке". Больших успехов в упорной классовой борьбе новый латинизированный алфавит достиг за последние годы, благодаря первой пятилетке, на основе ее огромнейших, мирового значения, достижений по социалистическому строительству.

В итоге первой пятилетки создана экономическая база социализма в нашей стране, на основе роста народного хозяйства и под'ема благосостояния трудящихся масс. Все это, как отмечено в резолюции январского пленума ЦК ЦКК ВКП(б), сопровождалось одновременно значительным расширением культурной базы и ростом технических кадров.

Пятилетний план культурного строительства выполнен с превышением более чем в два раза. Все расходы по культурной пятилетке намечались в сумме 7 628 млн. руб., фактическое бюджетное исполнение плана культурной пятилетки выразилось в 15 500 млн. руб. Особенно значительный рост расходов на просвещение мы имеем по местным бюджетам средне-азиатских национальных республик.

Так, по Узбекистану в итоге первой пятилетки расходы на культурное строительство выросли на 426%, по Таджикистану на 696%, по Туркменистану на 710%. Все это как нельзя лучше иллюстрирует правильность ленинской национальной политики первого в мире пролетарского государства, направленной к тому, чтобы в наикратчайший срок ликвидировать экономическую и культурную отсталость национальностей.

Громадных успехов мы достигли в проведении всеобуча за первую пятилетку. По первоначальным наметкам предполагалось ввести всеобуч по УССР в 1933-34 г., по БССР — в 1934-35 г., по ЗСФСР — в 1935-36 г., по РСФСР — 1936-37 г. и по Средне-Азиатским республикам в 1939-40 г.г. В действительности же в 1932 г. мы провели всеобщее начальное обучение по РСФСР, а

в 1933 г. заканчивается введение всеобуча по всем союзным республикам.

Мы имеем громадные успехи по ликвидации неграмотности трудящихся Союза. По плану первой пятилетки намечалось ликвидировать неграмотность 17 млн. человек, а в действительности обучено 29 млн. В 1913 г. в царской империи имелось 33% грамотных, а в СССР в 1927-28 г. накануне первой пятилетки грамотность дошла до 53%, а в 1932 г. в итоге пятилетки этот процент поднялся до 90%. Если же взять средне-азиатские республики, то в Узбекистане в 1913 году было 2% грамотных; в 1932 г. в советском Узбекистане мы имеем уже 72% грамотных, среди таджиков в 1913 г. было 1,5% грамотных; а в 1932 году в седьмой союзной республике стало уже 52% грамотных: среди туркмен в 1913 г. было 2% грамотных, а в 1932 г. в советском Туркменистане грамотность поднялась до 61%.

Решающую роль в итогах культурной революции за первую пятилетку сыграл латинизированный алфавит. В то время, как в среднем процент грамотности на родном языке за первую пятилетку существования советской власти на основе арабского алфавита вырос больше, чем в два раза по сравнению с дореволюционным периодом,—за последние десять лет на основе латинизированного алфавита процент грамотности на советском Востоке в среднем увеличился в 6 раз. Так велик эффект применения латинизированного алфавита.

Большие задачи поставлены перед нами хозяйственно-культурным планом 1933 г. — первого года второй пятилетки. На основе партийных директив и решений правительства о школе мы должны повести решительную борьбу за качество культурной работы, за освоение культурных достижений.

Результаты первой пятилетки, выполненной в 4 года, результаты латинизации письменности на Советском Востоке, дают нам полную уверенность, что под руководством партии и его ленинского ЦК, во главе с т. Сталиным, на основе ленинской национальной политики, борясь на два фронта за генеральную линию партии, применяя методы соцсоревнования и ударничества, мы сумеем осуществить полностью задачи 1933 г. Наше совещание призвано подработать те научные проблемы, которые стоят перед комитетами нового алфавита в текущем году. Надеемся, что совещание наше даст большие плодотворные результаты для всего дела культурной революции многочисленных народов Советского союза (аплодисменты).

ПИСЬМО И ЯЗЫК

Академик Н. Я. МАРР.

Товарищи, сегодняшний день — отчетный день Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита на первом пленуме — исторический день социалистического строительства на культурно-просветительном фронте. Происходит штурм всех идеологических участков как на требующих предельной осторожности высотах научной мысли и художественного творчества, так и на решающих полях массового интереса трудящихся всех наций нашего Союза. Эти вопросы захватывают всех — от совершенно неграмотных до Октября низов — до сложившихся уже в республиках Союза ССР слоев советской трудовой интеллигенции, куда вошли и старые работники, живое наследие прежней культуры, за совесть, а не за страх работающие с пролетариатом. О „полях" я сказал аллегорически, в действительности же надо говорить об ухабах, да ущельях, вообще о самых заброшенных при старом режиме „медвежьих углах"; везде идет жесточайшая борьба тончайшего, порой материально неуловимого порядка, и потому она требует исключительной бдительности; нередко более, чем трудящиеся массы, изощренный в науках враг, не лишенный уменья эксплоатировать чужой труд и его продукцию, старается использовать наши новые формы организации, а то и технику их.

Язык, однако, не является только предметом массового интереса, массовой жажды знаний по языку и теории познания языка; интерес и жажда трудовых слоев национальностей нашего Союза направлены на стройку литературного языка, которого у них раньше не было, и на перестройку литературного языка, процветавшего до Октября, но который по содержанию своему не отвечает потребностям строящегося социализма, а по форме находится в противоречии с мышлением пролетарских трудящихся масс.

Раз дело касается пролетарского мышления, нельзя не помянуть в первую голову Маркса, как нельзя умолчать и об Энгельсе (тем более, что говорить о нем приходится по неизданной доселе рукописи, хранящейся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина), где он писал о конкретном языке — франкском. Энгельс, работавший, как и Маркс, в эпоху „Sturm und Drang'a" молодой тогда индо-европейской (у немцев индо-германской) лингвистики, чувствовал себя тем не менее еще тогда, в дни расцвета Гриммов и их последователей, чрезвычайно стесненным

в собственной (бесспорно лингвистической) работе непосредственно над рукописным материалом. Энгельса удивляет „растерянность исследователей перед франкским языком". Все дело в том, чта Энгельс, несомненно, имеет в виду конкретный краевой язык интересующего его мира, а в крае он видит и заставляет видеть ряд языков, в том числе и германский лишь как один из них, чего не видели или не хотели видеть ученые, занятые поисками милой их чувствам истины. Поэтому он говорит о „кощунственных" вещах, например, о скрещении языков; он высказывает еще более ужасавшую тогда (хотя для всех нас самую простую) мысль: если пишет франк, то это отнюдь не доказывает еще, что памятник написан на франкском языке. Он доказывает это с акрибией, точнейшим и уточненным пониманием чтений и вариантов (разночтений) самих текстов памятника (Псалмы), который цитировался всеми тогдашними лингвистами, как несокрушимая опора их построений. Меня спросят, какое отношение имеет это к нашей теме — письму, да еще в социалистическом строительстве? А разве не актуально сегодня создание письма для Крыма, где, между прочим, в числе множества других языков народностей, сошедших с политической сцены или по сей день наличных, был язык готский. Эти народности в целом представляют не конгломерат случайно скопившихся неизменчивых самородков — жемчужин, а историческую категорию, органически сложившуюся в этом крае, да еще из разных стадий материального и культурного бытия и художественного, в первую очередь, языкового производства. В крае как в древности, так в наши дни, имелись не только наезжие греки и варвары, римляне и варвары, еще до римлян — этруски и варвары, но и аборигены, ни откуда не приходившие: кимеры-крымчаки, караимы, скифы-готы (кельты), ионы, до появления где-либо на Черноморье ионян или других пришлых греков, свои греки, крымские армяне, появившиеся до XIV века, когда европейцы вынуждены были в силу своих жизненных потребностей составить карты Крыма под названием „Arménie Maritime" (Морская Армения), свои хазы-хозары, или касы-каспы, свои дарги, турки-терки, свои русы, германы, оставившие такие памятники древнейшего городского строительства, как Эски или древний Кермен. По своим грандиозным в условиях края водопроводным сооружениям эти памятники связаны с халдами Ванской Армении и др.

Но оставим эти далекие времена. Те же народы, или социально перестроенные из них, так сработались, сжились на сегодня, переплелись в своих взаимоотношениях, точно они нарочно подготовляли свою межнациональную идеологию для социалистического строительства. И вот теперь, когда создается для них письмо, то перед нами вырастает ответственнейшая проблема о культурном наследии. Не учесть этого социального достижения Крымской республики, не подумать о единой системе письма для ее коренных, давно оседлых трудящихся слоев населения — значит возвращать дело культурного, в частности языкового, строительства к давно пережитым народами этой страны стадиям исторического развития.

Тема моего доклада не „язык и письмо“, а „письмо и язык“. Еще точнее „письмо — язык“. Дело не в том, что у меня имеется работа „Язык и письмо“, где трактуются оба названных предмета, и повторяться, мол, нечего, да и заниматься устаревшими за давностью издания высказываниями и неуместно здесь.[1] В „Языке и письме“ ударение делалось на то, что когда просвещение обращалось в орудие идеологического усыпления жизненных движений трудящихся — письмо (раньше собственность одних господствующих классов) было пущено в массы, демократизировано именно для усыпления проблесков классового самосознания трудящихся и идеологического порабощения угнетенных для предупреждения или ликвидации нарождавшихся революционных движений эксплоатируемых социальных слоев. В связи с этим „было время, когда письмо и вообще письменность заслоняла [подлинную жизнь]“[2]. И тогда „живая речь выходила из орбиты исследовательского внимания, захваченного целиком интересом к письменному языку, да еще в особой высокой степени к тому или иному мертвому литературному, по возможности языку „народа“ мирового значения или хотя бы к попавшему, как пятая спица в колеснице, в переплет взаимоотношений таких мировых литературных языков. Отдельные крупиночки речи, казавшиеся ее первичными элементами, даже и те назывались не звуками или фонемами, а буквами или по-латыни „littera“[3]. Это определение языка „народа“, так называемого национального языка, только недавно данное классовому языку, сейчас нам представляется не вполне точным по формулировке в отношении некоторых деталей. Неточности эти зависели от момента, когда борьба с изжитым теоретически, но в практике крепко, как костоед, засевшим в молодой советской общественности старым языковедным учением — вынуждала нас бить это учение. Борьба вынуждала нас обнажать его бесплодие сухой смоковницы, обнажать отвратительный запах мертвечины, который буржуазная лингвистика навязывала языку вообще и живым его говорам. Этой мертвечиной несло особенно от письменного языка в результате формалистического подхода к нему и способа его изучения. На самом же деле, хотя национальный письменный язык и был буржуазным или феодально-буржуазным, он в период своего роста и расцвета вовсе не был мертвым и стабилизированным, он был живым стандартизованным языком, живым языком господствующего общественного слоя. Иным он и не мог быть: его создали когда-то молодые еще общественные слои, черпавшие свои творческие организаторские силы в завоеванных ими средствах новой высокой техники. Эти слои выносили язык в более широкую и творческую общественность, борясь с идеологической ограниченностью и косностью обреченных историей на крушение социальных слоев.

Это множество, притом растущее, письменных языков производит нередко ошеломляющее, а затем (с искренней сознатель-

---

[1] Н. Я. Марр. Язык и письмо. Известия ГАИМК, т. VI, вып. 6. Второе изд. 1931 г.—лишь перепечатка первого, вышедшего в 1930 г.

[2] Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 2.

[3] Там же.

ностью переживаемое) самое гнетущее впечатление, казалось бы, независимо от политических и общественных взглядов. Появляется боязнь: не осилить, мол, материально никакими средствами колоссальных потребностей столь быстро и широко развивающегося дела, захватившего все народы и племена до предельных глубин массового населения.

Несколько десятков народностей из населения шестой части мира, осознавшие настоятельную потребность роста культуры, реализуют одно из основных требований ленинской национальной политики, нашедшее место в конституции Союза советских социалистических республик и успевшее получить дальнейшее четкое оформление в памятном выступлении т. Сталина на XVI партийном с'езде. Это могущее быть реализуемым везде, и фактически реализуемое у нас, положение мирового значения о росте национальных по форме и социалистических по содержанию культур (я говорю со всей ответственностью за языковедно вскрываемую историческую правильность утверждения) должно быть поставлено рядом с четким и вразумительным советским предложением о военном разоружении. Это — как бы две половинки одного яблока, две неразлучных стороны одного единственного пути водворения прочного мира всех наций и за пределами Советского союза. Вот почему имеет место такой неприкрытый интерес у зарубежных друзей, и даже у врагов, к языковедной работе, колоссально развернувшейся среди всех национальностей Союза, и к находящим об'яснение лишь в ней теоретическим достижениям нового учения об языке. Наследственная косность присуща каждой профессиональной, даже широкой, организации; еще более она присуща каждому замкнутому в своих специальных интересах узкому коллективу, и тем более — одиночным исследователям, стоящим вне контроля компетентного, ответственного руководства. Этой косности представляется утопической сама мысль о возможности преодолеть многочисленные и разнообразные трудности беспримерной массовой языковедной работы, подлинной по существу новостройки литературного языка, да еще в столь разнообразной среде. Эти трудности увеличивают число людей ошеломленных и искренне угнетенных нарастанием колоссальных потребностей масс, развернувшейся колоссальными темпами языковедной работой. Эта работа смущает своими успехами врагов. Враги наметили было в ней ахиллесову пяту, залог нашего провала на идеологическом фронте классовой борьбы; теперь они пытаются нашу технику, наши организации использовать для борьбы с нами — и внутри, и за пределами Советского союза. За рубежом не только друзья наши, но и враги организуют языковедные совещания и с'езды в государственном масштабе для обсуждения теоретических проблем истории языково-литературного и материально-культурного строительства, уже решенных и реализуемых в СССР; друзья становятся открыто на нашу сторону; враги действуют, смотря по обстоятельствам — то открыто, то тайно. Страх перед колоссальными потребностями и трудностями теряет внутри Союза всякую почву, ибо мы находим силу для преодоления трудностей именно в общности интересов всех национальностей, старых и новых, в разре-

шении одной проблемы, проблемы языков-наций, идеологически — языка и мышления, технически по идеологии — языка и письма, проблемы в целом языковедной.

Снижение античного общества с фантастической ступени, как и Востока с положения экзотического мира, не аннулирует, само собою понятно, действительной ценности греко-римской и специально греческой, эллинской культуры, как не аннулирует на мнимо экзотическом Востоке ряда, казалось бы, в корне расходящихся восточных культур (от средиземноморской с передне-азиатской до дальне-восточной северной); наоборот, это обстоятельство усиливает действенность всех их. Не подлежащий уже спору, этот факт ныне дает возможность (у нас необходимость) вести практические и исследовательские работы далее в глубину, до дна, снятием вводящих в заблуждение терминов, как, например, „асианский" (asianique) для отличия западно-азиатского на материке (малоазийского) от восточного азиатского или немого термина „до-греческий" в отличие от „греческого". Известные и раньше предшественники римлян — расены и этруски, вместе с иберами — пробили уже дорогу историкам не в одном западном Средиземноморьи до исконного социального родства самих низовых слоев населения забывшей свою историю Европы; неизвестный доселе третий „этнический элемент", не индо-европейский, не семитический, не египетско-хамитический, выступает все более и более ярко, как носитель творческих начал эксплоатировавшихся социальных слоев такой глубочайшей древности, что нельзя найти для них, этих слоев, исторического имени, разве назвать каким-либо мифологическим именем, как например „яфетический".

Во всяком случае сама история при всех противоположностях об'единяется диалектически в разрезе времени; нет более „истории" и „доистории", нет раздельной истории Запада и Востока, нет удушливой атмосферы групповой изолированности семитов, хамитов, славян, арийцев или индо-германцев, хотя бы германцев, и одиночек, раскинутых повсеместно среди этих групп — самих греков, а в особенности армян и евреев. Последние являются предметом давно назревшей и серьезнейшей проблемы о категории их национальности, ибо техника языка и техника мышления говорят по этому поводу изумительные вещи. Что же это за изумительные вещи? А те, что давно известны из марксистско-ленинской теории познания. Назову основную и решающую. Из темного подполья, куда она загнана была афревразийским феодально-буржуазным обществом, самодовольным в своем расовом ожесточении и просвещенном бытии европейским классовым обществом, — подлинно древние народы, современные нам, вырвавшиеся из под его гнета и культурно-морального порабощения нации Советского союза выводят на свет всю подлинную, до сих пор замолчанную, историю, освещают начальные стадии становления человечества. Смена носителей материалистически раз'ясняемой культуры — не только различные классы, но различные массы, каждый раз более древние, чем предшествующие. Каждая смена выявляет стабилизацию, вернее переходящую стандартизацию лучших достижений, и одновременно — приобщение к ним больших масс.

Романская культура — выявление также незатронутых „яфетических“ слоев; такие же новые слои выступают с германцами-варварами и славянами-рабами, да и с самой Русью — не только географической, но и сложной социально-производственной и социально-экономической категорией. Пора же специалистам по языку, языку и мышлению, языку и письму взяться за культурные интересы слоев, бывших в загоне!

Все сказанное, товарищи, укрепляет нас в сознании и практической, и теоретической необходимости реального, т. е. диалектико-материалистического историзма. С этим связаны темпы социалистического строительства и система сокращений сложных выражений. Она повторяет систему сложения слов в первобытном обществе, но повторяет ее с под'емом на новую предельную высоту (имеем в виду язык у нас в СССР, и, соответственно, темпы современного строительства и нашего бытия). Наше бытие еще во многих деталях, нередко существенных — старое, своего рода отголосок ветхой жизни. Но социалистическое строительство и современное, с ним связанное бытие, вторгаются в темпы жизни и не позволяют оставаться индивидуально в нормах старого режима; они давно вторглись, чуть-ли не первыми, в советскую речь, причем вначале словно бы стихийно. Это — совершенно правильные с точки зрения истории языка сокращения слов по элементам, такие как „Совнарком“, „ЦИК“, „нарком“, „Цека“ и т. п. Уже в перечисленных примерах есть образования различного порядка: есть случай трехэлементный с сохранением лишь начальных звуков каждого слова, входящего в состав новообразования (как „ЦИК“); бывает пользование двухэлементной частью для выражения, состоявшего из четырех, даже из пяти слов, например, „Цека“, без недоразумения используемое в смысле „Центрального комитета коммунистической партии (большевиков)“. И каждое из этих образований получает полное и научное оправдание с точки зрения новой языковедной теории, ее учения о четырех лингвистических элементах, и на нем обоснованной палеонтологии речи, как это обнаруживается анализом любого слова, даже служебной частицы любого языка, в частности русского.

На заре человечества, еще при первобытном мышлении, из-за отсутствия адэкватной техники, многоязычие, как то выражено в столпотворении или башнестроительстве, завершилось, мол, смешением языков, разноязычием. У нас же — в условиях диалектического использования и усовершенствования, согласно нашим колоссальным потребностям и возможностям, лучших достижений зарубежной техники материального производства, разделенных диалектически в отношении предельной качественности по различным странам — и у нас трудности и сложность многоязычия встали на исторически уже испытанный путь разрешения. Мы это видим по истории языка — общества, где в языковом мире при созидании частей речи впереди всех и раньше всех по выявлению себя как в звуковом, так и органически связанном с ним письменном оформлении, проскочили числительные — беспримерно совершеннейшая категория. Это поразительное двустороннее достижение и в языке, и в письме произошло в результате исключительной всеобщей потребности в этом материального

производства и неразлучного с ним надстроечного производства— теоретических исканий в области учения о небе, древнейшей и ныне точнейшей теоретически-практической науки, и учения о подземном мире, древнейшей по охвату исследования исторической науки, геологии и палеонтологии. Бездна-прорыв между этим науками по истории всего мира, включая человечество, заполняется путем опыта всеми физическими, физиологическими, химическими, физико-химическими науками и вся тяжесть задач исторического исследования выпадает на биологические и обществоведческие науки. Из них наиболее загнанная и эксплоатируемая до Октября наука о языке, обществоведческая, — как никакая другая, во всех своих моментах и в технике их выявления, охватом всех времен и проникновением внутрь себя наиболее полно и наиболее четко отражает об'ективную и суб'ективную историю всего мира. Эта языковедная наука в целом представляет собою в корне новую установку, имея предметом изучения язык неразлучно с мышлением, в их диалектическом единстве, и используя при прослеживании сложнейших взаимоотношений надстройки и базиса результаты изучения памятников материальной культуры за все, наличные в вещественных выявлениях идеологии, стадии. Она изучает, во-первых, за изначальную стадию, когда материальная культура выступала исключительно как материальное производство подлинно первобытного общества (которого и признаков нет в непочатости самых отсталых народностей, в так называемых диких, примитивных племенах и народностях Африки, Океании, северных и дальневосточных палеазиатах, в Австралии и Америке); она изучает, во-вторых, и за венчающую стадию высшего развития искусств и изящной литературы, корни которых всегда находятся в материальном базисе.

Во всех стадиях изучения корни памятников — материально-производственные. Они таковы и тогда, когда изящество продукции представляется „не от мира сего", ощущается свободным созданием духа,— и тогда, понятно, когда надстройка так близка к базису, так соприкосновенна или лишь моментами отрывна от него (это в первобытном обществе со включением стадии становления элементов мысли-языка, впоследствии материально-образного мышления),— что налицо неразрывное выявление надстройки материального производства и базиса, без особой активности самостоятельно стимулирующего накопления культурных факторов с их самостоятельной системой.

Эта новая в корне установка языковедческой работы, исследуя язык вообще или любой конкретный язык, выяснила и продолжает все больше уточнять выяснение техники языка в обоих его моментах, формальном и идеологическом, уточнять технику выявления идеологии в материале, какой бы он ни был, технику оформления всех частей и категорий языка, и технику содержания, смысла самого построения мысли в действии, мышления как отражения материального базиса, материального производства, орудия и способа трудового процесса, его техники.

Формалистический отбор средств и способов выявления смысла речи в целом, а с ним частей, представлений и понятий,— исключает в построении графики не только идеологический момент,

мышление, но и полноту отображения в нем формального момента, учет всего того, что графически содействует наиболее совершенному выявлению функции письма — передать наиболее адэкватно содержание и силу воздействи, передать, следовательно, не только мысль, понятную лишь в обрамлении определенного мировоззрения, как воспроизведения механики трудового процесса материального производства, но и способ его действия, механику мышления.

Формалистический отбор использует и средства графики лишь для выявления в письме отдельных звуков, как самодовлеющих величин, однако лишь формального момента, как-то: знаки препинания, ударений и долгот. Он захватывает область мышления лишь восклицательными и вопросительными знаками, да и то по восприятию его элементов, как выразителей эмоции или связанного с ними внешнего, зримого движения. Мы обходим сейчас молчанием относящуюся сюда музыкальную графику, отмечающую так же, как нотные знаки в наиболее древних алфавитных письменах, музыкальные движения, внешние выявления голоса — вибрации и тому подобное.

Язык становится на ступень, где единица речи, элемент уже лингвистический, из элемента языка делается элементом языка и письма. Письмо, в частности элемент его, становится элементом языка и мышления, категорией мышления, изначальной увязки языка — письма, в частности элемента исторически обращающегося в единый звук-букву. Буква письма, как и звук речи, фонема, повышается на ступень общественной и политической значимости. При неучете этой истории получается замкнутый мир графики с произволом действия в создании письма. Возникающий произвол (по недоразумению принимаемый за свободу) урезывает коренные сдвиги движения и прогресса всей азбуки в целом, как системы, отвечающей системе языка и диалектически увязанной с ним по единству функций полной возможностью продвижения вперед.

Проблема письма, таким образом, не есть самодовлеющая задача, ее нельзя разрешать независимо от проблемы построения языка; нельзя ее разрешать, например, без учета особых потребностей социальной среды. Нельзя в СССР строить письмо без учета не только баснословного и недопустимого для буржуазного мышления в одном государстве множества языков, но и без учета их качественных признаков, при том не одних общих, но и частных, дающих лицо. Чему? Языку? Мы сказали бы „да“, если бы были уверены, что настоящая аудитория состоит сплошь из людей, высоко марксистеки мыслящих или мы рискнули бы сказать „да“, если бы сегодняшняя аудитория состояла из спецов-лингвистов, располагающих знанием мелочей и глубин языка, хотя бы не всех языков, но овладевших ими в причинности. Последнее же достигается тогда, когда овладевают знанием природы языка, пониманием сложнейших функций и еще более сложной техники отправления этих функций, доводящей знание до того предельного развития, когда специалист, в данном случае лингвист, марксистски мыслил бы в пределах своей научной компетенции, а не только говорил марксистски. Можно бы тогда ответить на вопрос, кому должен дать лицо требуемый для

построения письма учет не только баснословного и недопустимого для буржуазного мышления в одном государстве множества языков, но и качественных признаков, причем не только общих, но и частных. Мы бы ответили тогда: „да, языку, любому языку"; мы бы сказали решительно и по-русски, ибо „язык" по-русски обозначает (и преимущественно обозначал в древности) не анатомическую часть, а общественную речь, и, во-вторых, „язык" значил „народность", „племя", „народ" (напомню сочетание — „все языци"), изначально же означал „производственный коллектив", и язык-надстройка в наши дни — это нация, т. е. наличная в нем, в языке, как в зеркале отображенная нация со всеми ее новыми и историческими достижениями. И в СССР, где все нации раскрепощены не только политически, но и социально и экономически, не может быть двух мнений не о путях, а об единственном пути построения письма без отрыва от языка. Но язык развивается диалектически. Следовательно, стройка и перестройка письма может и должна происходить также диалектически. Следовательно, унификация должна быть проводима также диалектически.

Идя в своей исторически-исследовательской работе не от неизвестных начал к современности, а от современности к этим началам, с учетом письма-языка в целом и в подробностях, во всех фактических мелочах, в увязке сначала с историей литературы, а затем с материальной культурой, в результате многолетних изысканий мы выявили поразительные смены в письме, языке, литературе, мировоззрении и искусствах, в самих вещественных памятниках, как выразителях, лишь при первом взгляде национальных, раньше племенных-этнических с родовыми образованиями на самой глубинной стадии, представлявшейся прежде бездонной. Тогда для глаз исследователя изменилось все; в вещественных памятниках вместо материальной культуры выступило непосредственно материальное производство; мы оказались в обществе с мышлением без логики, в обществе — без индивидуального мышления; в мировоззрении—без бога и религиозного культа, в литературе, — без письма, в языке — без фонем. Была лишь ручная речь, а звуковые элементы, выделившие из себя впоследствии фонемы, идеологически наличные, входили в состав производства, как его категории. В то же время письмо, тогда без графем, имело функцию выявления „чудовища" „знамения", „поучения", что нас приводит с совершенно иному пониманию письма, буквы, по-гречески „gramma". В связи с этим мы переходим к актуальнейшей части в обучении и языку, и письму,— к грамматике, обращенной с ростом классовой эксплоатации в орудие формалистического учения, тогда как обучение грамматике должно учить раскрепощающей истории и исключительно присущим речевой технике самого отсталого языка общеобразовательным знаниям любого языка, в обоих его моментах, и формальном, и идеологическом. Мы тут имеем в виду не употребление у самих греков термина η γραμματικη в смысле „эрудиции", „критического познавания" ἐπιστημη, как у Эратостена Киренского, математика, географа и грамматика (II в. до н. э.), — но то, что вскрыла палеонтология речи анализом языка по элементам. С греч. „gramma" стоит только снять конечное—

„ma“, элемент B, с его служебной функцией, придать основе действенность отвлеченного понятия, как — ma↑ - ba→ - va у грузин во множестве имен действия и глаголов, как у русских — ba в термине действия „борьба“, — va в „клятва“, да и — mo, во множ. — ma „письмо“, „письма“, как в остатке перед нами от греческого термина выступает двухэлементное AB образование gra-m, наличное в разновидности — gra - φ в глаголе gra + φ - o „пишу“. У армян эта же основа представлена лишь одним первым элементом A - gir в значении „письма“ в феодальном языке еще от стадии исключительно коллективного мышления в оформлении множественного числа, gir - q, при новом содержании — „книга“. Эта основа прослеживается на всем протяжении Советского союза с армянского юга до финского севера, Карелии, переходя в зарубежные Финляндию - Суомию (kir — ya, kir — ya yn, kir — ye) и Эстонию (kir — i); в Коми области (gi + j —) в глаголе-действии gi + j — ni с тем же или со всеми теми же значениями различных стадий, как „книга“, „письмо“, „буква“, „письмо - послание“, „эпистолия“. От древнейшей стадии у русских она сохранилась со значением тотема, производственно-хозяйственного предмета и животного, лишь впоследствии, с рабовладельческо - феодальных эпох, „беса“ и „бога“, „одержимого бесом“, „безумного“, „страшилища“, „пугала“ и „знамения“, „поучения“, как то уже установлено в соотношениях лат. eittera „письмо“, „буква“ и греч. τέρας „чудовище“, груз. ter — a „писать“, у мегрелов tar — u + a „писать“ и tar — a „судьба“, у лазов on — tar — u „писать“, tar — u „буква“, „наука“, „учение“, у арм. tar „буква“ и т. д. как в самом русском четко наблюдается в истории термина „буква“ — с оформлением до - инодоевропейским на — va, как в слове „клятва“. Правда, прекрасный „Толковый словарь живого великорусского языка“ В. Даля, даже под редакцией предельно свободомыслящего лингвиста Бодуэна де Куртене (1903 г.) ограничивается следующим раз'яснением: „Один из начальных знаков грамоты, письменности, из коих составляются слоги и слова письма. Буквы гласные, согласные губные, немые, гортанные и пр. Строчные буквы, рядовые... красные, прописные“ и т. д. и т. п. Но этим толкованием, без намека на идеологию и без малейшего признака историзма, Даль, и особенно Бодуэн де Куртене (казалось бы, противник шовинизма и национализма) мало того, что дают извращенное представление о живой русской речи; Бодуэн де Куртене, подставляя грамоту вместо „грамотности“, своей классовой ограниченностью загоняет науку о языке в тупик и клевещет, сам того не сознавая, на русский язык. В связи с этим, разлучая с „буквой“ русское слово „буква“, он раз'ясняет последний термин, коренной русский, лишь формально с некоторым колебанием (с вопросительным знаком), но все-таки, как татарский, по созвучию с тат. именем „Бука“, „Букай“. Между тем, сам материал живого русского языка дает прямо драгоценные функции этого слова, затерянные по обыкновению во всех научных словарях в хаотическом их распределении и до наивности простецких толкованиях. Имеем ввиду такие тотемического порядка значимости, как „медведь“, „пугало“ или „страшилище“, равно такие, приводимые в том же словаре, драгоценнейшие случаи употребления в

более раннем оформлении, множественном числе, „буки“ в смысле „гадательного“ „загадочного“, как „это еще буки“ или „когда-то еще буки будут“ и т. п. Между тем стоило лишь навести справку, обязательную для лексикографа с мало-мальским историзмом, в труде И. И. Срезневского „Материалы для словаря древне-русского языка“, чтобы воочию увидеть неразрывную связь не только трехэлементного и двухэлементного „буква“, „букэвь“, и „букъі“, но и одноэлементного „б и“, во всех основных его значениях: „дикий“, „дерзкий“, „глупый“, „смелый“, „доблестный“, „сильный“, или живой еще „буйный“ в приложении к народу при старом режиме, „самовольный“ и т. д. Что касается основного для работы над письмом термина, мы обращаем внимание на него в оформлении „букэі“ со значением „буквы“, „письмена“ в „Житии“ Мефодия около 1200 г. „Недостоить ни которому же ъзыкоу имѣти боуковъ своих развѣ Евреи и Гръкъ и Латынъ“, отсюда „букарь“ — γραμματεύς „грамотей“ в оформлении множ. числа „буковь“ со значением „письма“, „послания“, „эпистолии“ в житии Феклы XI в.: „Жена же его напьсавши бо боукъви (моужеви) са тъщаниемь, призъва і“, в оформлении множ. числа от „буквы“ у Георгия Амартолы: „Юкоже и в е҃ульских (евангельских) б у к в а х напиа҃се“.

После сказанного снимается в корне случайность таких функциональных встреч в стадиальном нарастании значимостей, как армянское массовое, да и грузинское слово живой среды gi — ji 1) „сумасшедший“ ⇐ „бесноватый“, 2) „глупый“, „дурак“ и 3) „резвый“, „шалун“, и основа коми глагола-действия „писать“ также gi—γ. После сказанного становится понятным, что разновидность армянского gir ↓ gəz „буква“, „письмо“, звучащая ğər, в сванском оформлении li — ğr — āl значит, по мышлению первобытного общества без четкой дифференциации, и „игру“, „игру на музыкальном инструменте“, также, как любую вообще „игру“, „пение“, „пляску“, а у русских сюда же с префиксом і —, закономерным идеологическим дифференциалом, у сванов и с ними у феодальных грузин, обычно si — (vhi — i + gr — a, в прилагательном „и + горный“, первично i — gor — e — последняя разновидность дала древней Руси личное имя „Игорь“ (gir) у русских i — gr — a, в дославянском (доиндоевропейском) еще состоянии русского языка служившее тотемом. Вся же двухэлементная основа gra — φ греческого gr — a + φ — o „пишу“ сохранилась с восстановлением губной огласовки в Закфедерации у мегрелов, у которых она звучит gur — a + ua, и значит „учение“, „учить“, „учиться“.

И на сегодня является совершенно актуальным по замыслу, когда идя в ногу с массовым движением, исторически закономерно требующим освобождения от классово угнетавшей формалистики старой школы, ленинградские методологи[1] в коллективном труде „Русский язык и литература в средней школе“, используя достижения нового учения о языке, конкретизацию на языковом материале марксизма-ленинизма, отстаивают грамматику, раз'ясняя (стр. 4), что ее „нельзя сводить к кодексу

[1] Методологические материалы на второе полугодие 1932 — 33 уч. г. Составители Е. Н. Петрова, проф. Н. П. Андреев, В. А. Моденская, О. В. Вейспал под ред. О. А. Моденской. Программно-методический сектор ЛООНО. Изд. Леноблоно 1933 г.

правил—синтаксических и орфографических, что в практике формалистического преподавания обычно (я бы сказал „всегда"— Н. М.) и имело место. Нельзя изучать только формы языка и й представлять эти формы, как искони присущие данному языку, являющиеся неприкосновенными и вечными". Потому программе, указывающей практическое значение грамматики для навыков грамоты устной и письменной речи, правильно ставится задача „четко говорить и об общеобразовательном значении языка", но четкость должна быть доведена в своей конкретизации до выявления не только содержания изучаемой в школе литературной продукции, но и до выявления техники самого языка и техники неразлучимого с ним содержания, разумеется, в порядке укрепления тяги учащихся к образованию, к овладению конкретным знанием по предмету преподавания, и тогда можно уверенно утверждать, что (стр. 11) „выдвижение содержания, значения (семантики)", будет яснее сказать — техники языка и техники мышления — „ни в какой мере не означает хоть какого-нибудь пренебрежения к форме". Обладая наибольшим удельным весом каждого из двух неразлучимых моментов языка, формального и идеологического — „программа действительно стоит", — пользуясь вразумительным выражением т. Бубнова, — „на страже формальных знаний".

И формальный момент в языке отнюдь не может трактоваться вне идеологии, увязывающей его через общественность с производством. И именно на конкретном материале этого порядка, когда дело касается даже отдельных букв, наиболее ярко выступает значимость исторического подхода, причем не нужно смущаться давностью самых отдаленных эпох в жизни человечества. Скачек, например, немцев, с той стадии, на какой обретаются сейчас в горах Кавказа сваны (ныне все-таки обладающие достижениями позднейшего мышления в порядке социального приобщения), об'ясняет одну, отнюдь не случайную, лишь формальную подробность, именно то, что все имена, даже нарицательные в немецком письме выделяются заглавными буквами, ибо эти имена были тотемами. Естественно, что сам термин „понятие", возникший по зарождении зачатков права групповой собственности, воспринимался как предмет „захвата", „овладения производством". Этот термин происходит от первого природного инструмента — „руки", основы одновременно и действия руки, т. е. глагола: griff и greifen „хватать", с придачей префикса be, на деле элемента с функцией идеологического дифференциала Begriff „понятие" и begreifen „понимать", собственно в основе тут „хватать", „овладевать", но позднее при технологическом восприятии этого акта, в различных языках с различными ступенями стадиального развития, раньше и без всякого начального придатка — как у армян im „мой" при отсутствии права собственности — еще не лицо, единичное или групповое, а сам тотем производственного коллектива. Потому, хотя в древне-литературном i — ma только „ум" в основе i — mi + n — il „понимать" и i — ma — stun „философ", „мудрец", „мудрый", в массовой основе низовой речи i — ma — n — al без предлога значит и „понимать", и „знать" и „узнавать", не так, как у римлян с предлогом com: com — pre — hend — e + re „схватить", „понять", да и у

французов com — pren + d — re только „понять“ (от prendre только „брать“), но у французов с одним и тем же предлогом ap — (собственно идеологическим дифференциалом) никогда не „брать“, и не „понимать“, а „учиться“ apprendre и „учить“, так как казалось бы потому основа pren + d ← r; pre — hen — d (трехэлементное ВСС образование) означало „руку“, а от „руки“ происходило действие — и „брать“, „хватать“, „учиться“, и „давать“, вовлекать в свою производственно-общественную учебу, „учить“. Так было со времени установления права собственности хотя бы групповой, а дотоле еще в первобытном обществе с тотемическим мышлением совершенно иное соответствие членов звукового комплекса, но также диалектически по идеологической функции, именно „быть захвачену“, „одержиму“ тотемом, и в смысле „быть умным“, „мудрым“ и „быть безумным“, „глупым“. Такова же история арм. i — ma еще без идеологического дифференциала ma — в глаголе ma + n — ϑan — o „учусь“, во времени раньше возникшем аористе также с так наз. префиксом e — ma + ϑ — ov „выучился я“, элемент которого ma — при классовом технологическом восприятии — „рука“ в первобытном обществе — тотем. С таким стадиально историческим подходом анализируется научный термин μα — ϑη — μα „учение“, сначала магическое в материальном производстве, без осознания значимости трудовой руки, потом и математики, когда, наоборот, воспринимается только техническая функция трудовой руки, как инструмента. Когда же берем лат. — франц. pre — hen + d — — ere и pren + d — re, то у немцев — германцев нет еще начального члена pre, идеологического дифференциала, от остального комплекса без конечного лат. e + ere → франц. — re налицо у них лишь hen — d, но в двух социально различных согласованных разновидностях: han — d, женск. род, „рука“, и с губной огласовкой hun — d „собака“ от первобытного общества с конкретным тотемом — „псом“, без выявления в слове какого-либо признака рода: нынешнее восприятие hun — d как слова мужского рода — позднейшее явление, и потому род выражен лишь впоследствии возникшим членом — d e r Hund.

Таким образом, торопясь закончить наш доклад, лишь констатируем факт: палеонтологическим анализом и на примере языка выявляется единство противоположностей, социальное родство различных стадий, от первичной вплоть до сегодняшней. Замкнутость индо-европейцев в отношении не индо-европейского мира и внутри его между группами — есть фикция. Там термин „собака“, будучи некогда тотемом, следовательно так наз. этническим названием первичного производственного коллектива, по установленной теперь истории языка отложил в немецком языке в числе прочих свойств своей коллективности в линии исчисления „все“, „много“; уточнение „многого“ на определенной стадии развития, когда это было уже „сто“, дало образование hun + dert „сто“. С соответственной частью этого комплекса, имеющего опять-таки свою историю, именно hun + d, рядом с франко-латинским hen — d имеются две латинско-греческие разновидности, именно греч. ken + t — um/om и лат. „cen + t + um“ со значением также „сто“. Это формальное различение их ставится во главу угла двух частей языкового мира индо-

европейцев, стоящих в особой замкнутости от всех остальных языковых систем и групп мира. Между тем, как выяснила современная лингвистика, исходя из диалектической противоположности „многого“, каковым только и служит у индоевропейцев kent — u + m || dent — u + m и „одного“, по отвлечении от позднейшего морфологического придатка om → um, более древний вид ken — t значит „один только“, „нечет“ в массовом низовом языке трудящихся Грузии и др.

При наличии таких тесных связей языков различных (скажу всех) систем языков мира, можно ли предпринять какое-либо дело, входящее в область языкового строительства, без учета истории языка вообще и перспектив его движения к единству? Можно ли строить терминологию без такого подхода, не считаясь с перспективами не только советских, но и зарубежных языков, идущих, как надстройки, к единству вслед за социализмом, у нас уже строящимся, — и везде в конечном счете — к коммунистическому обществу с единым языком? Можно ли строить письмо, вести его далее к унификации, отрывая от только что изложенной суммарно истории, вскрытой и окончательно сложившейся после Октября? Можно ли вести в этих условиях работу и над терминологией, над унификацией письма без диалектического подхода не только к зарубежным конкретным языкам капиталистического мира, но и к многочисленным старым и новым национальным языкам Советского союза с их достижениями и особенностями вообще?

Нет надобности отвечать на это. Отрицательный ответ ясен. Нет надобности также в моем вступительном докладе говорить обо всем этом подробнее, и делать выводы о практических шагах и дальнейшем ходе блестяще оправдавшей себя латинизации, блестящего опыта создания письмен как в самых ответственных, так и в самых отсталых и угнетавшихся до Октября по языку районах. Всесоюзный Центральный комитет нового алфавита при условии тесной связи и учета колоссальной массовой творческой лингвистической работы по всем районам, по всем национальностям Союза, и в об'единении со всеми исследовательскими лингвистическими учреждениями и организациями, при всемерной поддержке работников-специалистов нового учения о языке, входящего органически в марксистскую теорию познания — я высказываю в этом полную уверенность — ВЦК НА славно продолжит и завершит славно начатое грандиозное дело регулирования и повышения строительства и познания той категории надстройки — письма, а следовательно, языка и мышления, какая явилась гранью между животным миром и человечеством.

В результате первого пленума Научного Совета — я уверен — работа пойдет более быстрыми темпами к разрешению первоочередной ныне задачи — к унификации нового алфавита, причем со всей осторожностью, которая присуща этому ответственнейшему делу. Пожелаем всякого успеха и в дальнейшем Всесоюзному центральному комитету нового алфавита. От нового учения о языке, как старейший и слабеющий его представитель, выражаю самые горячие пожелания успешности и плодотворности работы этого первого Пленума. (Аплодисменты).

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД О РАБОТЕ ПРЕЗИДИУМА НАУЧНОГО СОВЕТА

Д. КОРКМАСОВ

Товарищи, за период пятилетнего существования Научного Совета пленум его собирается первый раз. Впервые же самостоятельно отчитывается его президиум, прежде он отчитывался вместе с ВЦК НА перед пленумом последнего. Этот порядок не только противоречил положению о Научном Совете, но не давал возможности развернуться научным вопросам с должной полнотой и не способствовал выявлению лица НС. Поэтому вполне естественно, что члены ВЦК НА на всех его прошлых пленумах настоятельно требовали созыва пленума НС. В данный момент этот созыв тем более своевременен, что в 1932 г. исполнилось пятилетие деятельности ВЦК НА и необходимо подвести итоги работы, чтобы четче и вернее наметить план наших работ в 1-й год 2-й пятилетки. Центр и места не сходились в прошлой деятельности НС лицом к лицу, не обменивались своим опытом, не подытоживали его как руководство к действию. Именно на началах тесного сотрудничества центра и мест и построена повестка нынешнего 1-го пленума. Это определило и включение в повестку дня работы пленума многих содокладов с мест. В этих условиях мой отчетный доклад значительно облегчается и сокращается, тем более, что т. Марр уже дал нам в своем докладе авторитетное освещение методологии письма и языка. К тому же у всех вас на руках имеются материалы, конкретизирующие проделанную работу за отчетный год и планы 1932 и 1933 г. г.

Товарищи, прошлая работа НС составляла часть большой революционной работы ВЦК НА, возглавляющего движение трудящихся Советского Востока за латинизацию письменности, охарактеризованную Лениным как „великая революция на Востоке". Это движение за новый классовый алфавит шло в обстановке упорной классовой борьбы. И в самой работе ВЦК НА и его НС приходилось сталкиваться с проявлением великодержавного шовинизма и местного национализма.

На 1-м этапе этого движения и этой борьбы революционной задачей НС являлось составление новых алфавитов на латинской основе по инициативе и при ближайшем участии мест, в первую очередь тюрко-татарских народов, а затем других народов с отсталой письменностью и многочисленных бесписьменных народов. Таким образом работа НС и ВЦК НА в целом прошла 2 этапа: нового тюрко-татарского алфавита (НТА) и нового алфавита — НА. В связи с созданием алфавитов шла последовательная и непрерывная работа и по унификации их. И здесь дело не обошлось без упорной борьбы, но и она закончилась успешно для НА, как успешно был разрешен и вопрос о заглавных буквах, в конце концов принятых почти во всех алфавитах.

Вместе с вопросом об унификации стали все чаще ставиться вопросы орфографии и терминологии. На огромное значение орфографии для усвоения грамоты широкими массами указывал

еще Энгельс, сказавший об английской орфографии: „Если принять во внимание запутанную английскую буржуазную орфографию, при которой чтение является истинным искусством и может быт постигнуто лишь после долгого изучения, то невежество рабочего класса окажется весьма естественным. Писать вполне умеют лишь немногие, а писать орфографически правильно не умеют многие образованные люди“(Энгельс).

Столь же значительны слова Энгельса в отношении старого арабского алфавита: „Если бы не этот проклятый арабский алфавит, в котором то и дело целые шестерки букв имеют совершенно одинаковый вид и в котором нет гласных, то я бы взялся изучить всю грамотность в течение 48 часов“.

По всем указанным выше вопросам был проведен ряд конференций как Научным Советом, так и местами, но в силу организационных недочетов в работе НС и недостатка квалифицированных сил на местах, результаты этих совещаний оказались недостаточно удовлетворительными, тем более что тюркологический с'езд, состоявшийся до развертывания работы на местах, дал в ряде вопросов неправильные классовые установки.

Недостаточны результаты работы НС по применению латинизированного алфавита в телеграфе, стенографии и подготовке кадров, которая велась, главным образом, на местах. Слабо обстояло также дело с латинизацией письменности среди национальных меньшинств. Некоторые комитеты нацреспублик ликвидировались без ведома ВЦК НА, считая свою задачу исчерпанной переводом письменности на НА основной национальности.

Научный Совет очень много внимания обращал на популяризацию нового алфавита, издавая брошюры, книги и журнал „Революция и письменность“. Вся эта широкая по об'ему работа имела, однако, много недостатков, значительно снижавших ее ценность. Основными причинами этих недостатков была организационная слабость Научного совета, отсутствие в его составе достаточного количества партийных сил, слабость его связи с местами, малая планомерность в работе, отсутствие учета. Второй крупной причиной было недостаточное развитие полиграфбазы.

Учет всех этих недостатков привел к реорганизации Научного совета в 1932 г. В состав его был введен большой процент партийных работников (почти 80%), много националов, ряд молодых научных работников. Был сконструирован научный аппарат с ученым секретарем, научными сотрудниками и общими с ВЦК НА инструкторами. В итоге реконструкции значительно оживилась деятельность Совета. Если за весь истекший период с 1927 г. по 1931 г. Научный совет имел всего 17 заседаний, то за 1932 г. проведено было 32 заседания, заслушано 197 вопросов, а за истекшие месяцы 1933 г. проведено 7 заседаний.

Была введена плановость в работе Научного совета. Утвержденный V Пленумом ВЦК НА план был переработан и разослан местным комитетам. В этом плане главное внимание уделялось созданию новых алфавитов, особенно для нацменьшинств бесписьменных, вопросам уточнения унификации, разработке орфографии и терминологии. Во исполнение намеченного плана Научным советом было сделано следующее:

1) утвержден ряд алфавитов, список которых вы найдете в розданных вам материалах;

2) проведены совещания по дунганской, курдской, греческой, абазинской, китайской письменностям и по узбекской орфографии, о которой здесь будет особый содоклад;

3) организовано 7 научных командировок: 2—в Туркмению и Киргизию, 3—в Азербайджан и Армению и 2—на Дальний Восток;

4) совместно с Комитетом Севера проведены 3 экспедиции к народам Севера; проведена экспедиция к дунганам и подготовлены еще 3 — калмыцкая, греческая и дагестанская, отложенные до 1933 г. по независящим от нас причинам;

5) закончена унификация азербайджанского алфавита;

6) заслушаны доклады о научной работе 9 комитетов нового алфавита: Киргизии, Карачая, Народов Севера, Дагестана, Черкессии, Ингушетии, Северной Осетии, Дальнего Востока и РСФСР;

7) обследованы инструкторами 13 пунктов Северного Кавказа, Туркмении, Узбекистана, Дагестана и специальные научно-исследовательские институты Казани и Ростова;

8) начата разработка единой научной транскрипции языков Союза ССР на базе нового алфавита; работа эта должна быть закончена в 1933 г.;

9) особо крупным достижением можно считать успешное разрешение вопросов, связанных со стенографией, как-то: разработка самой системы унитарной стенографии, расширение курсов стенографии и машинописи для националов, педагогов и практиков, созыв всесоюзного стенографического совещания, издание единого стенографического учебника, отчетов и т. д.;

10) по вопросам технической и полиграфической базы специальным постановлением Совета Национальностей решено обеспечить расширение Казанской фабрики пишущих машин в целях выпуска в 1933 году 3.000 и в 1934 году 10.000 пишущих машин и созвать после пленума совещание представителей полиграфоб'единений и мест для обсуждения всех полиграфических вопросов, касающихся НА.

Таким образом, план 1932 г., рассчитанный V пленумом ВЦК НА почти на 3 года, в основном выполнен в течение 1932 г., благодаря широкому привлечению работников ряда научных учреждений, перечень которых вы найдете в розданных вам материалах.

Но в порядке самокритики нужно указать, что в выполнении части плана много крупных недостатков: в работе недостаточно применялись социалистические методы — ударничество и соревнование; очень мало сделано по обеспечению нового алфавита полиграфбазой; попрежнему не все члены Научного совета использованы в работе на местах; попрежнему остается неналаженной связь с местами, особенно по научным вопросам. ВЦК НА, в целях улучшения этой связи и облегчения постановки всей работы Комитета и Научного совета, постановил оставить под своим непосредственным руководством только союзные комитеты, а по РСФСР — комитеты Дальневосточного края, Бурято-Монголии и народов Севера, передав руководство местными комитетами в пределах союзных республик—центральным коми-

тетам союзных республик, и выяснить вопрос о целесообразности создания научных секций при указанных комитетах, а также при республиканских и краевых для усиления их научной работы. Недостаточной надо признать и работу по реорганизации журнала „Революция и письменность", хотя в этом направлении достигнут решительный перелом в смысле его актуализации и регулярности выхода. Наконец, крупным недочетом является отсутствие в плане НС работы по подготовке научных кадров, нехватка которых сказывается и будет в дальнейшем резко сказываться на местах.

На устранение этих недостатков и в первую очередь на широкое развертывание полиграфбазы должно быть обращено особое внимание в работе НС на 1933 г., который безусловно должен стать новой знаменательной ступенью в истории движения НА.

На прошлой стадии, в течение первой пятилетки, ведущими вопросами являлись в основном вопросы создания алфавитов. Основное требование, пред'являемое нам в этот период, было — обеспечить элементарное обучение масс, ликвидацию неграмотности масс. Задача эта в основном выполнена, как первой культурной пятилеткой, так и НА. Но еще в 1921 году Ленин указал, что „недостаточно неграмотность ликвидировать, нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры".

Вот об этом громадном повышении культуры мы и должны особенно заботиться, над этой задачей нам надо упорно работать, в особенности с вступлением в первый год второй пятилетки. Лозунги борьбы за качество, борьбы за освоение новых предприятий, новой техники, выдвинутые январским пленумом в дополнение к лозунгам борьбы за строительство, должны стать и лозунгами нашей работы. Наряду с дальнейшим усовершенствованием алфавитов и созданием новых, работой по освоению их, по дальнейшей унификации, мы должны развернуть широкую разработку орфографии, терминологии и литературного языка, чтобы быть в силах достичь того громадного повышения культуры, которого требует социалистическое строительство второй пятилетки. А это вводит нас в область громадной творческой работы, поскольку новый базис требует новой культурной надстройки, нового языка и письма.

Это вызывает необходимость известной перестройки нашей организации. Новый проект положения о Научном Совете будет предложен на ваше обсуждение и утверждение. Вместе с тем для успешного выполнения плана 1933г. нам нужно не только расширить и укрепить наши связи с работниками научных учреждений, но и вовлечь в работу комитетов НА, как в центре, так и на местах, писательские силы Союза ССР, связавшись для этой цели с союзом советских писателей, поскольку без непосредственного участия писателей не может быть разрешен ряд крупнейших задач данной области, как выбор наиболее значимых диалектов, долженствующих лечь в основу литературного языка.

Таковы основные установки, определяющие план 1933 г., представляемый на ваше обсуждение. Этот план включает изучение

марксизма, ленинизма по вопросом о языке и письме, вопросы содействия местам в обработке алфавитов на основе НА и литературных языков для отдельных народов: вопросы унификации, вопросы языковой культуры, научно-исследовательские экспедиции, вопросы применения НА в технике, вопросы разработки унификации, систем стенографии, издательскую работу, популяризацию нового алфавита, пленумы, конференции, совещания, заслушание отчетов о научной работе и планов местных комитетов, составление плана Научного Совета на 1934 г., выработку плана второй пятилетки, установление связи с писательскими об'единениями. К этому надо добавить еще пропущенные два вопроса — об участии нового алфавита в заграничных советских выставках и содействие киноорганизациям в создании кинофильм о достижениях нового алфавита.

Товарищи, мы должны с собой тщательностью проработать план НС на 1933 г., тесно связанный с задачами общего хозяйственно-культурного плана СССР на 1933 год. Это программа действий, включенных в рамки строгой плановости. Нам предстоит огромная борьба за качество продукции, за освоение всего уже достигнутого, за партийность в науке, за изживание отставания нашей теории от практики социалистического строительства, борьба за генеральную линию партии под руководством ленинского ЦК и вождя партии и мирового пролетариата т. Сталина (аплодисменты).

О РАБОТЕ КОМИТЕТА НА СЕВЕРА

КОШКИН

На пленуме Научного совета впервые в истории латинизации ставится сообщение о письменности народов Севера. Как известно, одним из самых отсталых участков национального строительства является Север. Север занимает приблизительно 40% территории СССР, но вместе с тем он имеет исключительно малое число населения. Но число самих народов довольно значительное; так называемых малых народов Севера в наших пределах насчитывается 26.

До Октябрьской революции никакой письменности у этих народов не было. Все те попытки, которые были предприняты миссионерами в Казани, в казанском православном обществе, никакого реального результата не давали, и к Октябрьской революции все 26 народностей Крайнего Севера пришли неграмотными. Характерно отметить такой факт, что до 1917 г. среди народов Севера не было ни одного человека со средним образованием, не говоря уж о высшем образовании. Такое печальное наследие получила советская страна от царизма.

В значительной степени делу культурного строительства среди народов Севера помогло то, что правительством были организованы специальные мероприятия по поднятию культурно-экономического уровня этих отсталых народов через Комитет Севера и др., и в итоге был создан специальный институт На-

родов Севера, на базе бывшего северного факультета Ленинградского Восточного Ин-та. Вокруг Научно-исследовательской ассоциации этого Ин-та и сконцентрировались все те силы, которые практически и теоретически занимались изучением вопросов народов Севера. Начиная с 1930 г. работа по созданию письменности, по изучению языков народов Севера дала уже значительные результаты. Уже в декабре 1930 г. научно-исследовательская ассоциация Ин-та народов Севера представила в ВЦК НА проекты алфавитов для 14 народов.

Прежде, чем перейти к анализу письменности отдельных народов Севера, коснусь одной сложной проблемы, которую нам пришлось разрешить прежде всего. Перед нами встал вопрос—нужно ли создавать письменности для всех 26 народностей Севера, или создать ее для меньшего числа, и по какому принципу подойти к отбору первоочередных народностей.

Здесь нам в значительной степени помогло учение Маркса и Ленина о племени и диалекте. Мы с самого начала не смешивали две несомненно различных категории в исторической плоскости: язык и диалект. Маркс и Энгельс рассматривают диалект как язык племени, а язык—как язык народа; лишь в дальнейшем, когда народы переходят в нацию—образуются национальные языки. То обстоятельство, что мы не смешивали исторически совершенно различные категории—диалект и язык—помогло нам отобрать то, на основе чего действительно нужно создавать письменность. Создавая письменность, мы исходили из того, чтобы эта письменность и создаваемые литературные языки обслуживали будущую нацию, или национальности,которые консолидируются в настоящее время в северных условиях. Следовательно, отводя все племенные диалекты, которые не имеют дальнейших перспектив своего развития, как язык самостоятельного народа, а несомненно консолидируются вместе с остальными племенами в один крупный народ,—это мы учитывали, из этого исходили. Я проиллюстрирую конкретным примером: среди тунгусов имеется три значительных диалекта: собственно тунгусский, негедельский и солонский. Если исходить из того, что из каждого диалекта должен развиваться национальный литературный язык, то для тунгусов мы должны создать три национальных языка. Но считаясь с тем обстоятельством, что несомненно все эти племена, благодаря нашей национальной политике, благодаря созданию национальных округов на Севере, консолидируются вокруг определенных центров, об'единяются и культурно, и политически, и экономически,—мы и выработали для таких, находящихся в процессе консолидации, народов один национальный литературный язык и один алфавит соответственно этому. Вот это чрезвычайно важное обстоятельство, которое надо учесть не только в северных условиях, а возможно даже в условиях Кавказа, где племенные отношения народов еще более запутаны, чем на Севере. Наша работа в значительной мере помогла и правительству в отношении национального районирования Севера. Кроме того, наш принцип помог нам довольно быстро нащупать те основные пути, по которым национальные языки должны развиваться и установить их число.

Таким образом, Научно-исследовательская Ассоциация Ин-та Народов Севера пришла к заключению, что на Севере в настоящее время имеется 16 народностей, для которых мы должны развернуть письменность на родном языке. Я могу перечислить эти народности. Если взять Север, то это будут языки—лопарский, самоедский, вогульский, остякский, остякско-самоедский, тунгусский, удейский, ламутский и ряд так называемых палеазиатских—чукотский, корякский, камчадальский, кетский—целая серия языков, которые получили свою письменность.

В деле создания письменности народов Севера были определенные затруднения политического порядка и здесь приходилось вести развернутую борьбу на основе марксистско-ленинского понимания национального вопроса и роли родного языка.

С одной стороны, были выступления великодержавного порядка: говорилось—поскольку эти народы чрезвычайно отсталые, у них в огромной степени существуют пережитки патриархально-родового строя, поскольку они живут далеко от промышленных центров и малочисленны, вряд ли целесообразно создавать для них письменность. В лучшем случае, говорили великодержавники, надо научить учителя разговаривать по-тунгусски или по-самоедски с тем, чтобы скорее научить самоеда или тунгуса русскому языку. Такие великодержавные установки имели место в целом ряде наших северных областей и краев. С другой стороны были чрезвычайно сильны местно-шовинистические устремления. Поскольку народы Севера живут чересполосно с коми (зырянами), с якутами, бурятами и т. д. и поскольку среди народов Севера замечается определенная ассимиляция, то некоторые товарищи ставили вопрос о том, целесообразно-ли создавать письменность на родном языке. Вместе с тем они возражали против письменности для этих народов на русском языке, а считали, что например нужна зырянская письменность для самоедов и якутская для тунгусов.

Работа по созданию письменности проходила в непримиримой борьбе с этими уклонами от ленинских установок нац. политики, и мы из этой борьбы вышли с большой победой.

Проект алфавита для северных народов был представлен во ВЦК НА в декабре 1930 г. и был утвержден с теми дополнениями, которые вызываются особенностями фонетического состава языков Севера. Дело в том, что в языках народов Севера огромное распространение имеет палатализация согласных звуков и. долгота гласных звуков. Так как эти моменты совершенно не были учтены в новом алфавите, который строился на основе тюркских языков, то подходя к созданию северного алфавита, мы вынуждены были разрешать и эти вопросы; мы представили в Научный Совет по этому вопросу проект о способах обозначения долгот. Был ряд совещаний, но в конце-концов ничего нельзя было придумать лучшего, как обозначать палатализацию подстрочными знаками, иначе пришлось бы создавать такое количество лигатур и подстрочных букв, что алфавитом нельзя было бы пользоваться.

Для подведения итогов предварительной работы, которая была проделана по изучению и созданию письменности народов Севера, в январе 1932 г. в Ленинграде была созвана кон-

ференция, посвященная вопросам письменности народов Севера.

Конференция наметила целый ряд конкретных мероприятий. В частности конференция постановила создать специальный комитет НА для народов Севера.

Исходя из пожелания конференции и наличия большой специфичности этой работы, ВЦК НА также принял решение о создании специального комитета нового алфавита народов Севера. Это постановление было подтверждено решением ВЦИК от 1 августа 1932 г.

Какие же достижения имеются в работе комитета НА нар. Севера?

Для того, чтобы выявить целый ряд чрезвычайно сложных вопросов, связанных с созданием письменности, пришлось организовать научные экспедиции. Мы развернули в 1931/32 г. серию экспедиций для уточнения особенностей отдельных лопарских и остякских диалектов.

Второй момент в нашей работе—о чем мы говорим с гордостью, связан с нашей научной работой по издательству. Мы имели честь рапортовать ЦК нашей партии к Октябрьской годовщине, что за срок немного больше года создана первоначальная письменность на всех языках, которые я раньше перечислил. Сейчас нет народа Севера, который бы не имел книжки на своем языке. О том, какое огромное политическое и экономическое значение это имеет,—нет нужды распространяться. Нужно сказать, что чрезвычайно помогло изданию всей этой огромной литературы на языках Севера постановление ЦК, которое состоялось в начале 1932 г. о реорганизации издательского дела, о создании в каждом типизированном издательстве своего национального сектора. Ленинградские издательства целиком переключились на обслуживание народов Севера. Таким образом, национальный сектор Партиздата, Учгиза и др. издали массовую, партийную и учебную книгу на родном языке народов Севера. Это постановление ЦК поставило развитие письменности на совершенно твердые рельсы.

Каковы наши основные задачи и какие основные затруднения встречаются в нашей работе и, в частности в научной работе?

Основная задача заключается в том, чтобы в течение этого года перевести на родной язык начальные школы главной массы народов Севера. Эта задача уже близится к осуществлению у тунгусов и ненцев и более крупных народов Севера. Так как ликвидация неграмотности должна закончиться на Севере к 1935 г.,—мы должны до 1934 г., во исполнение постановления правительства и Комитета Севера, обслужить все эти отсталые народы литературой. Хотя эта работа чрезвычайно трудна и надо делать ее исключительно быстрыми темпами, но проделанная нами работа дает нам право надеяться, что дело будет доведено успешно до конца, и мы сумеем показать блестящие достижения нашей советской национальной политики в самом отсталом уголке нашей страны.

Остальные теоретические вопросы, которые возникают в процессе нашей работы и которые, несомненно, интересны, касаются главным образом вопросов терминологии. И здесь на

опыте изучения терминологии народов Севера выяснилась вся вздорность тех великодержавных установок, которые говорят о бедности языка так называемых „первобытных“ народов.

Нужно сказать, что в основе языковых материалов Севера целый ряд терминологических вопросов получают свое характерное освещение и могут быть использованы как материалы для терминологического строительства среди других народов нашего Советского союза.

Подводя итоги тому, что я здесь изложил, должен указать, что благодаря правильной национальной политике, благодаря вниманию нашего ЦК и советских организаций, на Севере удалось сделать в эти два года—если считать с самого начала—то, что царизму не удалось сделать за свое господство на Крайнем Севере в течение многих сотен лет и чего он не смог бы сделать, если бы просуществовал еще тысячу лет.

Наша советская система и ее национальная политика обеспечивает огромный рост культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Наша работа служит предметом большого удивления иностранцев. Иногда приезжают посмотреть наших самоедов, чукчей и др. ученые из Америки и спрашивают: „Как это можно создать письменность на 16 языках за 2 года; как можно было добиться того, что бывший дикарь пастух, оленевод, закончив среднее или высшее образование, стал председателем исполкома или секретарем райкома партии, руководит районом или округом, произносит большие политические речи на собраниях?“

О РАБОТЕ КОМИТЕТА НА ТАТАРИИ

СЕЙФИ

При государственном Комитете нового алфавита Татарской республики нет научного совета. Все научные мероприятия нами проводятся через научно-исследовательские учреждения, как-то: Институт культурного строительства, Институт марксизма-ленинизма и через специальную кафедру языка и литературы Педагогического института.

В плане нашей научной работы мы провели следующие мероприятия:

Первое из них—унификация. К унификации мы примкнули с самого начала на основе решений пленума ВЦК НА в Баку. Правда, на последующих пленумах возражения мы встречали против нескольких знаков и звуков, которые якобы не соответствуют общим принципам унификации. Но за последнее время, согласно постановлений V пленума, мы приняли два знака Е и О. Как известно, в тюркском языке нет некоторых звуков, какие имеются в русском языке и также в языках некоторых других тюркских народностей.

Вместо этих звуков у нас имеется более твердое „е“ в словах: „kilde“, „ber“, но эти специфические татарские звуки не могли и не могут быть годными для передачи международных слов. Например, „техника“, „Ленин“, „тенденция“ и др., поэтому мы вынуждены были принять указанные выше знаки унифицированного алфавита.

До принятия звука „е“ например слово „тенденция“, мы писали „тнденция“, а читали как „тинденция“; также обетояло дело и в отношении буквы „о“.

Употреблять в международных словах то „о“, которое мы употребляем в слове „orlоq“, мы не можем, нам нужен был особый знак. Мы прежде писали „каммуна“, „савет“ и должны были читать иначе. Теперь, приняв новый звук „о“, мы этим добились положительных результатов. Конечно еще большим достижением было бы, если б мы проблему „е“ и „о“ разрешили, не прибавляя новых знаков к существующему алфавиту.

Поэтому возник вопрос о татарском звуке „э“ и международном „е“; после долгих споров мы этот вопрос разрешили. Товарищи вероятно помнят, что я докладывал на V пленуме об этих знаках: было решено татарское „е“ принять с точкой. Но принятие нового знака внесло бы технические затруднения, поэтому мы пришли к решению обойтись одним знаком и для татарского и для международного „е“. Таким образом, у нас в алфавите не прибавляется новых знаков, и для иностранных, и интернациональных слов существует один знак; не осложняется таким образом и техника.

Другой спорный момент касается орфографии.

Тот же татарский звук „э“ в первом слоге, скажем в многосложных словах мы опускаем, а в односложных, например „ber“, пишем. В иностранных же словах у нас получаются затруднения. Если в слове „тенденция“ опустить в первом слоге гласный получится „тнденция“. Поэтому мы приняли решение включить в орфографические правила еще одно правило: во всех международных словах звук „э“ писать, а в чисто татарских словах его опускать. Конечно, это слишком условно, но другого выхода не было.

О терминологии. Сейчас об этом не буду говорить подробно, так как в повестке Пленума есть специальный вопрос. Вопросами терминологии у нас занимается Институт культурного строительства, где работает специальная терминологическая комиссия. Этой комиссии удалось примерно с 1920 г. собрать около 15 тыс. терминов. По некоторым дисциплинам, как например биологии, естествознанию, терминологические словари уже изданы. Другие же переданы двум комиссиям, работающим по переводу шеститомника Ленина и сочинений Сталина. Принятые этими комиссиями термины будут представлены на обсуждение масс.

Но самое важное мероприятие это то, что в Институте культурного строительства разрабатываются словари. У нас есть орфографический словарь. Он уже издан; теперь, с принятием двух новых знаков, придется соответствующие изменения в него внести. Затем нами разрабатывается толковый словарь, связанный с переходом на новый алфавит. Раньше у нас уже имелись некоторые части толкового словаря, теперь же создана специальная комиссия для составления этого словаря полностью. В скором времени выйдет первый том этого словаря.

Начата работа по составлению энциклопедического словаря. Кроме того у нас существуют уже телеграфные знаки. Нашим комитетом разработано применение системы Морзе и по ней

Казань уже связывается с районами. Кроме того, разработан унифицированный алфавит для слепых, которым уже пользуются школы слепых. Нельзя не отметить также огромной работы в области стенографии, машинописи, что мы по праву должны включить в достижения Комитета НА.

Самым серьезным вопросом для нас является вопрос об издании литературы, выходящей под маркой нового алфавита. В текущем году предполагается издать около 300 печ. листов (по ориентировочному плану).

Причем, учитывая большой рецидив неграмотности, отсутствие у малограмотных навыков к беглому чтению, мы пришли к заключению, что для ликвидировавших неграмотность по новому алфавиту необходимо издавать маленькие брошюрки, брошюрки художественной татарской литературы, идеологически выдержанные, с крупным шрифтом, на хорошей бумаге. У нас уже есть около 20 брошюр для такого издания. Мне кажется, что не будет лишним предложить наш опыт остальным республикам: такое мероприятие (мы в этом убедились) безусловно усиливает ликвидацию неграмотности на новом алфавите.

Кроме того, мы издаем книги по вопросам техники НА, его истории, по вопросу о шрифте НА, об орфографии, языке и т. д.

Последнее сообщение. В течение 3 месяцев мы проверили рабочих, колхозников, студентов и служащих с точки зрения того, как они восприняли НА, как они пользуются им в своей обыденной жизни, не является ли ликвидация неграмотности для них простой проформой. Для этой цели мы выбрали 6 предприятий в Казани и проверяли каждого, начиная от директора и кончая сторожем. Для этой цели специальная научно-методическая комиссия разработала анкету. Вопросы были такого порядка: стаж рабочего в предприятии, квалификация, народность, где учился и как учился новому алфавиту—в порядке ликбеза или самостоятельно,—пользуется ли в личной жизни новым алфавитом, читает ли газеты, книги на НА, какая книга была прочитана за последнее время, каковы недостатки нового алфавита и т. п. Для проведения обследования мы создали около 40 бригад. Каждая бригада работала около 2 месяцев. В результате мы получили очень интересные выводы.

Из обследованных 1922 человек, грамотных оказалось 31%, малограмотных 28,5%; причем, грамотным считается тот, кто в минуту прочитывал 500 знаков и при письме делал не больше 10—15% ошибок. К малограмотным относили тех, кто прочитывал 200 знаков в минуту, а при письме делал до 20% ошибок.

Всех же остальных, давших более низкие показатели, относили к неграмотным. Победа НА совершенно ясна; мы намного увеличили количество грамотных на новом алфавите по сравнению с количеством грамотных на арабском алфавите. Обследование также ярко подчеркивает и то, что читающие 500 знаков нового алфавита в минуту,—это по преимуществу ударники и квалифицированные работники, те же, которые читают только около 200 знаков, они отстают в работе, производительность труда у них меньше.

Вот почему мы считаем важнейшим делом Комитета НА Татарии—концентрировать главные силы и внимание на том, чтобы скорее научить широкие массы быстро читать и правильно писать. Комитету предстоит впредь еще больше усилить работу по созданию добровольных кружков при колхозах, предприятиях и учреждениях для организации и проведения громких читок. Необходимо добиться от каждого рабочего и колхозника, чтобы он в течение короткого срока ликвидировал свою неграмотность и малограмотность на НА.

ПРЕНИЯ

ГАДЖИБЕКОВ (Дагестан). Созыв первого пленума Научного Совета ВЦК НА является для нас очень ценным. На всех пленумах ВЦК НА подчеркивалась необходимость созыва пленума НС.

В своем выступлении прежде всего я хотел бы дать справку по вопросу о татском, т. е. горском еврейском алфавите.

Татский алфавит разработан в Дагестане в 1928 году. Татский язык считается одним из основных языков Дагестана. Другая справка. В отчете сказано, что состоялась конференция по унификации горского алфавита в Дагестане. Выходит так, как будто эти народности до латинизации не имели унифицированного латинского алфавита, как это имеет место частично на Северном Кавказе и др. республиках.

Между тем дагестанцы первые из нетюркских народностей присоединились к унифицированному алфавиту, разработанному в начале 1928 года и уже в 1931 году алфавиты Дагестана почти на 90% были унифицированы с общесоюзным НА.

В отчете сказано, что Научный Совет частично занимался разработкой отдельных национальных грамматик, орфографий, словарей. Действительно, Научный Совет принимал участие в местных орфографических конференциях, в частности в Дагестане. Но между первым и вторым пленумом была разработана азербайджанская грамматика и словарь, а между вторым и третьим пленумом была разработана кумыкская грамматика. Я ставлю вопрос: по плану ли Научного Совета это было разработано? Мне известно, что азербайджанская грамматика и словарь разработаны по указанию директивных организаций Азербайджана соответствующими научно-исследовательскими организациями этой республики. То же самое — в отношении кумыкской грамматики.

Относительно связи с местами. Вы говорите, что места не отвечают, только от 5 мест получены ответы на запрос о плане Научного Совета ВЦК НА, и будто бы ответ Дагестана отсутствует. Это неверно, мы своевременно послали наши замечания. Таким образом ряд работ, включенных в отчет НС ВЦК НА, проведен местами; в изложении отчета имеется ряд неточностей, что показывает, что Научный Совет и отдельные работники его не всегда в курсе того, что делается местами.

Об этом говорит случай и с табасаранским алфавитом. Наш Научно-исследовательский Институт по директиве местной пар-

тийной организации от 1930 г. разработал в 1931 г. табасаранский алфавит и представил Научному Совету. НС дал поручение подработать этот вопрос т. т. Жиркову и Яковлеву. После этого прошло много времени и недавно мы получаем телеграмму: „Выезжайте по вопросу табасаранского алфавита". Мы были в недоумении. Потом выяснилось, что Научный Совет действительно не знал, что такой алфавит благополучно существует и служит делу культурной революции (С места: „Коверкаете факты").

В связи с этим возникает один принципиальный вопрос. Сейчас во всех республиках идет громадная работа по языковому строительству. И на местах далеко не благополучно на этом фронте, в частности в идеологическом отношении из-за того, что там нет достаточно марксистско-ленински подготовленных кадров. Некоторые республики только еще к этой работе приступают. Некоторые народности, раньше не имевшие письменности, никакого культурного наследия не имеют, у них нет культурных сил. Они требуют соответствующего научного руководства и такое руководство должен дать нам Научный Совет ВЦК НА. Между тем, до сих пор не определено — какую научную работу должны вести местные Комитеты и что должны делать в этой области Научно-исследовательские Институты и Научный Совет.

Надо на первом пленуме НС твердо определить функции Научного Совета и распределить работу между Научным Советом и местными комитетами. Я должен сказать, что по части руководства Научный Совет отстает. То, что т. Сталин сказал на конференции аграрников-марксистов об отставании теории от практических задач, полностью касается Научного Совета ВЦК НА. Товарищи, укажите хоть один случай, чтобы Научный Совет, куда входят представители ряда научных институтов, по своей инициативе выдвинул какой-нибудь большой вопрос и разрешил его самостоятельно. До сих пор не добились такого положения, чтобы Научный Совет и его научные работники знали то, что делается на местах, знали потребности мест, приходя им на помощь, руководя ими, опережая своей инициативой местные организации.

Я заостряю этот вопрос перед Пленумом НС в порядке самокритики, чтобы исправить наши общие недостатки.

Дальше — о наших задачах. На предыдущих пленумах ВЦК НА мы говорили о разработке научной транскрипции, на основе унификации нового алфавита. До сих пор эта директива Научным Советом не выполнена. А практическая надобность такой транскрипции совершенно бесспорна. Мы сейчас хотим на местах собрать материал по диалектологии, составить словарь диалектов, но, не имея такой транскрипции, невозможно давать фонетические обозначения.

Я хочу коснуться одного местного дагестанского вопроса. В Дагестане очень много языков. Из 30 коренных дагестанских языков в настоящее время 8—9 языков имеют письменность, а 21 народность до сих пор письменности на своем родном языке не имеет. В школьной и культурно-просветительной работе они пользуются другими языками. По численности самые мелкие из них едва достигают 150 чел., а наиболее многочисленные

имеют до 22 тыс. чел. Если сравнить Дагестан с Севером в языковом отношении, то северные языки более изучены, нежели дагестанские. Там например, есть хайтагцы 22 тыс. чел. Некоторые утверждают, что у них говор даргинского языка. До сих пор научно-обоснованных данных по этому вопросу не имеем. Или взять хотя бы ауховцев. Некоторые говорят, что у них диалект чеченского языка, другие считают, что это особый язык. До сих пор этот вопрос не обследован, а у нас есть целый ряд таких языков. Дагестану предстоит большая работа по изучению этих языков, по созданию письменности для них. У нас есть четкая директива местной партийной организации о разработке письменности для всех языков Дагестана. Конечно, в один год для всех 21 народностей мы многого не сделаем. В этом году мы начнем только первоочередные экспедиции. В андо-дидойской группе мы выбираем два языка: андийский и дидойский Мы также хотим обследовать язык ауховского населения, в частности изучим, насколько литература, издаваемая в Чеченской области, понятна для ауховцев. Также ставится вопрос в отношении кайтагцев. Мы предполагаем организовать экспедицию к агульцам, рутульцам и совместную с Азербайджаном экспедицию к цахурцам, большинство которых живет на территории Аз. ССР, в Дагестане же их около 4 тыс.

Мы эти экспедиции включили в план работы нашего научно-исследовательского института и Комитета НА. Вы знаете, что у нас в Дагестане квалифицированных сил не так много. Вы знаете, что Дагестан в материальном отношении не богат, материальных ресурсов у него нехватает. Мы уже ставили на президиуме Научного Совета вопрос об организации экспедиции. Есть решение Президиума о научном и финансовом участии ВЦК НА в этих экспедициях. Мы просили бы подтвердить это решение Научного Совета. Экспедиции имеют большое значение. Необходимо в эту работу вовлечь не только Научный Совет, но и Академию Наук, а также и наши братские научно-исследовательские институты: краевой Горский НИИ, Чеченский, Ингушский и Азербайджанский научно исследовательские институты.

ПАРАСКЕВОПУЛО (КУНМЗ). Всесоюзный центральный комитет Нового алфавита своей деятельностью охватывает все большее количество новых народностей. В прошлом году он взял на себя задачу разрешить проблему литературного языка трудящихся греков СССР. Это имеет огромное значение для греков и вызовет большое удовлетворение со стороны всех трудящихся. Научный Совет в прошлом году проделал большую работу по указанному мною вопросу. Было созвано специальное совещание. Была подготовлена экспедиция на места. Но нужно сказать, что вопрос до сих пор остается не разрешенным. Тов. Коркмасов в докладе говорил, что вопрос не решен в силу обстоятельств, независящих от Научного Совета. Это верно только отчасти, так как мотив, который приводил т. Коркмасов, что не было достаточно авторитетного руководителя для экспедиции, являющейся первым серьезным шагом к разрешению вопроса, не есть оправдание. Нужно было такого руководителя найти,

(Голос: „просили вас"). За это время на местах опять создался тот же разнобой, что и раньше. Абхазия начала издавать новую газету „Конинос капнас" на литературном языке димотики. Эта газета за короткое время довела свой тираж до 7 тыс. экз. в то время, как газета „Коммунистис", которая издается на понтийском диалекте, свой тираж уменьшила до 1.000 экз. Это показывает настроение масс. Но в то же время „Коммунистис" руководит единственным греческим издательством в СССР, следовательно вся литература этого издательства выходит на понтийском диалекте. Литература эта очень плохо читается, она не доходит до читателей, а вопрос о литературном языке висит в воздухе.

Считаю нужным указать, что в этом году учебники для школ изданы на димотике, несмотря на то, что издательство, согласно постановлению совещания ВЦК НА, утвержденному соответствующими директивными органами, должно было издавать на местных диалектах. Это указывает на то, что товарищи понтикисты не решились издавать на этом языке.

Товарищи, вы знаете, что от 12 февраля мы имеем постановление ЦК об учебниках для начальной и средней школы. ЦК прямо говорит, что необходимо обеспечить издание стабильных учебников, рассчитанных на применение их в течение ряда лет. Мы не в состоянии выполнить этого постановления, пока не разрешен вопрос о литературном языке.

Мы должны в кратчайший срок разрешить этот вопрос. Пленум в своем решении должен поручить Научному Совету усконенно разрешить вопрос о литературном языке для греков.

ИЛЛАРИОНОВ (Средняя Волга). В результате правильного проведения ленинской национальной политики мы в нашем Союзе имеем громадные успехи на фронте культурной революции, в частности, в деле внедрения нового латинизированного алфавита.

Имеются большие успехи и среди нацменьшинств, не входящих в состав автономных об'единений. В Средне-Волжском крае татарское и башкирское население, среди которого проводится латинизация, составляет свыше 500 тыс. На данные период грамотность этих национальностей на новом алфавите достигает в отдельных районах до 70%, а в отсталых районах—42—45%.

Нужно сказать, что если в 1930—31 г. латинизация у нас проводилась развернутым фронтом, то уже к началу 1932 г. работа почти захирела. Проявилось оппортунистическое благодушие, положились на самотек и даже комитет нового алфавита самоликвидировался. Это очень повлияло на ход культурной революции среди татар, башкир и казаков нашего края. Если посмотреть, как протекает работа в данный момент, то нужно сказать, что интенсивной работы еще нет, нет необходимого охвата, нет нужных темпов. Но тем не менее работа за последние месяцы 1932 г. значительно оживилась. Мы провели смотр всей работы по латинизации. Смотр, об'явленный от имени крайисполкома, способствовал широкому развертыванию массовой работы по внедрению нового алфавита. В ходе смотра мы проверили, примерно, до 3 тыс. чел., взяли учебные заведения—

подтехникумы, татарский агро-педагогический институт, взяли семилетку, школу первой ступени, колхозный актив и партийные кадры. Оказалось, что у нас колхозный актив грамотнее, чем партийный актив на селе. Это очень показательное и тревожное явление, если партийный и советский актив, являющийся руководителем на селе, проводящий директивы нашей партии во всех хозяйственно-политических кампаниях, мало читает, мало пользуется литературой, написанной на родном языке, на новом алфавите.

Как это ни странно, не особенно благополучно обстоит дело и в учебных заведениях. Мы проверили три педагогических техникума по составу исключительно татарских и оказалось, что среди студентов вполне грамотных, хорошо владеющих техникой чтения и письма на новом алфавите, оказалось немного. В одном педагогическом техникуме из 82 студентов таковых оказалось лишь 45%. Это большой минус. Мы ведь выпускаем учителей школ первой ступени, а они выходят малограмотными на новом алфавите. Это положение нас обязывает серьезно подтянуться, лучше поставить работу, больше мобилизовать массы.

В результате смотра мы смогли учесть отдельные прорывы и выявить на опыте мест лучшие пути ликвидации недочетов нашей работы. Мы продлили смотр до 1 мая. Весь край разбит на 9 кустов, на каждый куст послан ответственный представитель от краевых организаций, всюду проведены специальные совещания и конференции для того, чтобы вовлечь в дело латинизации все местные партийные, советские и профессиональные организации и широкие массы культармейцев, поднять эту работу на должную принципиальную высоту, придать ей большой размах.

Должен сказать, что местным комитетам Нового алфавита приходится работать ощупью. Мы до сих пор не знаем, существует ли для комитетов НА определенная конституция или хотя бы положение. Есть старое положение, которое существовало еще в самом начале внедрения нового алфавита. Тогда организовывались всевозможные комитеты содействия. Теперь все это устарело. И вот мы не знаем, где и как организовать комитеты. У нас имеется краевой комитет нового алфавита,— нужны ли районные комитеты? Вот этот вопрос возник перед Ср.-Волжским Комитетом в процессе работы.

Кроме того, мы не знаем, нужно ли организовывать комитеты там, где татарское и башкирское население составляет 5 или 10 тыс.? Мы первоначально разработали проект организовать комитеты во всех смешанных национальных районах с населением не менее 10 тыс. Но в процессе работы оказалось, что этого недостаточно: нужно организовать и в тех районах, где имеется 2 тыс. или даже полторы тысячи нацмен. населения. Теперь мы имеем комитеты во всех районах, где есть население, пользующееся НА. Мы решили и на селе организовать ячейки содействия. В эти ячейки содействия входят представители сельсоветов, комсомольских организаций, профсоюзов, колхозов и ОДН. Мне кажется здесь, на этом авторитетном пленуме, нам нужно поставить вопрос о необходимости издания специального

положения для комитетов как для краевых, областных, так возможно и для районных. Сейчас мы занимаемся местным творчеством, разрабатывая специальное положение для районных комитетов, сельских ячеек и т. д.

В практике мест мы встречаемся еще с такими трудностями. В этом году мы почти полностью ликвидируем неграмотность: охватили большой процент населения обучением на новом алфавите. Но перед нами встала проблема: что должен делать человек, окончивший ликбез. Газету он читать еще не может, это трудно; серьезную литературу он читать тоже не может, а такой литературы, которая легко усваивалась бы малограмотными, мы не имеем. В результате, окончивший год тому назад ликбез, через полтора—два года забывает грамоту и его надо заново учить. Это нам приносит большой ущерб. На эту сторону в дальнейшем следует обратить серьезное внимание. В автономных республиках и областях, где имеются свои нац. издательства, которые сами издают учебники, а также массовую литературу, выйти из затруднения легко. Но недопустимо плохо среди нацменьшинств, которые не имеют своей полиграфической базы. Мы пользуемся, например, литературой для татар из Татарской республики, для башкир из Башкирской республики и т. д. Учпедгиз, Татгиз, Башгиз по плану ОГИЗ'а в центре обязаны нас снабжать; но свой план этого года они не выполнили. Наши школы первой ступени в этом году были обеспечены учебниками только на 25%. Что же касается ликбезовской работы, то для нее мы почти ничего не имеем. В дальнейшей работе НС надлежит на этот вопрос обратить сугубое внимание; без помощи центра нам очень трудно работать.

ЛОЯ (Редакция иностранных словарей). Мне, как работнику редакции иностранных словарей, хочется подчеркнуть на первом Всесоюзном пленуме Научного Совета всю громадную важность НА.

В глаза бросается глубокая жизненность проведения латинизации по этой системе, по системе НА. В своем сегодняшнем докладе акад. Марр говорил о „диалектике письма", говорил о необходимости увязки письменности с языком.

Система НА удовлетворяет самым строгим требованиям. Особенно наглядно это видно, если сравнить успехи этой системы с попытками проведения других систем. Можно указать на одну из таких попыток создать специальный национальный алфавит, обставленный научными данными, и тем не менее все-таки не выдержавший требований „диалектики письма" — увязки письма с языком,—это провалившийся на опыте абхазский аналитический алфавит.

Редакция иностранных словарей существует с 1928 года. Тогда мы в качестве первого опыта издали Несслеровский немецко-русский словарь. В этом году мы уже приступаем к изданию национальных словарей.

У нас в производстве находится аварско-русский словарь-коми-русский, киргизско-русский, имеется в виду русско-баш, кирский словарь и ряд других словарей. Кроме того, мы предполагаем воспользоваться идеей Рейха о многоязычных словарях.

В первую очередь предполагается издать русско-дагестанский словарь, где русское слово будет переведено на 5 основных литературных языках Дагестана, и русско-северный словарь, где русское слово будет переведено на 4 языка народов Севера.

При создании всех национальных словарей (как двуязычных, так и многоязычных), мы должны будем поддерживать самые тесные отношения с ВЦК НА.

ЯКОВЛЕВ (Научный Совет ВЦК НА). Доклады с мест показали, насколько работа на местах и в частности научно-исследовательская работа сейчас окрепла по сравнению с тем, что мы имели в начале латинизации.

Особо следует отметить доклад тов. Кошкина. Он показал, как умело организованная научная работа может совершать чудеса в смысле поднятия культурного уровня самых отсталых национальностей. Недаром достижения Северного комитета так удивляли иностранцев. Такие успехи возможны только в условиях пролетарского социалистического государства, неуклонно проводящего ленинскую линию в национальном вопросе, когда партией и советской властью обращено специальное внимание не только на дело культурной помощи народам Севера, но в первую очередь экономической помощи.

По работе среди народов Севера мы имеем специальный Комитет Севера, который заботится о всестороннем улучшении положения этих народов и имеем специальный институт, который, готовя кадры, проводит большую научно исследовательскую работу по вопросам языка среди северных народностей. Этот институт есть образец того, как нужно организовать культурную помощь отсталым национальностям, дающую блестящий успех. Нужно применить этот опыт к другим народам, в частности к малым народам Дагестана. Мне кажется, что решение проблемы письменности для так называемых бесписьменных народов Дагестана требует, чтобы на нее было обращено такое же специальное внимание правительства, как в отношении народов Севера, чтобы культурная работа была тесно соединена с оказанием экономической помощи этим народам, с делом подготовки кадров и организацией научной работы через специальный институт. Есть сведения, что научная работа уже начата, но помня опыт организации помощи народам Севера, надо все же стремиться к созданию специального института, где бы одновременно с подготовкой кадров шла научно-исследовательская работа, которая там имеет чрезвычайную сложность и трудность. Мы имеем здесь более 20 мелких языков, изучать которые не легче, чем изучать языки народов Севера. Между тем многие научные силы, занимавшиеся дагестанскими языками, находятся в отрыве от народов и в своих изыскательных трудах могут пользоваться только случайными поездками.

Что касается работы в Татарии, то тов. Сейфи из скромности преуменьшил ту работу, которая проводится в Казани. Там имеются значительные научно-исследовательские силы из самих татар, имеется ряд научно-исследовательских организаций и если там сделана большая работа в области татарской письменности, большая, чем в других республиках, то этим мы обяза-

ны более высокому культурному и научному уровню работы там.

Тов. Сейфи указал на то, как у них разрешен вопрос относительно „о“ „е“, с одной стороны, в заимствованных словах и, с другой, как употребляются эти же знаки в татарских словах. При этом для меня остается неясным, если они теперь пишут два разных звука двумя буквами, то как читают колхозники эти новые заимствованные слова, произносят ли они „е“ или произносят их с татарским звуком „е“. Я считаю, что не будет большой беды, если колхозники и рабочие будут эти слова произносить с татарским звуком, а не заимствованным „е“. Это решение вполне целесообразно.

Мне хочется высказать еще одно сомнение. Тов. Сейфи сказал, что в интернациональных словах введено правило всюду писать это „е“, а в словах старых это „е“ пропускается в безударном первом слоге. Причем он говорил, что это единственный путь. Здесь был бы возможен еще один путь, т. е. приравнение этих интернациональных новых слов к другим словам. Может быть тов. Сейфи в заключительном слове пояснит, почему был выбран первый путь, а не второй.

Теперь о работе Научного Совета. Действительно, работа Научного Совета хромала и имела в прошлом большие недостатки. Оспаривать этого не будем. Но задача заключается в том, чтобы возможно лучше организовать ее в будущем. Тот факт, что мы первый раз созвали Пленум Научного Совета, говорит за то, что работа раньше была поставлена ненормально. Мы имеем первую попытку организовать работу Научного Совета как следует.

Тут несколько слов хотел бы сказать и про „domo sua“. Раньше на Пленумах так водилось, что научных работников и профессоров ругали. Вероятно это имеет свое основание: и профессора и научные сотрудники могут делать ошибки и отдельные промахи в своей работе. Но мне кажется, что дело не только в этом, а дело прежде всего в том, что в ВЦК НА не было правильно организованной научной работы, в чем профессора и научные сотрудники меньше всего виноваты.

В будущем Научному Совету нужно придать форму более постоянной организации, имеющей более постоянный научный аппарат и такой аппарат, который занимался бы исследованиями и действительно научно работал. До сих пор у нас в Научном Совете научные сотрудники занимались не только определенными научными вопросами, но и текущими вопросами. Может быть это нужно, но нужно внести плановость в это дело. Нужно, чтобы научные сотрудники работали в первую очередь по специальности и во вторую очередь можно было бы использовать их для всякой оперативной работы.

Почему не использовать нам в работе Научного Совета принцип построения научной работы Института Севера с тем, чтобы Научный Совет в части научной работы постепенно превращался в научно-исследовательский институт.

Надо изменить методы и формы работы НС, тем более, что данный этап выдвигает перед нами такие задачи, которые тре-

буют углубления именно научно-исследовательской работы. А пока мы сталкиваемся со следующим положением: когда мы ставим общие доклады по орфографии, по терминологии, то оказывается, что вопросы настолько сложны, что они требуют более углубленной и длительной работы, чем у нас есть. Это может сделать постоянная организация типа научно-исследовательского института. Вот почему Научный Совет должен взять общую ориентировку на то, чтобы постепенно превратиться в Научно-Исследовательский Институт с постоянным штатом, который бы работал по определенному научно-исследовательскому плану.

Тов. Гаджибеков указал на несколько промахов в нашей работе и в наших материалах. Конечно, промахов очень много, но все-таки мне хочется указать, что не все его замечания верны.

Табасаранский алфавит действительно был утвержден, но мы получили сведения, что в табасаранском алфавите буква нового алфавита, имеющая во всех языках одно унифицированное значение „ы", употребляется совсем в другом значении — она употребляется для образования совершенно новых звуков. Поэтому нам было желательно и в этом вопросе добиться полной унификации. И тов. Гаджибеков, делая перед нами доклад, дал разъяснение о табасаранском алфавите; в результате мы вынесли решение считать это отходом от унификации, но резрешение вопроса отложить до общекавказской унификации алфавитов. Что же касается грамматики, то как видите из материалов, приложенных к отчету, речь идет о времени между вторым и третьим пленумами и в частности, о докладе всем вам известного Чебан-Заде. Упрекать в этом нынешний состав Научного Совета, как это делает т. Гаджибеков, нет никаких оснований.

У. АЛИЕВ. (Научный Совет ВЦК НА) Академик Марр в своем выступлении оценил данный пленум, как исторический пленум, и тов. Коркмасов, председатель Научного Совета, также указал, в какую историческую эпоху данный пленум собирается и этим самым подчеркнул то большое значение, которое пленум имеет на участке национально-языкового строительства.

Действительно, на пороге второй пятилетки, пятилетки освоения, пятилетки овладения широчайшими массами трудящихся наукой и техникой, наш пленум должен послужить тем ощутительным толчком, который направит работу так, чтобы она не отставала от темпов социалистического строительства, служила бы борьбе за социализм.

Между тем, если мы посмотрим на то, в каком положении находится фронт языкового строительства по сравнению с другими участками теоретического фронта, то увидим, что нет такой области научной жизни и такого участка теории, который бы так отставал от практики социалистического строительства, как языковое строительство. Это бесспорный факт. Здесь имеется ряд субъективных и объективных причин. В Советском союзе имеется свыше 100 народов, большинство которых не имело до Октября, а некоторые и до последнего времени, своей национальной письменности и своего литературного языка. Конечно, преодолеть это тяжелое наследие в короткий срок пред-

ставляет большие трудности. Но нельзя, ссылаясь на это, снимать ответственность с Научного Совета, как и с любого другого научного учреждения, призванного на этом фронте служить делу социалистического строительства. Главная задача Научного Совета—быть тем приводным ремнем, тем органом, который тесно связывает центр, научные силы центра с практической работой на местах.

Я не согласен с теми товарищами, которые требуют, чтобы Научный Совет преподносил местам готовую работу и чтобы местам осталось только разжевать преподнесенное в готовом виде.

Теория, создаваемая в стенах высоко научных учреждений, оторванно от практической повседневной деятельности, от жизни, нам не нужна. В соотношении теории и практики ведущая роль принадлежала и принадлежит практике. Именно на основании глубокого изучения практической деятельности и опыта на местах—ответственные научные учреждения должны делать теоретические выводы. Следовательно вопрос заключается именно в усилении связи с местами.

Тов. Коркмасов отметил, что с начала работы по латинизации прошло десять лет и с момента существования Комитета уже пять лет. В течение этого периода времени такие крупные авторитеты науки, как акад. Марр, ни разу с нашей трибуны не говорили. Не были привлечены и др. достаточно серьезные и крупные научные силы. И поэтому мы имеем немало ошибок в нашей научной работе. Если мы оглянемся на историю нашей работы и посмотрим стенограммы тюркологического с'езда, то мы увидим, что решения этого с'езда во многих местах пропитаны пантюркизмом и индо-европеизмом. Но с тех пор, под руководством партии, создавая дело латинизации, этого мощного орудия культурной революции, сыгравшего огромную роль в осуществлении сплошной ликвидации неграмотности, осуществлении всеобуча и т. д., создавая национальную по форме и социалистическую по содержанию литературу, обогащая национальные языки, мы сумели под руководством партии отбросить попутчиков с враждебной нам идеологией. Отмежевавшись от элементов, искажающих марксизм, основы марксизма—ленинизма в языке, мы сумели привлечь к нашей работе крупнейшие научные силы. С этой точки зрения мы не можем не приветствовать активного участия в наших работах представителей самой близкой марксистско-ленинской лингвистике, яфетидологии. Выступление акад. Марра на нашем пленуме и участие его в нашей работе свидетельствует о том, что новое руководство Научного Совета и в частности руководство т. Коркмасова обеспечивает сплочение вокруг Научного Совета лучших научных сил на фронте языкового строительства.

Работа Научного Совета протекает в сложнейших условиях, перед нами поставлены труднейшие задачи. Нужно надеяться, что НС с этими задачами справится. Положение его во многом изменилось в лучшую сторону. Научный Совет ВЦК НА находится при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР, в то время как раньше мы были в положении добровольной организации. Эти новые условия дадут возможность в дальней-

шем Научному Совету ликвидировать те прорывы, которые имели место в его работе в прошлом.

Заканчивая, хочу внести одну историческую поправку. В материалах, розданных делегатам, в отчетах Научного Совета, при перечислении тех работ, которые проводились предыдущим составом Научного Совета, есть указания о том, что впервые дело латинизации начинается в Азербайджане в 1922 году. Да, это верно в отношении Азербайджана. Но в других районах, в частности, на Сев. Кавказе, практические шаги по латинизации были начаты еще до 1922 года. Впервые этому делу был дан толчок историческим выступлением т. Сталина на первом съезде горских народов, при образовании горской республики. Тов. Сталин говорил, что историческим злом, которое угнетало горские народы, является невежество, культурная отсталость и что необходимо начать прежде всего с ликвидации этой культурной отсталости.

Как практический вывод из исторического указания тов. Сталина, при Горском ЦК были созданы курсы по обучению латинскому алфавиту и еще в 1921 году в ряде Горских областей, в частности Ингушетии и др. образовались специальные комиссии для разработки и проведения нового алфавита. Эту поправку нужно иметь в виду при чтении материалов.

СЕЙФИ (Татария). В прениях по докладу о работе Научного Совета необходимо остановиться на плане работ на 1933 г. Заслуживает внимания организационный вопрос. Здесь правильно выдвигается предложение децентрализовать деятельность НС по союзным республикам. Это будет правильно, так как на каждом пленуме всегда говорилось, что Научный Совет недостаточно учитывает опыт мест, что к его работе не привлекаются местные специалисты.

Очевидно, в дальнейшем научная работа будет сосредоточиваться в республиках, и Центральный Научный совет будет только регулировать научную работу. Но как же сочетать возможность выполнения такого большого плана на 1933 г. с тем наличием научных сил, какие имеются у Научного Совета? Если вы прочтете план, то он напоминает энциклопедию. Намеченное невозможно реализовать в течение одного года. „Грех" Научного Совета в прошлом в том, что он принимал на себя очень много обязанностей, а из них выполнял только самые второстепенные задания. Вы увидите в отчете НС подтверждение этого. Работа НС хромает не потому, что он не работал, а потому, что он много лишнего взял на себя. Мне кажется, что и в будущем НС будет трудно избежать этой перегрузки. В плане ставится вопрос о национальной орфографии и совершенно правильно выдвигается вопрос о разработке терминологии. Кроме этого здесь есть и вопросы развития национальной литературы, языков и т. д. С этими вопросами, конечно, 3—4 научных сотрудника, которыми Научный Совет располагает, не справятся. Хотя НС имеет таких работников, как Яковлев, Врубель, Жирков и Пашков, но все же ни один из них на себя ответственности за разработку до конца одного из основных вопросов, в особенности вопросов литературного языка, тер-

минологии и т. д. не возьмет. Тем более, что среди них нет ни одного местного работника. Еще я должен сказать о Врубеле. С Врубелем у нас на V пленуме была большая неловкость, так как он в журнале „Культура и Письменность" выступал против нового алфавита и унификации. Этот же товарищ теперь вдруг оказался одним из постоянных сотрудников в НС. Это наводит нас на большие сомнения.

В плане надо соблюдать какую-то очередность и указать, что Научный Совет считает первоочередным и что можно отложить на вторую или третью очередь. Я же считаю, что первоочередной работой Научного Совета для данного времени является усовершенствование техники шрифтов, унификации форм существующих шрифтов для всех республик. На местах этой стороной дела совершенно не занимаются, ибо там нет соответствующих специалистов.

Насчет справочника. Как известно, в прошлом году Научным Советом был разработан план алфавитного справочника. На основе этого плана были даны задания подготовить материалы. Прошло уже 4 мес. Очевидно, тов. Яковлев увлекся своим авторством: он представил нам план, где 22 вопроса и 22 схемы. Реализация этих схем составит громадный труд, на выполнение которого нужно мобилизовать много специалистов в течение года или больше. Тут и история народности и история языка, тут и фонетика, и статистика, и все, что хотите. Это невыполнимая задача. Справочник нужно издать, но не такой, какой он проектируется сейчас, потому что через год положение изменится и нужно будет снова составлять справочник. Последнее. Научный Совет 3—4 года уже занимается созданием выставки. Мы уже пострадали от этой выставки: присланные нами материалы бесследно пропали, поэтому теперь мы боимся присылать, хотя материалы у нас и готовы.

АЛАВЕРДОВ (НС ВЦК НА). Я взял слово отчасти для того, чтобы раз'яснить целый ряд вопросов, которые у выступающих вызывают недоумение. Мне кажется, что самое основное при оценке работ НС—это в какой мере те вопросы, которые обсуждаются сейчас НС, разрешались в прошлом и могут быть разрешены в ближайшие годы, в какой мере эти вопросы отвечают тому этапу в строительстве национальных языков, какой мы переживаем сейчас. И второе: в какой мере НС сам организован и налажен, чтобы обеспечить реализацию тех планов, которые им намечены. В чем основное—в том этапе, который мы переживаем сейчас?

Без ответа на эти вопросы мы, конечно, не сумеем ответить на другой вопрос, а именно, почему наш план для некоторых представляется энциклопедией. Самое существенное в переживаемый момент заключается в том, что вопросы, так сказать, чисто алфавитного строительства несколько отошли в сторону. Это не значит, что мы уже не будем заниматься этими вопросами. Это значит лишь, что не эти вопросы в дальнейшем будут стоять в центре нашего внимания. В самом деле, за последний год мы разработали и утвердили только 9 алфавитов, тогда как в прошлом было разработано около 59 алфавитов. Гово-

рит ли это о снижении нашей работы? Нисколько. Это прежде всего говорит о том, что сейчас перед нами стоят более сложные задачи. В данный момент пользуются латинизированным алфавитом 68 национальностей, общей численностью около 20 млн. чел. Осталось еще примерно около 40 бесписьменных народностей, насчитывающих около 500 тыс. чел. Большинство языков этих народностей еще не изучено в достаточной мере. Это весьма осложняет нашу работу. Если мы в прошлом работали среди национальностей, язык которых в той или иной мере изучен, то сейчас мы имеем дело с такими национальностями, о языке которых почти нет никакой литературы. Этим нужно об'яснить и кажущееся снижение темпов нашей работы. Для того, чтобы выполнить эту задачу, нужны иные методы работы, иная расстановка сил и иная организация работы. Этим об'ясняется и то, какое большое место в наших планах и прошлого и этого года занимают экспедиции. Без тщательного изучения языков мелких национальностей, мы конечно не сможем пойти далеко вперед.

В планах наших большое место занимают теоретические вопросы, по которым мы очень отстаем. По большинству основных вопросов у нас нет еще полной договоренности и ясности. Перед вами пройдут доклады по таким кардинальным вопросам, как построение национальной орфографии, национальной терминологии. Сказать, что мы имеем достаточно прочную теоретическую базу в этих вопросах, мы, конечно, не можем. Мы для того и созвали настоящий пленум, чтобы вместе с вами проработать эти вопросы.

Не случайно также и то, что в повестке настоящего пленума не стоит совсем вопрос о литературных языках. Этот вопрос не поставлен на ваше обсуждение не потому, что мы его считаем маловажным, а потому, что мы меньше всего подготовлены к разрешению этого вопроса. Между тем в практической работе нам сплошь и рядом приходится заниматься этим вопросом. Тов. Параскевопуло справедливо нас упрекал в том, что мы для разрешения вопроса о греческом литературном языке очень мало сделали. Действительно, мы знаем хорошо суть горячего спора, происходящего между товарищами греками, но дать ответ и сказать, что должно быть положено в основу греческого литературного языка, мы не можем до тех пор, пока тщательно не займемся изучением тех диалектов, которые существуют. Примерно то же самое у нас было и тогда, когда мы обсуждали вопрос о литературном языке для абазинцев и т. д.

В планах наших большое место занимают и вопросы техники. Это не случайно. Мы не можем сейчас пройти мимо этих вопросов. Дальнейшее продвижение вперед невозможно без разрешения вопросов национальной стенографии, телеграфной передачи, машинописи и т. д. Эти вопросы нужны, так как все мы хорошо понимаем, что основные мероприятия по коренизации задерживаются главным образом потому, что мы еще не разрешили вопросов технографического порядка.

Наконец, большое место в наших планах и в прошлом и в настоящее время занимают вопросы популяризации и пропа-

ганды нашего дела. Дело, которое мы делаем, имеет большое политическое значение.

Тов. Сталин говорил, что достаточно было нам проработать 2—3 года по выполнению первой пятилетки, чтобы вызвать раскол в буржуазном лагере. То дело, которое мы делаем, по имеющимся данным, также вызывает раскол за рубежом. Мы имеем указания на то, что целый ряд буржуазных газет специально останавливается на деле латинизации в нашей стране—одни с завистью, другие со злобой.

С этой точки зрения неправ т. Сейфи, когда он говорит, что мы много внимания уделяем подготавливаемому нами к печати справочнику. Справочник должен отразить всю нашу работу, и он, конечно, будет иметь громадное политическое значение.

С точки зрения выполнения этой задачи следует расценивать и нашу работу по организации выставок в системе ВОКС.

Наконец, сюда же следует отнести пункты, касающиеся кино.

Вот, в основном, та сумма вопросов, которая составляет содержание наших планов. Нужно ли ставить эти вопросы, работать над ними? На это мы хотим услышать ваш ответ. Дело в том, что только тов. Сейфи коснулся этих вопросов, а другие товарищи пока что прошли мимо них. Нам же чрезвычайно важно, чтобы была дана критика и практические указания по плану на 1933 г.

Ссылка некоторых товарищей на бедность Научного Совета научными работниками, конечно, верна. Мы уже в прошлом году выполнили громадную часть нашей работы не нашими силами. Из того материала, который роздан вам, вы видите, какие научно-исследовательские учреждения были привлечены к нашей работе и какие конкретно лица работали с нами.

Верно и то, что недостаточно были привлечены нами местные силы. В этом наша большая ошибка. Тов. Сейфи вполне прав, когда он указывает на это.

Несколько слов о тов. Врубеле. Тов. Врубель сделал грубую ошибку, когда он выступил в своих статьях против нового алфавита. Ошибку сделал и наш журнал, помещая его статьи. Но дело в том, что этот товарищ подал специальную записку, в которой писал, что считает дело латинизации большим революционным делом и согласен участвовать в нашей работе. Мы считаем это заявление достаточным для того, чтобы дать ему возможность работать с нами. Ошибка наша в том, что мы об этом своевременно не поставили в известность членов Научного Совета.

Мне хочется сказать и о тех взаимоотношениях, которые установились между нами и научно-исследовательскими лингвистическими учреждениями. Я должен прямо сказать, что далеко не все научно-исследовательские учреждения уделяют достаточное внимание вопросам практического языкознания. В силу этого ряд институтов не откликнулся на наш призыв о научной помощи. Нет таких наивных людей, которые серьезно думали бы, что исследовательские институты не должны заниматься вопросами прошлого, но когда то или иное научно-исследовательское учреждение уходит на 99% в историю и изредка обращается лицом к современности,—то это совершенно нетерпимо. (С места: К кому это относится,—к центру или местам?).

Это относится только к центру. И наше пожелание заключается в том, чтобы лингвистические учреждения вплотную подошли к задачам, которые стоят перед нами и помогли бы их разрешить.

Далее, мы сделали большую ошибку, что серьезно не занялись учетом кадров, которые выросли за эти годы в наших национальных республиках. До сих пор мы лишь случайно узнаем, что тот или иной работник ведет большую работу в нашей области.

Но надо сказать, что и места недостаточно реагируют на то, чтобы помочь нам учесть эти кадры. Еще в прошлом году была послана специальная анкета на места но ни одна республика до сих пор не откликнулась на это.

В чем заключается основная задача? Мы бедны лингвистическими силами, и задача заключается в том, чтобы те незначительные силы, которыми мы располагаем и которые близко к нам подходят—правильно расставить, целесообразно и рационально использовать. Мы надеемся, что настоящий пленум, участие в нем крупнейших работников в области лингвистики, является началом решительного перелома в нашей работе.

ДЖАФАРОВ. (Институт Национальностей. Москва). Недавно ВЦК НА посылал меня для обследования работ Татарского комитета НА и научно-исследовательских учреждений Казани. Обследование показало, что там делается много нового, интересного и ценного, о чем неизвестно Центральному Комитету НА. Между тем, некоторые работники ВЦК НА недооценивают связи с местами, мало бывают на местах.

В Казани в области научных работ, в частности по орфографии, по терминологии и другим научным проблемам, имеется много ценных трудов. Но многие из этих научных работ проходят мимо внимания Комитета НА Татарии.

Большим достижением Татарского Комитета НА является проведение им анкетных опросов по внедрению НА. К этому была привлечена широкая общественность и все серьезные научные лингвистические силы.

Необходимо эту анкету перевести на русский язык и напечатать в нашем журнале, чтобы другие Комитеты могли учесть опыт работы Татарии. Этот анкетный опрос дает огромные результаты в части наметки практической работы комитетов.

Но я не хочу долго останавливаться на положительных сторонах работы Татарского Комитета НА, коснусь больше недостатков. Основной недостаток в работе этого Комитета заключается в том, что там существует большой разрыв в работе между комитетами и разными лингвистическими учреждениями. Например, при НКПросе Татарской республики существует орфографическая комиссия, которая работает почти совершенно оторванно от Комитета Нового Алфавита. Научно-исследовательские институты Казани до начала 1933 г. очень слабо участвовали в работе Комитета, показателем чего является то, что в состав Комитета Нового Алфавита от них не вошел почти ни один работник. Кроме того существуют терминологические комиссии при Татгизе, которые заняты сейчас переводом трудов

Маркса, Энгельса и Ленина. И это идет помимо комитета НА. Большая работа в области грамматики проводится Тат. пед. Институтом. Там есть крупные лингвисты, которые слабо привлекаются к работе Комитета НА. Помимо этих учреждений есть ряд отдельных работников, которые по своей собственной инициативе занимаются изучением диалектов и другими вопросами, непосредственно связанными с деятельностью Комитета НА, но они в его работу не вовлечены. Вопросы выработки нового алфавита для слепых и применение НА на телеграфе тоже проводятся без связи с комитетом НА.

Нужно отметить еще один серьезный факт,—это то, что статьи по вопросам языка и алфавита, которые печатаются в разных журналах и газетах Казани, не получают критической оценки. Нельзя же думать, что в период острейшей классовой борьбы на терминологическом участке все обстоит благополучно. Казанские товарищи должны в этом направлении проявить максимальную бдительность, особенно имея в виду усиление деятельности всяких националистических групп. Слаба связь Татарского Комитета НА с местной и центральной печатью. Работы, проделываемые в Казани, не получают освещения в центральных органах, и таким образом ценный опыт Татарии остается неиспользованным.

Остановлюсь еще на выступлении т. Алавердова. Он сказал, что у нас еще много народностей, которые не имеют родной письменности. Это—плачевный факт. Я являюсь представителем национальности, которая не имеет письменности—это таты. Культработа среди них ведется на тюркском языке. Это татами воспринимается как тюркское великодержавничество. Перед ВЦК НА стоит большая политическая задача—ускорить темпы выработки письменности для этих народов.

Теперь относительно других выступлений. Тут выступал т. Лоя. Он очевидно забыл, о чем сейчас здесь идет речь, и некстати стал говорить относительно абхазского аналитического алфавита.

В Абхазии, действительно, нашлись противники аналитического алфавита. Кто же эти противники? Среди них были и контрреволюционные, реакционные силы, которые пошли против аналитического алфавита, чтобы бить по яфетической теории. Тов. Лоя видимо выражал здесь точку зрения этих реакционных сил „языковедного фронта".

Перед нами стоит задача более глубокого изучения яфетической теории; надо учесть все положительные стороны ее и применить их в практике, а отдельные лица, вроде т. Лоя, мешают этому [1].

ЗОЛОТОВ. (Институт языка и мышления Академии Наук). Говоря о победах Научного Совета, мы ни на минуту не забываем, что эти победы обеспечены всем ходом социалистического строительства СССР.

Мы знаем, что и буржуазия в свое время обращала большое внимание на то, чтобы разрабатывать свои национальные языки.

[1] Здесь из речи т. Джафарова опущен ряд грубых выражений по адресу тов. Лоя.

Мы знаем, что буржуазия создавала свои национальные академии, свои национальные институты, которые были призваны разрабатывать языки господствующих наций. В этом отношении не составляла исключения и бывшая царская Россия. В императорской академии наук русской буржуазией было открыто специальное отделение, призванное разрабатывать теорию и практику именно русского языка, „отделение русского языка и словесности". В царской академии не было и речи об исследовании, об изучении и разработке национальных языков. Если этот вопрос и поднимался, то с целью руссификации народов императорской России. Мы имеем такие примеры, как работа барона Услара на Кавказе, как работа Кауфмана—сатрапа русского императора—в Средней Азии, работы Лаврова и Ильминского, которые были направлены к тому, чтобы руссифицировать народы императорской России.

Совершенно другое мы видим в СССР. Сегодня, когда мы заслушали доклад председателя Научного Совета Центрального комитета нового алфавита, мы увидели, какие огромнейшие достижения имеются на участке языкового строительства народов СССР. Эти успехи связаны с правильным проведением ленинской национальной политики.

Я хочу сосредоточить внимание на недочетах нашей работы. Я хочу коснуться тех пробелов, которые все же имели место в работе Научного Совета прежнего состава. При проведении той или иной работы необходима четкая постановка вопроса, и в этом отношении в работе прежних составов Н С имелся большой пробел. Я напомню вам выступление профессора Яковлева на одном из пленумов ВЦК НА, где он дал следующий, приблизительно, лозунг: „Мы, научные работники, как таковые, не занимаемся практическими вопросами—вопросами разработки алфавитов занимаются местные работники и практики; из ученых, занимающихся этим вопросом, мы знаем только одного—это академик Марр, а вообще мы, научные работники, не этим занимаемся, а занимаемся более высокими категориями—унификацией". Но на самом деле от профессора Яковлева, я думаю, проведения унификации в полном смысле этого слова, мы не могли и ожидать, потому что та база, на которой он стоял, была сама непрочна, и такое разделение теории и практики действительно лежало в основе работы Научного Совета прежних составов. Что это не случайно—показывает целый ряд других фактов. Мы знаем, что для того, чтобы достичь определенных успехов в том или ином деле, необходима четкая политическая линия. Посмотрим, какие лозунги в свое время давали теоретики Научного Совета. Я снова возвращусь к профессору Яковлеву. В одном из своих выступлений борьбу на два фронта в национальном вопросе он приблизительно определил так, что великодержавничество проявляется в обогащении национальных языков руссицизмами, иностранными словами, а местный национализм, оказывается, выражается только в том, что он стоит за обогащение языка только своими средствами. Такое определение—не наше определение. Вспомните, товарищи, как определяет т. Сталин великодержавничество. Т. Сталин говорит, что великодержавничество проявляется в стремлении обойти национальные различия языков, культуры, быта.

Это как будто выглядит совершенно иначе, чем определение данное в свое время профессором Яковлевым. Если определить борьбу, исходя из того, что вкладывается в понимание великодержавия проф. Яковлевым, то мы придем к противоречивому положению. Исходя из положения, выдвинутого проф. Яковлевым, мы должны быть против введения интернациональных терминов, интернациональных понятий, идущих через русский язык в национальные языки. Получается чепуха. В вопросе внедрения в национальные языки интернациональной терминологии необходима четкая постановка вопроса: до каких пределов, в каком масштабе, в каких случаях. Определение проф. Яковлева только запутывает данный вопрос. Что это не случайно, можно привести пример: т. Сталин на X с'езде партии говорил, что великодержавники не признают существования белорусского языка, в то время как он существует, и является особым от русского языка языком, а несколько лет назад то же самое было и с украинским языком. Они не признавали этих языков. То же самое непризнание национальных языков, мы имеем и в устах языковеда Петерсона, который считает, что белорусский язык и украинский язык—это не языки, а диалекты русского языка, ни больше, ни меньше. Вот куда все это ведет.

Затем мы можем вспомнить те выступления, которые были на первом тюркологическом с'езде. Там то же самое, начиная с первой страницы и до последней, вы не найдете ни слова о существовании татарского языка, казакского языка и т. д. Там большинство выступавших говорили о том, что татары, казаки, азербайджанцы и др.—это племена, а их языки—это диалекты. Это ведет прямым путем к своего рода пантюркистскому великодержавничеству. Все это нам нужно понимать ясно, все это нам нужно учесть с тем, чтобы осуществлять генеральную линию партии на нашем участке.

Здесь один из выступавших правильно заострил внимание на том, что необходимо обращать больше внимания на теорию. Противопоставления теории практике в нашей работе не должно быть. Марксистско-ленинской теорией, как острейшим орудием, мы и должны пользоваться и в этом отношении характерно следующее обстоятельство.

Если буржуазия, ограниченная национальными рамками, не могла создать общего учения о языке, общей теории о языке, и если она сумела создать так называемое индо-европейское языкознание, то эта теория как таковая все-таки оставалась приложимой только к господствующим языкам господствующих наций. Буржуазия силилась приложить свою теорию к языкам иных систем, но из этого ничего не вышло.

Диктатура пролетариата имеет такие потенции, такие возможности, которые помогут всем национальностям выйти из рамок национальной ограниченности. Это же положение мы видим и в трудах акад. Марра. Академик Марр уже встал перед задачей обоснования общего учения о языке. Нужно сказать, что и в трудах классиков марксизма эти положения подчеркивались не раз и не два. Энгельс к этому положению возвращался неоднократно. Разоблачая Дюригна, он отметил два момента: по мнению Энгельса, Дюринг отрицает, уничтожает

те два рычага, пользуясь которыми даже при господстве буржуазии можно было бы решать более высокостоящие задачи в области языка; именно—изучение языков, пользуясь отмершими элементами, и с другой стороны—изучение отдельных языков в окружении других языков. Дюринг это отменил, и Энгельс отмечает, что Дюринг в данном случае не идет вперед, а тянет языкознание назад.

В трудах акад. Марра мы видим, что к изучению языков необходимо именно подходить палеонтологически: итти по пути раскрытия категорий языка на основе развития человеческого общества, в частности на показателях этого же самого языка. С другой стороны, акад. Марр не раз и не два подчеркивал, что тот или иной язык можно изучать только в свете окружающих языков. И эта постановка является в действительности той постановкой, которая выводит нас на международную арену. Общее учение о языке возможно только в наших условиях. Выступавший здесь товарищ правильно заострил внимание на том, что надо подвести прочную научную базу под работу ВЦК НА и в частности Научного Совета. Здесь, я думаю, нет нужды останавливаться на таких выступлениях, как выступление т. Лоя. Тов. Лоя упрекнул акад. Марра за постановку последним высоко теоретических проблем, повторив только зады проф. Яковлева, Чебан-Заде и др., которые на всех пленумах распинались в том же духе. Академик Марр никогда не думал противопоставлять латинизацию унификации. Это абсолютно не мирится с тем, что имеется в трудах акад. Марра. С другой стороны, та работа, которая сейчас идет в стенах ВЦК НА, свидетельствует, что мы начинаем преодолевать ту кустарщину, которая действительно господствовала в нем раньше, мы начинаем преодолевать установку, данную проф. Яковлевым.

Затем я хотел бы отметить и другое: выступая здесь, т. Умар Алиев упрекнул Марра в том, что последний удосужился выступить только сегодня. Между тем Умар Алиев долгие годы возглавлял Научный Совет, был председателем этого Совета; приглашал ли Умар Алиев акад. Марра сюда? Мне думается, что нет. Мы знаем и обратную картину деятельности т. Алиева. В свое время т. Хулуфлу выступал с заявлением о том, что у акад. Марра имеется учение о будущем едином языке. В противовес этому утверждению Умар Алиев выставил свое положение. Можно оговориться, что и т. Хулуфлу учение акад. Марра хотел использовать для проведения великодержавия по отношению к татам. Это была неправильная точка зрения. Что тогда говорил Умар Алиев? Об этом имеются данные в стенографическом отчете ВЦК НА (за 31 г., стр. 112): „Я должен заявить,—говорил тогда т. Алиев, что установка т. Хулуфлу о создании единого языка, которую якобы приветствовал Ленин, противоречит основным установкам марксизма и ленинизма по национальному вопросу". Это заявил один из руководителей тогдашнего Научного Совета. И после этого бросать упреки по адресу академика Марра по меньшей мере недостойно.

ТОГЖАНОВ (председатель). Товарищи, прежде чем дать слово следующему оратору, я от имени президиума хочу сказать два слова относительно выступления тов. Джафарова. Говоря об

абхазском алфавите, т. Джафаров сказал, что якобы абхазский алфавит был заменен новым потому, что там были противники и контрреволюционеры, которые этого хотели. Бывший абхазский аналитический алфавит был заменен новым алфавитом пожеланию самих масс. Таким образом, новый алфавит введен не потому, что этого потребовали контрреволюционеры, а потому, что этого потребовала сама масса.

Надо сделать т. Джафарову замечание и по поводу его нетоварищеского, некорректного тона в отношении тов. Лоя.

Я предлагаю товарищам в выступлениях быть ближе к делу и не вдаваться в ненужную, неделовую полемику.

ХАЙРОВ (Центр. Комитет НА РСФСР). Правильную оценку работе Научного Совета можно дать, подойдя к ней в историческом разрезе.

В прежних составах Научного Совета не было достаточно квалифицированных работников. В прошлом НС не привлекал к своей работе научные лингвистические силы и именно поэтому работа НС носила случайный характер и это обстоятельство долго мешало перестроиться и новому составу Научного совета.

Теперь хотя мы еще не можем сказать, что Научный Совет целиком перестроился, но в работе его определенно чувствуется нбвая струя. Научный Совет уже сумел привлечь новые научныесилы в области языкознания, и это является его большой заслугой.

План работ Научного Совета недостаточно четок. Научный Совет должен заниматься не только вопросом унификации, применением НА в технике. Перед ним ребром стоят вопросы о литературных языках, вопросы орфографии и терминологии. Работа НС будет только тогда эффективной, когда включение той или иной работы в план НС будет сигнализировано местными научными учреждениями и местными комитетами. НС должен усиленно заниматься собиранием сил и привлекать к работе научно-исследовательские институты.

Тов. Сейфи в своем докладе очень слабо осветил всю полноценность работы Татарии по латинизации. Надо было полнее рассказать о проделанной работе. У Татарии есть чему поучиться. Тов. Лоя сказал, что тов. Марр в сегодняшнем выступлении защищал аналитический алфавит, который был составлен для абхазцев, но был отвергнут. Но он был отвергнут, как правильно указал президиум Пленума, самими массами. К высказываниям Марра мы должны подойти исторически. Тов. Марр говорил, что на то, что он высказывал 15—20 лет тому назад нельзя реагировать так, как будто бы он это высказывает сегодня. Но нужно понять и знать, что акад. Марр никогда не отрицал и не преуменьшал громадного значения дела латинизации.

КОРКМАСОВ. Товарищи, я считаю себя обязанным сделать следующее заявление.

Наш Пленум есть первый Пленум Научного Совета Всесоюзного Комитета Нового Алфавита. Каждый товарищ, участвующий в нашей работе, должен чувствовать себя ответственным за ра-

боту всего Пленума. Каждый участник пленума должен дать нам полезное научное указание, сделать научный вклад в нашу работу. На повестке пленума имеются важнейшие вопросы: унификация, терминология, орфография, отчет за 1932 г. и план 1933 г. В высказываниях на вчерашнем заседании эти вопросы затронуты очень мало. Продуктивность работы Пленума на вчерашний день недостаточна. Выступая здесь, некоторые товарищи высказывались недостаточно серьезно относительно трудов и научной теории тов. Марра. Я должен заявить, что Президиум Научного Совета высоко ценит т. Марра и его научные труды, имеющие мировое значение. Тов. Марр является членом Президиума, он вчера сделал авторитетный доклад, посвященный вопросам методологии письма и языка. Я считаю нужным, как Председатель Научного Совета, просить товарищей выступать по существу, научно и четко обосновывая свои взгляды опытом практической и научной работы, чтобы помочь Президиуму в его сложной работе.

СЕРДЮЧЕНКО (Северо-Кавк. Комитет НА). В своем докладе товарищ Коркмасов отметил один принципиальный момент, который сейчас необходимо особо учитывать и на основе чего нужно обсуждать план работ на следующий год. Деятельность ВЦК НА действительно перерастает рамки НА и в настоящее время, как товарищ Коркмасов указал, наша задача итти не столько по линии НА, сколько по линии новой письменности. И так как в планы наших работ на местах главным образом включены вопросы национально-языкового строительства, то естественно, говорить нужно именно о работе по национально-языковому строительству в целом, уделяя необходимое внимание разработке алфавита для бесписьменных народностей.

Изменение общего курса нашей работы меняет и организационную структуру органов Научного Совета в центре и на местах. Выступления здесь подтверждают отсутствие организационной ясности в структуре аппарата ВЦК НА и местных комитетов НА. Вчера мы слышали, что в Татарии существует терминологическая комиссия при Тат. ГИЗ'е, в Дагестане при Институте Национальной Культуры, а у нас на Северном Кавказе была создана специальная терминологическая комиссия сперва при Крайисполкоме, а затем уже, как составная часть Комитета НА. Поскольку перед нами стоит целый ряд серьезнейших вопросов чисто научного порядка, то нам нужно уточнить организационную структуру наших местных и центрального органов.

Не совсем ясно доклад оттенил, каковы же функции у Союзного Комитета и каковы функции Комитета РСФСР, и какая часть работы возлагается на краевые и областные Комитеты НА по линии научно-исследовательской работы. Какая помощь будет оказана центральным Н. С. местным органам?

Все эти вопросы надо уточнить. Это тем более необходимо, что на местах со стороны Краевых и республиканских органов есть недооценка работы НА. Мы не встречаем должного руководства и достаточной материальной помощи в нашей работе. Из-за этого у нас на Северном Кавказе Комитет НА не сумел достаточно полно развернуть свою работу.

Наш Комитет НА состоит из 3 человек, причем председатель—один из краевых ответственных работников, имеет громаднейшее число нагрузок и фактически лишен возможности принимать участие в непосредственной оперативной работе Комитета. Второй работник—ученый секретарь, он же зам. председателя, он же научный сотрудник, инструктор и т. д. Третий работник, хотя и со специальным образованием, но главным образом занят технической работой.

В результате того, что у нас нет четких и достаточно обоснованных указаний из центра, нам трудно обосновывать свои требования в Крае. Если мы в настоящее время говорим о том, что мы не являемся организацией, занимающейся узко алфавитными вопросами, а должны охватить все вопросы национально-языкового строительства, в том числе важнейший участок терминологической работы — создание литературного языка, мы должны дать твердую и ясную директиву местам, соответствующую этой линии. Мы должны на местах организовать эту работу и в то же самое время спланировать ее так, чтобы не было дублирования одной и той же работы в разных местах. Надо четко подразделить вопросы, которыми должны заниматься в центре и которые здесь легче разрешить, чем на местах.

Мы в Крае сейчас сидим над составлением словников общественно-политической, общеобразовательной и научно-технической терминологии. Эта работа ведется и в Татарии, и в Дагестане и, видимо, ведется в ряде других мест. Но мне кажется, что она не производится в Центральном комитете. А я думаю, что составление словников на русском языке, которые бы помогли облегчить работу мест, должно было бы проводиться именно здесь. Здесь их можно сделать лучше, учитывая наличие квалифицированных сил.

Возвращаюсь к докладу тов. Коркмасова. Тов. Коркмасов говорил, что мы должны бороться за партийность в нашей работе, за единство теории и практики, за освоение уже достигнутого. О партийности в нашей работе. Нам нужно было бы обратить внимание на то, что часто к работе по национально-языковому строительству подходят с узко деляческой стороны: мы создаем словники, мы создаем принципы построения орфографии, мы занимаемся разработкой конкретных систем орфографии, издаем материалы и... сейчас же изымаем их из обращения по негодности. На Северном Кавказе был издан целый ряд терминологических материалов, но когда занялись серьезным анализом их, то увидели, что в них наличествуют заведомо вредные, отражающие классово-чуждую идеологию, материалы.

Принцип партийности, классовой заостренности должен пронизать всю нашу работу. Сейчас нам нужно обратить главное внимание не на количество, а на качество. И под качеством мы разумеем прежде всего четкое проведение генеральной линии нашей партии, борьбу за классовую бдительность на всех участках нашей работы.

Вот по этой линии в работе наша центральная организация, Научный совет Центрального комитета НА должен уделить больше внимания.

Сейчас мы, естественно, расширяя функции нашей работы, сталкиваемся с такими проблемами, как разработка учебников, разработка программ и т. д. Здесь на этот вопрос совершенно не было обращено внимания. На Северном Кавказе КрайОНО при создании программы для школ обратился в Комитет Нового Алфавита за оказанием помощи в разработке языковых материалов, программ для нацменов. И от этой работы отказаться мы не могли.

В работе следующего года мы должны обратить внимание на освоение тех материалов, которые мы имеем в области алфавитного строительства. Как нужно конкретизировать этот вопрос? Я думаю, что под лозунгом освоения наших достижений на фронте алфавитного строительства нужно разуметь прежде всего то, чтобы наша работа не ограничивалась только формальным созданием алфавитов. Например, у нас в крае создан абазинский алфавит, нужно теперь проследить, как этот алфавит использован в повседневной работе школы, аульского советского аппарата и во всей массовой политической работе среди абазинцев.

Затем нам нужно обратить внимание на рационализацию работы по алфавитам. При построении ряда алфавитов на Северном Кавказе не были достаточно учтены чисто научные данные, фонематический состав, характеризующий строй того или иного языка.

И до настоящего времени мы имеем алфавиты, которые иногда слишком громоздки, иногда в них отсутствуют необходимые знаки (карачаевский алфавит). Эту работу мы должны конкретизировать и в центральных организациях нашего комитета, и по линии областных организаций.

В связи с алфавитным строительством мы должны обратить серьезное внимание и на разработку систем орфографии. Этот вопрос недостаточно ярко очерчен в плане Научного Совета на 1933 год. Я считаю, что работу по алфавитам мы должны сейчас же связать с работой по разработке конкретных систем орфографии, иначе вопросы алфавитного порядка не будут закончены.

Затем важно отразить в плане и вопросы по изучению грамматического строя недостаточно еще изученных языков, и создание грамматических руководств. Это опять-таки связано, с одной стороны, с проблемой разработки орфографии и, с другой стороны, с изучением отдельных диалектов, разработкой литературных языков и т. д. На этом участке у нас большое неблагополучие. Вчера т. Алиев патетически заявлял, что в работе Научного Совета мы имеем большие достижения и к числу этих достижений Алиев относил „отбрасывание попутчиков". Если действительно существовало „отбрасывание попутчиков", разгон их, то здесь, следовательно, были допущены политические ошибки, а не достижения.

Перехожу к следующему вопросу. Вчера т. Коркмасов указал, что мы имеем большие затруднения с кадрами. На нашем пленуме мы должны обратить на этот вопрос особое внимание. Я беру опять-таки конкретно свой край—Северный Кавказ. У нас в каждой национальной области имеется научно-исследовательский Институт, имеется и краевой Горский научно-исследова-

тельский институт. Работу этих институтов нужно обязательно связать с подготовкой кадров по национально-языковому строительству. Я не знаю, как обстоит дело в центральных институтах, но мы у себя в Северо-Кавказском краевом институте ввели для аспирантов-лингвистов специальный семинар по языковому строительству. И этот семинар посещает ряд аспирантов-историков. Он имеет целью подготовить работников, которые были бы в курсе текущей работы по национально-языковому строительству. И ясно, что вопросы национально-языкового строительства нужно изучать не только по книжкам, но сопровождать эту теоретическую работу практической исследовательской работой непосредственно в национальных областях. Вопрос о подготовке кадров мы должны выдвинуть на первый план, иначе нам не преодолеть узких мест в научно-исследовательской работе.

Вопрос о кадрах тесно связан с популяризацией нашей работы, созданием определенного печатного органа, который был бы действительно авторитетным и более популярным. К сожалению такого органа у нас нет. Вчера тов. Коркмасов подчеркнул целый ряд недочетов в журнале „Революция и письменность". Действительно, журнал имеет большие недочеты. Это прежде всего об'ясняется тем, что не было достаточно авторитетного руководства во главе этого журнала. Мы могли встретить в этом журнале иногда очень интересный материал, но иногда даже в руководящей статье, в передовице, встречаешь политические ляпсусы, как например, в первом-втором номере за прошлый год. На журнал надо обратить особое внимание. Перспективы для развития журнала есть, надо добиться поднятия качества журнала.

У нас есть еще журнал „Просвещение национальностей". Тут тоже обстоит далеко не благополучно. Мне хотелось бы отметить такой интересный факт. В одном из последних номеров „Просвещения национальностей" напечатана статья Гранде о терминологической работе. В этой статье имеется ряд серьезнейших ошибок. Гранде тут не виноват, он „попал, как кур во щи". Дело в том, что он воспользовался для своей статьи официальным материалом, вероятно, Сектора науки Наркомпроса. В результате он характеризует терминологическую работу на Северном Кавказе, как работу, имеющую большие достижения. Между тем, мы у себя на Северном Кавказе отмечаем в этом отношении большое неблагополучие. Мы говорим, что в этом разрезе допущено очень много лингвистических и политических ляпсусов. Мы в свое время, еще прошлой весной, послали в „Просвещение национальностей" статью, в которой указывали на целый ряд ошибок в этом отношении. В редакции статью продержали полгода, потом сообщили, что в виду того, что размеры журнала сокращаются, материал этот напечатан не будет. Что это значит? Это значит, что по существу смазывают конкретные указания на те недочеты, которые имеются у нас и тем самым не дают возможности эти недочеты исправить. На это также нам нужно обратить серьезное внимание.

Относительно экспедиций на следующий год. В плане Научного Совета на 1933 год пропущена абазинская экспедиция.

Об этой экспедиции было постановление Президиума ВЦК НА еще в октябре прошлого года. Затем вопрос о средствах. Если мы не будем иметь средств и если ВЦК НА нам не сможет добыть их, то наша работа не развернется.

КАЦНЕЛЬСОН (Институт национальностей. Москва). Мне хотелось бы подчеркнуть один момент, о котором говорил тов. Коркмасов.

Это вопрос об усложнении и расширении рамок работы Научного Совета. Мне довелось ознакомиться с работой Сев. Кавказского Комитета Нового Алфавита; там расширение рамок действия Комитета Нового Алфавита особенно рельефно. Здесь некоторые товарищи выступали против расширения поля деятельности Комитета Нового Алфавита.

Мне хотелось бы на материалах Сев. Кавказского Комитета НА показать, что вовлечение новых областей языкового строительства в деятельность Комитета Нового Алфавита совершенно не случайно, что оно вызвано всем ходом работы по алфавитному строительству в Северо-Кавказском крае.

Положение с созданными алфавитами далеко не благополучно. Мне привелось читать материалы по обследованию карачаевского и адыгейского алфавитов. Товарищ, довольно компетентный по части лингвистического обследования, указывает, что в адыгейском алфавите не оформлено до 14 фонем, что много букв в новом алфавите лишних и он предлагает количество букв сократить до 30 (сейчас 54).

Таким образом на Сев. Кавказе латинизация не везде доведена до конца. Положение с унификацией еще хуже. Рядом живущие народы с чрезвычайно близкими языками, языки которых об'единяются в один литературный язык, имеют разнородную письменность, не унифицированы и не могут пользоваться книгами, вышедшими на близком языке, на языке, которым пользуются в быту, ибо не нужно упускать из виду, что народы Сев. Кавк. края большей частью двуязычны и многоязычны.

Вопрос об унификации упирается в вопросы орфографии. В одном случае мы транскрибируем данный звук одним образом, а в другом случае—по-иному. Получается разнобой. Я считаю, что Сев. Кавказский Комитет НА правильно поступает, когда выходит за рамки узкого алфавитного строительства.

Дальше вопрос о бюджете Сев. Кавказского Комитета. Если мы говорим серьезно о языковом строительстве, то нужно вопрос о материальной базе для этой работы поставить во всю ширь. Сев. Кавказский Комитет в прошлом году имел случайные 4.000 руб., которые были отпущены Терминологической Комиссии. Бюджет нового 1933 года до сих пор не утвержден, хотя Комитет работает. Я считаю, что такое положение недопустимо. Научный Совет должен поставить перед соответствующими органами этот вопрос.

О научной работе. Здесь многие товарищи, в частности тов. Золотов и другие подчеркивали, что данный Пленум характеризуется большим поворотом Научного Совета к науке о языке, к новому учению о языке ак. Н. Я. Марра Чем это вызвано? Возьмем практику Сев. Кавказского края. Если там до сих пор

стояли вопросы создания алфавита, то такие вопросы были до некоторой степени подготовлены буржуазной наукой, а теперь ставятся такие вопросы, которые в буржуазной науке совершенно не ставились и, впервые в лингвистике освещены ак. Марром. Возьмем, например, вопрос о создании литературного языка в целом. До Октябрьской революции литературные языки создавались стихийно, самотеком, создавались столетиями, десятками лет, а сейчас стоит конкретно вопрос о создании литературного языка в самое короткое время. Сев. Кавказский Комитет НА в настоящее время обсудил вопрос о создании единого ингушско-чеченского языка. Или возьмем вопрос о греческом литературном языке. В Сев. Кавказском Комитете нового алфавита боятся дотронуться до него. Такое впечатление у меня не только в отношении одного Сев. Кавказа, но и в отношении отдельных работников ВЦК НА. Такого рода вопросы требуют теоретического освещения, требуют солидной теоретической подготовленности и показывают, что дальше действовать кустарно нельзя, что нужно подвести научную базу под работу нового алфавита.

Следующий вопрос, который я хотел поднять, это вопрос о консолидации научных сил. Мы говорим, что научных сил мало, но одновременно мы разбазариваем имеющиеся у нас силы.

Что сделано для того, чтобы об'единить работу всех местных институтов? Ничего абсолютно. Если товарищ Сердюченко пред'явил справедливое обвинение ВЦК НА в том, что он оторван от краевых Институтов, то в свою очередь краевым комитетам НА можно пред'явить то обвинение, что они оторваны от областных Комитетов и т. д. У нас научная работа не консолидирована, поэтому в работе ряда организаций существует параллелизм. В деле консолидации научных сил громадную роль должен был бы сыграть центральный орган ВЦК НА „Революция и письменность".

Возьмем терминологическую работу. Терминологическая работа проделана в широком масштабе на Украине и в Белоруссии, а в настоящее время проводится на Северном Кавказе. Использует ли Северный Кавказ опыт Украины, опыт Белоруссии? Я бы сказал недостаточно использует. Северный Кавказ делает заново всю ту работу, которая давно проделана на Украине. В собирании опыта мест, в критической переработке этого опыта, журнал должен сыграть большую роль, но этой роли он не играет. Происходит реорганизация журнала, но эта реорганизация происходит черезчур медленными темпами, которые не отвечают задачам, поставленным перед ВЦК НА.

Значение теории в последнее время выпячено. Товариш Алиев говорил здесь о том, что на лингвистическом фронте отставание теории от практики больше, чем на каком-либо другом фронте. Мне кажется со своей стороны тов. Алиев потрудился немало для того, чтобы увеличить это отставание. Взять хотя бы передовицы в журнале, которые редактируются Алиевым, передовицы, которые охватывают наиболее передовую теорию, имеющуюся на лингвистическом фронте, теорию, которая больше всего поставляет материала для марксистско-ленинского освещения языка.

Нам нужно приветствовать новый курс, взятый ВЦК НА и

Научным Советом на более решительное привлечение всех научных сил, работающих на лингвистическом фронте.

ТОГЖАНОВ. (ЦК НА РСФСР). Я хочу коснуться двух вопросов: 1) организации научной работы как в центре, так и на местах и 2) плана Научного Совета.

Тов. Коркмасов в своем докладе говорил, что сейчас уже настало время организовать широко развернутую и углубленную научную работу при наших местных комитетах, как краевых, областных, так и республиканских. Правильно ли это? Мне кажется, совершенно правильно. До сего времени наши местные комитеты, областные, республиканские и краевые такими вопросами не занимались. Они считали себя органами только контролирующими, и этим ограничивали свою работу. Задача текущего периода—углубить нашу работупо внедрению нового алфавита, путем оживления научной работы. Но заниматься научной работой—это не значит, что наши Комитеты только сами должны разрабатывать научные вопросы. Этим они многого не добьются. Комитеты должны заставить работать по интересующим их вопросам соответствующие научно-исследовательские организации: Наркомпросы и т. д. Это обязательно нужно делать в таких передовых областях и республиках, где уже имеется окрепшая сеть научно-исследовательских учреждений и где есть соответствующие кадры из националов, которые выросли за последние годы. Здесь роль комитетов сводится к роли организаторов, к общему руководству.

Но есть такие области и края, где наша работа проводится среди нацмен. Тут должен быть другой подход к организации научной работы. Если взять края РСФСР: Среднюю Волгу, Нижнюю Волгу, Уральскую область, Западную и Восточную Сибирь, то в этих краях организовать научную работу значительно труднее, так как здесь нет соответствующих научных организаций и кадров и мне кажется в организации особых научных комиссий, или секций при таких комитетах нет надобности. Им это будет непосильно. В таких краях решающую роль должна сыграть наша помощь. Без помощи Научного Совета ВЦК НА в таких краях почти невозможно самостоятельно проработать какие-либо научные вопросы. Среди таких нацмен, как татары, башкиры, казаки и т. д., живущих в областях и краях, нет никакой надобности организовывать особую научную работу, потому что научные вопросы, касающиеся этих народностей, разрабатываются в соответствующих национальных республиках. Там больше сил и там есть соответствующие научные организации, где можно сконцентрировать научную работу по языкам этих национальностей. Но есть еще и такие национальности, как кумыки, шорцы, кумандинцы и т. п. Они на сегодня на местах не могут организовать научную работу. По этим народностям могут организовать на данном этапе развития научно-исследовательскую работу только наши центральные научно-исследовательские органы.

Как мыслится дальнейшее научное руководство со стороны Научного Совета? Мне кажется, что в отношении тех республик и областей, где имеются соответствующие научно-исследо-

вательские организации и кадры, где есть возможность развернутой научно-исследовательской работы, роль Научного Совета сводится к общему руководству, к обобщению опыта этих республик и областей. Брать на себя непосредственное выполнение ряда научных работ в области терминологии, орфографии и др. для этих республик НС не должен, да и просто не может, потому что научные кадры сейчас сконцентрированы в республиках. В отношении второй группы также не нужна организация особой научной работы. В отношении третьей группы народностей, нужно не только общее руководство, но и непосредственная разработка ряда научных проблем.

Относительно распределения функций между ВЦК НА и ЦК НА РСФСР. Тов. Коркмасов говорил, что дальнейшее руководство областными, республиканскими комитетами, за исключением трех комитетов—Дальневосточного, Бурято-Монгольского и Северного,—должно перейти непосредственно к ЦК НА РСФСР. Тут тов. Сердюченко говорил, что это неясно. Мне кажется, что это яснее ясного. До последнего времени ЦК НА РСФСР руководил только определенной группой комитетов. Дальше в связи с реорганизацией ЦК НА РСФСР, он начал охватывать все республики РСФСР и будет их обслуживать.

Говоря о плане Научного Совета, нужно отметить, что наш Научный Совет впервые начал планово работать. Если вы возьмете планы прошлых лет, то вы легко увидите, что наш Научный Совет, несмотря на неоднократные указания, работал от случая к случаю, научной работы, как таковой, раньше не вел. Тут есть ряд субъективных и объективных причин, на которых я сейчас останавливаться не буду. Но, тем не менее, в плане Научного Совета есть ряд вопросов, которые требуют уточнения. Надо отметить, что несмотря на то, что план Научного Совета был послан местным комитетам полтора месяца тому назад, до сих пор ни один комитет не откликнулся, а между тем, насколько мне известно, у всех наших местных комитетов назрел ряд вопросов научного порядка в области дальнейшей разработки орфографии, терминологии, литературного языка и др.

Говоря о плане, мне хочется указать на то, что для оживления работы Научного Совета нужно добиться того, чтобы Научный Совет занимался научными вопросами. В практике же работы НС имелся такой серьезный недостаток, что Научный Совет в значительной части был загружен всякими организационными вопросами, заслушиванием всяких информационных отчетов различных комитетов и т. п. В дальнейшем эту практику надо в корне изменить. Все организационные вопросы—отчетные доклады комитетов, информационные сообщения о поездках и т. п. должны быть непосредственно обсуждаемы ВЦК НА, а Научный Совет должен заняться разработкой вопросов чисто научного порядка. Что касается самого плана Научного Совета на 1933 год, я должен сообщить, что в ЦК НА РСФСР мы план подробно обсудили и свои соображения НС представили. Сейчас я на них не буду останавливаться, только отмечу, что в ряде пунктов план НС не реален, в ряде пунктов требует конкретизации. Но об этом мы по всей вероятности будем говорить в комиссии.

ВРУБЕЛЬ (Научный совет ВЦК НА). Сначала я хочу дать справку о том, что т. Яковлев несколько передергивает смысл цитат из моей статьи и не указывает, в какой связи они стоят. Это—очередная фальсификация.

Мы вчера заслушали доклад академика Марра и доклад тов. Коркмасова. Доклад ак. Марра был очень интересным и дал ряд установок.

Тов. Умар Алиев, говоря об историческом значении пленума, несколько „ограничил" т. Марра, ибо Марр шире понимает историческое значение пленума, он включает в свое понимание и то, что данный пленум перестраивает эту работу под углом зрения повышения теоретического осмысливания всех тех практических мероприятий, которые сейчас проводятся.

Мне хотелось бы подчеркнуть ряд моментов из программного выступления акад. Марра и прежде всего то, что в основном поставлен вопрос о путях развития языка, о путях развития письменности, что в данном случае мы не можем подходить делячески к этому процессу, а должны рассматривать и современность как звено, как этап в цепи исторического развития и только в свете этого исторического развития вопрос современности будет освещен в достаточной мере и наша практика будет не слепа, а действенна.

Был подчеркнут момент взаимоотношений языка, письменности и мышления. Как раз это существенно в том смысле, что если мы говорим о полиграфическом производстве, которое несомненно имеет громаднейшее значение для письма, то здесь нельзя в угоду технике смазывать идеологическую зависимость письма, ибо само письмо есть выражение человеческого осмысливания, и само осмысливание, конечно, происходило не абстрактно-созерцательно, а в связи с развитием производительных сил и производственных отношений.

Далее вопрос о классовом содержании языка и письма. Тов. Марр указал, что мы живем в новых условиях, при новой экономической формации и не было в истории такого случая, чтобы новая экономическая формация не вступала в противоречие со старой, чтобы народившаяся идеология не вступала в борьбу со старой, изживающей себя, идеологией, и конкретно на нашем участке языковедения эту борьбу мы ежедневно, ежечасно встречаем. Мы прекрасно знаем, что индоевропеизм еще силен у нас, что ему дается недостаточный отпор и в области языкового и в области алфавитного строительства. Проявляется ли он в физиологии языка или на других участках, но так или иначе эта опасность существует на деле и ей необходимо дать соответствующий отпор. В практической и теоретической работе по языковому строительству нашей неотложной задачей является борьба с охвостьями индоевропеизма, выступают ли они в форме определенной декларации, выступают ли они в различных заметках, коррективах и т. д., выступают ли они в кавалерийских наскоках, в фальсификаторской форме—мы это должны учитывать и всем этим настроениям должен даваться соответствующий отпор.

Я хочу отметить, что Научный Совет проводил правильную политику в области языкового строительства. Но подчас и в

этой части были некоторые недостатки, о которых я скажу, для того, чтобы вскрыть их, осмыслить и помочь искоренить.

Прежде всего в работе Научного Совета не всегда были строго выдержанные установки, наблюдалась нечеткость в работе, наблюдался подчас самотек. Это не значит, что при этом самотеке отсутствовала активность мест; нет, активность была, но был и разнобой в работе. Далее не было соответствующей теоретической базы. Все эти моменты несомненно сказались и скажутся в дальнейшей работе.

Руководство со стороны Научного Совета было недостаточно: фигурировали отдельные работники Научного Совета, а Научный Совет сам по себе был в тени; в результате о работе Научного Совета судили по отдельным научным работникам. Такое положение я считаю ненормальным, потому что Научный Совет является штабом революционной стройки и его творчество должно чувствоваться во всех звеньях, не должно выпирать „творчество" отдельных научных работников.

Надо отнести к недочетам работы Научного Совета и то, что эта работа часто не фиксируется и очень трудно бывает иногда проследить за всей суммой работы НС.

Мне хотелось бы коснуться тех выступлений, где частично защищалась теория штампа: Научный Совет будто бы должен превратиться в какой-то регистрирующий орган; места должны работать, а Научный Совет только утверждать. Мне кажется, такая точка звения в корне неправильна. Прежде всего существование Научного Совета будет тогда оправдываться, ежели Научный Совет будет действительно конкретно руководить работой мест. На местах имеются кадры, на местах прорабатывается ряд вопросов, некоторые вопросы ставятся очень остро, требуются ответы, и Научный Совет должен дать местам ответы по тем проблемам, которые они ставят. Необходимо, чтобы Научный Совет был действительно организующей силой.

Надо отметить большие недочеты в работе журнала. Журнал прежде всего не вооружает практиков, теоретически стоит на небольшой высоте и, кроме того, этот журнал—не массовый журнал, хотя потребность в таком журнале чрезвычайно большая. Журнал несомненно должен отвечать тем запросам, которые предъявляются по отношению к лингвистическому фронту. Надо сказать, что журнал допускает ряд ошибок, преподнося, под видом самокритики, совершенно беспринципные статьи, хотя бы статьи Сухотина и Яковлева и ряд других статей. В то время, когда ведется научный спор по тем или иным языковым вопросам, журнал должен иметь определенную точку зрения по этим вопросам, а такой точки зрения у журнала не было, в результате получилось то, что уклоны, появляющиеся в теории и на практике, своевременно не были разоблачен в журнале.

Руководством журнал также не обеспечен. Здесь требуется определенный подбор лиц и определенная твердая установка.

О связи с научно-исследовательскими институтами. Только сейчас наметился более или менее тесный контакт между Научным Советом и научно-исследовательскими институтами. Этот контакт надо еще больше развивать. Надо с одной стороны увязываться с научно-исследовательскими институтами на местах,

а с другой стороны с нашими центральными научно-исследовательскими институтами, которые несомненно принесут пользу и помогут НС в его трудной работе.

Надо отметить еще один момент,—это то, что темпы нашей работы не стали еще подлинно большевистскими темпами.

Несмотря на все это, все же НС проводит громаднейшую революционную работу по языковой стройке.

Перед Научным Советом стоит вопрос о необходимости подготовить такие кадры, которые действительно могли бы проводить работу по языковому строительству.

ЮМАНКУЛОВ (Сектор Науки НКП РСФСР). Я хочу остановиться на работе НС главным образом в историческом разрезе. Работа НС со дня возникновения Комитета нового алфавита разбивается на три периода.

Первый период—это до начала 1932 года, когда НС в своей работе не имел плановости. Доклады НС на предыдущих пленумах ВЦК НА подтверждают это положение.

Раньше мы заслушивали на пленумах ВЦК НА доклады НС лишь по отдельным вопросам, которые выдвигались жизнью. Но докладов о планировании научной работы по линии НА ни на одном пленуме мы не слышали.

Второй период—это период с начала 1932 г. Здесь НС начинает вести работу организованно, планово, и для того, чтобы поставить свою работу наиболее четко и близко к интересам мест, НС занимается изучением местных условий. Летом этого года НС командировал ряд товарищей в союзные республики с целью выявить состояние работы по новому алфавиту, учесть опыт работы мест и помочь им в их работе.

Какие недочеты и недостатки имел НС в этот период? Наш пленум созван для совместного выявления недочетов нашей научной работы и обсуждения дальнейших перспектив ее. Первый недочет, о чем говорил тов. Коркмасов—это организационная слабость работы Научного Совета здесь и на местах.

Второе, что затрудняло работу Научного Совета—это отсутствие опоры для научной работы НС на местах. Таких организаций, на которые Центральный Научный Совет мог бы систематически в своей работе опираться, не было, не было организаций, через которые Научный Совет мог бы проводить свои плановые мероприятия, получать ответ на свои запросы. Достаточно сказать, что даже на свои запросы по подготовке к пленуму Научный Совет получил отклик только со стороны пяти организаций.

Третья трудность—это оторванность плановой работы Научного Совета от научно-исследовательских учреждений. Мне кажется, что для того, чтобы четко организовать свою работу, Научный Совет должен найти реальные пути увязки с научно-исследовательскими учреждениями. Научный Совет перед пленумом специально командировал товарищей для изучения работы научно-исследовательских учреждений по новому алфавиту. Это хорошо и этот момент необходимо подчеркнуть.

Кроме того, надо отметить следующий затрудняющий момент: это планово-производственная оторванность Научного Совета

от органов просвещения. С Наркомпросами мы связи почти не имеем. На данном пленуме этот вопрос надо поставить и я думаю, что этот недостаток мы в будущем изживем. Всем известно, что при всех Наркомпросах имеются научно-исследовательские учреждения, которые ведут работу по лингвистике. Этих научно-исследовательских учреждений по РСФСР, например, больше 20, а если взять по всему Союзу, то гораздо больше. И вот увязка работы Научного Совета с этими научно-исследовательскими учреждениями Наркомпросов, является кардинальным моментом в дальнейшей научно-исследовательской работе НС.

Третий период работы НС, о котором я еще не сказал—это период перестройки работы НС в направлении о с в о е н и я тех достижений, которые у нас имеются на фронте нового алфавита. Для этого нужно усилить плановость в работе НС и его связь с органами просвещения и научно-исследовательскими учреждениями. В связи с этим я хочу остановиться на выступлении т. Яковлева. Он, не учитывая разрыва между просвещенческими органами и Научным Советом, выдвигает предложение об организации специального научно-исследовательского института по новому алфавиту. Это вопроса не решает; вопрос решается умением использовать те научно-исследовательские учреждения, которые в настоящее время уже имеются.

В связи с этим я хочу коротко остановиться на выступлениях трех товарищей: Сейфи, Кошкина и Гаджибекова. Доклады этих товарищей не были докладами Комитетов нового алфавита; это скорее доклады о работе, проделанной научно-исследовательскими институтами. Этот факт говорит о том, что работа научно-исследовательских институтов в области НА дает наилучшие результаты, и это—лучший путь организации научно-исследовательской работы.

Тов. Джафаров, говоря о работе в Татреспублике, сказал, что Комитет НА в области научной сделал очень мало, а вся работа велась научно-исследовательскими институтами. Я считаю, что это не беда, а совершенно правильный курс, и если Комитет взял курс на увязку своей работы с научно-исследовательскими институтами, использовал их для своих целей, то это очень хорошо. Так же надо поступать во всех республиках.

ГРАНДЕ (К о м и т е т НА РСФСР) Товарищи, здесь уже отмечались все достижения, которые имеются в работе Научного Совета. В порядке самокритики нужно указать на те недостатки, которые имели место в этой работе, для того, чтобы мы могли знать, как бороться с ними. В вопросах методологического порядка в Научном Совете безусловно были шатания; очень часто была нечеткость и неясность в работе. Когда мы говорим о работе Научного Совета, то мы должны иметь в виду, что работу ведут конкретные лица. Значит, борьба за изживание недостатков заключается в том, чтобы отсеять лиц, мешающих работе, чтобы поставить всю работу на правильные рельсы.

ВЦК НА проявлял большую заботу о реорганизации работы Научного Совета и подборе его личного состава, и в этом направлении достигнуты коренные изменения. Мы помним те времена, когда в Научном Совете работали такие лица, как

Чебан-заде, Поливанов и др. Мы помним, напр. и то, как на одном из пленумов ВЦК НА Чебан-заде заявлял, что „нашей установкой является единый язык для всех тюрко-татарских народов".

Коснусь тех методологических шатаний в работе НС, о которых я упоминал в начале своего выступления. В 1932 г. также имели место кое-какие методологические недочеты. Это с одной стороны отразилось в ряде статей, направленных против теории акад. Марра и напечатанных в журнале ВЦК НА „Культура и письменность Востока". С другой стороны, также проявлена нечеткость при разработке центральной проблемы—проблемы унификации. Сейчас мы имеем авторитетное заявление Коркмасова о том, что НС в дальнейшем будет работать в тесном сотрудничестве с академиком Марром.

Тут упоминалось о несостоявшихся экспедициях. Сорвались они также в известной мере из-за нечеткости в работе НС. В частности, экспедиция в Дагестан сорвалась из-за того, что в качестве методического руководителя экспедиции был привлечен товарищ, который не имеет никакого отношения к восточным языкам и их не знает. И вот дня за два-три до посылки экспедиции пришлось этого товарища из состава экспедиции вывести, из-за его неправильных методологических установок. Пришлось искать нового руководителя, для чего обратились к академику Марру. Но было уже поздно, и невозможно было никого найти. Таким образом экспедиция в Дагестан не состоялась.

Дальше хотелось бы указать на некоторые недостатки организационного порядка. План работы Научного Совета на 1932 г., как правильно указал тов. Тогжанов, был загружен разными вопросами чисто организационного порядка, т. е. теми вопросами, которыми фактически должен заниматься не Научный Совет, а президиум ВЦК НА. В отчете значится, что в течение года было рассмотрено 193 вопроса на 32 заседаниях, т. е. примерно по 6 вопросов на каждое заседание. Рассмотреть 6 вопросов научного порядка на одном заседании невозможно, научные вопросы требуют детальной проработки. В дальнейшем от организационных вопросов нужно Научный Совет полностью разгрузить и передавать их Президиуму, а Научному Совету дать только научные вопросы. Кроме того на 12 заседаниях в течение 1932 года рассматривался план работы 1932 года, а план работы 1933 г. рассматривался на 6 заседаниях. На 18 заседаниях из 32 НС занимался рассматриванием планов работ, Это слишком много. Рассмотрение плана можно передать в комиссию, а Научный Совет может отдать этому вопросу 2—3 заседания, не больше.

Дальше—целый ряд вопросов внесен на заседания НС с некоторым запозданием. Например, здесь имеется пункт о составлении сводной таблицы знаков всех алфавитов. Научный Совет кое-что здесь провел. Еще в течение 1931 г. и начала 1932 г. такая работа проделана в Комитете Нового Алфавита РСФСР. Между тем в план Научного Совета внесен этот пункт и выделены для этого три работника, которые фактически займутся работой, уже давно готовой.

Составление списка языков также вносится, как специальный пункт, в то время как над этим вопросом работает ИПИН Академии Наук. Недавно был получен из Академии Наук последний вариант этого списка, так что НС не следует заниматься тем, что уже сделано авторитетным учреждением.

В план вносится, как специальный пункт, составление списка бесписьменных народов. По Комитету РСФСР этот список был составлен мною в течение очень короткого времени и этим списком можно легко воспользоваться, не загромождая плана НС.

Или вносится специальный пункт: вопрос об удмуртском алфавите. Удмуртский алфавит был утвержден в 1931 г. вместе с коми-алфавитом. Значит вопрос только в том, чтобы продвинуть его на места, а сызнова составлять его нет нужды, и поэтому не к чему включать в план.

Или в плане имеется весьма важный пункт—клавиатура пишущих машин. По этой линии тоже сделано уже очень много. В конце 1932 г. у нас в Комитете РСФСР была разработана унифицированная клавиатура пишущих машин, которой могут пользоваться большинство латинизированных письменностей. Эта машина уже изготовлена Московским механическим заводом; она в Комитете имеется. Конечно, это лишь первая наметка. Клавиатуру нужно уточнять дальше, но во всяком случае нужно иметь в виду, что такого рода работа уже начата и имеются известные результаты.

Все это показывает, что в план НС на 1933 г. внесено много лишнего и недостаточен учет того, что уже сделано.

Здесь высказывали мнение, что для того, чтобы выполнить весь этот громадный план, было бы желательно организовать специальный научно-исследовательский институт при Комитете НА. Я считаю это нецелесообразным. Существуют центральные научно-исследовательские институты, в которых работают те же лица, что и у нас, так как лингвистов в центре очень мало. К чему бы это свелось? Был бы еще один параллельный институт, в котором работали бы все те же лица. Более целесообразно продолжать ту линию, которая наметилась в НС в течение 1932 г., а именно: привлечь к выполнению плана существующие научные учреждения, распределив среди них отдельные научные работы по договорам, а за НС оставить общее руководство и координирование всех вопросов.

Еще о плане на 1933 г. В план внесен вопрос о разработке знаков научной транскрипции на базе НА. О какой новой транскрипции на базе НА может быть речь? Существуют различные фонетические транскрипции; они составлены, исходя из физиологизма и биологизма и совершенно не удовлетворяют нас в научной работе. С другой стороны, существует научная транскрипция, предложенная ак. Марром, который рассматривает язык как явление общественное, учитывая взаимосвязанность, существующую между языками, и т. д. Когда мы говорим о необходимости точной транскрипции звука, ясно, что НС должен применять для этой цели транскрипцию, которая существует, т. е. транскрипцию ак. Марра. Если же НС будет разрабатывать новую транскрипцию, опять-таки на базе биоло-

гизма и физиологизма, то это никуда не годится. Это будет только новый вариант индоевропейской транскрипции.

Несколько слов о популяризации НА. Я думаю, что к плану надо добавить издание брошюр на языках тех народов, которые сейчас готовятся к переходу на НА, как например на еврейском, марийском и удмуртском языках.

По вопросу об алфавитном справочнике. Об этом справочнике говорят уже в течение двух лет, потрачены на это очень большие деньги, но фактически ничего не сделано. Справочник —вещь необходимая и важная; это—научная работа, которая должна быть сделана. Я бы предложил, не дожидаясь издания большого справочника с большими материалами, издать краткий алфавитный справочник приблизительно в 5—6 печатных листов, которым мог бы пользоваться любой низовой партработник, профработник и т. д.

ЛАЙХТЕР (инструктор ВЦК НА). Главным недостатком работы НС за все время его существования является отсутствие более или менее твердых установок в некоторых основных вопросах латинизации. Я постараюсь перечислить те вопросы, ответов на которые до сих пор не имеет НС и на которые обязательно нужно дать ответы для того, чтобы иметь ясную линию в вопросах латинизации и строительства алфавита, для того, чтобы ликвидировать большинство тех споров, которые сейчас ведутся совершенно бесплодно.

Прежде всего ВЦК НА не определил, какие народы следует вовлекать в латинизацию на данном историческом этапе. Никто не спорит о том, что народы бесписьменные должны строить свою письменность на основе латинизированного алфавита. Никто не спорит о том, что народы с трудной, недоступной массам письменностью, при переходе на другой алфавит должны ориентироваться на латинизированный алфавит. Это не вызывает никаких сомнений, и как будто сейчас в пределах нашего Союза таких народов уже не осталось. Но вот есть народы с письменностью нетрудной, массам доступной, но национально ограниченной по форме, или с письменностью т. н. миссионерско-русской. На данном историческом этапе, при массовой грамотности этих народов, должны ли мы стремиться к переходу этих народов на латинизированный алфавит или это является исторически несвоевременным? На этот вопрос ответа нет, и по этим вопросам каждый товарищ выступает по собственному разумению.

А между тем мы знаем, что латинизация и смена алфавитов производится не сама собой. Поднимаются разговоры о латинизации письменности мордвы, удмуртов, евреев и т. д. Разрешение этого вопроса зависит от определенных политических установок, которые ВЦК НА должен безусловно дать. Кстати, правильно ли в данный момент, через 15 лет после Октября, продолжать называть алфавит чуваш, мордвы и т. п. миссионерским? Надо и этот вопрос осветить теоретически.

Обратимся дальше к принципу построения алфавитов. Мы знаем, что выработано больше 60 алфавитов. А имелись ли принципы для этой выработки? Во всем остальном, кроме 33 букв

яналифа, каждый поступал, как хотел, поэтому можно определенно сказать, что алфавиты строились и строятся без всякого принципа. Я перечислю те вопросы, которые нужно было бы решить прежде, чем давать рецепт построения алфавита.

Прежде всего надо определить, каким моментом обуславливается построение алфавита. Нужно определить, какие соображения должны быть положены в основу: лингвистические, или технические, или соображения педагогические. Может быть—все вместе взятые, а может быть некоторые из них являются решающими. Этот вопрос теоретически ВЦК НА совершенно не осмыслил, ответа на него не дал; люди спорят, волнуются, и все это потому, что у ВЦК НА нет по этому поводу никакой установки. Если нужно исходить из соображений лингвистики, то нужно знать, надо ли ориентироваться на состояние языка на данный день (который тут же становится вчерашним) или нужно ориентироваться на сегодняшнее и завтрашнее состояние языка, т. е. с учетом той фонетической ломки, которая происходит под влиянием проникновения в язык заимствованных и интернациональных слов. На этот вопрос ответ не дается, каждый поступает по своему и алфавиты строятся поразному. Одни считают, что в алфавит должен быть внесен целый ряд букв для выражения звуков, которые только входят в этот язык, другие отбрасывают эти буквы и в результате получается разнобой.

Нужно дать ответ на вопрос, какую роль играет техника в построении алфавита. Характерно, что большинство товарищей, здесь присутствующих—лингвисты, или имеющие то или иное отношение к языку, а представителей техники у нас тут мало. Это очень жаль; ВЦК НА нужно было бы знать мнение представителей техники, т. к. вопрос о том, какую роль занимает техника в построении алфавита, еще не выяснен. И техника бывает разная. Одно дело—обусловить построение алфавита техникой телеграфа, другое дело—обусловить его техникой полиграфии и т. д. Кроме того, и в полиграфии существует различная техника, тут можно иметь в виду и ручной набор, и машинный, т. е. высшие и низшие формы полиграфии; свои условия пред'являет и применение пишущих машинок. Этот вопрос также ВЦК НА до сих пор не осмыслен, а между тем нельзя строить алфавит без учета роли техники. Это все связано с вопросом, который у нас совершенно не освещен, с вопросом о том, может ли строиться алфавит без всякого предела количества букв? Допустимо это или нет? Если ВЦК НА считает это допустимым, то это должно быть у нас зафиксировано.

Я должен сказать, что не последнее место в вопросах построения алфавита и в вопросах латинизации играет вопрос, связанный с техникой,—вопрос военный. Ведь алфавит есть средство связи и в военное время он получает военное значение. А между тем, с этой точки зрения никогда не подходили к построению алфавита, и военная мысль здесь не была привлечена. Этот вопрос также нужно будет осветить.

Если при построении алфавита иметь в виду соображения педагогические, то надо определить, какое именно место должна занимать педагогика в этом вопросе. Нам нужно знать,

должны ли мы ориентироваться на начальное или повышенное обучение, на потребности письма или чтения. Этот вопрос также не освещен и ввиду этого существуют различные установки у различных товарищей, и различные способы разрешения этих вопросов.

ПАШКОВ. Товарищи, я сейчас выступаю, как представитель национальной научно-исследовательской кафедры калмыцкого языка и литературы (Саратовского Индустриально-Педагогического Института). Я хотел бы сказать, что тов. Коркмасов в своем отчете о достижениях Научного Совета говорил очень скромно. Что это так, я могу иллюстрировать на примере помощи Научного Совета местам, в частности Калмыкии. В Калмыцкой области в отношении нового литературного языка имеются два очень важных вопроса. Первый вопрос связан с уточнением основ нового литературного языка, второй вопрос—с установлением орфографии. Для разрешения первого вопроса мы должны были провести диалектологическую экспедицию еще в 1930 году, но кадров националов и специалистов для проведения этой экспедиции в течение истекших трех лет не оказывалось, и только в прошлом году кафедрой было выделено несколько студентов-калмыков для участия в этой экспедиции, но необходима была специальная подготовка этих выделенных товарищей. Эту подготовку по поручению Научного Совета провела лингвистическая комиссия НИАНКП. Таким путем шесть калмыков оказались вполне подготовленными для участия в экспедиции. Я уже не говорю о том, что был разработан научный план и маршрут этой экспедиции. Вот первая помощь Научного Совета.

Вторая помощь была оказана в отношении орфографии. Предстоит вторая орфографическая конференция для разрешения вопросов орфографии гласных и согласных ново-калмыцкого литературного языка. В связи с этим Научным Советом был заслушан доклад представителя кафедры о состоянии вопроса и тех предложениях, которые могли бы улучшить орфографию. По заслушании доклада Научный Совет предложил кафедре продолжать эту работу и дал конкретные указания, в каком направлении должна вестись эта работа. Научный Совет постановил в марте созвать специальное совещание, вызвав специалистов из Ленинграда, Москвы, национальных работников, на котором заслушать результаты работы кафедры. На совещании решено одновременно обсудить и бурят-монгольскую орфографию. Результаты совещания, как материал, препроводить в Калмыкию (и в Бурятию) для проведения орфографической конференции.

Эта помощь Научного Совета местам является наилучшей формой помощи и должна быть всячески приветствуема. Нужно надеяться, что и в дальнейшем такая помощь Научным Советом будет осуществляться.

Я хочу сказать еще несколько слов об участии Саратовской кафедры в реализации плана Научного Совета.

Кафедра калмыцкого языка получила план 1933 г., на заседании кафедры этот план обсуждался, и мы просили Научный Совет внести дополнительный пункт об обследо-

вании калмыков, находящихся в Кара-Калпакской республике и относительно которых мало что известно, поставив вопрос об обслуживании их письменностью. Поставлен также вопрос об обследовании языка калмыков Сев. Кавказа. Научный Совет эти предложения кафедры принял. Кроме того, кафедра получила от Научного Совета предложение принять участие в обследовании языка сарт-калмыков Киргизстана. Из данного примера видно, что у нас с Научным Советом имеется самая тесная научная связь, кафедра принимает участие в реализации плана, получает руководство и надеется в дальнейшем сохранить и укрепить свою связь.

Нам известна связь Научного Совета с мордовской кафедрой в Саратове, которая принимает участие в разработке плана. По отчетным материалам Научного Совета видно, что 27 научно-исследовательских организаций помогают в реализации плана НС. Таким образом в отношении методов работы Научного Совета дело обстоит удовлетворительно: привлечены авторитетнейшие научно-исследовательские учреждения, отдельные специалисты, наконец самый факт созыва пленума и заслушание доклада акад. Марра, все это говорит о том, что работа Научного Совета ведется правильными методами.

Теперь я хочу дать справку тов. Гаджибекову. Вчера он указал на недочеты отчетных материалов, указал, что по дагестанской терминологии не было заслушано доклада. Протоколы Научного Совета показывают, что был заслушан такой доклад... самого товарища Гаджибекова. Тов. Гаджибеков дальше указал, что Дагестанский комитет сделал заявку на участие в реализации плана Научного Совета (1933 г.). В делах Научного Совета такой заявки не имеется, надо это ускорить.

Акад. САМОЙЛОВИЧ. Товарищи, как здесь неоднократно отмечалось, созыв настоящего пленума Научного Совета является чрезвычайно своевременным, особенно в виду того, что момент созыва совпадает с началом второй пятилетки. Нужно ли повторять, что действительно в области языкового строительства не только Комитет НА, но и все научно-исследовательские учреждения, занимающиеся вопросами языка, в первой пятилетке отстали от запросов жизни.

Задачи, которые стоят перед языковым строительством во второй пятилетке, чрезвычайно ответственны и в высшей степени сложны. Поэтому мы должны самым внимательным образом отнестись к тому плану, который наметил Научный Совет на 1933 год.

Причины отставания теоретической работы на языковом фронте от требований жизни уже отмечались (последним об этом говорил товарищ Гранде). На данном вопросе останавливаться не буду. Тот факт, что за первую пятилетку мы отстали от запросов жизни, отразился на плане Научного Совета на 1933 год в том смысле, что этот план, стараясь наверстать пропущенное, оказался и должен был оказаться весьма сложным. Но я думаю, что мы оценим этот план со всей его сложностью, как план реальный, если правильно учтем роль Научного Совета в осуществлении этого плана. Я думаю, что Научный Совет, составляя план, исходил из той мысли, что он

является об'единяющим центром в отношении ряда научно-исследовательских учреждений по вопросам языкового строительства. Это видно из технического построения плана, где при отдельных вопросах предусмотрены ссылки на те лица и на те учреждения, которые должны участвовать в разработке этого плана. Совершенно соответствует роли Комитета в осуществлении задач и НА, и терминологии, и орфографии, и литературных языков то, что большинство соответствующих вопросов формулированы, как руководящее содействие местам при осуществлении этих задач. Поэтому необходимо использовать настоящий пленум для того, чтобы конкретно указать участие тех или других научно-исследовательских учреждений в осуществлении этого плана. Что касается участия Всесоюзной Академии наук в разработке вопросов, включенных в план Научного совета, то я должен указать, что первый пункт программы, а именно „классики марксизма о языке и письменности" не только предусмотрен в программе руководящего учреждения Академии Наук по лингвистике — Института языка и мышления, но в настоящее время уже выполнен и хрестоматия находится в печати. Высказывания классиков марксизма по вопросам языка и письменности составили книгу об'емом более, чем в 20 листов.

Затем учреждения Академии наук, возглавляемые Институтом языка и мышления, могли бы принять участие, кроме тех пунктов, которые указаны в плане, еще и в разработке п. п. 2, 4, 9, 10, 11, 12 и 21, причем 21 пункт, касающийся выработки научного алфавита, должен подвергнуться особому обсуждению, с учетом того обстоятельства, на которое указал тов. Гранде.

Я затрону еще пункт о составлении пятилетнего плана работы НС, предусмотренный настоящим планом.

Я думаю, что поскольку Научный совет привлекает к участию в работе ряд научно-исследовательских учреждений, было бы в высшей степени целесообразно после черновой подготовки пятилетнего плана Научного совета, подвергнуть его обсуждению на пленуме НС с участием представителей учреждений и взаимно согласовать пятилетние планы научно-исследовательских учреждений и НС.

Я думаю, что этот исторический пленум действительно явится исходным моментом нового направления в работе Научного совета и всего Центрального комитета НА в целом, и эти новые установки позволят нам, несмотря на всю грандиозность плана, выполнить его. Нельзя допустить, чтобы во второй пятилетке на фронте языкового строительства мы опять обнаружили отставание.

Здесь правильно отмечали, что в целом ряде республик и автономных областей не только местные комитеты НА, но и другие научно-исследовательские учреждения настолько окрепли, что они могут играть и уже играют крупнейшую роль в нашей общей работе. Необходимо особенно подчеркнуть желательность осуществления полностью того пункта плана, который говорит о связи с местами.

Следя за литературой, которая выходит на местах по вопросам языкового строительства, действительно нельзя не обра-

тить внимания на то, что методологическое руководство из центра до сих пор весьма слабо, а в некоторых местах, повидимому, совершенно не проявлялось. Я думаю, что на ближайший год и на ближайшую пятилетку в этом направлении соответствующие меры будут приняты и таким образом действительно будет создана ассоциация научно-исследовательских учреждений местных и центральных, об'единяемая Научным Советом ВЦК НА в осуществлении всех тех задач, которые входят в программу на ближайшее время.

Акад. И. МЕЩАНИНОВ. Товарищи, те обильные прения, которые развернулись здесь, касались в значительной степени прошлой работы Научного совета. Мне кажется, что это было не лишне, так же как не лишним было и заявление т. Коркмасова о том, что основным пунктом наших работ является обсуждение плана на предстоящий год.

План ВЦК НА 1933 г. действительно построен с установкой на ликвидацию самотека в работе, который был характерным для деятельности предшествующего состава НС. Это видно из того, что только сейчас ставится вопрос о сводке унифицированного алфавита. Если мы посмотрим на таблицы выработанных алфавитов, то увидим, что часто одной и той же графемой передаются различные фонемы. Если сейчас Совет ставит своим заданием планомерную работу, то 1933 г. может исправить целый ряд ошибок, которые были допущены в прошлом.

Я надеюсь, что президиум не очень на меня обидится, если я скажу, что план НС на 1933 г. меня не полностью удовлетворяет. Принять его нужно с определенной оговоркой: его надо исправлять на-ходу. Но на-ходу исправлять можно только то, что нельзя было предусмотреть раньше. Мне кажется, что уточнить его так, как мне хотелось бы, невозможно даже сейчас. Предположить, что Центральный комитет НА у себя сможет сосредоточить такой аппарат, который будет в силах обслуживать все языки, невозможно. Следовательно, здесь выход придется искать в другом, а именно в согласованности действий центральных научно-исследовательских учреждений с местными учреждениями. Но к сожалению все доклады с мест носили отчетный характер, докладчики не указывали перспектив своей работы на будущее. В силу этого Центральному комитету НА будет очень трудно сейчас намегить конкретные пути связи с местными учреждениями установить те вопросы, которые можно было бы переложить на местные научные силы и те, которые нужно решать здесь в центре. Между тем, положение на местах довольно тяжелое. Представитель Дагестана т. Гаджибеков указал, что местным комитетам приходится выходить за рамки своих полномочий. Мне кажется, представители центральных лингвистических учреждений нередко боятся именно таких заказов с мест, на которые они не смогут дать ответа, а между тем местные учреждения по своему положению в крае должны всесторонне обслуживать лингвистический фронт и этим они сплошь и рядом выходят из рамок своих заданий, согласуемых с работой НА.

В этом отношении надо взять следующую линию: нужно, чтобы центральный Научный совет дал местам ряд тематиче-

ских заданий из общего годового плана, согласованного с местами, исходящего из их нужд, с тем, чтобы разработанный материал с мест окончательно рассматривался здесь, в Комитете. Этим удастся избежать необходимости привлечения в самый Комитет большого количества лиц, могущих обслужить все языки. Но это также требует более реальной увязки работы Научного совета с той тематикой, которая имеется на местах, а поэтому Научный совет должен знать не только то, что сделали местные учреждения, но и то, что они планируют на будущее. Этого нам докладчики не сказали, отсюда и план Научного совета не может быть действительно реальным. Исходя из этого план надо уточнять на-ходу, добиваясь самой тесной увязки с местными комитетами и учреждениями.

Это одна сторона вопроса. Другая заключается в согласованности действий НС с центральными научно-исследовательскими учреждениями. Прав был ак. Самойлович, когда он говорил, что целый ряд тем, запланированных Центральным комитетом и рассматриваемых в центральных учреждениях научно-исследовательского типа должен быть согласован. Я думаю, что научно-исследовательские учреждения должны будут принимать на себя заказ, который Комитет будет им давать. Но в каких пределах? В тех пределах, в которых лежат основные задания самого комитета. Если же имеется вопрос, например, о литературном языке, который тоже связан с вопросом орфографии, то НС может целиком передать этот вопрос другим научно-исследовательским учреждениям по специальности. Причем здесь должна быть четко спланированная совместная работа. Только тогда это даст наибольший эффект при меньшей затрате сил и времени. Поскольку сейчас план НС не увязан с деятельностью центральных научно-исследовательских учреждений, постольку и на нынешний период возможен параллелизм в работе. Вот почему я выдвигаю вопрос об исправлении и уточнении плана НС на-ходу.

Тов. Коркмасов особо подчеркнул, что доклад Николая Яковлевича Марра является руководящим. Отсюда вытекает со всей очевидностью обеспеченность согласования работ по крайней мере с нами. Мы должны употребить все силы, чтобы выполнить те ответственные задания, которые перед нами поставлены.

ЭТИН (ЦК НА РСФСР) План Научного совета широко охватывает все нужды, которые пред'являются местами к центральным научно-исследовательским учреждениям и в данном случае к Научному совету ВЦК НА. Но, несмотря на это, следует указать на целый ряд недочетов и на возможность промахов при выполнении этого плана. При составлении всякого большого плана нужно учитывать средства выполнения. И вот, мне кажется, неконкретность нашего плана заключается именно в том, что мы не предусмотрели всех путей его выполнения. Силы Научного совета не настолько велики, чтобы он мог самостоятельно выполнить такой широкий план. Поэтому нужна самая тесная связь с местами и переключение части работ в соответствующие центральные научные учреждения.

В плане не предусмотрен такой очень существенный момент,

как методология проведения его. Как будут проводиться все эти вопросы, кем будут проводиться эти вопросы, какими силами и средствами мы будем располагать, на что мы можем рассчитывать на местах? Это тоже остается неизвестным. Мы прекрасно знаем, что некоторые районы, как например Северный Кавказ или такие крупные республики, как средне-азиатские, могут самостоятельно проводить любые широкие планы, потому что там сосредоточены значительные силы и средства. Но в большинстве нацреспублик этих сил нет, поэтому они ждут помощи от Научного совета, по плану мы этого не видим. Надо в плане точно указать, что мы должны делать на местах и какую помощь места получат от центра.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Академик МАРР. Товарищи, я захватил, к сожалению, только конец выступления Ивана Ивановича Мещанинова и потому возможно, что я его не совсем правильно понял. Надеюсь, что мое впечатление от его слов ошибочное.

Я боюсь, что мое вчерашнее выступление было некоторыми не понято. Получилось впечатление, что я хотел что-то защищать, являлся защитником какой-то программы. На самом дело это не совсем так. Нечего вспоминать старое, нам это совсем не нужно: мы только запутаемся. Нам нужно взять то, что есть сейчас. С другой стороны, я испугался, когда Иван Иванович сказал, что руководство всей работой должно быть передано научно-исследовательскому учреждению. Помилуйте, это ужас: ведь мы и так знаем, что сил у научных учреждений нехватает. Я думаю, однако, что в этом я не расхожусь с Иваном Ивановичем.

Получается иногда такая картина: вы посылаете материал в учреждение, но надо предварительно выбрать, в какое учреждение послать материал, какое учреждение сможет сделать то, что вам нужно. Если вы знаете, что учреждение не в состоянии, не подготовлено сделать то, что нужно,—не давайте туда вашего материала. Иногда бывает, что лучше послать материал в какое-либо инженерное учреждение, чем в лингвистическое, потому что инженеры поймут, о чем идет речь, а языковеды могут не понять. Меня смутил такой факт: один товарищ, которого я хорошо знаю и который действительно много работает, смутил меня фразой (я ее тогда же записал) „прочная увязка с практикой жизни“. Помилуйте, разве может существовать такая лингвистика, о которой еще нужно думать, как ее увязать с жизнью? Разумеется, есть такое учение, которое не знает, как увязаться с жизнью, но я знаю также другое учение, которое с жизнью увязано. А если нужно еще только думать об увязке языкознания с жизнью, то дело наше плохо, тогда самые живые вопросы письма не пойдут вперед.

Товарищи, когда я вчера говорил об исторической части, я говорил это не по случаю торжественной сессии. Вопрос о буквах и фонемах—вопрос громадной важности. Бывает, что человек как будто и лингвист,—но он не всегда поймет, какие имеются практические достижения. Он поймет термины лишь

технически, потому что он не знает о необходимости иметь в виду (я это вчера и говорил) технику языка и технику мышления говорящего.

Мы вынуждены давать производственные термины, потому что техники, не будучи лингвистами и лет по двадцать работая по своей специальности, не сумели найти единой терминологии. Тогда должен высказаться методолог; но когда методолог создает термины, то ничего из этого не получается, так как некоторые методологи не представляют себе, какая форма из какой вышла. Между тем, если проработать технически вопросы терминологии, то получаются поразительные результаты.

Но почему вопросы терминологии до сего времени не разрешены? Ведь собираются специалисты организованно в Англии, во Франции и могли бы собираться у нас, договориться, обсудить, поставить новые вопросы. Однако из этих обсуждений как будто ничего не выходит: выбирают комиссии, переносят вопрос на следующее заседание, снова спорят, а потом опять жалуются, что ничего не выходит.

Не выходит потому, что все считают, что решать вопросы терминологии надо по признаку: сколько людей говорят на английском языке? Столько-то. Сколько говорят на остальных языках? Столько-то. Затем решают, что тот язык, на котором говорит большинство—основной, и на нем составляется терминология. Есть такие языки, которые будто бы учитывают все термины, а поэтому, мол, все остальные национальности должны учиться этому языку, например, английскому. В древнее время лучшей культуры, чем греческая, не было создано, но наука не шла вперед, потому что нехватало техники. Ничего не вышло раньше и по единому письму, потому что ничего не было согласовано, так как буржуазная страна считает свое письмо лучшим в мире. Оказывается, что чем больше будут считать себя и свой язык или свое письмо лучшим в мире,—тем дольше будут отставать. Тогда оказался один единственный выход—эсперанто. Но единственные эсперантисты, существовавшие до сих пор,—это эсперантисты капиталистических стран, а от них требуют создания социалистических эсперантистов, требуют, чтобы был создан общий язык для восточных народов, чтобы были слова, понятные массам, и термины, которые известны массам. Но знаете ли вы, какое количество терминов имеется по одной только отрасли техники или промышленности (например, по транспорту)? Их чуть ли не миллионы. А чем мы занимаемся? Мы плаваем в небесах, или хуже того,—мы находимся в яме. Я имею ввиду не уважаемое собрание, а вообще лингвистов, тех, даже новых, которые не знают, что такое лингвистика, требующая технических терминов.

Мы создаем письменность, о которой никто за границей и не мечтает. Каждый день вырастают новые термины. Если же исходить из наличия таких лингвистов-теоретиков, которые не растут от прогресса производства и не предусматривают, что будет дальше,—то мы дадим неправильную установку в работе по письму и каждый день будем попадать в тупик. Лингвистика—прежде всего историческая наука. Кто по-настоящему

занимается, например, языками Кавказа в Европе? Никто, и по этим языкам в Европе составляется такая история, которая совершенно искажает действительность.

Когда в Ленинграде мы собирались по вопросам терминологии, и когда пришлось в резолюции указать, кто именно будет над этими вопросами работать, то оказалось, что никто не будет. Искали и среди техников—никого нет, т. е. специалисты занимаются терминологией, но не настолько, чтобы видно было, что это—их актуальнейшее дело, без которого они дальше работать не могут.

Мы занимаемся теперь вопросом о том, как надо строить язык; исходя из этого, надо вопрос поставить обо всех национальных языках. Особенно это верно в наших условиях, когда в одном случае приходится не строить, а перестраивать, а в другом — строить, но сначала расчистить место для стройки.

Когда вы собираетесь строить язык, то отдайте себе сначала отчет, куда вы смотрите—вперед или назад? В прошлом есть ряд достижений, которые при царизме нельзя было использовать, и они зачахли, но в новых условиях они могут расцвести. Например, когда хороший филолог будет хорошо изучать материал, то мы будем с ним работать, но руководить лингвистической работой он не может. Но когда лингвист, который абсолютно не знает, что было написано раньше по языку, какое отношение это имеет к жизни, захочет вести руководящую работу, то он нас также абсолютно не удовлетворит, потому что он не занимается тем, что нам нужно; нам же нужно, чтобы все достижения, которые имелись в мировом, краевом или маленьком языке были конкретно изучены и применены в нашей работе.

Вопрос терминологии—это вопрос языка будущего. Это—вопрос техники, и если эта работа пойдет, как следует,—мы увидим, до каких высот можно дойти в нашей работе.

Я хочу остановиться на отчете, который вчера был сделан. Есть у нас количественные достижения, и в самом их количестве уже есть качество. Та критика, которую мы здесь слышали, должна двинуть дело вперед, уточнить новые установки. Это будут новые установки для всех нас, для всех лингвистов. Я должен повторить, что „кто старое помянет,—тому глаз вон". А те люди, которые и сейчас не хотят итти по новому пути, не имеют ни ушей, ни глаз.

СЕЙФИ. Некоторые товарищи упрекали меня в том, что я не достаточно полно осветил те вопросы, над которыми мы работали в Татарской республике. В этом я не виноват. Я строил свой доклад на ту тему, которая была предложена мне Научным Советом, т. е. на тему, посвященную вопросам унификации, терминологии и орфографии.

Тов. Джафаров в своем выступлении отметил, что по его мнению мы в Татарии должны иметь Научный Совет, а у нас Научного Совета нет, он заменяется исследовательскими институтами, которые непосредственно работают, а мы, работающие в Комитете, только помогаем им. Он этим хочет сказать, что исследовательские институты работают без руководства Коми-

тета НА. Исследовательские институты работают под руководством Наркомпроса и Комитета НА, который свои специфические вопросы включает в их производственные планы и тем самым непосредственно участвует в их работе, руководит ими в известной части их программных работ.

Я не остановился на вопросе стенографии. Она занимает не последнее место в Татреспублике. Точно так же вопрос о клавиатуре пишущих машин. Фабрика очень заинтересована в том, будет ли изменена клавиатура, чтобы приступить к изготовлению клавиатур по новым требованиям. По этим вопросам мы тесно связаны с исследовательскими институтами и многое сделали.

Относительно опущения знаков „е“ из интернациональных терминов. Я докладывал, что мы пропускаем „е“ только в первом слоге и мы экономим на этом 8%. Это не маленькое дело—экономия в 8%, принимая во внимание недостаток бумаги. Поэтому-то мы не идем по той линии, которую нам предлагают проф. Яковлев (Голос: „а произносится как?“). Произносится обычно правильно, а если иногда произносят и неправильно, с акцентом, то это не беда.

КОШКИН. Я добавлю очень немногое к тому сообщению, которое сделал. Хочу только поделиться опытом в отношении подготовки лингвистических кадров. Как известно, царское правительство очень мало занималось подготовкой лингвистов, в особенности для народов Севера. Чтобы создать лингвистов по северным народностям, мы организовали в ленинградском педагогическом институте им. Герцена специальное северное отделение, где подготовляемые педагоги должны были в обязательном порядке изучать один из северных языков. Таким образом, в течение трех лет мы подготовили собственными силами специалистов, которые уже используются на работе по латинизации алфавита народов Севера. Их еще не так много, но все же на местах уже есть некоторые кадры, на которые можно опираться. В этом году мы открыли северное отделение и в Историко-лингвистическом институте, которое ставит себе целью подготовку лингвистов для использования на работе по развитию письменности народов Севера. Нужно, чтобы отдельные комитеты республик и областей поставили перед собой задачу подготовить на местах не вообще лингвистов, а лингвистов, могущих быть использованными для задач расширения и усиления латинизации. Я должен отметить то глубокое впечатление, которое производит на местах та литература, которая нами выпущена (буквари, книги для чтения, учебники математики, партийная литература и т. д.). В настоящее время издаются регулярные газеты на тунгусском и самоедском языках, и перед нами встает практическая задача к концу этого года обеспечить газетой на родном языке 8 национальностей Севера, помимо газет, выходящих на русском языке. Я подчеркиваю все эти моменты только с одной целью—проиллюстрировать ту грандиозную работу, которая ведется в нашей стране под руководством ВЦК НА.

Я хотел остановиться еще на одном вопросе, который, мне кажется, имеет общий интерес не только с точки зрения Севера

Это вопрос о качестве переводов. Мы почти ежедневно читаем в газетах о случаях искажения классиков марксизма при переводе на нац. языки. Между тем доведение до широких масс национальностей классиков марксизма—факт громадной политической важности. ВЦК НА и местным комитетам нужно обратить сугубое внимание на качество переводов—это наша самая прямая обязанность перед партией, это наш долг. ВЦК НА должен дать поручения местным комитетам и лингвистическим институтам следить за качеством переводов на нац. языки классиков марксизма.

КОРКМАСОВ. Мы не успели представить положение о Научном Совете, где точно определяются и задачи, стоящие перед Научным Советом, и его структура, и методы работы, и все прочие моменты, организационно связывающие Научный Совет с местами, с центральными научными учреждениями и определяющие его взаимоотношения с ВЦК НА. Между тем в выступлениях больше всего уделялось внимания организационным вопросам. Я предлагаю обсудить в особой комиссии проект положения и, приняв его на комиссии по отчетному докладу НС, внести это положение на утверждение Пленума. Это внесет необходимую организационную ясность, тем более, если мы полностью учтем все ценные указания, сделанные нам в отношении взаимоотношений НС с местами, дифференцированного подхода к научной работе и т. д.

Я должен решительным образом протестовать против того выступления, в котором говорилось, что у Научного Совета вообще не было установок. Я думаю, что такое безответственное заявление, высказанное на таком ответственном совещании, где мы должны взвешивать каждое сказанное слово, сделано непродуманно. Мы работаем на основе директив, получаемых от высших партийных и советских органов нашей страны. Все наши старания направлены на то, чтобы развернуть работу на основе марксизма-ленинизма.

Отдельные и большие недочеты в нашей работе были и будут, но мы работаем на основе правильных большевистских установок, и поэтому всякие заявления об отсутствии у НС установок я решительно отметаю и считаю их здесь неуместными.

В прениях много говорилось по поводу наших взаимоотношений с ак. Марром. Я считаю, что вопрос этот совершенно ясен, но поскольку об этом все же говорили, считаю необходимым еще раз высказаться по этому поводу. Из того факта, что т. Марр—член Президиума НС, что т. Марр участвует активным образом на наших заседаниях, выступает на нашем Пленуме, можно ясно видеть, как мы оцениваем его труды, его помощь, его активное участие в нашей работе. И мне казалось бы, что никакой неясности здесь не должно быть. И если эта неясность еще остается, то на будущее время это должно решительно рассеяться. Я хотел бы повторить относительно трудов т. Марра слова такого авторитетного лица, как т. Покровский. Вероятно это товарищам известно, но некоторые вещи не мешает повторить. Тов. Покровский говорит: „Путь ак. Марра—правильный путь, путь, которым всегда шли Маркс, Энгельс и

Ленин", что „ак. Марр развитие языка связывает с производством", „я глубоко убежден,—говорит т. Покровский,—что если бы Энгельс был жив, то по всей вероятности никакого сомнения не было бы относительно того, что теория Марра есть одна из полезнейших для марксизма теорий". И в другом месте: „впервые наука об языке была снята со старого формального звукового, по существу биологического, базиса и переставлена на базис социологический, причем диалектико-материалистической социологии". „Чрезвычайно характерно— говорит еще т. Покровский,—что критика яфетидологии идет шаг в шаг по пути „критики" исторического материализма 30 лет тому назад, когда от историков-марксистов требовали, чтобы они немедленно об'яснили „все" и каждый ловил чуть ли не опечатки, чтобы дискредитировать нас". Этим я ограничусь. Ясно из всей нашей практики, как мы оцениваем труды т. Марра и его учеников. Научный Совет нуждается в их помощи и мы думаем, что эта помощь будет нам оказана во всей нашей дальнейшей работе.

Теперь по поводу плана. К сожалению, по плану было сделано мало практических указаний. Видимо в комиссии придется поставить обсуждение плана более конкретно. Больше всего говорилось о перегруженности плана: т. Сейфи сказал, что это целая энциклопедия. Это, может быть, отчасти и правда, но плюс это или минус, что мы начинает заниматься таким широким кругом вопросов? Наша работа, наши задачи все более осложняются, мы поднимаемся на новую высшую ступень, так как нам теперь пред'являются высокие требования. Рост национальных по форме и социалистических по содержанию культур, массовая грамотность населения и огромный рост культурных потребностей требуют от нас усиления работы по созданию литературных языков, углубленного изучения вопросов терминологии, орфографии и т. д. Мы должны, тщательно узучая опыт мест, организовать им помощь в их работе. До сих пор наша связь с местами была недостаточна. Мы в дальнейшем лучше распределим свою работу и будем более полезны местным комитетам.

Тут говорили, что мы очень много на себя берем. И мне кажется, что есть некоторая опасность в том, что нам будет трудно выполнить план, несмотря на все желание выполнить и перевыполнить его. К этому вопросу с учетом всех сделанных замечаний мы еще раз вернемся в комиссии, чтобы установить действительную реальность плана.

Отдельно коснусь вопроса связи с местами. Я уже сказал о нашей общей линии на счет усиления связи с местами. В дальнейшем мы не должны следовать прошлой практике НС, ждавшего предложений с мест; мы должны сами проявлять бо́льшую инициативу и выдвигать на основе изучения деятельности мест те или иные новые вопросы. В тех же целях нам нужно всемерно усилить налаживаемую связь с научными учреждениями как в центре, так и на местах.

Я подчеркиваю, что нам нужно и на местах и здесь в большей мере привлекать писателей. Нам не разрешить вопросов литературного языка без самих творцов художественных лите-

ратур. Теперь в национальных республиках и областях имеется очень много даровитых писательских сил, это надо учесть.

Тов. Марр в своем выступлении по поводу терминологии указал, как на производственных основах в самом процессе производства выковываются, как орудие производства, новые термины, новые слова, которые входят в наши производственные отношения и в наш быт.

Во второй пятилетке, пятилетке строительства бесклассового социалистического общества формация литературного языка пойдет на местах усиленным темпом на обновленной экономической базе. Новая культурная надстройка пожелает по-новому говорить, говорить на языке социалистического общества. Поэтому нам так важно вместе с научными работниками привлекать к нашей работе литературных работников.

Заканчивая, я обращаюсь к товарищам с просьбой проявить еще большую активность, еще больше критического участия в тех больших вопросах, которые стоят в повестке дня—по унификации, терминологии и орфографии. По этим вопросам нам предстоит большая работа.

Я хотел бы сказать одно слово относительно второго пленума. Правильным мне кажется замечание, сделанное здесь т. Мещаниновым относительно того, чтобы нам собрать пленум, когда выработаем план второй пятилетки НА. Это предложение надо принять.

Я надеюсь, товарищи, что в дальнейшем работа НС в целом как в центре, так и на местах больше окрепнет методологически и все мы лучше вооружимся методами диалектического материализма, марксизма-ленинизма, лучше проведем партийность в науке,—при разрешении больших задач 1933 г., где роль культуры вообще и в частности нашей работы выступает еще сильнее. И налегая на качество работы, на основе соревнования и ударничества, мы выполним и перевыполним план 1933 г.

СПРАВКИ ПО ЛИЧНОМУ ВОПРОСУ.

ЯКОВЛЕВ. Один из выступавших товарищей упрекнул меня в том, что я будто бы против того, чтобы лингвисты занимались практикой языкового строительства, что я стою будто за то, что не дело науки заниматься алфавитом, а дело науки заниматься чистой наукой. Я должен сказать, что я с самого начала участвую в работе по языковому строительству и во всех своих статьях всегда проводил мысль о том, что как раз ученые должны участвовать в социалистическом строительстве в области языка. Не знаю, откуда товарищ такую цитату мог взять.

Второе, в чем меня упрекнул товарищ—это, что я якобы высказывался против интернациональных терминов, очевидно имея в виду мою статью по терминологии. Я могу из этой статьи прочесть только одно маленькое место. У меня стоит первым пунктом в вопросе „Как нужно создавать терминологию"—следующее: „Важным элементом пополнения языка является

международная терминология...“ Здесь можно только спорить о том, что термин „международная“ не совсем точен. Лучше было бы взять „интернациональная“, но здесь „международная“ я понимал именно в смысле „интернациональная“.

ДЖАФАРОВ. Тов. Юманкулов сказал, что я ничего положительного не отметил в работе Комитета Татарии. Я в своем выступлении перечислил ряд достижений, но в течение 10 минут нельзя всего сказать.

Хочу дать справку по моему вчерашнему выступлению. Я ни слова не сказал о том, кто принял новый алфавит в Абхазии. Я не сомневаюсь в том, что НА принят при поддержке широчайших масс как великая революция на Востоке. Акад. Марр никогда не противопоставлял аналитического алфавита латинизации. Я говорил об аналитическом алфавите и слова „реакционные силы“ я употреблял по отношению к противникам яфетической теории. Далее. Я действительно грубо, не по-товарищески отнесся к тов. Лоя, критикуя его выступление. Я приношу глубокое извинение перед пленумом и перед т. Лоя.

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Доклад т. С. ДИМАНШТЕЙНА

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ДАГЕСТАНСКОГО КОМИТЕТА НОВОГО АЛФАВИТА

Содоклад Г. ГАДЖИБЕКОВА

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ НАЦ. ТЕРМИНОЛОГИИ

С. М. ДИМАНШТЕЙН

Товарищи, наш пленум должен уделить самое серьезное внимание вопросам терминологии в национальных языках. Вопросы терминологии являются сейчас для национальных языков решающими вопросами. Если терминология вообще имеет для языка огромное значение, то для языков молодых, мало разработанных она имеет еще большее значение, если учесть, что эти языки по существу делают сейчас скачок в культурную революцию.

Если мы возьмем хотя бы количественные показатели, то увидим, что во многих отсталых языках имеется по 10—12 тысяч слов. Некоторые языки имеют немного большее количество слов. И по существу для того, чтобы эти языки могли целиком обслужить все потребности новой жизни, вызванные социалистической революцией, их запас слов приходится удваивать или еще больше. Это проделывает сама жизнь — новые понятия, новые термины изо-дня в день вливаются в эти языки, и не так далеко то время, когда старые понятия в языке окажутся количественно в меньшинстве.

Значит вопрос терминологии — это вопрос о понятиях, вопрос об установках языков, вопрос о словообразованиях, о создании новых языков на почве тех старых слов и языков, которые имелись у народов при совершенно иных условиях существования.

Мы являемся свидетелями и участниками культурной революции среди национальностей. В то же время надо указать, что нигде в Союзе эта культурная революция так ярко не выявляется, как именно у отсталых национальностей, которые далеко шагнули вперед в деле строительства своих, национальных по форме и социалистических по содержанию, культур. Приблизительно та же картина имеется и в языке. Уже одно это положение показывает, насколько решающим в наших условиях является вопрос терминологии по отношению к национальным языкам. При этом надо еще учитывать, что все эти языковые сдвиги происходят на протяжении 15 лет пролетарской революции, а это для исторического периода развития языка сравнительно немного, потому что языки обычно развивались в течение тысячелетий. С другой стороны, эти 15 лет стоят исторически совершенно особняком, ибо они имеют другую политическую ситуацию, когда творцами своей культуры, своего языка стали сами трудящиеся массы, а не эксплоататорские

верхушки. Этот классовый момент сильно сказывается на языкотворчестве народа, придает ему другой колорит, другие темпы развития. Но в то же время надо констатировать, что в смысле развития культуры, развития литературы и литературного языка, появления нового языка, мы находимся все-таки в стадии младенчества. И надо помнить, что если мы допустим сейчас неправильность, невыдержанность с политической, классовой или лингвистической точки зрения, несоответствие с интересами широких трудящихся масс, то дальше будет труднее это исправлять, потому что ошибки в образовании языков прививаются и делаются достоянием миллионных масс, а привычки миллионов, как указал Ленин, являются огромной силой, которую преодолеть очень трудно. С этой точки зрения мы должны сугубо осторожно и внимательно подходить к вопросам разработки терминологии, к вопросам создания языка, к тем установкам, которые мы должны дать по этой линии.

С точки зрения марксизма язык не является самостоятельным явлением; он отражает всю жизнь народа, его экономику, весь ход развития того или иного общества; по развитию данного языка можно судить об истории создавшего его народа. И поэтому, если мы хотим правильно понимать развитие языка, надо изучить его на базе развития экономики, развития хозяйства, развития производительных сил и взаимоотношений одного народа с другим, влияния экономики соседних народов, их культур и языков друг на друга. Язык, как таковой, — одна из надстроек на материальном базисе. И марксизм-ленинизм неоднократно указывает на это.

Вы знаете по целому ряду работ Маркса, Энгельса, Ленина, что наука о языке была одной из тех наук, которая подверглась специальному их анализу. Разрабатывая, обосновывая, всесторонне анализируя строение общества, они естественно не могли не остановиться на вопросах языка. Они должны были в каждом отдельном случае в связи со всем развитием общества давать указания, установки, связанные с вопросами терминологии, филологии и т. д. Кроме того язык, как таковой, в том числе и терминология, имеет огромное политическое значение, используемое классами в их борьбе. Язык строится, как строится и все общество, на почве классовых взаимоотношений, на почве классовой борьбы. И понятно, язык, его терминология в частности, имеет огромное значение в той борьбе, которую ведут теперь пролетариат за свержение капиталистического общества, за социализм.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин указывают, что происхождение и развитие языка по существу является отражением развития всего общества. В моих тезисах даны небольшие выдержки из трудов классиков марксизма об этом. Их можно было бы значительно умножить. Я остановлюсь лишь на одной—двух таких выдержках, показывающих сущность того, как развитие общества влияет на развитие языка и, наоборот, как развитие языка впоследствии отражается на развитии общества.

Это обратное воздействие языка, воздействие на политические вопросы является совершенно естественным в условиях борьбы и развития современного общества.

Я привел один пример в тезисах, показывающий, что вопрос о языке играл огромнейшую, чуть ли не решающую роль на одном видном участке борьбы во время революции 1848 года, когда шла борьба между общественными силами; поднимавшаяся тогда буржуазия стремилась прийти к полноте власти, а остатки феодализма сопротивлялись революции. Этот пример показывает те методы и формы борьбы, которые были тогда применены помещиками и дворянством в лице австрийской монархии, стремившейся создать общий фронт австрийских словянских народов, путем об'единения их (болгары, сербы, чехи и целый ряд других народов, которые как будто имеют довольно много национально общего с точки зрения диалекта), при чем это не удалось потому, что когда об'единяемые народы собрались на конгресс, то оказалось, что у них нет общего языка.

„В Австрии, на глазах у Меттерниха, филология была использована панславистами для того, чтобы проповедывать учение о славянском единстве и создать политическую партию, очевидной целью которой являлось изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее самой в большое славянское государство... Единства не было, потому что ее принцип единства был чисто идеальным, который при первой попытке осуществления потерпел крушение, благодаря различию в языках“ (К. Маркс и Ф. Энгельс — соч. т. XI, стр. 262—263. Разр. моя — С. Д.).

Тот факт, что им это об'единение не удалось, показывает, что в столь решающем периоде, как революция 1848 г., вопрос о языке оказался настолько значительным, что он помешал провести определенную политическую и стратегическую линию, выработанную дворянством и помещиками очень влиятельной тогда Австрии, и колесо истории повернулось не так, как они того хотели.

Вопрос о большом политическом значении языка можно было бы проследить во всей истории человечества, начиная с древнейших времен, но это не входит в мои задачи, я только привел один наглядный пример.

Но для нас важны те выводы, которые можно сделать о влиянии языка в наших условиях. Ленин неоднократно останавливался на вопросах языка. Ленин отмечал значение языка, как экономического фактора, отмечал, что основной задачей господствующих классов в области языка и его развития является использование языка в целях расширения своего экономического влияния, своих рынков сбыта и усиления своего политического господства. Вы знаете, что образование наций было всегда связано с тем, что из разных наречий, из разных частей населения одного и того же государства или разных государств создавалось единое целое государство с единым языком.

Совершенно ясно, что эти марксистские установки по отношению к вопросу — язык и нация, остаются в основном в силе и в наше время. Но необходимо учесть те громадные изменения, которые вносятся новой системой пролетарского государства, когда диктатура пролетариата меняет форму и степень влияния экономики на общественные взаимоотношения, когда

вопрос о базисе и надстройке ставится в ином аспекте. Я не могу тут вдаваться в разбор этого вопроса, — это особая тема. У нас и экономика, и политика иначе переплетены во всей нашей системе, которая умеет направлять отдельные факторы и использовать их не так, как это было раньше — в интересах эксплоатации, а в интересах большинства, в интересах массы трудящегося населения. Поэтому вопросы нового строения языка в СССР принимают иной характер, к ним имеется иной подход.

В чем заключается это изменение? Прежде всего, в вопросах развития языка совершенно отпадает элемент голого насилия, специфического капиталистического насилия, политического давления, которое мы имели в лице великодержавности, руссификации, германофикации и т. д.

Наша национальная политика, наш принципиальный подход совершенно устранили этот метод навязывания чужого языка и его терминов. Мы проводим в жизнь указания Маркса—Ленина, которые были особенно развиты т. Сталиным по вопросу о праве нации на самоопределение и о развитии их культур, национальных по форме и социалистических по содержанию.

Эту мысль мы находим еще у Маркса в „Немецкой идеологии" и „Критике Готской программы", где он поставил вопрос о роли языка и культуры, о возможности рассмотрения этих вопросов со стороны их содержания и со стороны национальной формы. Эту мысль мы находим у Ленина, но точная и ясная обработка этого вопроса целиком принадлежит вождю нашей партии и рабочего класса тов. Сталину, неоднократно доказывавшему, начиная с 1925 года—в его речи в КУТВ, когда он эти принципы обосновал—классовую сущность культурного, языкового строительства и то значение, которое имеет для нас его национальная форма.

Ленин указал, что еще довольно долго и после победы коммунизма мы будем иметь существование наций, пока коммунизм войдет в быт. Мы будем, значит, еще долго иметь и отдельное языковое развитие, до тех пор пока коммунизм войдет в быт; только тогда мы будем иметь слияние культур и по форме, и по языку. Это общая установка марксизма по вопросам языка. Она, понятно, применима и к нашим национальным языкам, которые только теперь начинают по-настоящему развиваться. Эти общие установки должны находить специфическое преломление в отношении разных типов языков и по отношению к разным национальностям. Исходя из существующего факта огромного социалистического строительства, мы не можем подходить к вопросу о языке и терминологии вообще, только с точки зрения будущего,—нам приходится разрабатывать вопросы терминологии, устанавливать законы развития языка для каждой отдельной группы языков на данном этапе, учитывая конкретную обстановку их развития и роста.

Тут высказывались спорные мнения, есть ли бедные и богатые языки? Кое-кто указал, что раз имеется в языке много терминов, например, о лошадях, овцах и т. д., то это доказывает, богатство языка. Есть языки, имеющие 60.000 слов, и есть языки, которые имеют 10.000 слов, и сторонники этого мнения счи-

тают, что это ничего не значит, что тут количество не переходит в качество. Другие считают, что основное именно в количестве слов. В общем этот спор недостаточно конкретный, ибо нельзя подходить к языку только с точки зрения количества слов. Бывает иногда, что при рациональном использовании сравнительно небольшого запаса слов можно добиться охвата широкого круга понятий и вообще свободно маневрировать этим языком с его запасом слов во всех областях знаний и во всех отраслях практической жизни.

В то же время никак нельзя согласиться с мнением о том, что вопрос о количестве слов в языке никакой роли не играет, и обилие слов в языке ничего не значит. Это перегиб в другую крайность. Имеются, хотя не точно установленные, но все-таки какие-то границы, когда язык бывает беден и не в состоянии дать точное выражение окружающей его жизни из-за недостатка слов, терминов. Мы должны стараться сделать так, чтобы не было бедных языков. Существующую бедность данного языка не нужно скрывать. Мы не должны говорить, что, мол, если у тебя бедный язык по общим вопросам, зато он богат, например, по животноводству, и успокоиться на этом. Надо говорить так: если у тебя язык бедный, то надо постараться обогатить его, чтобы он был в состоянии выразить все богатство человеческой культуры, человеческих достижений в нынешнее время. Уничтожая бедность вообще, уничтожая эксплоатацию, мы должны также уничтожить и отсталость в языке.

Если народ на своем языке не может получить всего, что ему нужно, это значит, что он по существу является известным образом отстающим. Мы должны уничтожить отсталость и добиться возможного равенства и здесь. И надо сказать, что мы идем по этому пути и довольно много уже сделали. В то же время следует указать, что если мы говорим об отсталости в разработке основ имеющейся науки по отношению к практике соцстроительства, что наша разработка теории не поспевает за огромным ростом практики социалистического строительства, то в отношении языкового строительства и образования терминов мы сугубо отстали.

Это особо сказывается потому, что в преодолении косности отсталых масс в вопросах идеологии, в вопросах, связанных с переустройством человеческих понятий у миллионов встречается больше трудностей, чем в вопросах применения новой техники. Трактор или комбайн, например, можно отправить в отсталую страну—и на Север, и в Таджикистан, и скоро научить массы употреблять их, а вопросы науки, вопросы идеологии—они не столь ощутимы, они не так быстро вытесняют старые понятия, как трактор вытесняет деревянный плуг. Поэтому надо во что бы то ни стало стараться более усиленно воздействовать на психологию, мышление, убеждения, в общем на мозг человека, над которым в результате классового устройства общества тяготеют тысячелетия. Поэтому приходится с большевистской настойчивостью обрабатывать эти отсталые участки, чтобы они не были отсталыми, чтобы они шли в ногу со всем социалистическим строительством страны.

В вопросы терминологии, как я уже указал, бурный рост социалистического строительства вносит без конца новые понятия в связи с развитием индустриализации, а также развитием сельского хозяйства, народного образования и т. д. Имеются народности в СССР, которые переходят в своей экономике от феодальных элементов; от элементов патриархальных, минуя капиталистический путь развития, прямо к социализму. Мы должны постараться, чтобы этот огромный переход нашел соответствующее отражение и в вопросах развития терминологии, в вопросах создания языка для младописьменных и вообще бесписьменных языков, получивших впервые письменность в СССР. Им приходится сразу от бесписьменности, от бедного языка перейти в такой язык, который имеет огромное количество понятий, огромное количество терминов; им приходится догонять еще более быстрыми темпами другие народы. Ведь если мы в вопросах экономики имеем решения с'ездов нашей партии о том, чтобы экономика отсталых народов двигалась более быстрыми темпами, чем движутся более передовые народы, то мы должны проводить это и в отношении к языкам, терминологии и т. п.

И передовые языки сейчас невероятно обогащаются. Если взять русский язык и посмотреть, каким он был до 1917 г. и каков он теперь, в 1933 г., то мы увидим, что он в огромной степени обогатился за это время в связи с приходом в движение широких масс, которые сами строят свою культуру на основе более расширенной экономики, индустриализации, колхозного движения и т. п. В украинском языке и других мы также имеем огромные сдвиги за время революции и социалистической стройки. И надо, чтобы языки отсталых национальностей догнали передовые языки, иначе у нас опять получится большое расхождение, невероятное отставание роста культуры от роста техники, от социалистического строительства.

Значит нац. республики СССР обязаны теперь взять высокие большевистские темпы, более быстрые, чем те, которыми мы работаем в центре. Понятно, какие огромные задачи это возлагает на пролетариат передовых национальностей и на специальные учреждения, обслуживающие эту отрасль работы, как ВЦК НА. В порядке самокритики надо сказать, что наш Всесоюзный Комитет Нового Алфавита еще очень мало по этому поводу сделал. В центре только кое-что делается; мы собираемся, обсуждаем и т. д. За последние годы мы имеем некоторый сдвиг в этой работе в разных республиках, но если сравнить сделанное с тем, что требуется сделать, то вы увидите недостаточность настойчивости, отсутствие того размаха, того разворота этой работы, которых требуют самые насущные задачи сегодняшнего дня.

Надо упомянуть, что нам теперь приходится не только создавать новое, нам приходится еще преодолевать ошибки прошлого. Эти ошибки прошлого еще довлеют над многими, они еще не изжиты окончательно. Я не говорю уже о том, что нам еще вообще не удалось полностью изжить все наследие национальной политики царизма, все остатки элементов национальной отсталости. Во второй пятилетке мы примем все меры,

чтобы ликвидировать отсталость на культурном фронте среди национальностей.

В вопросах языка, терминологии имели место довольно серьезные блуждания и ошибки, о которых особенно полезно здесь вспомнить и раскритиковать их для того, чтобы, во-первых, их больше не повторять и, во-вторых, для того, чтобы на основе раскрытия этих ошибок научиться работать как следует. Я не могу останавливаться на всех ошибках по этой линии. Но нельзя все-таки пройти мимо такого важного этапа, как тюркологический с'езд 1926 г. Это было своего рода „учредительное собрание" нового тюркского алфавита. Несмотря на то, что с'езд имел огромное положительное значение в смысле отхода восточных народов от арабизма, от иранистских направлений, от исламизма, с'езд носил на себе очень много „родимых пятен" старого, очень много имел установок вредных, чисто националистических, пантюркистских. И нельзя об этом не сказать сейчас, когда по существу после тюркологического с'езда—это первый пленум Научного Совета Комитета Нового Алфавита, который поставил основные вопросы терминологии на широком собрании, где имеются представители многих народов.

Самым ярким выразителем вредных уклонов по терминологии на тюркологическом с'езде был Чебан-Заде. Впрочем, надо сказать, что вполне правильных и выдержанных выступлений по этим вопросам мы почти не имели на с'езде, Тогда еще не были достаточно разработаны вопросы, не было нового подросшего научного советского актива, работающего над этими вопросами, не была еще достаточно развита специальная работа по языковому творчеству и имелось известное засилие на этом фронте тех националистических элементов прошлого, которые подошли к вопросам нового алфавита не с точки зрения потребностей широких масс, не с точки зрения строительства социализма, не с точки зрения пролетарской революции, а с точки зрения создания единой великой тюркской или тюрко-татарской нации, единого тюркского языка, восстановления былого величия Востока.

Этого, понятно, нельзя сказать обо всем с'езде в целом, но среди руководителей этого с'езда были такие, как Байтурсун и ему подобные, и в постановлениях с'езда было очень много отрыжек вредных установок, которые, понятно, надо подвергнуть серьезной критике.

Чебан-Заде, скажем, указывал, что Венгрия представляет собой идеальный пример, раз там в науке и литературе умели обходиться совершенно без иностранных терминов, переведя все иностранные термины на венгерский язык; что там никому нет никакой надобности знать другие языки для того, чтобы быть по-настоящему образованным человеком. Характерен такой пример, приводимый Чебан-Заде, что термины „конституция", „интернационал" уже полностью имеются в венгерском оформлении, поэтому нет никакой надобности употреблять в венгерском языке иностранные слова, как „конституция", „интернационал" и т. п., раз все можно выразить коренными венгерскими словами. Между прочим, это указание, что никакого слова „интернационал" не нужно в тюркской терминологии—по

существу символично; это значит, что по Чебан-Заде нам не нужен „интернационал", а только что-то свое в венгерском или тюркском понимании, не нужен общий интернационал. Вот к чему дело клонилось в этом толковании языкового строительства! Достаточно указать еще на то, что Чебан-Заде хотел создать один общий комитет по вопросам языка и терминологии, с отделениями в Константинополе и т. д. Увязка с Константинополем в этих вопросах в то время является весьма характерной и говорит о многом.

Об употреблении европейских терминов на с'езде говорилось, во-первых, только крайне ограничительно, а, во-вторых, лишь об их корнях, которые целиком перерабатываются, целиком тюркизируются и ничего европейского в них не остается. Значит, был совершенно определенный уклон в установках, которые были приняты тогда тюркологическим с'ездом.

Правда, в решениях этого с'езда было не так много вредного, как в выступлениях на нем некоторых отдельных лиц. Надо, понятно, приветствовать основную установку этого с'езда об отказе от арабизма, от иранизма. Это вытекало из установок тогдашних основных руководителей-коммунистов, взявших правильную линию в переходе на новый тюркский алфавит, чтобы отделаться от арабизма не только в смысле письменных значков, но отделаться от самого духа старого арабизма, от его влияния. Большинство делегатов с'езда было также настроено вести антирелигиозную работу и было тогда вполне своевременно отделаться от духа арабизма, от терминов, каждый из которых напоминает коран, ислам и т. д. Это, разумеется, было в 1926 г. прогрессивным явлением. Но это было далеко не все то, что диктовалось интересами пролетарской революции, к чему надо было итти, что нужно было делать широким массам, как более понятное, более доступное и более необходимое. Иначе говоря, надо было бы ставить на первое место интересы интернационализма в подлинном смысле этого слова, приобщения масс к социалистической революции, к ленинизму, марксизму, к конечной цели, которую ставит перед собой пролетариат—это не было заострено в решениях с'езда, эти вопросы там не ставились. Сказалась национальная ограниченность, влияние буржуазии—кулаков, националистов, баев—в лице Байтурсунова и других, которые пытались вести массы за собой, отрывая их от пролетариата, мешая поднять массы над старыми понятиями, стараясь не довести их сознания до понятия пролетарской революции. Это обстоятельство сказалось в постановлениях тюркологического с'езда. Понятно, что еще довольно долго после тюркологического с'езда эти решения давали себя знать и в работе ВЦК НА; они и теперь еще дают себя чувствовать в той борьбе, которая ведется вокруг вопросов языка в национальных республиках.

После XVI с'езда партии, после исторического выступления тов. Сталина, который дал более развернутые основные установки в подходе к вопросам национальной культуры, работники национальных республик и областей получили более ясную ориентировку, очень многие из них лучше выяснили себе вопросы строительства языка, вопросы терминологической ра-

боты, шагнули вперед на высшую ступень. Надо указать, что немалое значение имел тот факт, что с переходом на новый алфавит облегчилось выдвижение новых кадров из низов, которые в значительной степени облегчили возможность создания новой терминологии, облегчили возможность оторваться от арабизма и иранизма.

Но без сомнения, наряду с уклонами к местному национализму, которые вредно влияли на работу тюркологического с'езда и на дальнейшую работу, являвшуюся своего рода продолжением этого с'езда, немалое значение имело наличие великодержавного национализма, который также питал и местный национализм. Мы имели и имеем и проявления великодержавного национализма в вопросах строительства языков, в разработке терминологии. Встречалось немало сторонников оголтелой руссификации в области лингвистики, пытавшихся совершенно не считаться со свойствами и особенностями языка, вливая туда русские слова, русские термины даже тогда, когда легко можно было обходиться без них.

Это явление чрезвычайно вредное, и вот почему. Уклон к великодержавному шовинизму является самым опасным уклоном в национальной политике; в вопросах терминологии—это еще вдобавок есть линия на самотек в образовании языков, стремление пойти по линии наименьшего сопротивления. И действительно, тот автор, который пишет книгу или ее переводит, затрудняясь подобрать необходимое слово на родном языке, россуждает: зачем копаться и искать в запасах родного языка,—легче взять известное мне русское слово. Между тем именно это наводнение родного языка русскими словами приводит к тому, что вставляются слова и термины, непонятные массе, которая не знает русского языка, они делают книгу недоступной для этой массы. С другой стороны, это приводит еще к такому вредному явлению. Дело в том, что среди широких кругов населения существуют элементы националистические, боязнь старой руссификации еще не исчезла. На этих настроениях продолжают играть до сих пор кулацкие и контрреволюционные элементы, националистическая интеллигенция и порою небезуспешно. Они начинают в таких случаях доказывать массе, что и теперь проводится та же руссификация, только другим способом, под другими лозунгами и т. д. В дальнейшей работе по терминологии нужно учесть указанные моменты.

В то же время в подходе к русскому языку мы не можем ограничиться одним принципиальным утверждением о борьбе с великодержавностью, не изучая всей динамики вопроса, всех изменений в языках и положительных моментов влияния русского языка.

Помимо упомянутых уклонов имеется и такой уклон, как стремление всячески, во что бы то ни стало избегать русских терминов, лучше давать какие угодно другие иностранные слова и термины, но никак не русские. Имелось такое движение — так называемый „пуризм", ведший борьбу за очищение нац. языка от русских терминов. Этот пуризм сказался у некоторых народов и в стремлении не заимствовать никаких терминов вообще у народов Востока, т. е. главным образом из русского

языка. Например, ссылаются на Китай, который скорее берет французские слова, чем русские, хотя Китай ближе к России, чем к Франции. Это хотят применять и к народам, живущим в пределах СССР.

Русский язык был одним из главных жупелов в устах националистов, не допускавших использования его языковых богатств для народов, живущих на территориях, куда влияние русского языка не может не проникать, даже без всякого искусственного давления. И отсюда продолжает иногда оставаться старое отношение к русскому языку.

В настоящих условиях пугаться этого жупела не следует. Мы должны только иметь здесь правильный подход, правильную установку.

Совершенно неверно думать, будто язык Октябрьской революции—это только русский язык. Октябрьская революция сделана на языках всех национальностей по всему СССР. Октябрьскую революцию сделал не один русский пролетариат, хотя он был ведущим в этой революции, ибо не один только авангард делает революцию. Авангард может сделать революцию только тогда, когда широкая многомиллионная масса его поддерживает. Языком Октябрьской революции являются языки основных пролетарских и других революционных элементов всей нашей страны.

В то же время нельзя не учесть простых жизненных явлений. Во-первых, того, что фактически очень многие народы живут поблизости с русскими, сближаются культурно с русскими; закон взаимодействия языков говорит нам, что люди, живущие друг возле друга, влияют друг на друга, перенимают если не язык, то перенимают те или иные слова, термины. Если поискать, то можно найти и в русском языке немало терминов, взятых из тюркского языка и других соседних и наоборот. Влияние русского языка в этом отношении несомненно сказывается на языке соседних народов.

Другой момент—это момент влияния революции. Надо сказать, что основные установки Ленина по вопросу об отношении к русскому языку со стороны не русских национальностей вполне оправдались. Ленин очень резко боролся против навязывания нерусскому населению русского языка.

Надо сказать, что наша национальная политика доказала очень ясно, что мы против вколачивания русского языка и против руссификации.

Возьмите любую страну в мире, возьмите французов, англичан и т. д., которые являются господствующей нацией у себя в стране. Если бы встал там вопрос о введении какого-либо алфавита для народов, связанных с ними, они наверное настаивали бы на том, чтобы взять их алфавит—французский или английский и т. д. Мы же отказались от навязывания русского алфавита нерусскому национальному населению Союза и всячески помогали и помогаем им научиться латинскому алфавиту. Это—огромный показатель национальной политики нашей страны, который мало кто отмечает, но о котором не нужно забывать.

Но в этот момент нас интересует другое. Остался ли русский язык для нерусского населения нашего Союза за время рево-

люции тем, чем он был до нее? Нет, не остался. Во-первых, на этом языке нерусские национальности приобретают добровольно очень много для себя полезного, чего пока они часто не могут приобрести на родном языке. Это, быть может, временное явление. Но есть такой важный момент, что оригиналы произведений Ленина и Сталина и все основные документы революции появились на русском языке, на других же языках имеются только переводы. Как бы они ни были хорошо сделаны (что бывает далеко не всегда)—оригинал всегда лучше перевода. Стремление все узнавать из оригинала—вполне здоровое явление. Основные руководящие печатные органы партии и правительства—согласно естественно сложившейся исторической обстановке в стране—также выходят на русском языке—стремление читать их в подлиннике вполне законно у любого националa. Кроме того, сейчас русский язык стал другим по своему классовому содержанию.

С другой стороны, если мы перейдем от качества к количеству и посмотрим, сколько было раньше в России людей, говорящих на обязательном государственном языке, и сколько теперь добровольно говорит на нем, то выяснится, что когда русский язык стал не обязательным, а добровольным,—количество националов, научившихся русскому языку, стало на сотни процентов больше. Это явление мы должны приветствовать. И, разумеется, мы стоим за то, чтобы каждый гражданин Союза имел возможность научиться и русскому языку—это явление продуктивное и полезное.

Как же надо в такой обстановке подходить к выбору терминов? Если стоит вопрос о том, взять ли нам термины в латинских корнях или во французских, или взять их так, как мы имеем эти термины в русском языке, например: взять ли нам „женеральная“ или „генеральная“, то, понятно, мы выскажемся за „генеральная“, потому что слово „генеральная“ уже стало общепонятным и общепринятым, также как слово „социализм“ и др. Мы никак не можем рекомендовать искать термины непременно из источников глубокой старины, в давно забытых временах; мы так же не можем рекомендовать непременно обращаться к турецким языковым источникам и т. п., мы не можем и рекомендовать настолько „национализировать“ иностранные термины, чтобы они стали неузнаваемы. Мы должны каждый раз при образовании нового термина учесть, как обстоит дело в этом отношении в русском языке, и брать его, если уже убедимся, что нет подходящего доступного массам слова в родном языке. Само собой разумеется, что русский язык не может быть единственным источником для введения новых слов и терминов, но игнорировать его нельзя, особенно там, где имеется решающее влияние русского языка. Этот момент нельзя не учитывать при выработке всех основных терминов.

Но, товарищи, несомненно, мы не можем иметь совершенно одинаковых принципов, установленных для всех языков. В СССР много разнообразных языков, имеющих свои специфические особенности и установки, с которыми нельзя не считаться. Весь вопрос в том, чтобы найти своего рода диалектическую границу, после которой начинается искажение языка. Трудно дать какой-

либо общий подход для всех языков, но мы можем здесь на пленуме установить основные моменты в этом деле.

Прежде всего надо помнить указание Энгельса о том, что термины международные, интернациональные и т. д. существуют не потому, что это модно, что красивее, приличнее выражаться иностранными словами, а происходит это потому, что есть много терминов, по существу непереводимых. Перевести на другой язык можно любое слово, любой термин, но это будет слово без изюминки, это будет слово, в котором отсутствует дух самого выражения, потому что многие термины сами по себе имеют много элементов непереводимых. Таких слов немало, хотя бы „пролетариат", „класс", „социализм", „диалектика", „материализм", „философия", или термины технического характера—„конденсатор", „радиофикация" и т. п. Возьмем еще такое понятие, как „индустриализация" или из иной области—„генеральная линия партии". Если начать механически переводить слова „генеральная линия" на разные языки, без сомнения получится неправильно. Таджики, например, перевели это словами „царская дорога". Или возьмем слово „большевик". Слово „большевик" может существовать на каком угодно языке. Но если вы переведете „большевик" на другой язык с другим корнем, получится совсем не то. Слово „большевик" неподдается переводу, потому что в него входит иное понятие, иное содержание. (Голос: а „совет"?) „Совет" то же самое. Сначала свово „совет" переводили: например, по-французски „совет" звучит, вообще говоря, как „conseil". Или „пятилетка"—прежде во французской, например, прессе переводилась как „le plan quinquennal", а теперь они пишут это ставшее столь популярным слово просто „pjatiletka". Конечно слово „совет" можно перевести, но значение его абсолютно непереводимо и поэтому его все-таки пишут „Soviet". Хочу отметить определенную метаморфозу, происшедшую со словом „совет" в западно европейских языках. В самом начале, после Октября, были попытки в заграничной прессе переводить слово „совет" в его обыденном значении „conseil". Затем, когда захотели рисовать политический строй нашей страны в совершенно мрачных красках, стали употреблять русское слово „совет" без перевода, чтобы подчеркнуть, что в России создался такой специфический политический режим, который непонятен заграничным странам. В 1919 г. 13 апреля Ленин пишет: „Во всем мире растет число „советистов", как зовут их за границей". (Ленин, т. XX, ч. 2, стр. 327). Это казалось тогда каким-то диковинным именем. Со временем это название, вопреки желанию буржуазии, стало популярным и завоевало себе право гражданства.

На этом пленуме мы, может быть, выработаем наши основные установки в вопросах терминологии. Этот вопрос будет еще довольно много разрабатываться во всех своих подробностях. Я, понятно, не имею в виду предложенную проф. Яковлевым его „генеральную линию" в вопросах терминологии, которую он преподнес на страницах журнала „Культура и письменность Востока". Там слишком много механического, нет достаточного учета особенностей разных языков, политических моментов и большого разнообразия отраслевых моментов.

Я думаю, что нам в вопросе терминологии нужно непременно учитывать состояние той или иной группы языков, выяснить, кто на кого влияет и в какой мере, каковы свойства каждого данного языка, степень экономического развития народа, темпы его движения вперед, памятуя также указания т. Сталина о влиянии на часть языков в СССР тех частей той же нации, которые находятся и за рубежом. В то же время мы не должны упускать из виду следующий особо важный момент. Мы сами являемся творцами национальной культуры. Она больше не делается сверху или самотеком, мы воздействуем на нее нашими идеологическим руководством массами и должны в первую очередь заняться самым необходимым по этой линии. Мы, например, сейчас имеем дело с переводами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина на нац. языки, и в этих переводах встречаются невероятнейшие трудности. Здесь, во-первых, иногда имеется тенденция к упрощению, вернее вульгаризации, перевода. Бывает, что в данном языке нет достаточно разработанных терминов; тогда хотят, например, понятия „цена“ и „стоимость“ переводить одним словом; „государство“ и „народ“—тоже одним словом, „диктатура“ и „власть“ одним словом и т. д., и т. п. Если когда-то на митингах можно было выступать на народном языке, не особенно стесняясь в выражениях, когда все сводилось к активным действиям, без „теоретических тонкостей“, а национальная печать была очень бедна, при чем у некоторых народов её почти не было, то теперь, при наличии большой печати, нужно быть крайне осторожными в терминах, чтобы дать читателю достаточно четкое представление, чтобы не перепутать различные понятия. Скажем, „пролетарское государство“—это одно понятие, „пролетарский народ“—другое. Одно дело „диктатура пролетариата“, другое—„власть пролетариата“—это понятие имеет другой оттенок; то же самое „генеральная линия“. Таких примеров в разных языках очень много, а поэтому этот момент требует к себе особого внимания. Из перепутывания самих понятий получается искажение классовой линии, искажение генеральной линии партии в национальном вопросе. Мы должны всячески избегать упрощенства. С другой стороны, мы не имеем права наводнять переводы иностранными терминами, это будет недоступно массам. Необходимо язык перевода максимально уточнить, взять для терминов все, что возможно из родного языка, но, повторяю, никак не упрощенчески, вроде попытки перевести слова „пролетарий“, как „голодранец“ или „бедняк“, как „злыдень“ и т. д. Бывают попытки откопать в каком-нибудь эпосе старинное слово, напоминающее значение какого-нибудь иностранного термина, как, например, „конструкция“, „диктатура“ и т. п., и пустить это слово в ход, хотя оно менее известно массам, чем то иностранное слово, которое хотят заменить архаическим термином. Надо уметь сделать язык понятным массам, не наводняя его иностранными словами, и в то же время соблюдать точность понятий, классовую выдержанность, чтобы избежать искажений, которыми мог бы воспользоваться классовый враг, толкуя их в противоположном смысле. Поэтому на первом месте мы должны ставить вопрос не о чистоте языка, как такового, а о чистоте

идеологии на этом языке, стараясь одновременно максимально использовать те богатства, которые имеются в языках. Разумеется, в вопросах техники можно ввести больше иностранных слов, названий машин, деталей и т. д., которых у данного народа прежде не было; но в отвлеченных понятиях установить одинаковые точные законы образования терминологии для всех языков будет неправильно.

Понятно, нельзя сейчас, при тех огромных богатствах, которые соцстроительство вкладывает в языки, при тех огромных расширениях, которые получают национальные языки—думать о том, что должен быть один подход ко всем существующим языкам или диалектам всех мельчайших национальностей, чтобы вырабатывать, например, во что бы то ни стало для любой национальности или этнографической группы, независимо от ее численного состава, богатый разветвленный язык, чтобы получить вместо сотни языков—двести и т. д., как ставил вопрос Дагестан. У них, например, есть нации, которые имеют всего 150 чел., 400 чел. Можем ли ставить вопрос о развитии столь мельчайших языков даже для народности, имеющей несколько тысяч человек? Народ, который раньше обходился очень ограниченным количеством слов, теперь должен сразу приобщиться к той огромной культуре и строительству, которые требуют запаса не меньше, скажем, 30 тыс. слов. Я считаю, что в интересах этих же самых маленьких народностей, исходя из принципов нашей национальной политики, нужно подумать об усвоении ими более близкого мощного языка одного из родственных народов. Имеются, например, живущие в Азербайджане мелкие национальные этнографические группы, являющиеся осколками когда-то более крупных народностей, большинство из которых уже успело ассимилироваться, или когда-то в далеком прошлом откочевало, бежало от военных агрессий и т. п. или, наоборот, это меньшинство откуда-то прибыло сюда, как осколок большой нации, которая там, на своей родине, отмерла, ассимилировалась и сохранились лишь ее осколки. Можно все-таки в таких случаях рекомендовать этим меньшинствам приобщиться к тюркскому языку, который им, как старым жителям Азербайджана, особенно близок. Известно также, что при определенной тенденции нетрудно всякие диалекты, наречия и т. п. превращать или признавать отдельными языками.

С другой стороны, на этой почве легко проявляется великодержавность, особенно в таких местах, где местный национализм превращается из защитного, оборонительного—в нападающий; это бывает, когда стараются подвести под категорию этнических групп более крупные и мощные национальные меньшинства. В этом вопросе очень трудно дать какой-либо твердый стандарт, тут приходится учитывать ряд сложных моментов. Этот вопрос требует еще серьезной проработки. Можно ведь было, например, найти даже в Грузии языковые деления: картвельский, мингрельский язык и т. д., но мы все же считаем, что нет надобности ослаблять сложившиеся национальности, что не имеет смысла вести бесконечное дробление наций без крайней необходимости.

Нужно укрепить национальности, сделать их более сильными и более мощными для того, чтобы они могли быстрее дви-

таться и догнать ушедшие вперед национальности. Для народности, вернее этнографической группы, которая имеет население примерно от 1.000 до 5.000 чел. и язык, состоящий из очень ограниченного количества слов, при наличии поблизости более богатого и в то же время сравнительно более подходящего для них языка, близкого к их родному языку,—было бы целесообразно приблизиться к этому языку, а затем, в течение определенного периода, перенять его целиком.

Совершенно особо стоят в то же время хотя бы некоторые из маленьких народов Севера. Каждый из них имеет свою обширную территорию, где они обитают, они далеко разбросаны друг от друга и сравнительно мало соприкасались с другими народами и мало от них переняли, они имеют больше языковых отличий также друг от друга, имеют специфическую экономику и историческое прошлое; почти все они были бесписьменными, и это вело к развитию у них отдельных языков. Кроме того, народы Севера, которые сохранились под особо тяжелым царским игом, благодаря особой их стойкости, сохранили свои языки, которые дошли до нас в более чистом виде; эти языки интересны также и с точки зрения филологии, как своего рода уцелевшие здоровые остатки далекой древности.

В вопросах развития языков малых народов мы исходили из политической целесообразности, из задач помощи этим народам. К этому вопросу нужно подходить, конечно, на почве основного принципа партии по национальной линии—из права наций на самоопределение, в том числе и в отношении мельчайших народностей. Надо помнить, что „Декларация прав народов России", опубликованная еще в 1917 г. за подписями Ленина и Сталина, именно говорила о правах не только национальностей, но также и этнографических групп, так что воля этих народов имеет решающее значение. Но я уверяю вас, что если спросить трудящихся таких наций, имеющих до полутора тысяч населения, и даже в два раза больше,—на каком языке они считают нужным вести обучение своих детей, особенно после первой ступени,—то безусловно они выскажутся за сравнительно более передовой язык, в зависимости от того, в какой республике они находятся. В Дагестане, например, они могут выбрать аварский, кумыкский, тюркский или другой, в Азербайджане—тюркский или другой, в Средней Азии—языки отдельных республик, может быть персидский и т. п. В районах Урала или Поволожья может быть некоторые предпочтут русский язык, татарский и т. п. Представители трудовых масс этих маленьких народностей нам скажут: „не навязывайте нам нашего старого языка, не заставляйте наших детей быть такими же беспомощными, как мы". Я думаю, что этот момент нельзя не учитывать, нельзя голый принцип развития народного языка доводить до абсурда. Этот момент учтут и немногочисленные члены партии и комсомола, имеющиеся среди этих национальностей, и не будут поддаваться националистическим настроениям каких-нибудь беспартийных интеллигентов из среды этих народностей.

Я хотел бы тут напомнить одно место из знаменитой речи т. Сталина в КУТВ'е, где он говорил о развитии национальных

языков. Это выступление т. Сталина в 1925 г. было своего рода „хартией о национальной культуре". Это было основой для дальнейшей ясной работы по вопросам национальной культуры.

Вы помните, что в основных установках, которые т. Сталин дал по вопросу о развитии национальной культуры, сказано, что процессы ассимиляции также неизбежны, что это вполне соответствует всем законам развития национальностей и всем законам экономики и т. д., что это—в интересах самих национальностей; мы должны их же защищать от того наследства, которое их гнетет в этом отношении.

Другое дело нации более развитые, более многочисленные. Мы должны ставить вопрос о максимальном развитии их культуры и всех тех потенций, которые у них имеются, до полного расцвета их культур.

Если мы кажеые 2—3 месяца открываем все новые и новые нации и ставим вопрос о выработке для них новых алфавитов, то я думаю, что разыскивать без конца эти языки во что бы то ни стало—дело, не соответствующее интересам самих наций. Вырабатывая терминологию, мы должны стараться обобщить ее для языков, более или менее близких друг другу. Таким образом, задачей нашей работы по терминолигии является также для некоторых языков мелких национальностей, о которых я говорил, учет возможности, выработка возможности их слияния или перехода от одного языка к другому языку в сравнительно не очень длительный период. Для других, более крупных языков, мы можем пока иметь только общую перспективу их слияния, когда коммунизм войдет в быт, стремясь, чтобы они к этому времени могли дойти до полного расцвета, ибо затем только начнется диалектический процесс слияния языков. Это, несомненно, колоссально сложная задача по отношению к особенностям каждого языка, особенно тех, где стоит вопрос об удвоении словесного богатства или даже значительно большего дополнения нивыми терминами, новыми понятиями и т. д. Ведь нужно давать не просто слова, а термины, выражающие определенные понятия, акцентирующие именно это понятие и тонко отделяющие его от другого, в то же время не теряя перспективы.

Пока у нас дело обстоит довольно туго по вопросу о кадрах на языковом фронте. Маркситско-ленинские кадры по этой линии из национальностей фактически только подготовляются. В этом основная трудность данного этапа. Сейчас организуются специальные курсы переводчиков; я сам состою в комиссии ЦК по переводу шеститомника Ленина на национальные языки, и надо сказать, что тут мы столкнулись с очень большими трудностями.

Имеет место необыкновенная халатность со стороны многих переводчиков, доходящая до пределов возмутительного. Мы видим, что, не понимая того или друго слова, переводчик его или просто пропускает, или вставляет русское слово, как таковое, или даже перевирает его, употребляя один и тот же термин для совершнно противоположных понятий, или ставя совершенно неподходящие термины.

Между тем овладение масс национальностей на родном языке учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина является вопросом

огромной важности. Сейчас еще не может считаться разрешенным вопросом о более или менее удовлетворительном ходе культурной революции у той или иной нации, если она не имеет переводов классиков марксизма на родной язык, а мы этих классиков или не даем или даем нередко в таком виде, что лучше вовсе не давать.

На первый план у нас в республиках выдвигается вопрос о выработке терминологических словарей, прачем словари должны составляться с расчетом, чтобы они пригодились для наций с близкими языками; тут должен быть выработан ряд своего рода общих стандартных терминов.

А что у нас сейчас делается с терминологическими словарями? За создание терминологии берутся нередко люди, которые не имеют понятия о политике, о ленинизме, которые пишут отсебятину.

Их работы приходится резко критиковать, исправлять, а это сделать бывает не так легко, тем паче, что подобные творения пока широко распространяются в своем первоначальном виде.

Кроме того, мы имеем здесь дело и с немалым количеством сознательных вредителей, которые хотят исказить ленинские установки, которые хотят затормозить огромный процесс социалистическиго строительства, противодействовать ликвидации кулачества как класса, которые пуще смерти боятся построения бесклассового сициалистического общества. Те указания, которые нам дал Центральный Комитет партии в решениях январского пленума ЦК-ЦКК о необходимости усиления классовой бдительности—должны быть стержнем нашей дальнейшей работы также и по вопросам терминологии.

Я не остановился здесь на ряде конкретных вопросов по отдельным республикам, конкретным терминам и словам; в моих тезисах указаны некоторые конкретные моменты. Я уверен, что мой содокладчик и члены пленума, проводящие на местах большую работу по вопросам терминологии, в своих выступлениях остановятся на этих вопросах более конкретно по отношению к каждому отдельному языку, так как—я указал—каждый язык имеет свои специфические моменты в вопросах терминологии.

Я считаю, что Всесоюзный Комитет Нового Алфавита должен взяться за вопросы терминологии вплотную. До сих пор фактически у нас терминологического центра нет. В Научном Совете Наркомпроса РСФСР проделывается по этой линий сравнительно большая работа, но еще далеко недостаточная. Кроме того, Наркомпрос РСФСР не охватывает союзных республик, которые много занимаются этим делом. Я думаю, что ВЦК НА должен стать такого рода вспомогательным научным терминологическим центром для республик, который однако не дает подробной кодификации каждого термина любого языка и не устанавливает своей монополии по этой линии.

У некоторых народов, разрабатывающих вопросы терминологии у себя, нет еще четких принципиальных установок, и я думаю, что наш Пленум должен принять решение об организации такого терминологического центра, который будет раз-

рабатывать научные вопросы и к которому нужно обращаться за руководством, консультацией. Надо помнить при этом, что центр, который мы организуем, только тогда сумеет по настоящему быть центром, сможет кое-что серьезное давать, если вокруг него об'единятся все фактически работающие по этим вопросам учреждения, научно-исследовательские институты, терминологические комиссии и т. д., если будет организован обмен опытом. Надо установить связь с теми учреждениями, которые работают в этой области в Ленинграде, в Академии Наук и в других местах. В ряде учреждений, например, созданы бюро переводчиков, встречая при переводах то или иное затруднение с терминами, они могут обратиться в наш центр и найти помощь.

Надо созывать терминологические совещания. При этом необходимо иметь в виду, что терминология вырабатывается не в кабинетах, не в исследовательских учреждениях,—она вырабатывается в практическом языке широких трудящихся масс, в языке рабочих и колхозников. Научные учреждения должны только в основном учитывать тот опыт, который создает масса, газета, брошюра и помогать направить это творчество в правильное русло.

Как использовать этот опыт масс—для нас является вопросом коренной важности, ибо надо, чтобы интересы диктатуры пролетариата полностью соблюдались в вопросах языка, надо помнить о классовых моментах в строительстве языков.

В нац. республиках СССР имеются крупные пролетарские центры, среди рабочих националов имеется довольно много людей передовых, культурно развитых. Как они творят свой язык? Они не могут обходиться только старыми терминами и отсталым языком. Они расширяют его. Этот опыт должен подытоживаться республиками. Должны созываться терминологические конференции, можно устраивать своего рода сбор терминов на собраниях на каком-либо предприятии, посредством вопросника или выступая по этому вопросу; можно посылать туда научного работника, который запишет, зарегистрирует все новые термины, употребленные оратором. Скажем, на собрании по вопросу о производительности труда, где говорят на родном языке, нужно записать, как выступающие выражают различные понятия в связи с вопросами техники и т. п. Такие сведения нужно собрать по предприятиям, совхозам, колхозам. классифицировать их обработать, пускать в употребление и опять проверять, как они привились.

Надо иметь в виду, что если раньше в республиках огромное преобладание имела отсталая деревня, когда говорилось, что национальный вопрос является по существу крестьянским вопросом—только в более расширенном виде, то сейчас национальная деревня меняет свой характер, она делается колхозной, в нее пришли комбайн и трактор, животноводство также поднимается на высшую ступень, в деревне появляются и встречаются с массами агрономы, инженеры, техники; меняется вся физиономия республики, меняется в связи с этим, получает совершенно другой облик в деревне и язык. Анализ и собрание огромного опыта терминологического творчества в той колос-

сальной лаборатории, которая называется социалистическим строительством среди национальностей,—покажет, куда и как должна ориентироваться каждая национальность в этих вопросах, какое именно направление она должна дать развитию языка. Вопрос у национальностей стоит также и о консолидации разных языков на основе разных диалектов и т. д.

В работе, о которой я говорил, мы должны иметь в виду необходимость ориентироваться на районы передовые, на районы пролетарские, районы коллективизированные, чтобы и здесь в этих языковых вопросах ведущими были элементы социально наиболее близкие, интересы которых соответствуют интересам диктатуры пролетариата, интересам социалистического строительства.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ДАГЕСТАНСКОГО КОМИТЕТА НА

ГАДЖИБЕКОВ

Дагестанские языки по-настоящему не изучены. Это понятно. Дагестанские языки, как и все языки так называемых малых, „не исторических“ народов при царизме подлежали ликвидации. Раньше дагестанские языки хотя и изучались (имеется целый ряд работ по дагестанским языкам старых буржуазных ученых), но тогда эти языки изучались с целью подыскания путей для быстрейшей руссификации этих народов. После Октябрьской революции целевая установка изучения дагестанских языков коренным образом изменилась. Сейчас мы изучаем дагестанские языки для того, чтобы помочь повысить культурный уровень трудящихся масс многонационального Дагестана. В настоящее время в Дагестане на основе последовательного осуществления ленинской национальной политики проводится большая работа по языковому строительству. Эта работа является частью общей работы нашей партии по ликвидации культурно-экономической отсталости бывших угнетенных национальностей Советского союза.

Разработку терминологии дагестанских языков мы рассматриваем, как часть вопроса о создании литературных языков. То, что отметил т. Диманштейн в отношении отдельных языков, в прошлом не имевших своей письменности, или младописьменных, в большой мере относится к нашим дагестанским языкам.

Почти все дагестанские национальности еще не имеют разработанного, сложившегося литературного языка. Вопрос о литературном языке в Дагестане сейчас является одним из самых злободневных вопросов языкового строительства.

Как при создании литературного языка, так и при разработке терминологии, мы должны строго руководствоваться решениями партии по национальному вопросу. Вся наша работа по языковому строительству, в частности, работа по терминологии должна способствовать в конечном итоге об'единению дагестанских языков, вместе с другими языками Советского союза, в один общий язык тогда, „когда пролетариат победит во всем мире и коммунизм войдет в быт“.

. Те огромные успехи, которые мы имеем на языковом фронте за 13 лет пролетарской диктатуры в Дагестане, достигнуты в результате неослабной борьбы Дагестанской партийной организации с классовым врагом, со всевозможными уклонами от генеральной линии партии, являющимися отражением идеологии буржуазных и мелкобуржуазных элементов. Как и вся наша работа, языковое строительство происходит в условиях обостренной классовой борьбы. Прежде господствовавший класс всеми силами старался и старается в качестве орудия борьбы против социалистического развития Дагестана использовать вопросы языка. Прошлое и настоящее являет целый ряд примеров, когда классово-враждебные элементы использовали языковый вопрос в своей борьбе против диктатуры пролетариата. В истории языкового прошлого мы знаем случаи, когда национальная буржуазия использовала в своих целях тюркский язык, выдвигая его, как государственный язык, выступая против развития дагестанских языков по социалистическому пути, против сближения этих языков со всеми языками народов Советского союза. Те же „ползучие уклоны", что и в вациональном вопросе, существуют и на фронте языкового строительства, в частности на терминологическом участке его. Уклон в сторону великодержавного шовинизма является главной опасностью на данном этапе. Уклонисты этого типа рассматривают русский язык, как единственное средство приобщения трудящихся масс отсталых национальностей к социалистической культуре. Конкретно в терминологической работе этот уклон проявляется в чрезмерном насыщении родного языка словами и грамматическими формами, взятыми из русского языка, даже там, где в этом нет надобности, когда эти слова имеются в родном языке. Люди, как правильно сказал тов. Диманштейн, идут по линии наименьшего сопротивления. В результате родной язык становится непонятным для трудящихся масс.

Во-вторых, имеется уклон в сторону пантюркизма, панарабизма и сионизма. Пантюркизм и панарабизм в наших условиях сплошь и рядом переплетаются с местным национализмом. Пантюркизм, панарабизм и силонизм заключаются в ориентации терминологической работы на турецкий язык (у нас был период, когда местная националистическая интеллигенция делала ставку на османский язык) и на арабский и древне-европейский языки. Уклонисты этого порядка, как и великодержавные шовинисты, игнорируют творческие способности трудящихся масс ранее угнетенных национальностей. Необходимо также указать на то, что уклонисты этого типа стараются заменить интернациональные термины и советские слова словами арабскими, турецкими и древне-еврейскими. В результате родной язык становится непонятным для трудящихся масс.

Уклон в сторону местного национализма выражается в стремлении замкнуться в рамки своего языка. Уклонисты этого типа стремятся во имя „чистого национального языка" изгнать из своего языка все заимствованные слова, в том числе и интернациональные термины. В погоне за „чисто национальным языком" они стараются найти все слова и термины в собственном языке, а если таких нет, то просто выдумывают их. В резуль-

тате такой „родной" язык тоже становится непонятным для трудящихся масс. Отсюда, как следствие, ослабление нашего влияния на массы. И этот уклон вредит нашему делу сближения дагестанских языков с другими языками Советского союза.

Все эти уклоны живут и сегодня. Если вы просмотрите нашу переводную и оригинальную литературу, то вы встретите в ней элементы этих уклонов. Там, где ослабела классовая бдительность, там легче просачивается эта классово-враждебная идеология и делает свое вредительское дело. Со всеми этими уклонами надо вести решительную борьбу как в теории, так и на практике.

Решения ЦК партия о школе, ряд решений Дагестанского партиного комитета о переводе системы народного образования на местные языки, о коренизации аппаратов партийных, советских органов, перевод трудов классиков марксизма-ленинизма на национальные языки (сейчас мы переводим „Вопросы ленинизма" Сталина на аварский, даргинский, лакский, лезгинский и кумыкский языки, а также переводим отдельные произведения Маркса, Ленина на местные языки),—все это делает разработку терминологии дагестанских языков актуальнейшей задачей языкового строительства. Отсюда понятно, почему дагестанские организации уделяют такое большое внимание разработке терминологии дагестанских языков.

В этом деле на нашем пути встречается целый ряд трудностей. Каковы эти трудности? В первую очередь— это неразработанность вопросов терминологии вообще, и в частности у нас в Дагестане. Одно то, что мы этот вопрос ставим лишь в 1933 году, показывает, насколько лингвистика отстает от практических задач языкового строительства. Центральные научно-исследовательские институты, которые призваны разрабатывать эти вопросы, до сих пор ничего существенного в этой области не дали. А между тем, имеются люди, отрицающие отставание лингвистики, вроде тов. Бочачера, выступившего на краевом лингвистическом совещании в Ростове в прошлом году. Такого рода утверждения я считаю вредными. Мы здесь должны открыто, по-большевистски заявить, что мы по этой части отстаем. Мы должны твердо запомнить то, что сказал тов. Сталин на с'езде аграрников-марксистов об отставании теории, и ликвидировать отставание языкознания от практических задач языкового строительства в Советском союзе.

Следующая трудность заключается в многоязычии. Нам в Дагестане приходится иметь дело не с одним языком, а с восемью самостоятельными языками. Мы разрабатываем терминологию по следующим языкам: аварскому, даргинскому, кумыкскому, лакскому, лезгинскому, табасаранскому, татскому и ногайскому.

Для разработки терминологии недостаточно знать общие установки и иметь соответствующие знания в области русского и иностранных языков; необходимо знать тот язык, разработкой терминологии которого мы занимаемся. Наши родные языки недостаточно изучены. Мы их недостаточно знаем, и этот момент затрудняет практическую разработку терминологии.

Другой момент, затрудняющий нашу работу — это отсутствие кадров. У нас в Дагестане нехватает достаточно подготовлен-

ных кадров лингвистов, в особенности лингвистов-коммунистов. Кроме того некоторые думают, что для разработки терминологии достаточно иметь лингвистов, это ошибочное мнение. Например, для разработки терминологии по химии необходимо иметь не только лингвиста, но и химика-специалиста в этой области. Здесь лингвист может быть только консультантом, решающее же слово принадлежит специалисту, знающему данную науку.

Еще одно затруднение—это отсутствие у нас достаточного опыта терминологической работы и слабость материальной базы. Здесь тов. Кацнельсон говорил, что северо-кавказцы не используют опыта Украины и Белоруссии. Это неверно. Мы используем опыт Украины и Белоруссии, а также Северного Кавказа. Но к этому опыту надо подойти сугубо критически, ибо нет гарантии, что в нем отсутствуют уклоны от генеральной линии партии в национальном вопросе. И опыт терминологической работы Украины, Белоруссии, Сев. Кавказа и Азербайджана в прошлом часто показывает именно, как не надо работать. В терминологической работе этих республик был целый ряд уклонов от ленинской национальной политики. Так, например, когда мы посмотрели общественно-политическую терминологию Белоруссии, мы обнаружили в ней отсутствие целого ряда терминов эпохи социалистического строительства. Например, отсутствовал такой термин, как „антисемитизм", который в условиях Белоруссии имеет большое значение, но зато мы встретили обилие идеологически вредных слов, взятых из церковно-славянского языка. И на Северном Кавказе в словаре Беляева мы обнаружили целый ряд отклонений от линии партии. Значит, изучать опыт других республик надо, но подходить к нему надо сугубо критически.

Тов. Диманштейн в своем докладе впервые вскрыл классовую подоплеку антипартийных решений I тюркологического с'езда в Баку в 1926 году. Он прав, когда говорит, что эти решения до сих пор никем по-настоящему не раскритикованы, что они оказали вредное влияние на терминологическую работу в национальных республиках.

Развертывание социалистического строительства и культурной революции требует ускорения разработки терминологии дагестанских языков. Были разговоры о том, что с разработкой терминологии надо подождать, пока центральные научно исследовательские институты не преподнесут нам готовых рецептов, а они, как я говорил выше, в разработке терминологических вопросов недопустимо отставали и продолжают отставать. Имея целый ряд директив Дагестанской партийной организации, мы не могли ждать с разработкой терминологии. Мы взялись за это дело, заранее зная, что в этом новом и трудном деле, когда мы идем ощу ью, не имея конкретных указаний, неизбежен целый ряд ошибок и промахов.

Мы разработали основные установки терминологической работы дагестанских языков. Разрешите огласить их:

1) Всю работу по созданию терминов построить на основе последовательного осуществления ленинской национальной политики, решительно борясь против уклонов как в сторону ве-

ликодержавного шовинизма, так и местного национализма и примиренчества к ним.

2) При разработке терминологии дагестанских языков стремиться к максимальной унификации.

Это то, о чем говорил т. Диманштейн. Мы учитываем, что дагестанские языки, несмотря на то, что они являются самостоятельными языками, имеют между собой много общего, поэтому мы стараемся, разрабатывая терминологию этих языков, максимально унифицировать ее.

3) Базой для дальнейшего обогащения дагестанских языков терминами являются сами родные языки. Основным источником образования новых терминов должен служить, прежде всего, русский язык, через который идут международные термины, а также, для некоторых народностей, языки соседних с Дагестаном наций (для тюркской — азербайджанский, для чеченской — чеченский и т. д.). Одновременно языки обогащаются новыми словами путем творчества самого трудящегося народа.

4) При использовании заимствованных новых терминов принимается основа слова и дается соответствующее данному национальному языку грамматическое оформление, за исключением таких общепринятых окончаний, как „изм", „ист" и т. п.

5) Арабо-персидские и древне-еврейские термины частично неизбежно вытесняются новыми и сохраняется из них только некоторая часть — те термины, которые уже стали общеупотребительными среди трудящихся масс.

Товарищ Сейфи с места просит дать конкретный пример. Хорошо. В наших языках термину „партия" соответствуют одновременно два термина—арабский „фирка" и интернациональный „партия"; термину „интернационал"— арабский „бейналмелаль" и интернациональный „интернационал"; термину „совет"— арабское слово „шуро" и „совет". Мы даем предпочтение интернациональным и советским словам.

Но в то же время у нас не должно быть шаблонного подхода ко всем языкам. К каждому языку необходимо подойти конкретно, учитывая грамматический строй и конкретные исторические условия развития данного языка. Нельзя брать термины и слова изолированно, независимо от социальной среды, где эти термины бытуют. Мы должны учесть, какое содержание вкладывает тот или иной класс в данное слово, в данный термин. Если взять слово „священный" отвлеченно, то это слово древне-библейское; слово „священный" в языке буржуазии имеет совершенно иное значение, нежели в языке пролетариата. Так, когда партия устами своего Центрального комитета говорит „общественная собственность священна", то это слово, конечно, совершенно не имеет того значения, которое вкладывала в него буржуазия. Итак дело не в самих отвлеченно взятых терминах, а в сегодняшнем классовом содержании их.

Мы не говорим, что наша установка безукоризненна, что в ней нет недостатков; она безусловно нуждается в дальнейшем уточнении. Мы просим, чтобы вы в этом отношении пришли нам на помощь.

Теперь разрешите остановиться на методике и технике нашей работы и на результатах ее. Для руководства терминологиче-

ской работой в Дагестане еще в 1930-году создана специальная терминологическая комиссия в секторе языка Дагестанского научно-исследовательского института национальных культур при ЦИК ДАССР. Эта комиссия состоит из 8 лиц, по одному от каждого языка, и из языковых бригад, организуемых по языковым принципам, по каждой дисциплине. Например, если мы разрабатываем терминологию по химии, то организуются языковые бригады по химии и т. д.

В терминологической работе вопрос о кадрах и о качестве этих кадров имеет решающее значение. Как мы подошли к разрешению этого вопроса? Как я уже говорил, мы не богаты кадрами. Мы учли все силы, которые могут быть полезными в нашей работе как внутри самого Дагестана, так и вне его. Мы создали некоторый актив вокруг терминологической работы. В дальнейшем его надо очистить от чуждых людей и расширить за счет действительно нашей, советской интеллигенции. Надо работать над повышением идейно-теоретического уровня и специальных знаний этого актива. Этого до сих пор мы не могли сделать.

Сначала мы привлекли товарищей в порядке общественной нагрузки, однако опыт показал, что так строить работу нельзя. Такая система не обеспечивала соответствующих темпов и выполнения заданий в срок. Мы вынуждены были перейти на платную систему, поскольку материальная заинтересованность стимулирует ускорение темпов и повышение качества.

Теперь разрешите сказать несколько слов о технике нашей работы. Разработка терминологии проходит следующие стадии. Сперва разрабатываются словники на русском языке по соответствующим дисциплинам, путем договора со специалистами в данной области, затем словники, составленные на русском языке, рассматриваются в бригаде специалистов по данной дисциплине. По утверждении словника на русском языке, дается соответствующее национальное оформление или перевод этих терминов. Затем словник терминологии на национальном языке рассматривается и утверждается в специальной языковой бригаде по каждой дисциплине. Если возникают спорные вопросы, они переносятся в терминологическую комиссию, которая их и разрешает. Термины, составленные на национальных языках, рассматриваются в терминологической комиссии. Но это не всегда удается сделать; в особенности в отношении терминов по физике, химии, математике,—этого нам не удалось сделать. В дальнейшем всю терминологию на всех языках придется тщательнейшим образом пропускать через фильтр терминологической комиссии. Наконец, после того, как эти термины прошли через терминологическую комиссию, они передаются для редактирования.

На основе директив местных организаций, план разработки терминологии дагестанских языков на данном этапе включает в себя следующие темы:

1) Общественно-политическая терминология; 2) делопроизводство; 3) советское право; 4) математика; 5) физика; 6) химия; 7) география; 8) лингвистика; 9) педология и педагогика; 10) биология; 11) ботаника; 12) зоология; 13) астрономия; 14) физкультура.

Из этих тем в плане 1933 года намечены следующие: 1) второе издание общественно-полититеской терминологии; 2) второе издание терминов делопроизводства; 3) разработка терминологии советского права; 4) лингвистики; 5) ботаники; 6) биологии; 7) зоологии; 8) педологии и педагогики; 9) физкультуры.

Терминологическая комиссия за время своего существования разработала терминологию по ряду дисциплин. Резрешите перечислить по языкам: по аварскому языку — общественно политическая терминология, делопроизводство, математика, химия, физика и география; по даргинскому языку — общественно-политическая, делопроизводство, математика; по лакскому — общественно-политическая, делопроизводство, математика, физика, химия и география; по лезгинскому языку — общественно-политическая, делопроизводство, математика, физика, химия и география; по кумыкскому языку — общественно-политическая, делопроизводство, математика, физика, химия и география; по ногайскому языку — общественно-политическая, делопроизводство, математика, физика, химия; по татскому, горско-еврейскому — общественно-политическая, математика, физика и география. В текущем году мы приступаем к разработке терминологии по табасаранскому языку, который получил свою письменность в 1931 году.

Как видете, в количественном отношении мы сделали немало. А как обстоит дело с качеством? Качество нашей продукции стоит не на должной высоте. В этом отношении нам надо основательно подтянуться.

Можно иметь очень хорошие, четкие и выдержанные установки, но весь вопрос в том, как они осуществляются в практической работе. Ведь Ленин учил нас судить о революционности не по революционным фразам, не по резолюциям и постановлениям, а на основе революционной практики. Как мы проверяем практическое осуществление тех установок, о которых я говорил выше? Для проверки качества нашей продукции, по мере выхода из печати отдельных терминологий, мы практикуем общественный просмотр их. Мы посылаем наши терминологии почти всем научно-исследовательским институтам, занимающимся научно-исследовательской работой в области языка с просьбой дать отзыв о них.

На собраниях, посвященных общественному просмотру соответствующих терминологий, мы выявляем конкретные недостатки и отклонения в нашей работе. Для примера могу указать термины делопроизводства. Это был наш опыт, наш первый шаг в разработке терминологии дагестанских языков. По выходе их из печати, мы занялись проверкой их и организовали общественный просмотр. В результате проверки мы обнаружили целый ряд отклонений от наших установок, особенно в тех языках, для которых у нас не было достаточно подготовленных марксистских кадров. Возьмем ногайский язык. Здесь „класс“ был обозначен словом „тайпа“, что означает „род“. „Социалистическое соревнование“ — „джамаат ярысы“, что означает „общественное состязание“; слово „коллективизация“ — „кынепласув“, что означает „вспомоществование“, и т. д. Здесь налицо просачивание элементов местного национализма. Напро-

тив, в даргинской терминологии делопроизводства мы имели элементы великодержавного шовинизма. Здесь, как указывал тов. Диманштейн, люди пошли по линии наименьшего сопротивления. И в других языках был целый ряд ошибок и промахов. Ошибки нашей первой работы по терминологии делопроизводства мы учли при разработке общественно-политической терминологии.

Не так давно мы устроили просмотр вышедшей общественно-политической терминологии, являющейся наиболее ответственным участком в нашей работе. И здесь мы обнаружили целый ряд недочетов и ошибок. Мы считаем необходимым общественно-политическую терминологию проверить особенно тщательно и углубленно по каждому языку в отдельности.

Товарищи, необходимо сказать следующее. Есть отдельные недостатки, отклонения и ошибки. Есть классово-враждебная нам, последовательно проводимая нашими классовыми врагами определенная линия, как например нацдемовщина в Белоруссии, петлюровщина на Украине. Надо уметь отличить классово-враждебную линию от отдельных ошибок и отклонений. Мы не гарантированы от просачивания классово-враждебной нам идеологии в нашу работу. Наличие отдельных отклонений в нашей работе требует от нас, чтобы мы усилили классовую бдительность на этом важнейшем участке идеологического фронта.

Какие недостатки имеются в нашей работе? Одним из главнейших недостатков является недостаточная мобилизация масс вокруг терминологического строительства, недостаточная связь с местами. Мы уже осознали этот недостаток и принимаем меры к ликвидации его. Сейчас мы занялись изучением терминологии нашей национальной печати. После сбора материалов предположено совершить поездки на места для изучения бытования терминологии в классовом разрезе.

Вторым недостатком нашей работы является отставание темпов терминологичекой работы от практических запросов языкового строительства.

Низкое качество нашей продукции является третьим немаловажным недостатком нашей работы.

В текущем году все эти недастытки должны быть изжиты. Лозунгом нашей работы должна быть борьба за высокое качество продукции, борьба за идеологическую выдержанность терминологии.

В заключение я хочу поставить перед Пленумом несколько вопросов, на которые мы просим дать ответ. Первый вопрос—о характере терминологических словарей. Ясности в этом вопросе нет. Мы в своей практике до сих пор, как правило, не даем толкования всем терминам. Насколько это верно и не лучше ли было бы совместить терминологический словарь с толковым словарем? Второй вопрос—относительно химической терминологии. Сейчас в кругах специалистов по химии дебатируется вопрос о переходе на международную химическую терминологию (в частности этот вопрос был предметом обсуждения на прошлогоднем харьковском Менделеевском с'езде). Нас интересует вопрос—перейти ли на международную химическую терминологию или лучше иметь смешанную терминологию, как

русском языке. Третий вопрос—об орфографировании интернациональных терминов. И по этому вопросу нет ясности. Здесь, на этом пленуме, необходимо создать такую ясность. Четвертый вопрос—о сокращенных словах. И по этому вопросу надо иметь определенную установку. И, наконец, пятый вопрос—о способах и о сроках узаконения разработанной терминологии.

Товарищи, в начале своего доклада я говорил, что нам в Дагестане приходится работать в труднейших условиях, что у нас нехватает достаточно подготовленных кадров, в особенности пролетарских кадров, лингвистов. Конечно, в этих условиях в нашей работе есть и будут отдельные недостатки. Мы просим пленум отнестись к проделанному нами сугубо критически и указать, насколько нам в нашей практической работе удается осуществить ленинскую национальную политику партии.

ПРЕНИЯ

ЗОЛОТОВ (Академия наук СССР). Доклад тов. Диманштейна выгодно отличается от имеющихся тезисов Сектора науки НКП РСФСР, НИЯЗ'а и конференции Севера тем, что что он дает четкую политическую установку. Доклад построен на материалах, характеризующих борьбу за создание терминологии у национальностей СССР.

Тов. Диманштейн этот вопрос поднял на высокий теоретический уровень. Когда мы говорим о создании терминологии, мы этот вопрос увязываем со всем ходом социалистического строительства. В 11-м тезисе Маркса о Фейербахе сказано, что до сих пор философы об'ясняли мир, а дело заключается в том, чтобы не только об'яснить, но и изменить его. Имеется и другое указание Маркса, где он говорит, что, изменяя окружающую природу, человек изменяет и свою собственную природу. В этом отношении в СССР мы видим такую картину: прежде отсталые республики быстро развиваются в экономическом и культурном отношении; изменяется не только лицо национальных республик и областей, но в практике революции изменяются и отдельные люди, и даже целые народы.

Мы знаем, что капиталистический мир имеет два неразрешимых противоречия в национальном вопросе: тенденцию к об'единению наций и тенденцию к уничтожению насильственных форм об'единения. Тов. Сталин говорил, что эти неразрешимые для капиталистической системы противоречия являются для нас лишь двумя сторонами одного дела, дела социалистического строительства.

Вот под каким углом зрения мы подходим к разрешению вопроса о терминологии.

Борьба на идеологическом фронте встречает самое отчаянное сопротивление классового врага. Особенно это можно отнести к участку языкового строительства. В частности такое сопротивление очень ярко проявляется в области создания терминологии. Не случайно ак. Марр в примечании к книге „К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем" заострил внимание на том, что нет ни одного справочника, ни

одного даже словаря, отнюдь не специального назначения, чтобы он не был отравлен отжившим „индоевропеистическим" мировоззрением. Далее он отметил: „Вот почему, сказать кстати, так рьяно теперь уходят индоевропеисты в „безобидное" нейтральное, мол, дело составления словарей". Это меткое замечание крупнейшего языковеда нашего Советского союза о неблагополучном положении на участке составления словарей следует вспомнить на нашем Пленуме.

Великодержавность проявляется не только в стремлении к ликвидации национальных языков, она проявляется и в желании навязать национальным языкам нормы русского языка, формы русекого языка, строй русского языка. Не нужно однако думать, что великодержавниками являются только русские. Великодержавники встречаются и среди самих национальностей. Эти люди не прочь ликвидировать свои национальные языки в угоду русскому; они стремятся всячески тормозить развитие своих родных языков. Но этим не ограничивается проявление великодержавничества. Еще в 1918 г. вождь грузинских меньшевиков, обосновывая стремления грузинских великодержавников, говорил, что и мелкие национальности „имеют право проводить великодержавнические тенденции". Не отставали от него азербайджанские муссаватисты и армянские дашнаки, которые в пределах своих „независимых" государств со всей свирепостью осуществляли великодержавие. Пантюркисты, панфинисты, панслависты придерживаются тех же правил. Исходя из установок русского самодержавия, тов. Данилов в свое время „упразднил" украинский язык. Миртовы, Петерсоны аплодировали ему за это.

На такой же реакционой точке зрения стоят и национал-демократы. Им удалось в свое время в понятие „бедняк" вложить содержание „лодырь" (из теории и практики белорусских нацдемов), в слово „пролетарий"—„голодранец"; это они „жилищный вопрос" превратили в „квартирный вопрос", „экономическую политику"—в „сельхозполитику"; им мы обязаны и тем, что понятие „капитал" в некоторых языках было превращено в понятие „богатство", „имущество", что термин „революция" был заменен понятием „бунт" и т. д., и т. п. Характерно, что чувашские нацдемы, в интересах сохранения „самобытного" чувашского народа и его самобытного языка, отгораживаясь от „тлетворного" влияния „русской культуры" (читай—социалистической), призывали прямо ориентироваться на западную культуру, которая-де одна способна защитить их поглощения их культуры русской культурой. Были даже голоса за то, чтобы добиваться взятия одним из буржуазных государств „шефства" над Чувашией. Они в этом отношении могли бы поспорить даже с Даном и с другими интервентами. Они протягивали руку Чебан-Заде и другим пантюркистам. Своими предшественниками они имели языковеда проф. Ашмарина, который в интересах „сохранения самобытности чувашей" в 1917 г. призывал узаконить преподавание закона божия в чувашских школах. Их идеология за последние годы нашла отражение в журн. „Утам", где реакционные элементы нашли лазейку для своей деятельности. Наши же товарищи Кутяшов и Данилов,

вместо борьбы с ними, помогали им. Но нужо подчеркнуть, что языковые уклоны к великодержавному и к местному национализму имеют общий знаменатель. Этим знаменателем является противодействие осуществлению генеральной линии партии в области языкового строительства. Уклонисты в ту или иную сторону помогать одинаково как национал-демократам, так и всякого рода руссофилам, пантюркистам, панфинистам, панмонголистам и другим. В этой связи нелишне вспомнить тезисы НИЯЗ'а по терминологии. В целях прикрытия своих тенденций к русскому великодержавничеству, авторы тезисов говорят только об „излишнем засорении терминами русскими" языков национальностей СССР, совершенно умалчивая о стремлении великодержавников не считаться с языковыми различиями, что в конечном итоге должно вести к ликвидации национальных республик и областей.

Мне думается также, что тезисы тов. Диманштейна нуждаются в дальнейшей конкретизации. В этом отношении я предложил бы следующее:

а) включить в тезисы указание Энгельса о том, что переводы терминов, которые не имеют в соответствующем языке необходимых эквивалентов, только исказили бы смысл и, вместо того, чтобы раз'яснить данный термин, внесли бы путаницу;

б) внести в тезисы другое указание Энгельса о даче новых названий новым предметам, в связи с чем вызываются изменения в старых названиях. Энгельс пишет, что значение какого-нибудь тела, а значит также и название его зависит уже не просто от его состава, а скорее всего от того положения и в том ряду, к которому этот предмет принадлежит. Поэтому если мы найдем, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь подобному ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено новым названием, указывающим этот ряд (парафины, напр.);

в) необходимо особо отметить необходимость и пути создания абстрактных понятий. Языки отсталых национальностей богаты конкретными понятиями окружающей действительности но в них отсутствуют, в большинстве случаев, термины, обозначающие абстрактные понятия. Еще Маркс указал, что абстрактные понятия образовались из конкретных. Взять хотя бы его указание о происхождении понятий demeine, allgemeine, Sondere-Besondere и других, происхождение которых связано с термином участка земли. Имеется указание Лафарга о происхождении понятий „добрый", „хороший" из терминов, обозначавших раньше богатство, имущество. Очень много сделано в этом отношении академиком Марром, который показал, например, как одно и то же слово, обозначавшее ранее множество понятий, мало по малу расщепляется, конкретизируется. Так, слово, обозначавшее прежде и „воду" и „реку", при расщеплении изменяется само и становится выразителем, по терминологии Марра, показателем стоимости, данного слова, более конкретированного понятия. Старое слово, к примеру, становится выразителем понятия „воды", другое, несколько видоизмененное—понятия „река". В чувашском языке в этом отношении мы имеем исключительные примеры; останавливаюсь

только на одном из них. Было время, когда словом „kayək“ чуваши выражали все живое, затем по мере развития языка это слово начало выражать понятия царства пернатых птиц, но одновременно это же слово используется для названия зайца— „vərman kayəke“, буквально—„лесное животное“—„tisker kayək“— „хищник“, буквально „дикое животное“ и т. д. Учение ак. Марра по части развития языков раскрывает перед нами широкие перспективы, оно помогает нам понять процесс образования новых слов и т. д.

г) Необходима конкретизация и в части обогащения национальных языков советизмами. Здесь должны быть четкие установки. Нет нужды доказывать интернациональный характер таких терминов, как „партия“, „советы“, „диктатура“, „коммуна“ и др., о международном характере которых говорил еще Ленин. Без сомнения, эти термины должны войти в железный инвентарь языков народов СССР. То же относится и к терминам географическим. Но и в части привития национальным языкам советских и интернациональных терминов имеются большие трудности, которые идут по линии оформления их в национальных языках.

д) Следует учесть и моменты обогащения языков своими средствами. Здесь тоже требуется углубленная работа, которая должна итти по линии: 1) использования словообразовательных суффиксов, активных в настоящий период, 2) образования новых терминов описательным способом, когда описательное слово передает новое понятие; таким образом, например, в чувашском языке образовано понятие „родители“: atte—„отец“, anne—„мать“, atteanne—„родители“ и т. д., 3) переоформления старых слов в новые понятия, 4) использования отдельных слов для выражения новых понятий посредством вовлечения в литературный язык отдельных слов, бытующих в разных диалектах и т. д.

Само собой понятно, что все это требует углубленной научной работы. Должны быть учтены законы данного языка, его история, его особенности. Это возможно только при всестороннем изучении данного языка, причем изучение должно вскрыть исторический ход развития данного языка, законы его в свете состояния окружающих языков, его развитие в данный период, когда мощное развитие экономики нашей страны изменяет не только людей, говорящих на данном языке, но и самый язык. В этом отношении характерно указание представителя Киргизии т. Тыныстанова, который конкретно показал, что орфография киргизского языка, выработанная в 1924 г., пришла в противоречие с нормами того же киргизского языка, когда он обогатился новым содержанием. Новое содержание уже взрывает старые формы. Оно уже требует новых форм для своего выражения. Так обстоит дело не в одном киргизском языке, но и во многих других языках национальностей СССР.

Все эти процессы можно понять только при углубленном и всестороннем изучении процессов, происходящих в языках СССР. Это возможно только при овладении языковой теорией. Значение теории должно быть при этом учетно, как никогда. Теория указывает нам путь дальнейшего движения.

БОКАРЕВ (Научно-исслед. инст. языкознания, Москва. Тов. Гаджибеков в своем докладе совершенно правильно указал, что одно дело—установить принципы, которые должны быть положены в основу терминологической работы, и другое дело,—как эти терминологические принципы осуществляются на практике. Мне хотелось бы остановиться именно на этой стороне дела в отношении дагестанских языков. Как те основные принципы, которые приняты Дагестанским Научно-исследовательским институтом национальных культур, были проведены в конкретной терминологической работе? Мне пришлось по поручению НИИЗ'а заняться в Дагестане этим вопросом. Я не буду говорить о самых принципах: они в основном верны, если брать их в общей форме и оставить в стороне тот из них, который утверждает, что основным фондом для создания международных терминов должен быть русский язык. Этот принцип, конечно, совершенно неверен.

В тезисах правильно указано, что наряду с огромным охватом языков качество терминологической работы в Дагестане все-таки остается на довольно низком уровне. Конечно, имеются на это свои причины: отсутствие лингвистических кадров при огромном количестве языков, то, что в дагестанских языках сохранились очень большие пережитки прошлого, феодально-родовые пережитки, которые затрудняют выражение средствами родного языка новых, социалистических понятий. Эти трудности, очевидно, имеются во всех национальных языках. Но все-таки качество терминологии можно было бы значительно улучшить, если бы эта работа в Дагестане была построена по иному принципу, чем сейчас. Мне кажется, что в Дагестане пошли по пути кабинетного создания терминов, а не по пути действительного их выявления в массах. Это можно видеть хотя бы из тезисов тов. Гаджибекова. Один из его тезисов говорит:

„Вся работа Терминологической Комиссии носит предварительный характер, изданные термины должны быть узаконены лишь только после проверки их в широких слоях трудящихся масс и в соответствующих научно-исследовательских организациях."

В этом пункте выразилась кабинетная установка работы Дагестана. Несмотря на то, что термины проходят огромное количество инстанций, начиная от бригады, которые составляют их, и кончая общественным просмотром—все это не меняет кабинетного характера выработки дагестанской терминологии. Правильнее было бы начать с другого конца. Наш партийно-советский актив вынужден при своем общении с массами употреблять совершенно определенную общественно-политическую терминологию, понятную и близкую массам. Нужно было начать как раз с выяснения того, какие термины и как бытуют при самом воздействии актива на массы, и уже после того как этот материал собран,—можно было бы перейти к составлению терминологий. И даже в этом случае желательно было бы, чтобы терминологическая работа носила предварительный характер.

Кабинетный характер работы дагестанских терминологических организаций привел к тому, что процент терминологического

брака у них довольно высок. Прежде всего этот брак нужно отнести за счет искажения понятий при терминологическом оформлении их на национальных языках. Нередко термины при этом оформлении получают совершенно иное значение, ненужное нам, а подчас вредное. Так, например, в аварской терминологии „барщина“ дается в двух видах: или „barsina“ или „maqalu“, что означает „мельничная плата“—т. е. для выражения определенного исторического понятия приспосабливается слово, выражающее совершенно иное социальное явление.

Термиин „беспристрастность“ переводится „durusli“, что означает „верность“. „Смычка“ и „сношение“ переводятся одним словом, которое означает „связь“. Получается сильное искажение: „смычка пролетариата с крестьянством“ переводится как „связь пролетариата с крестьянством“.

„Производственные отношения“ переводятся как „разделение людей на классы при работе“. Это, во-первых, не носит характера терминологического оформления самого понятия, а во-вторых, совершенно не точно выражает самую суть понятия.

„Независимость“ переводится „uzdenlji“, что, конечно, совершенно недопустимо: слово „uzden“ присуще феодально-родовому строю и означает „свободного“ в противоположность „рабу, военнопленному“. Кстати, из этого примера видно, насколько неверен совет проф. Яковлева использовать старые слова для выражения новых понятий, совет, данный в общей форме.

„Утопист“ переводится, как „фантазер“, а „утопический социализм“, соответственно, как „фантастический социализм“.

Кроме того, терминологии пестрят совершенно излишними русскими терминами. Слова „воспроизводство“, „прогульщик“ даются латинскими буквами, хотя и то и другое понятие можно выразить средствами аварского языка. Точно так же дается слово „разбазаривание“ razbazar habi.

Нужно остановиться на оформлении терминов. Хотя здесь и говорили, что вопрос об оформлении больше относится к разряду орфографии, но он все таки имеет некоторое отношение к вопросам терминологии. Возьмем вопрос об окончании. Составители аварской части общественно-политической терминологии пошли по линии наименьшего сопротивления, принимая все русские окончания типа „ия“ без изменений—„авария“, „классификация“ и т. д. Это совершенно неверный путь, так как должна заимствоваться только интернациональная основа, оформление же она должна получить национальное. Например, для слова „монархия“, основа должна приниматься интернациональная, но окончание „ия“ совершенно не является интернациональным, оно русское и очевидно, что при переводе термина ему нужно дать совершенно другое, национальное оформление окончания.

В терминах нет единообразия. Очевидно над этим вопросом также придется подумать. Во многих терминологиях, которые мне пришлось просмотреть, нет единообразного выражения близких, связанных по законам деривации терминов. Употребляются совершенно различные термины для близко родственных понятиий и этот недостаток призывает всю аварскую терминологию.

Нужно установить, чтобы для выражений родственных, связанных понятий брались и родственные слова, термины.

Я присоединяюсь к предложению тов. Диманштейна о необходимости создания какого-то единого терминологического центра, потому, что сколько мне ни приходилось просматривать терминологий, везде, при наличии одинаковых в основном принципов, существует разнобой в конкретной терминологии, настолько большой, что трудно сейчас и говорить о возможной унификации терминологии, даже в пределах родственных языков.

Проф. ЯКОВЛЕВ Н. С. (ВЦКНА). Всю возможность терминологии и терминологической работы кратко и очень глубоко определил акад. Марр. Он сказал, что „терминология—это язык будущего". Мне кажется, что эти немногие слова характеризуют самую сущность терминологии, а также всю важность этой работы; создавая сейчас терминологию в национальных языках, мы в сущности создаем не только будущность этих отдельных национальных языков, но подходим и к решению вопроса о будущем человеческом языке.

Я старался продумать этот вопрос, и у меня получилось определение понятия „термин", примерно, такое: под терминами следует разуметь известную ведущую часть словаря, развивающуюся на основе передового уровня производительных сил. А практически, просто и кратко, мы можем сказать, что под терминами следует понимать политически и производственно актуальные, общественно актуальные для социалистического строительства слова, независимо даже от того, созданы они сейчас или не созданы и в них только ощущается необходимость.

И вот, когда мы подходим приктически к вопросу о том, как обогащать национальный язык терминологией, выдвигается один момент, который т. Диманштейн затронул в своем докладе. Тов. Диманштейн дал весьма обоснованную и в то же время политически выдержанную обстановку в вопросах создания терминологии; между прочим он возражал против оценки некоторых отсталых языков, как языков богатых. Вот в этом пункте я все-таки позволю себе не согласиться с докладчиком. Такая оценка известного богатства, присущего каждому национальному языку, каким бы отсталым он ни был, имеет и практическое значение; каждый, даже отсталый язык обладает известным богатством, но это богатство находится в такой области словаря, которая в наших условиях общественно не актуальна. Другими словами это есть „бедность". Но если говорить только о бедности, то может получиться впечатление, что данные языки —вообще никудышные языки, и что из них вообще нечего взять для дальнейшего развития. С точки зрения создания терминологии нужно всегда указывать, что языки обладают известным богатством и это богатство должно быть использовано для развития их терминологии, потому что как бы отсталы ни были в наших условиях, например, быт или хозяйство какого-нибудь народа,—терминологию, которая развилась на этой хозяйственной основе, мы должны собрать и изучить и по возможности использовать для постановки, скажем, интенсивного животноводства у той же национальности в животноводческих

колхозах. Так что, если мы будем говорить только о бедности, то у практических работников может получиться впечатление, что вообще нечего брать или изучать в данном языке. Между тем изучать и брать оттуда придется много.

Довольно много можно было бы сказать по поводу другого вопроса, затронутого т. Диманштейном. Это вопрос о малых языках и путях их развития. Но так как речь идет не о литературных языках, то я здесь ограничусь указанием на то, что малые языки, конечно, надо стремиться сближать с другими близкими языками. Но эти отдельные малые языки, как бы малы они ни были, все же имеют право на развитие и слияние их произойдет только в результате развития: слияние через развитие (голос: „не языки имеют право на развитие, а народы"). Конечно, развиваются народы, но я касаюсь здесь лингвистической стороны процесса. Возьмем например, Азербайджан. Если бы даже в азербайджанском языке слились языки отдельных мелких народов Азербайджана, то одновременно произошел бы и другой процесс, и азербайджанский язык слился бы с ними. В результате этого получился бы не тот азербайджанский язык, который мы имеем сейчас, а новый язык, расширенный и обогащенный элементами, взятыми из этих мелких языков.

Касаясь вопроса об общем ходе развития национальной терминологии, я хочу указать, что процесс исторического развития терминологии—процесс достаточно показательный; он говорит нам, в каком направлении шло развитие, и в каком направлении должна итти теория, задача которой помочь этому процессу.

Процесс, мне кажется, развивался по следующим трем этапам. Первый этап—когда национальные языки впервые получили возможность развиваться, и поэтому националы до известной степени переоценивали национальные особенности каждого отдельного языка. Здесь получились перегибы, о которых уже говорилось. Я их все таки считаю „естественными перегибами" в тех условиях. Это—чрезмерное искажение интернациональных терминов и стремление создать все термины из средств национального языка. Я приведу пример из собственного опыта. Мне приходилось преподавать национальный язык в КУТВ'е. Я пробовал переводить со слушателями на чеченский язык текст Ленина о классах. Оказалось, что слушатели имели тенденцию переводить даже такие термины, как „класс", „капитал" и проч. словами, созданными из средств чеченского языка. На первом этапе, пожалуй, это было в известной мере законно, потому что тут все внимание было устремлено на необходимость развития данного национального языка.

Второй этап мы переживаем сейчас. Это этап, когда почти на всех языках (судя по брошюрам, газетам), так называемые интернациональные слова берутся очень часто даже русскими окончаниями в неприкосновенной форме. Их стараются писать даже вразрез произношению всюду одинаковым способом. „Колхоз" всюду пишется „Kolxoz", „тенденция" всюду „tendentsiə", несмотря на то, что это „е" обозначает в татарском языке иной звук. Одним словом мы видим проведение интернационализма не только в содержании терминов, но и в форме—в самой орфографии.

Затем должен наступить третий этап, который об'единит все это и даст более прочное национальное освоение терминам каждого отдельного национального языка.

Мне кажется, что и здесь стоит та же задача освоения, которая сейчас поставлена в порядок дня соцстроительства И мне думается, что эта задача заключается в следующем: сохранив интернациональные термины в их форме, все-таки подумать, чтобы это не было механическим перенесением формы, чтобы интернациональное единство освоить средствами отдельного языка; чрезвычайно верно говорит т. Диманштейн, что основным вопросом является то, как эти общие принципы, как эти общие установки применить к каждому отдельному языку, потому что сейчас стоит задача не механического обогащения языка, а освоения нового терминологического материала.

У нас же нередко получается перегиб, когда язык количественно обогащался, получался большой приток интернациональных терминов в него. Весь этот приток сейчас надо освоить.

В заключение коснусь тех практических вопросов, которые поставил т. Гаджибеков. Прежде всего относительно словарей. Нельзя ли словарь терминологический соединить с толковым? Мне кажется, что всякий терминологический словарь должен быть толковым, потому что, если в терминологическом словаре давать только внешнее изображение какого-либо термина, интернационального термина или русского, то все-таки может получиться, что националы не поймут его. Нужно, чтобы в терминологическом словаре было раз'яснено значение этих терминов. Если мы против того, чтобы загружать текст толкованиями, то в словаре мы должны хотя бы частично к этому прибегать.

Возможен другой тип словаря—словарь толковый, в котором были бы все слова данного языка и вся терминология. Мы в этом отношении должны усвоить достижения буржуазных стран. На западе, в области издания словарей, достигли такой высоты, как словарь Ларусса. Нужно стремиться, чтобы и на наших национальных языках появились свои Ларуссы, где было бы собрано все старое и все новое богатство языка с соответствующими пояснениями к каждому слову всех его смыслов, оттенков, значений и даже с иллюстрациями, касающимися определенной материальной стороны слова.

Что касается химии, то я считаю необходимым применение международной химической терминологии, если она уже создана и принята. Что касается орфографии международной терминологии,—то это вопрос, который будет обсуждаться по докладу об орфографии.

Акад. И МЕЩАНИНОВ. Я хочу остановиться на трех пунктах доклада т. Диманштейна: на вопросе о богатстве языка, на интернациональных терминах и на элементах языка будущего.

Относительно богатства языка у меня будут расхождения с проф. Яковлевым. Что такое богатство языка? Богатство языка у так называемых первобытных народов заключается в конкретизации форм. Например, мы говорим: „Человек выстроил дом“, но имеются языки развитого местоименного строя, в которых та же фраза выразится гораздо сложнее: „человек—дом—он—

его—выстроил". Который язык богаче? Казалось бы, что тот, в котором богато развиты морфологические моменты. На самом же деле „богатство" языка определяется не только количественным моментом, но и качественным.

Арабский язык имеет несколько сот слов для обозначения верблюда, а у нас для этого существует только одно. Но разве отсюда следует, что арабский язык богаче нашего? И если арабский язык по количеству слов для данного понятия богаче русского, то этого вовсе еще недостаточно для определения степени его богатства вообще. Конечно, т. Диманштейн и не понимал этого „богатства" в вульгарном смысле, но или я неправильно понял его, или он выразился неудачно, сославшись на 60 тыс. слов у более богатого языка по сравнению с 6 тыс. слов у бедного языка.

Вопрос не в одном только количестве, и нужно это специально оттенить.

Почему я останавливаюсь на этом? Потому что в настоящее время вопрос не только в том, чтобы внедрить большое количество терминов. Придется обратить внимание на качество заимствуемых слов.

Перехожу к вопросу об интернациональных терминах. Тов. Диманштейн дал прекрасный пример, упомянув слово „советы". Но это слово весьма старо по форме. И когда содержание его было другое, близкое к содержанию аналогичных слов западных языков, то слово „советы" всегда переводили на иностранный язык, по-французски, например, писали „conseil". А когда содержание изменилось при сохранении той же формы в русском языке, то слово „советы" внедряется в иностранной литературе без перевода.

Тов. Диманштейн указывал на слово „генерал". Я думаю, что искать интернациональную основу этого слова бесполезно. У англичан это—„дженераль", у французов „женераль", у немцев „генераль". Где же интернациональная основа? Ее нет, потому что интернационального языка еще не существует. Интернациональный язык явится продуктом исторического процесса именно наших дней. Сейчас создаются элементы интернационального языка и поэтому вопрос терминологии сейчас становится наиболее острым. Другое дело, что у нас есть ряд терминов, которые мы можем считать терминами интернационализированными, но это, конечно, не есть еще язык.

Теперь разрешите перейти к третьему вопросу—языку будущего. Если начатки интернационального языка создаются сейчас, то, конечно, это происходит у нас в СССР, где процесс создания интернациональной терминологии проходит быстрее, чем на Западе. Да на Западе, собственно, этого процесса и нет в том его содержании, какое вкладываем в него мы. К интернациональному языку мы идем через развитие языков национальных, поэтому т. Диманштейн был совершенно прав, поставив ударение на вопросе о том, из одного ли русского языка заимствуются интернациональные термины. На узбекской конференции мы слова „русский язык" заменили словами „языки СССР". Мне кажется, что мы были правы, потому что процесс интернационализации идет не только в одном русском языке.

И если в данном конкретном языке этот термин, так же, как слово „совет", уже изменил свое содержание, хотя бы сохранив старую форму, то может быть он и не требует перевода. Термин может быть сохранен. С другой стороны, нужно быть чрезвычайно осторожными с теми терминами, которые не изменили своего содержания, но являются созвучными.

Во всяком случае богатство языка надо использовать с известной осторожностью. Если язык богат терминами, то мы должны учитывать не только количество терминов, но и их содержание. Мы не можем удовлетвориться тем, что в данном языке терминология богата, мы должны проверить содержание этих терминов.

Эти моменты мне не хотелось оттенить. Кроме того необходимо сделать особый упор на то место доклада т. Диманштейна, где он говорил о необходимости учета опыта масс. Действительно, если мы будем создавать интернациональную терминологию академическим путем, то мы не заложим основ интернационального языка. Мы создадим искусственный язык, но не тот язык, в котором мы нуждаемся. Основной упор придется сделать на содержание терминов, которые уже проникают в массы, и надо помнить, что нам предстоит громадная работа. Для этой работы нужна не только терминологическая комиссия, о которой говорил тов. Диманштейн (я не против ее создания), но работу этой комисси нужно проводить в расширенном составе и с расширением полевого исследования. Только таким путем мы разрешим вопрос интернационализации терминов.

СЕЙФИ (Татария). На совещании работников просвещения при ЦК ВКП(б) в 1930 г. по вопросу о терминологии говорилось, что основная задача работы по терминологии—это борьба с арабизмом, иранизмом и борьба с руссицизмом. Конечно, не механическая борьба, а борьба в таких случаях, когда те или другие термины употребляются без надобности, когда их безболезненно можно заменить интернациональными или русскими, народу понятными, словами.

На основе этих указаний нужно было создать терминологию. Мы стали задавать себе вопросы: есть ли арабизм в нашем языке и в каком проценте, и как нужно изживать этот арабизм. Чтобы правильно оценить засоренность татарской литературы арабизмами, я просмотрел литературу конца XIX века и от 1907 г. до 1920—22 гг. Я взял работы Марджани и Ибрагимова за 1905 и 1920 годы и проследил, как шел у них этот процесс и в какую сторону. Когда я проверил Марджани, то у него на одной странице оказалось 85% арабских и иранских слов-терминов. В работе т. Ибрагимова (человека, который считается классиком в смысле оформления татарского языка) в 1907 г. оказалось 22% арабизмов на страницу. Затем, когда я проверил его же работу за 1920—22 год, то у него оказалось 10% арабских и 20% терминов интернациональных. Вот, примерно, как идет этот процесс.

На Московском с'езде работников просвещения в 1924 г. было решено для выработки терминологии в первую очередь обратиться к живой речи, и если живая речь не удовлетворяет, то обратиться к интернациональным терминам. Но там был

принят один пункт, где говорится, что при подборе слов нужно обратить внимание на сближенность корней слов из языков народностей, живущих в Союзе.

Это положение у нас существовало до 1926 года. Приблизительно такое же положение было принято Тюркологическим с'ездом в Баку. Конечно, это положение было неправильно. Оно насильственно отбрасывало интернациональные термины. С принятием нового алфавита мы это положение отвергли. Спорность вопроса состоит в том, как принять и как вести борьбу со всеми старыми архаическими терминами, имеющимися в языках, и что именно считать интернациональным, а что—своим. Сегодня т. Гаджибеков защищал термины архиарабские, но уже освоенные народом—как „шуро", вместо „советы", или „инкилаб" вместо „революция" и т. д. Можно ли в таких случаях делать уступку или либеральничать? Сначала я хочу продемонстрировать, как у нас подходят к вопросу о том, какое слово нужно заменить национальным словом, а какое оставить в его интернациональном или русском оформлении.

У всех тюркских народностей есть слова „məqlѕ" или „iqlas"; эти слова раньше в нашей литературе имели право гражданства, но за последнее время мы эти слова заменили „uturs", т. е. заседание.

Другое слово „merkəs"—центр. „Центр"—международное слово, а „merkəs"—арабское. Мы говорим, что его можно заменить словом „узяк".

Или слово „исполнительный комитет". Употребляют арабское слово „iqrai". А почему его не заменить словом „basqasma", что у нас принято и усвоено массами.

Смысл этого тезиса в том, что полезно заменять русские и арабские слова—татарскими, которые вполне правильно определяют смысл термина.

Затем другой вопрос. При составлении терминов нельзя обойтись без искусственного словосоставления. Например, слово „руководство" имеет очень много значений: это и живое руководство, и книга, и пособие. Когда руководство относится к живому человеку, мы говорим „aitəkcə", а если относится к книге или пособию, то мы говорим „qullanma". Или слово „прививка". Если это относится к сельскому хозяйству, например, к садоводству, мы берем слово „aşiama",

При пользовании интернациональными терминами по возможности надо брать корни слов, но тем не менее термин надо принять с приставкой и добавлением в целом, как один термин. Через какой язык нужно принять интернациональные термины? В этом вопросе у нас имеется твердое решение, подтвержденное практикой; мы принимаем термины через русский язык. Например, „партия"—мы говорим „партия"; „анархизм"; „анархизм" мы говорим „анархизм" но в прилагательных русские окончания считаем не обязательными. Например, „социалистическая республика". мы принимаем „социалистик республика". Окончания „ская" мы не принимаем.

Еще об одном важном вопросе. Какие русские слова могу быть оставлены в национальном литературном языке? У нас есть очень много русских слов, которые уже вошли в обиход („па-

ровоз" и др.). Они, конечно, в таком же виде и остаются, без перевода.

Я очень просил бы комиссию, которая будет избрана, в дальнейшем не повторять того, что уже повторялось бесконечно; надо дать сравнительную терминологию, хотя бы для основных народов. Здесь на пленуме надо четко поставить предел дальнейшего использования таких арабских терминов, которые, как я указал, ни в какой мере не могут передать смысла терминов.

Например, есть слово „шуро". Это слово употребляется и в Азербайджане, и в Узбекистане. Оставить его или нет? (Тов. Джафаров: Оставить, если оно имеет советское значение сейчас). А вот вопрос, может ли оно сейчас иметь советское значение? В арабском языке слово „шур" означает не то, что мы вкладываем сейчас в него. Слово „шуро" — встречается в коране, как „совет приверженцев" (сахаба) Магомета. Поэтому надо категорически требовать замены слова „шуро" словом „совет". „Шуро" — понятие историческое, но эта история относится к глубокому феодализму Аравии и хождение его в нашей литературе и языке надо считать пережитком феодализма, поэтому его нужно заменить социалистическим словом.

Или взять, напр., такие слова, как „инкилаб" (революция) и „маданиат" (культура). Оба термина также не имеют того значения, какое теперь мы вкладываем в них, ибо „инкилаб" значит „перевертывать", „перевернуть", но это не „революция". „Маданиат" обозначает что-то городское. Если его перенести в область сельского хозяйства и сказать например „культуры злака"—выходит „городские злаки" и т. д.

АШХАМАФ. Важность и актуальность терминологической работы особенно очевидна сейчас, когда трудящиеся массы национальных областей и республик включились в культурную революцию. О важности этой работы подробно говорил тов. Диманштейн в своем докладе.

В разработке политически правильных установок терминологии за последнее время мы имеем большие достижения. Один из выступавших здесь товарищей однако правильно отметил, что, несмотря на наличие этих общих установок в национальных областях и республиках, в практической работе имеется большой разнобой. Взять хотя бы Дагестан. Интернациональные термины для национальных языков Дагестана передаются через русский язык,—так сказал тов. Гаджибеков. Против этого возражать я не собираюсь, но хочу указать на наличие неправильных установок у Дагестанского института. Действительно, к различным национальным языкам в отношении терминологии мы должны подойти дифференцированно. Например, на Северном Кавказе,—в Адыгее, Чечне, Ингушетии—подход к терминам тоже должен быть дифференцированным. Тут встает вопрос о применении тех терминов из арабского и турецкого языков, которые внедрились в национальные языки. Спрашивается, можно ли слово „совет" передавать словом „suro" или „культура" „madanijat", или „революция" „inqьlab" и т. д. Мы знаем, что в известных условиях, при известных обстоятельствах эти термины внедрились в дагестанские языки. Но в современных

условиях наряду с этими терминами, вместо этих терминов, дагестанские трудящиеся знают такие слова, как „революция", „совет", „культура". Эти термины, наравне с арабскими терминами, хорошо известны дагестанским пролетариям и колхозникам. Правильно ли будет сейчас не проводить мероприятий для вытеснения старых арабских терминов? Я думаю, что нужно вести борьбу против старых терминов. Опыт терминологической работы Дагестана используется до некоторой степени на Северном Кавказе. Опыт Дагестана может отразиться там в терминологической работе. Я приведу пример. В Чечне недавно вышел словарь. В этом словаре употребляется вместо слова „культура"—„гилм"—арабский термин, причем этот термин употребляется везде, и только когда дело дошло до слова—„культпроп", тут уже никак нельзя было сказать „гилмпроп", а сказали „культпроп", потому что „гилм" в некоторых северо-кавказских языках означает „религиозное образование".

Много можно было бы привести таких примеров. Вот в Чечне выпустили специальный словарь делопроизводства и счетоводства, причем в этом словаре к счетоводству относится едва три—четыре процента терминов, а к делопроизводству—максимум десять процентов. Я не знаю, какую цель преследовали составители этого словаря. Предполагалось, что словари нужно выпускать по всем отраслям. Я считаю, что нужно придерживаться строгой специализации и не выпускать словарей, которые только по названию являются специальными словарями, а фактически они охватывают разные отрасли, беря отовсюду понемногу. Я не могу подробно остановиться на том, как проводится на Северном Кавказе терминологическая работа. В национальных областях Северного Кавказа терминологическая работа пока что проводится очень слабо. До последнего времени не было плановости в работе и только совсем недавно в сентябре 1932 г. Комитет Нового Алфавита составил план. Зато кроме плана пока ничего нет. Совершенно неизвестно, в каком об'еме предполагается издавать терминологические словари; в об'еме первой ступени, или в об'еме вуза, для каких национальностей думают создать эти терминологические словари и т. д. Тут нужно, конечно, учитывать и то обстоятельство, что нет подготовленных кадров. Очевидно, если мы хотим эту работу сделать, как следует, нужно установить какие-то определенные сроки и определенный об'ем работы. Тут несомненно встанет целый ряд вопросов—в первую очередь вопрос об обеспечении конкретным руководством. Очевидно нужно создать какой-то центр, который руководил бы этой работой.

Будут ли этой работой руководить комитеты нового алфавита? С этой работой они не справятся, если будут работать так, как сейчас. Это большое дело, которое требует крупных средств и научных сил; его нужно организовать так, чтобы комитеты действительно могли руководить им. Места, которые этим занимаются, сейчас не знают, куда обратиться за руководством, за помощью. Бывает сейчас параллелизм—разные учреждения работают над одними и теми же вопросами. Например, Северо-Кавказский комитет НА и горский научно-исследователь-

ский институт в г. Ростове заняты одними и теми же вопросами, причем в этих учреждениях работают одни и те же работники. Необходимо это положение урегулировать. Если нельзя создать центра, то нужно передать эту работу краям, областям и республикам, которые с помощью научно-исследовательских институтов руководили бы этой работой.

Я повторяю, что в терминологической работе мы имеем большие недостатки, и в целям ликвидации этих недостатков, для построения плановой работы нужно отказаться от той системы, которая была у нас до сих пор. Если ВЦК НА будет руководить работой, то мы должны знать, что ВЦК за эту работу отвечает; если работой будут руководить институты, то институты должны нести ответственность за эту работу.

На этом совещании нужно конкретно и подробно решить вопрос о центре и руководстве.

ДАНИЛОВ (НИЯЗ, Москва). Организаторы этого совещания допустили оплошность, не разослав предварительно материалов для ознакомления различным научным организациям.

На этом совещании очень много внимания уделяется организационным вопросам. Вопросы правильной организации являются одним из условий успехов, но этого недостаточно для пленума Научного Совета. Хотелось бы больше конкретного научного материала получить от докладчиков и от товарищей, которые проделали большую работу непосредственно на местах.

Один из ораторов указал, что в нашей работе нужно больше всего опасаться фразерства. Это правильно. Недостаточно говорить: „мы исходим из основ Маркса и Ленина по вопросам языка". Нужно показать конкретно, как должны разрабатываться установки Маркса—Ленина в употреблении данной терминологии, нужно четко указать, как „новое учение о языке" может оказать существенную помощь в работе по терминологии. Деклараций о непосредственной смычке теории с практикой недостаточно. Это нужно доказать на деле.

В докладе тов. Диманштейна была высказана чрезвычайно важная мысль, которая может стать руководящей установкой в терминологической работе. Он заострил внимание лингвистов на необходимости всестороннего диалектического подхода к вопросам терминологии в той или иной конкретной обстановке. Он указывал на необходимость учета особенностей развития национального языка в конкретных исторических условиях. Подчеркивалось, что в разработке терминологий мы должны уметь вскрывать ведущую движущую закономерность, отмечая те, которые занимают место пережиточное в языке, и не актуальное на данном этапе. Критерий понятности термина массам заслуживает всяческого внимания и политически безусловно правилен.

Должно значительно вырасти внимание к диалектологической работе, которая у нас еще часто находится в загоне. По словам акад. Мещанинова—это боевой лозунг дня. Нужно изучать, как говорят рабочие, колхозники всех национальностей Советского союза. Нужно более бережно относиться к словам; они являются мощным орудием классовой борьбы. Небрежное от-

ношение к словам, небрежное употребление терминов может повлечь за собой немаловажные политические последствия, может быть использовано нашим классовым врагом. Внимание к слову, как мощному орудию классовой борьбы — это лозунг, который необходимо выдвинуть.

К сожалению, в докладе т. Диманштейна не был полностью учтен опыт терминологической работы на местах. В известной мере это снизило ценность доклада, поскольку некоторые вопросы выдвигались докладчиком, как новые, в то время как они до некоторой степени уже решены.

В тезисах и в выступлении т. Диманштейна были также отдельные утверждения, с которыми нельзя согласиться. Тов. Диманштейн в своих тезисах заявляет: „в условиях образования новых национальностей языковый вопрос является решающим". Так ли это? Мне кажется, что такое утверждение ни в какой мере не вытекает из основ марксизма-ленинизма. Мы полагаем, что решающим здесь является экономическое преобразование того или другого нац. района. Мне вспоминается по этому поводу одна речь т. Скрыпника, в которой он предостерегает лингвистов от выпячивания языка, как основного и решающего фактора в смысле общекультурного и общеэкономического преобразования нацрайона.

Мне кажется неправильным и другое утверждение, которому докладчик может быть и не придает существенного значения. Получилось у него, примерно, следующее: если бы все знали русский язык в нашем Советском союзе, то не нужно было бы изучать родные языки. Так рассуждать, конечно, неверно, потому, что мы безусловно стоим за то, чтобы все национальности Советского союза знали русский язык. И мы видим здесь большие достижения. Но одновременно мы считаем, что нужно главным образом развивать родной язык, потому что иначе нельзя решить ту проблему, которая блестяще была сформулирована т. Сталиным, проблему сближения нац. языков, возможного только на основе их расцвета. Решение этой проблемы предполагает, что будущий единый мировой язык должен впитать все богатства, все возможности нац. языков, а для этого языки должны развиваться, а не хиреть. За исключением этих двух моментов я считаю, что принципиальная линия доклада дает все возможности лингвистам развернуть конкретную научную лингвистическую работу. Какие задачи стоят сейчас перед лингвистами? Мы не имеем ни лингвистической, ни общеполитической терминологии. Правильно отметил т. Гаджибеков, что лингвисты в создании терминологии могут быть только консультантами и помощниками, а основное слово принадлежит специалистам соответствующих дисциплин. А от лингвистическая терминология—это целиком наше дело. Между тем, здесь существует страшный разнобой. Прежде всего нужно решить вопрос о том, какую брать—интернациональную или национальную терминологию? На Украине, например, лингвистическая терминология стала на путь национальной терминологии. Этот вопрос должен быть на нашем пленуме обсужден. При этом нужно избегать лингвистического прожектерства, на которое иногда способны наши ученые, полагающие, что, изобретая но-

вые термины, они делают огромный вклад в науку, хотя бы это делалось „рассудку вопреки, наперекор стихиям".

Я хотел бы выяснить, в какой мере важно заниматься анализом словаря таких народов, которые еще переживают родовой строй, или другие докапиталистические формы. У этих народов мы наблюдаем процесс становления словаря. В этом отношении богатый опыт дает Тува.

Мне приходится заниматься африканскими языками: мы видим в них путь развития словаря. Терминологии, отражающей идеологию пролетариата, у африканских народов нет. Для слова „пролетариат" можно подыскать аналогию лишь „делающий"—„делать". Или не брать же для термина „революция"—единственно „подходящее" слово „переворот", причем по смыслу что-то портящий. Здесь стоят большие задачи, особенно в технической терминологии. Мы должны конкретно поставить вопрос о том, как на деле расшифровать формулу о процессе сближения языков на основе их расцвета.

Основным звеном в этом деле является терминологическая работа. Однако, нужно учесть, что этим вопрос не исчерпывается. Товарищи говорили о национальном оформлении, причем разумели орфографию. Но ведь орфография в этом отношении—второстепенное дело. Здесь прежде всего важен строй языка, грамматика. Поэтому, чтобы окончательно решить вопрос о правильном терминологическом строительстве, нужно связать этот вопрос именно с проблемой грамматики, с анализом грамматического строя данного языка.

СЕРДЮЧЕНКО (Сев. Кавказ). Тов. Диманштейн в своем докладе совершенно правильно формулировал основные требования в отношении терминологической работы. Нам нужно бороться за чистоту идеологии, и в связи с этим основное внимание необходимо обратить на ту продукцию, какой являются наши терминологические словари. Тов. Кацнельсон указывал, что нужно использовать опыт Украины и Белоруссии, а т. Гаджибеков в ответ ему указал, что опыт Украины и Белоруссии изобилует как раз такими моментами, которых допускать в работе нельзя. К использованию того или иного опыта нужно подходить, разумеется, очень осторожно.

Просматривая местные терминологические материалы, мы встречаем в них очень часто те же тенденции, которые наблюдались и в термино-творчестве белорусском и украинском.

В отношении Сев. Кавказа нужно сказать совершенно четко, что в терминологической работе края также господствовали нацдемовские тенденции.

В нашей краевой печати—и в газете „Молот" и в журнале крайкома партии „Революция и горец"—мы давали подробный анализ ингушского словаря, чеченского и др.

Какая основная линия имела место в этих толковых пояснительных словарях? Здесь основной тенденцией было выхолостить классовую сущность нашей терминологии, таких терминов, как „диктатура", „народники", „класс", „партия", и т. д. Стоит пробежать данные в словарях пояснения и мы заметим выхолащивание классовой сущности терминологии: „буржуазия"—

дается как „группа богатых", „пролетарий"—„безумно бедный человек", „забастовка"—„прекращение работы из-за невыплаты заработной платы", „капитал"—„богатство" и т. д., и т. п.

До последнего времени в учебной работе использовался русско-ингушский словарь, составленный неким Ужаховым. Просмотрев материал этого словаря, увидим следующую картину: примерно, до 30% слов уделено перечислению самых разнообразных имен. Заметно насыщение словарных материалов арабизмами, причем здесь встречаются термины, обозначающие мюридов, идущих на поклонение, термин „отшельник" соответствует обозначению „святого отшельника" и т. д.

Одним словом, в терминологических материалах, которые распространялись в течение 5—6 лет у нас на Сев. Кавказе, имеются несомненно реакционные тенденции, проявление классово-враждебных пролетариату идей.

Хотя т. Гаджибеков и был прав, говоря, что ни в коем случае нельзя рассматривать ошибки терминологической работы в Дагестане, как определенную систему, что это—лишь отдельные недочеты, но несомненно, что и в терминологической работе Дагестана подобные тенденции были.

Поскольку в Дагестане выпущены узко-терминологические словари, таких ошибок, как в северо-кавказских словарях, мы там разумеется не найдем. Но такой пример, как передача термина „начальник", „глава", через слово „бек", — говорит об очень многом. Тов. Бокарев также привел ряд примеров, которые могут это подтвердить.

В отношении дагестанских терминологических словарей мы должны высказаться так: хотя в Дагестане проделана довольно большая работа (это единственная республика на Сев. Кавказе, которая сумела организовать выпуск десятков терминологических словарей), но несомненно и в этой работе нашли известное проявление классово-чуждые влияния, классово-чуждые тенденции.

Тов. Гаджибеков был прав, говоря об отсутствии достаточно подготовленных, тем более коммунистических кадров. Этим именно об'ясняется, что такие серьезные политические ошибки нашли место и в этих материалах.

Мы ставим сейчас вопрос о различных типах словарей, причем приходится говорить не только о так называемых „узко-терминологических" материалах, но и о пояснительных толковых словарях. Какие словари нам нужны сейчас? Я думаю, что тот небольшой опыт, который имеется у нас, говорит о наличии определенных требований, идущих от низов, требований в отношении создания пояснительных словарей. Ограничиться сейчас узко-терминологическими материалами, которые имели своей целью систематизировать и декретировать терминологию, сейчас уже нельзя. Анализ общественно-политической терминологии, выпущенной Дагестаном, говорит о том, что широкого использования и распространения этот словарь получить не может, потому что общественно-политические понятия передаются в нем на дагестанском языке, но через один термин, без пояснений. Знать, каково конкретное содержание этого термина—вот что необходимо для широких масс читателей, пользующихся этим словарем.

Раньше ставился вопрос о необходимости на первых порах систематизировать и декретировать терминологию для переводчиков и авторов. Сейчас проведен всеобуч по всем областям Северного Кавказа, и сейчас мы ставим задачу издания такого словника, который давал бы пояснения, толкования, хотя бы краткие, но указывающие на основное содержание того или иного термина, особенно общественно-политического.

Сейчас на Северном Кавказе предпринята работа по составлению именно такого словника на русском языке в помощь нац. областям. Конечно, этот вопрос необходимо здесь обсудить, как следует.

Теперь маленькая справка относительно Беляева. Я должен заявить, что за издание проспекта словаря должен отвечать не только Беляев. Во главе терминологической комиссии стоял Умар Алиев, он подписывал материалы, которые рассылались в нацобласти для руководства. В состав терминологической комиссии, которая подписала этот проспект словарей, входили тт. Беляев, Алиев, Яковлев, и др. Нельзя обвинять одного Беляева, хотя он и был основным оперативным работником.

Теперь о химической терминологии. Здесь на ряду с новой интернациональной терминологией сейчас нужно еще давать и ту терминологию, которая была до настоящего времени принята хотя бы в русской науке.

Что касается организации разработки словарно-терминологического материала на местах, то я думаю, что правильно было выдвинуто положение о необходимости максимального учета опыта масс. И в общем правильно, когда говорят, что нужно прежде всего изучить словарь газеты, словарь художественной литературы, изучить диалекты. Но приходится оговориться, так как анализ газетного материала показывает, что и там дело с терминологией далеко не благополучно. В последнее время мы принялись анализировать перевод партийных документов на национальные языки и обнаружили ужасающие вещи. Постановления ЦК переводятся на национальные языки нередко извращенно, и те положения, которые выдвигает ЦК, из-за искаженного перевода могут истолковываться нашими врагами в совершенно обратном направлении.

Поэтому учет опыта масс и изучение газетного материала должны также проходить при четком выдерживании классовых задач, определенных партийных установок.

В заключении мне хотелось бы остановиться на одном положении, которое не совсем верно характеризовалось сегодня в выступлении проф. Яковлева. Яковлев стремился наметить какие-то этапы в развитии нашей терминологической работы. У него получилось, что на первом этапе, когда мол, у нас весьма сильно сказывалась тенденция националистического порядка, это фактически было не так страшно, ибо это—нормальный путь развития языкового творчества, словарно-терминологической работы. Получилось какое-то „отпущение грехов" в тех ошибках, иногда безобразнейших, которые допускались в области языкового строительства. Получается, что с пантюркизмом не нужно было бороться, что он является нормальным на том этапе развития и что только сейчас встала задача борь-

бы с этим пантюркизмом. Я думаю, что только „отпущения грехов" ни в коем случае давать не следует.

СЕРГИЕВСКИЙ. (Сектор науки НКП РСФСР). Нет сомнения, что пленум будет не только приветствовать самую постановку доклада тов. Диманштейна, как вполне своевременную, но единодушно выскажется за основные положения докладчика и примет те практические предложения, которые он сделал.

Сегодняшний доклад можно считать как бы поворотным пунктом в нашей терминологической работе. Ясна необходимость создания всесоюзного центра терминологической работы. Тот факт, что все лингвистические научные учреждения как в центре, так и на местах ставят проблему терминологии одной из основных своих задач, красноречиво свидетельствует о целесообразности установления определенного единства в этой работе.

Сектор науки Наркомпроса РСФСР уже пошел по этому пути, создав терминологическую комиссию в РСФСР'ском масштабе. Научный Институт языкознания (НИЯЗ) также уже давно включил в свой план работу по терминологии. Начав с небольшого совещания представителей нац. республик и областей, участников РСФСР'овской конференции, летом 1931 г., Институт затем разработал тезисы по терминологической работе. Эти тезисы в начале прошлого года обсуждались в терминологической комиссии Сектора науки и по ним была принята резолюция, которую затем разослали по республикам. В резолюции был дан принцип создания терминологии для национальностей с малоразвитой письменностью. Вслед за тем Институт языкознания приступил к очень серьезной работе, к созданию терминологического словника-минимум, в помощь национальностям, только еще приступающим к созданию своей собственной терминологии.

Тов. Ашхамаф очень правильно высказался о нецелесообразности параллельной работы целого ряда институтов и научных учреждений по составлению словника-минимум для отдельных отраслей терминологии.

НИЯЗ поставил своей задачей выработать словник-минимум, который включил бы в себя основную научную терминологию в пределах предметов, преподаваемых в средней школе, а также важнейшую терминологию для массовой общественно-политической литературы, сельскохозяйственной литературы, политехнизации и для коренизации аппарата. В настоящее время составление этого словника подходит к концу. Он уже имеет около 10 тыс. терминов и в настоящее время оформляется технически.

Словник составлялся по особой, специально разработанной инструкции. Конечно, словник не может претендовать на абсолютное совершенство и главным его недостатком, на мой взгляд, является известная суб'ективность в выборе терминологии. Но все-таки, даже если учесть все недочеты, можно считать, что основной терминологический фонд уже собран. И если бы ЦК Нового алфавита нашел возможным использовать его, а главное изыскал средства для рассылки его на

места, то несомненно этот словник сослужил бы известную службу.

Нужно сказать, что на создание этого словника мы смотрим, как на известный этап в терминологической работе, за которым должно последовать дальнейшее развертывание этой работы, и прежде всего—освоение этого словника на местах. Здесь выплывают те вопросы, о которых говорил. тов. Гаджибеков, и разрешение которых должно итти в каком-то централизованном порядке, в каком-то авторитетном центре, каким, надо надеяться, будет Терминологическая комиссия при Всесоюзном Центральном комитете нового алфавита.

Прежде всего должна быть решена проблема передачи интернационализмов и советизмов на национальном языке. Я сомневаюсь в правильности установки, которую дает Дагестанский Институт, а именно в ориентировке всегда во всех случаях, на русскую передачу. Не говоря уже о необходимости отказаться от этого принципа в отношении грамматического оформления терминов, мне кажется, что в известных случаях и в фонетическом оформлении не всегда нужно итти по линии русской передачи, в особенности, когда дело касается передачи тех звуков, которые по условиям русского алфавита являются только приблизительными, а в новом алфавите имеют свои соответствующие знаки. С другой стороны, перед нами ставится проблема сложно-сокращенных слов и т. д. и их передачи на национальный язык. Проблема эта Институтом разрабатывалась, поэтому я останавливаться на этом не буду. Скажу только, что это является актуальнейшей задачей сегодняшнего дня. В некоторых национальных языках оно приводит прямо к новому типу образования слов. Сошлюсь на молдавский язык, где бросается в глаза большое количество сложно-сокращенных слов, которые не свойственны этому языку, как языку романской группы.

Я полагаю, что наш словник надо будет снабдить соответствующими методическими и методологическими указаниями, опять-таки предварительно проведенными через соответствующий авторитетный орган. Это необходимо уже по одному тому, что иначе может получиться целый ряд искажений. Особенная опасность грозит в двуязычных терминологических словниках, ибо здесь работа гораздо сложнее, чем в словниках одноязычных. В словаре Ларусса или других, даже более совершенных образцах словника особой ценностью, надо сказать, является наличие не только описания терминов, но и иллюстративного изображения, которое сплошь и рядом дает больше, нежели простое описание, в особенности, когда дело касается животных, растений и т. д.

В отношении химической терминологии, я полагаю, что прав тов. Сердюченко. Пока этот вопрос още не разрешен самыми химиками,—лингвистам трудно перейти на новую систему обозначений. Вопрос этот во всяком случае должен быть согласован в специальной химической организиции и лишь после этого лингвисты смогут сделать свои выводы. В области терминологической работы мы зачастую отстаем от жизни, от темпов соц. строительства. Мое пожелание—поскорее создать такой

центральный орган, который явился бы действительно руководителем всей огромной терминологической работы, которая ведется сейчас в пределах нашего Союза.

ОЙУНСКИЙ. (Якутия). В терминологическом строительстве нам надо иметь в виду четыре типа национальных культур: во-первых — культуры высокоразвитые, которые сейчас являются ведущими культурами, во-вторых, культуры, становящиеся передовыми; в-третьих, культуры, которые сейчас развиваются к социализму, минуя капиталистический путь, у которых есть литературное наследство от прошлого, и в-четвертых, культуры народностей, которые тоже приобщаются к новому строю, минуя капиталистический строй, но у которых в прошлом не было письменности и нет литературного наследства. Если у первых есть кадры и революционный пролетариат, то у последних промышленности и национальных кадров пролетариата не имеется или они только что начинают появляться.

Обсуждая вопросы терминологического строительства, нужно иметь в виду все эти особенности.

Далее, поскольку мы в первую очередь должны будем оказать помощь и поддержку отсталым национальностям, то необходимо стремиться, чтобы язык масс и письменный язык не отличались друг от друга, ибо когда отсталые массы должны развиваться, минуя целые эпохи общественно-экономической формации, к культуре высокой формации, к социалистической культуре,—то безусловно письменный язык должен быть также языком широких трудящихся масс. Все выступавшие здесь говорили, что по-существу мы занимаемся вопросами строительства нового языка, языка по содержанию социалистической, по форме национальной культуры. Следовательно, терминологическое строительство есть один из основных вопросов языкового строительства, развивающегося на базе интернациональной социалистической стройки в ее национальной форме.

Сейчас стоит вопрос о младописьменных национальностях, получивших письменность после Октября: какие им принимать термины и откуда принимать эти термины? Мы в Якутии для себя решили вопрос так: мы принимаем интернациональные термины из литературного языка передовой социалистической культуры, языка рабочих и колхозных масс, из языка пролетариата СССР.

Как мы будем принимать эти термины? Мы считаем, что на данном этапе развития новой культуры трудящихся масс, социалистической по содержанию и национальной по форме, нам необходимо принимать эти термины на основе законов принимающего языка, т. е. нужно их в данном случае согласовывать с формой якутского языка, подчиняя их строю якутского языка и его орфографии.

Мы считаем необходимым издавать терминологические словари двуязычные: на одном поле—русские, а на другом—якутские слова. Но мы считаем также необходимым издавать словари с толкованием, иначе это будут просто орфографические словари на двух языках в одной книжке.

В наших условиях массовой ликвидации технической неграмотности терминологические словари становятся орудием воспитания трудящихся масс.

Мы считаем также необходимым при введении интернациональных и новых терминов сохранить и национальные термины, эквивалентные по содержанию, т. е. по своей функции. При этом мы полагаем, что когда язык будет развиваться и подниматься на высшую ступень—в конечном счете национальные рамки будут отмирать в ходе строительства, в процессе движения самих языков, и в последнем счете создается новая социалистическая форма.

В тезисах тов. Диманштейна указано, что нельзя принимать „обычные" слова. С этим я согласен, но имею в виду одно исключение: ведь даже „обычные", бытовые слова для передовых культурных национальностей могут быть совершенно новыми в условиях отсталых окраин. Например, для якутов и тунгусов такие обычные слова, как „корнеплод" „овощи" и названия этих овощей являются новыми словами, и эти „обычные" слова должны быть приняты в условиях Якутии и в условиях тунгусской жизни.

Далее, учитывая установку партии, мы считаем нужным использовать внутренние возможности каждого слова. Скажем, слово „кятит"—„широкий". От него мы можем получить новые понятия: „расширяемость" и „расширенность" Эти новые понятия дают возможность выявлять новые качества вещей, необходимых при культурном развитии населения.

Необходимо также иметь в виду не только функциональные изменения в сторону дальнейшего развития отдельных бытующих слов, а нужно также учесть прогрессивное движение отдельного звука. Например, у нас имеется слово „бар". Оно означает „есть" и „пар". Но с применением электрической силы, чтобы отличать эти два слова друг от друга, в литературном языке стали употреблять слово „пар". Следовательно, звук, который прежде в литературном языке никогда в начале слова не встречался, вводится сейчас. Звук „п" имеет, следовательно, в связи с применением новых производственных процессов уже тенденцию к дальнейшей прогрессии, его социально-значимая роль усиливается.

То же самое явление наблюдается в отношении звука „з".

Далее нужно иметь в виду наличие на местах вылазок со стороны великодержавных шовинистов, а также ярких выступлений национал-шовинистов, которые питаются не только своей внутренней средой, но и националистическим духом, исходящим из других мест. Например, байтурсуновщина в Казакстане, нацдемовщина и петлюровщина на Украине и в Белоруссии, все они питают также контрреволюционные и националистические элементы.

И здесь, в центре, имели место выступления против языков мало развитых национальностей. Это также дает пищу выступлениям против советской власти, против ленинской политики партии, питает дух великодержавного шовинизма и создает и усиливает шовинизм.

Все это должно быть учтено при разработке принципов терминологического строительства. Необходимо вести беспощад-

ную борьбу с уклонами от ленинской национальной политики в языковом строительстве.

Акад. САМОЙЛОВИЧ. В связи с обсуждением вопроса о терминологии я считаю необходимым коснуться того вопроса, на котором я останавливался на недавнем совещании при Кометете НА по литературно-узбекскому языку, именно о грамматической категории прилагательных.

Если мы будем знакомиться с изданными списками терминов, хотя бы на казакском или кумыкском языках, то мы убедимся, что вопрос о прилагательных поставлен в порядок дня, и что здесь необходимо теоретическое обоснование.

Для того, чтобы показать, какие недоразумения получаются, если дело предоставлено самотеку, я возьму пример из вышедшего в 1931 г. изданного терминологической комиссией при Наркомпросе Казакстана, терминологического словаря. Если мы возьмем слово „крайний" в выражении „крайний член" (очевидно в математических формулах), то мы увидим, что русское прилагательное „крайний" переводится в этом слове, как „cekte". Мы знаем, что приставка „лы", имеющая своей противоположностью, приставку „сыз", дает слова со значением обладания чем-нибудь, в данном случае—„границей" (cek). Отсюда „cekte",— имеющий границу, „ограниченный", а не „крайний".

Если мы возьмем изданный в Дагестане терминологический словарь по делопроизводству на кумыкском языке, то на первой же странице увидим, что русское слово „активный" переведено искусственным словообразованием от арабского слова „harakat"—„движение" плюс приставка „сь" (harakatcь), т. е. совершенно недопустимое словообразование для перевода прилагательного „активный".

Этих двух примеров вполне достаточно для того, чтобы показать, что мы обнаруживаем и в Казакстане, и в Кумыкии некоторую терминологическую беспомощность, об'ясняющуюся тем, что на местах нехватает подготовленных лингвистов и что теоретическая помощь из центра отсутствует. Потому я сегодня настаиваю на том, чтобы включить в планы соответствующих научно-исследовательских институтов пункт о теоретическом содействии узбекам, казакам, кумыкам в вопросе о развитии у них слабо развитой или еще почти совсем неразвитой грамматической категории прилагательных.

Перейду к внесеннему докладчиком, т. Диманштейном, предложению организационного порядка—о создании комитета по терминологии. Действительно, как сегодня обнаружилось здесь, в вопросе о терминологии мы недопустимо отстали, и нужно принять чрезвычайные меры, чтобы наверстать упущенное. Я считаю, что этот комитет должен быть организован так, чтобы он обеспечил авторитетное руководство работой на местах и авторитетную консультацию. Я высказываю также пожелание, чтобы в ближайшее время деятельность этого комитета выразилась и в печатной продукции. Учитывая затруднения с бумагой, я думаю, что было бы целесообразно в существующем печатном органе ВЦК НА с ближайшего же номера завести специальный отдел, касающейся терминологии. Мы сразу же ока-

жем значительное содействие местам, если в ближайшем выпуске поместим ряд авторитетных критических отзывов о терминологических изданиях, которые выпущены рядом наших республик.

Что касается тех вопросов, которые возбудил содокладчик т. Гаджибеков, то поскольку другие товарищи уже останавливались на большинстве из них, я считаю необходимым сказать только о способах узаконения терминов. Из того, что здесь говорилось, совершенно ясно, что до того времени, когда термины получат законную силу, они должны быть подвергнуты всестороннему обсуждению. Само собою разумеется, что узаконение терминов принадлежит не кому иному, как наркомпросу соответствующей республики. Но во всех тех случаях, когда на местах будут возникать сомнения в правильности предлагаемых терминов,—республикам должна быть обеспечена консультация нашего комитета.

ЮМАНКУЛОВ. (Сектор науки НКП РСФСР). Тезисы и доклад т. Диманштейна дают громадный материал для дальнейшей работы по составлению терминологических словарей. Эти тезисы и доклад при их насыщении практическим материалом мест будут служить действительно руководством в дальнейшем терминологической работе.

Вопросы терминологии приобретают еще большее значение после постановления ЦК партии от 5 сентября 1931 г. о школе, где четко и ясно говорится, что школы должны выпустить вполне подготовленных людей, действительно знающих каждую дисциплину и обладающих необходимыми навыками.

Установка партии и правительства о коренизации аппаратов в национальных республиках и областях тоже требует форсирования дела обогащения языков для составления учебников, обладающих выдержанными терминами.

Если остановиться на вопросе о состоянии работы на местах, то можно сказать, что некоторые товарищи перегибали палку в вопросах терминологической работы. Совершенно неправильно говорить, что на местах в этом отношении нет достижений.

Тов. Диманштейн в своем докладе указал, что мы имеем достижения, но в этих достижениях есть ряд идеологических и методологических недостатков, на которые нужно обратить внимание, приняв все меры для их ликвидации.

Тов. Ашхамаф нарисовал такую пессимистическую картину, что будто на Северном Кавказе по вопросам терминологии совершенно ничего не сделано.

Другой вопрос, имеются ли в изданных работах недостатки? Имеются, и о них нужно сказать.

На Северном Кавказе, например, со дня возникновения Осетинского Научно-исследовательского института при нем имеется терминологическая комиссия, которая работает и уже выпустила несколько словарей. Другой вопрос, насколько эти словари идеологически и методологически выдержаны. Однако, факт, что комиссия при Комитете работает и имеет свои труды. И при Ингушском институте имеется такая же комиссия, В ВЦК НА был доклад о дагестанских работах по терминологии, это тоже говорит о наличии сдвига.

Но здесь следовало бы остановиться на том дублировании, которое имеет место в работах различных институтов по терминологии. Например, Ростовский научно-исследовательский институт дублирует то, что делается в низовых научно-исследовательских институтах. Вместо того, чтобы координировать работу мест, давать методическую помощь—Ростовский институт нередко повторяет то, что делается на местах. Такие ненормальности, конечно, в дальнейшем должны быть изжиты.

Возьмем работу по терминологии в автономных республиках и областях: имеются терминологические комитеты в Ташкенте, Туркестане, Таджикистане. Эти комитеты еще молоды, но тем не менее они работают. Я уже не говорю о Татарской республике, о Башкирии, которые у нас под носом. Они впереди других республик в этом отношении—как в отношении установок, так и в вопросе качества терминологии и в деле составления словарей.

Совершенно неправильно закрывать глаза на эти достижения. Мы имеем сравнительно богатую литературу в ряде республик. Наличие этой литературы говорит о достижениях в работе, а также о том, что в этой работе имеются недостатки, допущены ошибки, уклоны в сторону великодержавного шовинизма и местного национализма.

В дальнейшем мы должны обратить внимание на эти работы с точки зрения их оздоровления и изжития тех недостатков, которые имеются. С другой стороны, мы должны укрепить, освоить те достижения, которые есть у республик.

По этому вопросу некоторые товарищи выступали совершенно правильно. Во всесоюзном масштабе как будто бы не существует центра, эти вопросы об'единяющего, координирующего, Всесоюзного Наркомпроса мы не имеем. Новый алфавит, со дня своего возникновения, за все время своего развития выдвинул совершенно новые принципы и по орфографии, и по терминологии, и по другим языковым вопросам, которые требуют вмешательства научного методического. методологического центрального органа НА для того, чтобы в дальнейшем местные организации могли получить руководство и содействие от какого-то центрального органа.

Здесь был поднят вопрос о сопоставлении терминов русских и интернациональных с терминами, перешедшими в национальные языки от арабов, от тюрок.

Я хочу остановиться на двух вопросах. Если взят „совет“, „роволюция“, то кроме этих терминов бытуют еще другие—это „шуро“ и „инкиляб“. Я совершенно не могу согласиться с теми товарищами, которые настаивают на сохранении термина „инкиляб“, вместо „революция“ и „шуро“ вместо „совет“, потому что „шуро“—это чисто буржуазный термин, это язык джадидов, эти слова взяты из корана. Если перевести „шуро“ буквально—то это будет значить действительно „совет“, но содержание термина совершенно другое (голос: „с белогвардейским движением связано это слово“). Да, а после революции его взяла мелкобуржуазнаа интеллигенция для передачи понятия „совет“. Я не верю тому товарищу, который говорит, что колхозник хорошо понимает слово „шуро“, Неверно, это слово понимают только интеллигентские круги в городах.

Если возьмем „инкиляб“, то в точном смысле оно означает „переворот“ (голос „дворцовый“), не только правительственный переворот, но и вообще это значит „перевернуть что-нибудь“. Это термин тоже чисто буржуазно-националистический. Слово „революция“ мы все знаем. Это международный и интернациональный термин, значение которого гораздо понятнее трудящимся массам национальностей. Термин „революция“ массы восприняли уже после революции 1905 г.

Насчет термина „совет“ академик Самойлович знает, что, когда была в СССР турецкая просвещенческая делегация, я назвал им „совет“ „шуро“ и это вызвало смех, и мне пришлось краснеть. Члены делегации говорили, что они побывали во многих странах, и везде говорят „совет“, а не „шуро“, даже в Африке.

Эти факты говорят за то, что незачем оставлять буржуазно-интеллигентские термины вместо революционных терминов. Их надо выбрасывать, поскольку у нас имеются интернациональные термины.

САНЖЕЕВ. (НИЯ НКП. Москва). Товарищи, на некоторых примерах из бурятских и монгольских языков я хотел бы сказать о трех моментах: во-первых, о методе терминотворчества; во-вторых, я скажу о том, что скорее всего проникает в массы и, наконец, постараюсь дать оценку сделанного и наши задачи во второй пятилетке в области терминологической работы.

Если проанализировать метод терминотворчества в монгольских языках, то придется отметить два этапа. Первый этап—примерно с 1920 года по 1930 г. Второй этап—после этого времени до настоящего момента.

На первом этапе терминотворчества все интернациональные слова, в том числе и советизмы, переводились без каких-либо из'ятий, причем переводы были двоякого рода. Были переводы, прямо искажающие интернациональные понятия, и были переводы, более или менее удовлетворяющие нас, и, в известной мере, до определенного этапа, могущие быть терпимыми.

Здесь были, во-первых, словообразования, т. е. на основе уже принятых слов и основ при помощи суффиксации образовывались новые термины. Так, например, за последнее время в монгольском языке образовались слова „колхоз“, „коллективное хозяйство“ от слова „вместе“. Тут был прибавлен соответствующий процессообразовательный суффикс, и в результате получилось слово „колхоз“.

Имеет место и совершенное изменение значения слова. Так, например, было слово „хурал“, раньше обозначавшее „духовное собрание“, ежегодное и вообще периодическое. Это слово осталось и укрепилось, но с измененным новым значением.

Было другое слово для чисто гражданского собрания „чулган“. Но оно было отвергнуто, потому что так назывались собрания князей.

Затем были так называемые „парные слова“. В монгольском языке они образуются следующим образом. Либо это слова-синонимы, или слова более или менее смежные по значению, далее—слова прямо протпвоположные по своему значению; вместе они составляют нечто вроде абстрактного и собирательного по-

нятия. Например слова „старший“ и «младший“ в сочетании дают „братский“;„мужской“ и „женский“—„половой“; „овца“ и „коза“—„мелкий скот“; „приход“ и „расход“—„баланс“ или „бюджет“.

Как мы видим, эти парные слова вместе выражают новые понятия. Если, например, какое-нибудь слово означает „корректировать“, а другое „проверять“ или вернее „расследовать“, то их сочетание дает слово „контролировать“, „контрольный“, отсюда „контрольная комиссия“.

Четвертый метод—это толкование слов. Возьмите, например, слово „физкультура“—это будет как бы „воспитание тела“, или вернее „самовоспитание“ или „воспитание здоровья“. Получается по существу целая фраза, составленная подобно различным немецким терминам.

Далее, есть в монгольском языке и чистый европеизм, который проявляется особенно в терминологии естественных наук. В Монголии, по последним сообщениям, решено при заимствовании научно-технических терминов брать их в начертаниях, свойственных первоначальному языку. Если первоначальное происхождение слова относится к Англии, то берется английское начертание, если слово латинское—берется латинское начертание. Например, химия пишется „chemie“ и т. д.

Наконец, есть советизмы, кроме которых я различаю еще руссицизмы.

Теперь остается определить, что же именно затрудняет проникновение в массы новых терминов? Прежде всего надо сказать, что интернациональные термины, как бы они трудны по своему звуковому сочетанию ни были, легче проникают в массы, раз имеются подходящие социальные и материальные условия. Например, в Монголию легко проникли такие слова как „феодал“, „партизан“, „пионер“, „дивизия“, „батальон“, „дежурный“ и т. д., и т. п. Но такие слова, как „империализм“, „буржуазия“, „реакция“, сколько ни пытались их спустить вниз, в массы, не внедрились в массу (из президиума: „Значит, кто-то мешал“). (Из президиума: „Разве они буржуазии не видели?“). Да, мешали! „Феодал“—это для них понятно, а вот „буржуазия“—непонятно. И здесь причина, мне кажется, заключается еще в тяжелом наследстве первого этапа терминотворчества. В монгольском языке нет слов „партия“, „совет“, „революция“, „социализм“ и т. д. в интернациональной форме. Мешает проникновению этих слов то, что остается от первого этапа терминотворчества. Нужно еще сказать, что некоторые из этих слов более или менее удачно подобраны, а другие неудачно. Например, для слова „империалист“ выбрано, я бы сказал, более или менее удачное выражение в смысле эмоциональности, но которое, однако, когда слово „империалист“ проникнет в массы, должно быть вытеснено. „Империалист“ по-монгольски звучит как „лютый изувер“. Согласитесь, что к господам из Токио и Лондона это выражение подходит. Это наименование более понятно сейчас для масс, чем слово „империалист“. (Из президиума: „Нет, это плохо“). В настоящих условиях мы еще не можем внедрить в сознание широких масс слово „империализм“ и „империалист“ в их интернациональных формах.

Сильно мешало при переводах наличие старого алфавита

наряду с новым: на некоторых страницах алфавит латинизированный, а на других—старый монгольский. Отсюда получается, что в одной и той же книге одни и те же понятия на различных страницах имеют разные наименования в зависимости от алфавита. Так, если „политэкономия" на старом переводилась, то на новом она не переводится, и это в одной и той же книге.

Теперь о наших задачах. Прежде всего нужно беспощадно изгонять вреднейшие искажения, которые у нас еще до сих пор имеются и которые носят порой вредительский характер. Вот пример: слово „материализм". Это слово на первом этапе терминотворчества обозначалось как „разодранное учение", а слово „идеализм" переводилось как „благородное учение" и т. д., и т. д. Или возьмите такой пример. Для перевода слов „генеральная линия" взяты два как бы собственных слова: для „линия" взято слово „линия" или „линейка", а для генеральной—взято китайское слово „генерал" и получилась „генеральская линия или линейка". Конечно это никуда не годится. Иногда в переводах понятие „стоимость" и „цена" смешиваются, им дается одно и тоже обозначение и т. д., и т. п. Интересен еще такой момент: если в русском языке „рабочий" происходит от слова „работа", а „трудящийся"—от слова „труд", „производство"—от слова „производитель", то на монгольском языке так не получается, а от слова „работа" путем прибавления суффикса получается „рабочий", т. е. имеется некоторое несовпадение, противоречие.

Вот то основное, о чем я хотел сказать.

Есть еще одно маленькое замечание. Чрезвычайно трудно, почти невозможно передать на монгольском языке интернациональные понятия, не имеющие интернационального оформления. Вполне понятные простые русские слова тоже не поддаются никакому переводу или перевод не обеспечивает необходимого понимания. Например, слова: „обещание", „течение", „текучесть" и филосовские—„вещь в себе", „необходимость" и т. п., и т. д. Международные и интернациональные слова следует различать. Одни слова—это понятные слова, слова международного обихода. Вторая группа слов—слова интернациональные, которые еще не вошли в обиход, но имеют перспективы применения в будущем языке. Эти слова безусловно должны в будущем войти в инвентарь международного языка. Я это говорю потому, что некоторые товарищи пытаются любое слово греко-латинского или западно-европейского корня переводить, но если встречается какое нибудь русское слово, то делается известная поблажка. Можно, мол, его перевести, а можно и не переводить, но раз слово—„интернациональное", то надо его непременно переводить (имеются в виду все слова „греко-латинского" происхождения).

СУХОТИН. Очень трудно в коротком выступлении коснуться всех тех вопросов, которые встают в связи с рассмотрением проблемы терминологии в национальных языках. Поэтому я ограничусь только некоторыми моментами.

Как совершенно правильно указывал т. Диманштейн, проблема терминологии приобретает теперь особенно важное значение

в связи с необходимостью перевода на национальные языки марксистско-ленинской литературы, научных и технических книг. Практически проблема терминологии возникает при переводе на национальные языки тех терминов, которые встречаются переводчику в русском тексте, ибо в подавляющем большинстве случаев переводы делаются с русского языка. Совершенно необходимо в революции, которая будет принята пленумом, дать конкретные указания о том, как различать в словах, для которых переводчик не находит эквивалентов в родном языке, термины от не терминов. Нужно уметь отличать те слова, которые следует рассматривать, как термины, которые требуют передачи в родном языке, от тех слов, которые не являются терминами, и для которых нет надобности находить эквивалентные слова в родном языке.

Эту проблему—что считать термином—совершенно необходимо каким-то образом решить. На практике переводчик, встречая русское слово, для которого он не находит эквивалента в родном языке, идет по линии наименьшего сопротивления и это слово просто переписывает буквами национального алфавита. Но не все слова требуют адекватного перевода на родной язык. Есть слова, которые можно передавать перифразой, грамматическими средствами, потому что они терминами не являются.

Вопрос о том, что считать термином, в прошлом году разбирался в Научно-исследовательском институте языкознания. Это отразилось в постановлении терминологической комиссии НКП роса, где были даны указания, как отличать термин. Что следует считать термином? Термином следует считать нечто такое, что относится к определенной терминологии. Не может быть „термина вообще". Термин—есть термин в отдельной отрасли человеческой деятельности, отдельной дисциплине, науке. Нужно ставить вопрос не об отдельных терминах, а в первую очередь о целой совокупности обозначений, которые являются системой терминологии. Терминологию нужно понимать, как систему обозначения вещей, процессов, явлений, социально-организованных человеком, т. е. тех, которые относятся к какой-то определенной отрасли действительности, на которую человеческое общество сознательно воздействует. Термин именно тем и отличается от слова вообще, что он обозначает понятие, входящее в систему определенной социально-организованной человеческой деятельности. Термин, кроме того, нужно понимать как слово, которое носит более точное определение, которое соединяется с научно-обоснованным понятием.

Теперь я хотел бы коснуться одного пункта в связи с общим вопросом о том, какие термины должны создаваться из средств родных языков и какие должны даваться интернациональными. В этом отношении особенно нужно подчеркнуть то, что работникам национальной терминологии весьма трудно бывает отличить термин, который является интернациональным, от такого, который встречается в русском языке, но не является интернациональным; ведь и в русском языке не всякий иностранный термин является термином интернациональным. У нас есть очень много слов, заимствованных из какого-либо определенного языка,

которые роднят нас только с этим языком, но не являются интернациональными.

Во всех этих отношениях нужно прийти на помощь местам, правильно распределить работу между центром и местами. Тов. Гаджибеков рассказывал, что когда они приступили к созданию терминологии по отдельным отраслям, то они начали с составления словников по определенным дисциплинам. То же делается и в других республиках. Я думаю, что такая работа, как создание словников по определенным дисциплинам, может быть об'единена, чтобы словники не создавать в каждой республике самостоятельно, а создавать их где-то в центре. При этом нужно стремиться, чтобы словник давал национальным работникам указания о том, насколько тот или иной термин является интернациональным, чтобы ясно было, к какому термину относиться как к интернациональному.

Кроме того в словниках, которые должны создаваться в центре, нужно давать указаний о том, что в данном термине является основной, корнем, что является наращением чисто грамматическим, полученным уже на почве русского языка, потому что в очень многих случаях национальным работникам трудно бывает в этом разобраться.

Эта работа по отбору понятий, т. е. по составлению терминов и возможной характеристике терминов со стороны их большей или меньшей интернациональности, должна быть делом центра. Такие словники затем будут разосланы на места. На местах уже будут соответствующим образом каждый термин переводить на родной язык.

До какой степени интернациональный термин должен подчиняться фонетике и вообще грамматической системе того языка, который его усваивает? Этот вопрос—один из самых трудных. Мы знаем, что между отдельными языками СССР в этом отношении имеется большой разнобой. Некоторые из них просто переписывают средствами родного алфавита то слово, которое имеется в русском языке, другие переделывают термины по фонетическим законам своего языка. В результате получаются такие слова, что весьма трудно догадаться, какому интернациональному термину они соответствуют. Например, в якутском языке есть слово, которое пишется „qahьat". Довольно трудно догадаться, что оно обозначает. А между тем это термин интернациональный. Это значит „газета". Это слово до такой степени подчинено национальной фонетике, что всякое сходство с интернациональным термином нарушено. Я думаю, что это—крайность, против которой нужно бороться. Это уже не интернациональное слово.

КАЦНЕЛЬСОН (Инст. национальностей. Москва). Тов. Диманштейн в своем докладе чрезвычайно уместно напомнил, что язык—это надстройка. Ведь многие лингвисты, в особенности воспитанные в старой школе, в духе формализма, в духе отрыва языка от содержания, очень часто забывают, что язык—это надстройка, что язык целиком зависит от экономики общества, разделенного на классы, находящегося в условиях жесточайшей классовой борьбы.

Возьму пример. Здесь многие товарищи высказывали неудовлетворенность общими принципами,—они требовали конкретных лингвистических принципов. Что такое в представлении лингвиста старой школы „конкретный принцип"? Я приведу пример из еврейского языка. В еврейском языке одно из проявлений чуждой идеологии, влияния классового врага, клерикализма, сионизма, шовинизма и т. д. есть влияние древне-еврейского языка. Многие древне-еврейские слова проникают в литературу из языка синагогальной службы, из агитации, которую вели сионисты и т. д. Какой же вывод делает из этого формалист? „Гнать все древне-еврейские слова в о о б щ е из языка". Лингвистическим исследованием устанавливается, что такое-то слово восходит к древне-еврейскому, и независимо от его теперешнего содержания, независимо от его связей, независимо от того, как это слово понимается трудящимися, независимо от того, как оно используется в классовой борьбе—они требуют дегебраизировать язык. Верно это или нет?

Какие имеются древне-еврейские слова? Слово „апикойрес" обозначает, например, „безбожник". Центральный орган „Воинствующий безбожник" называется „Апикойрес". Нам предлагают изгнать даже это слово. Предлагается изгнать даже такие слова, как „хедер". Но ведь в пропаганде и агитации среди еврейских трудящихся школа вообще не называется „хедер". Нет, „хедер" это определенное понятие, это значит „религиозная школа", которая затемняет сознание масс, и такое слово никак нельзя изгнать из языка; наоборот, следует это слово оставить в языке с присущим ему содержанием.

Разрешите мне напомнить вам то, о чем писал Энгельс в „Людвиге Фейербахе". Говоря, что Фейербах является в определенных вопросах идеалистом, Энгельс пишет: „Идеализм Фейербаха состоит здесь в том, что он половую любовь, дружбу, сострадание, самоотвержение и все, основанные на взаимной склонности, отношения людей не решается оставить в том виде, какой они имеют сами по себе, помимо связи их с какой-нибудь особой религиозной системой, унаследованной от прошлого. Он утверждает, что полное свое значение эти отношения получают только тогда, когда их осветят словом: религия. Для него главное дело не в том, чтобы существовали чисто-человеческие отношения, а в том, чтобы на них смотрели, как на новую, истинную религию. Он соглашается признать их полными только в том случае, если к ним будет приложена печать религии. Существительное р е л и г и я происходит от глагола religare и означало первоначально с в я з ь. Таким образом, всякая взаимная связь двух людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое получили они путем долгого исторического употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной". (Маркс и Энгельс. Соч. т. XIV, „Л. Фейербах", стр. 655).

Вот что подчеркивает Энгельс: „к словам нужно подходить с точки зрения того значения, которое они получили в результате исторического развития, а не подходить к ним с точки зрения того, что они значили когда-то.

Академик Марр в своем докладе указал, что все слова на определенном этапе развития языка означали тотем, все слова в определенную эпоху имели первобытно-идеалистическое содержание. Если мы будем подходить к языку с точки зрения пережитого,—то нужно будет выбросить все языки мира. Нужно подходить не со стороны содержания, которое вкладывалось когда-то в слово, а с точки зрения того, что вкладывается и кем вкладывается на настоящем отрезке исторического развития в данный термин.

До каких ляпсусов доходят в этом отношении можно видеть из такого примера. Зарецкий—еврейский лингвист, в целях очищения словарного запаса еврейского языка, в целях борьбы за пролетарский язык предлагает выбросить из еврейского языка слово „бог"—„готт". Он предлагает выбросить его из Интернационала, причем мотивирует это так. В Интернационале поется: „Никто не даст нам избавления, ни бог, ни царь и ни герой". Цари существуют в действительности, герой существует в действительности, а бог в действительности не существует, поэтому слово „бог" нужно выбросить из Интернационала. Получается абсурд, и этот абсурд предлагает один из самых авторитетных еврейских лингвистов. Представьте себе человека, ведущего антирелигиозную пропаганду, которому нельзя говорить „чорт", „бог" и т. д.

Маркс в „Нищете философии" иронически предлагает Прудону обратиться во французскую Академию наук (по поводу слова труд-товар) и предложить вычеркнуть слово „эксплоатация". По словам Маркса наивный Прудон думает, что цинизм содержится в словах, а не в действительности. Наши лингвисты тоже думают, что вместо борьбы с действительными отношениями, нужно вести борьбу... со словами.

Один товарищ спрашивает, как поступать в отношении сокращений: давать ли все сокращения по-русски или в национальном оформлении? Я скажу, что такого общего принципа нельзя дать. Возьмем пример из еврейского: вместо „ЦИК" по-еврейски выходит „ЦОК", а пишут „ЦИК", потому что так говорят массы. Вместо „ВКП(б)" мы пишем „абКП(б)", и это привилось. Нужно давать общий принцип, исходящий из анализа реальных сложившихся условий, а не схоластический единообразный принцип для всех слов и всех языков.

Тов. Диманштейн в частной беседе очень хорошо заметил, что лингвисты слишком часто исходят из теории и совершенно не знают, что имеется в конкретном языке. Вот хотя бы выступление т. Данилова. Тов. Данилов призывал к тому, чтобы побольше науки влили в нашу работу, и приводил пример безобразий, происходящих на местах. В качестве примера он взял немецкое выражение „Aufheben die Landwirtschaft" и истолковал его как призыв „уничтожить сельское хозяйство". Безобразие, что человек прежде, чем сказать такую вещь, не заглянул в словарь немецкого языка. Это означает „приподнимать, поднимать, уничтожать, отменять, снимать". Следовательно, немецкие товарищи призывали „поднять сельское хозяйство", а не „уничтожать" его, Гегель поэтому и употреблял это слово для понятия „снятия".

что оно одновременно означает и „уничтожение“ и „сохранение“ и „поднимание“ и т. д.

Гегель считал это достоинством немецкого языка. Можно, конечно, не соглашаться с Гегелем и считать это не достоинством, а недостатком, но самый факт надо знать.

ДЖАФАРОВ. (Инст. национальностей. Москва). Занимаясь созданием терминологии, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы развитие наших языков пошло по социалистическому пути.

Языки народов СССР развиваются, обогащаются. Понятие бедности и богатства языков на нашем пленуме имело несколько толкований. Бедность и богатство языков вовсе не об'ясняется наличием в языке большого или меньшего количества слов. Дело не в количестве слов. Богатый язык,—это тот язык, который при помощи наименьшего количества слов дает больше мыслей. (Голос: „Совсем новое толование“). Это совсем не новое толкование для тех, кто слышал акад. Н. Я. Марра.

Например, берем 3 языка. Какой из них одну и ту же мысль выражает при помщи сравнительно меньшего количества слов—тот язык богаче других. Определение это включает в себя и количественную, и качественную сторону языка.

В Азербайджане вышло много терминологических словарей. У меня имеется 7 из них: по истории, по философии, по земледелию и др. В этом отношении можно сказать, что Азербайджан идет впереди некоторых наших республик. Я проанализировал эти словари. Оказалось, что в этих словарях приблизительно 85 проц. интернациональных слов, приблизительно 15—20 проц.—арабских слов, причем имеются и совершенно ненужные, даже неуместные арабские слова, и всего 4—5 проц. тюркских слов. Можете проверить это по словарям издания 1931—1932 гг.

С другой стороны, нужно отметить построение этих терминологических словарей. Для того, чтобы спасти себя от разных уклонов, составители ухитрились дать переводы интернациональных слов в нескольких вариантах: в арабских, интернациональных, иногда тюркских. Переводчику предоставляется полная воля: хочешь—бери интернациональное слово, хочешь—бери тюркское, хочешь—бери арабское. Напр., слово „стадия“ переводится и „стадия“, и „дараджа“, и „девр“. Больше того, иногда даются 4 „эквивалента“, например для слова „атеизм“. По моему дать 4 перевода—все равно, что не дать ничего. Нужно давать один термин, а не несколько. Иногда даже не умеют дать соответствующее слово и берут только об'яснения из энциклопедического словаря. Например слово „гелиоцентризм“—переводится, как „теория, которая считает, что солнце является центром мира“. Разве это термин? Даже признаков термина тут нет. И таких примеров можно привести много.

Как же определить методологическое лицо этих словарей? Можно ли сказать, что это—великодержавный шовинизм? Конечно, нет потому, что тут русских слов почти нет. Можно ли сказать, что это пантюркистский уклон? Конечно, нет. Вот арабизм действительно имеет здесь большое место. Например, „апологетика“ переводится „раддия“, но, чтобы дать понимание

„раддия", нужно написать такое же об'яснение, как для слова „апологетика". Таких абсурдов здесь много. Во всяком случае, нужно указать, что в словарях имеется определенный уклон в сторону арабизма. Но по-моему арабизм не представляет опасности тогда, когда арабские слова уже вошли в быт. Они не представляют никакой опасности прежде всего потому, что они уже изменили свой первоначальный фонетический склад и получили фонетическое оформление на основе тюркского языка. С другой стороны, эти арабские слова изменили и свое первоначальное значение. Для примера тов. Сейфи брал слово „меджелис", арабское слово, которое обозначает „заседание", а между тем арабское „меджлас" употребляется и в тюркском, обозначая „заседание".

Тов. Диманштейн сказал, что в таджикском языке слово „шахрах" обозначает „царская дорога" и ничего общего не имеет с „генеральной линией" партии. Нужно сказать, что слово „шах" в сочетании с другими словами приобретает различное значение. Так, например, слово „шахэсер" обозначает „шедевр".

Относительно слов „шуро", „инкилаб". Здесь говорили, что слово „совет" употребляется во всех европейских языках. Я это же самое слово встретил недавно в арабской газете. Но сегодня уже узбек, туркмен и т. д., когда употребляет слово „шуро", вкладывает в него то же содержание, какое русский крестьянин вкладывает в слово „совет".

То революционное движение, та революционная борьба, которые произошли в Азербайджане, определили и закрепили значение слова „инкилаб", как „революция". Эти и подобные этим слова отбрасывать нет смысла. Внешнее тождество слов еще не говорит о тождестве их значения. Лучше употреблять разные слова с одним значением, чем одно слово с разными значениями.

КОШКИН. (Институт народов Севера). Вопрос о терминологии—весьма существенный вопрос; многие товарищи говорили о тех искривлениях генеральной линии партии по национальному вопросу, которые проявляются в терминологической работе. Я этих примеров не буду умножать, тем более, что и докладчик и ряд выступавших товарищей весьма обстоятельно остановились на политической стороне этого вопроса. Были интересные высказывания о том опыте, который имеется в Дагестане. Конечно, этот опыт можно критиковать, но во всяком случае там делается большая работа. То же самое видно и из доклада Татарии.

Я хотел бы сейчас остановиться на вопросе о возникновении наименований, возникновении самих терминов.

Маркс совершенно ясно говорит о материалистическом характере возникновения названий в процессе самого производства. Эта мысль развита в ряде высказываний Маркса и Энгельса по этому поводу. Наша терминология, терминология социалистического строительства, вызывается потребностями самого производства этого строительства. Термины нельзя выдумывать. Нельзя просто заявить, что такой-то термин нужен,

а такой-то—ненужен. Правильное терминологотворчество заключается в том, чтобы понять, что такой-то термин нужен именно на данной ступени развития данного конкретного общества: нельзя вообще брать все термины, которые существуют, и переводить их на данный язык.

Если данный народ находится на такой ступени социалистического строительства, что мы можем до 1935 года обеспечить первые два года обучения на родном языке,—то было бы смешно сегодня биться над переводом тех терминов, которые могли бы войти в лексикон только в вузе. Следовательно в терминотворчестве должен быть учтен культурный уровень, должны быть учтены практические потребности данного народа.

Каковы пути образования терминологии? Пути образования терминологии весьма разнообразны. Здесь и обогащение новыми политическими, научно техническими наименованиями, освоение важнейших интернациональных терминов, развившихся в советской действительности („совет", „большевик", „партия", „коммунизм", „радио", „кино", и т. д.), причем все остальные международные термины вовлекаются в процесс систематической терминологии данного языка постольку, поскольку это соответствует нашим интересам. Надо исходить из того, что термины не есть самоцель, а что это—средство. Нельзя этого последнего обстоятельства забывать, любуясь созданными пятью терминологическими словарями и воображая, что тем самым мы создали богатый язык. Дело в том, что сами термины не создают богатый язык, если в этом языке нет соответствующих им понятий.

Второй способ создания терминологии, создания новых слов—это соответственное использование словесных суффиксов. Третий путь—путь переводов, четвертый –придание существующим словам новых значений. Возьмем слово „смычка". Его ввел в употребление т. Ленин. Ленин любил читать словарь Даля, и вот он нашел, что для обозначения такого конкретного, действительно нужного в эти годы понятия—это слово подходит наилучшим образом, хотя оно—архаическое русское слово.

Следовательно, можно придать имеющимся в данном языке даже старым словам, такое революционное значение, которым мы сейчас можем только восхищаться. Весь секрет заключается в том, чтобы не терять компаса революционной целесообразности. Если мы этого не потеряем, нас ничто не испугает.

Пятый момент—использование словарного запаса диалектов, не лежащих в основе национальных языков. При создании литературного языка получается какая-то уравниловка. Берутся диалекты и сваливаются все в одну кучу. Это никуда не годится. Надо брать ведущий экономический диалект, вокруг него концентрировать все основное из других диалектов, понятное остальной части населения. Но часть диалектов остается неиспользованной в то время, как эти слова также можно использовать. Кроме того, имеется целый ряд других путей, по которым можно вести терминологическое строительство.

Укажу на некоторые искривления по Северу, чтобы не показалось, что на Севере всё благополучно, тогда как в Средней Азии, в Закавказье многие термины исковерканы. На Севере по

постановлению директивных органов, учитывая культурную отсталость северной деревни, основным звеном коллективизации считается не колхоз, а первичное производственное товарищество. Так вот, товарищи, переводя литературу, иногда пытаются словом „колхоз“ передать и понятие этой низшей формы. Поэтому в головах тех, кому преподносится это, получается полная путаница. По этому вопросу нам пришлось устроить большой шум. Ведь это „левачество“! Боятся переводчики—ведь „колхоз“—очень хорошее слово, и считают обязательным включить его в терминологию. Просмотрят тунгусскую литературу—нет в ней слова „колхоз“, а „колхоз“ обязательно надо. Конечно, так делать нельзя. Не надо гоняться за словами, как таковыми, надо знать, для чего то или иное слово служит. Некоторые пытались переводить слово „крестьянин“—как „хлебодобывающий человек“. Совершенно ясно, что такой термин ничего общего не имеет с содержанием, которые мы вкладываем в слово „крестьянин“: „крестьянин“—это слово обозначает определенный класс и т. д. Произвольный перевод коверкает термины.

Вместе с тем я хотел обратить внимание на уже имеющиеся термины, с точки зрения использования их, а также замены ими идеологически неприемлемых терминов. Чрезвычайно важно вспомнить, что новые термины по своей структуре не должны быть сложными. Их нужно создавать легкими для понимания. Кроме того, на начальном этапе необходимо давать смысловое раз'яснение терминов. На данном этапе строительства это необходимо, чтобы протолкнуть термины в массы. Важно не звучание слова, а содержание слова. А то иногда вы можете услышать на собрании слово в совершенно другом значении. Следовательно, на первом этапе должно иметь место такое смысловое раз'яснение.

При переводе терминов обычно мало учитывается система данного языка. Берется как определенная система лишь русский язык, и берется в качестве кодекса. А может быть русский язык слабее в данном конкретном термине, чем, скажем, конкретный северный язык, конкретный средне-азиатский или какой-нибудь другой язык? Если пишут один русский термин, то обязательно и один турецкий. В русском языке, например, есть много синонимов, а в турецком языке эти синонимы можно переводить отдельно.

Следовательно, слепое копирование чужой языковой системы не должно иметь места в терминологическом строительстве.

Один товарищ цитировал знаменитое место из Людвига Фейербаха. Если бы мы стали придираться к старым словам, то должны бы были выбросить такие слова, как „энтузиазм“, которое имеет божественное значение, как „революция“, которая имела сначала только экономическое значение, и лишь потом—политическое значение, как „шовинизм“, который происходит от собственного имени Шовин во Франции и ничего общего не имеет с тем, что мы теперь понимаем под шовинизмом.

Совершенно ясно, что надо эти слова рассматривать с точки зрения той роли, какую они играют в нашем социалистическом строительстве—положительной или отрицательной, просачивается ли в эту форму классовый враг, или нет.

Классики марксизма совершенно четко говорят о том, что никоим образом нельзя отрывать язык от действительности. Совершенно четко надо сказать, что язык—это надстройка.

Теперь организационный вопрос. Здесь правильно подчеркивалась необходимость усилить руководство со стороны ВЦК НА. Как организационно это решится—я не знаю, однако, если мы будем создавать добавочные комиссии, а не проводить это внутри ВЦК НА, вряд ли эта работа как следует продвинется.

И, наконец, последнее. Мне думается, что действительно нужно создать стандартный словник. Сейчас нам поможет в этом деле постановление ЦК о стандартном учебнике. Зная учебные программы, можно создать соответствующий стандартный словник. Этот словник принесет большую помощь на местах и не придется каждый раз заново доказывать то, что уже давно известно.

ПАЛЬМБАХ. Товарищи, я остановлюсь на тех возражениях, которые были сделаны по докладу тов. Диманштейна.

Тов. Данилов выступил против того положения в докладе тов. Диманштейна, которым подчеркивается большая роль языка в строительстве национальной культуры. При этом тов. Данилов нашел нужным ссылаться на тов. Скрыпника. Не знаю, в какой связи шла речь о национальных языках в докладе т. Скрыпника, но совершенно несомненно, что т. Диманштейн ставил этот вопрос в связи с той формулировкой, которую мы имеем у Ленина, когда он говорит, что в стране неграмотной социализма построить нельзя. Совершенно очевидно, что т. Диманштейн имеет в виду те формулировки т. Сталина, где говорится о необычайной важности правильного разрешения вопросов языка при решении всей совокупности вопросов национальной политики.

Другой упрек, который был адресован докладчику, состоял в том, что доклад, якобы, не дает должной научной и принципиальной постановки вопроса, якобы он не поднял вопросов терминологии на необходимую научную высоту. Здесь шла речь о том, что игнорируется опыт терминологической работы таких научно-исследовательских организаций, как НИЯЗ и другие. Я не буду касаться того, что в этом отношении проделано НИЯЗом, хотя я следил за этим. Но я хочу в свою очередь задать оппоненту такой вопрос: какую научную высоту он имеет в виду, кроме теоретической высоты марксизма-ленинизма, на базе которого докладчик ставил своей задачей рассмотреть вопросы развития терминологии национальных языков? В условиях, когда этот важнейший раздел нашей науки строится до сих пор на базе идеализма и вульгарного материализма, попытка применить учение Ленин и Сталина по национальному вопросу к постановке будущих проблем развития национальных терминологий представляет большую ценность.

Другой общий вопрос, который был затронут в прениях — это тенденция развития языков. Мне кажется, что его также нужно уточнить. Можно ли сейчас составлять диалектологическую карту будущего международного языка? Конечно, нет. А между тем попытки дать такую карту здесь были.

Тов. Яковлев говорил о том, что языки сольются в пределах Азербайджана и получится единый азербайджанский язык. Точно таким же образом сольются языки в пределах РСФСР и получится единый язык РСФСР и дальше эти языки будут сливаться в международный язык. Я понял так, очень грубо и схематично, эту попытку нарисовать карту будущего международного языка.

Если ставить этот вопрос, то нужно со всей отчетливостью представить то основное, что мы связываем с тенденцией развития языков. Во-первых, наличие возрастающего количества общих терминов и слов во всех языках. Это прежде всего должно характеризовать развитие языков в сторону их сближения. И затем все возрастающая роль сознательного вмешательства в развитие языка, того вмешательства, о котором говорил в свое время Маркс. И вот эти два момента должны нас сейчас ориентировать при решении конкретных терминологических вопросов.

Но все же, на что мы должны сейчас ориентироваться при заимствовании терминов из других языков и из так называемого интернационального терминологического запаса? Здесь уже указывалось, что первый тюркологический с'езд предлагал оформлять заимствованные слова по-французски и по-итальянски. Мотивировки однако не было дано. Но все же это требование говорит о возможности крайних кривотолков в вопросе о том, откуда, через какие каналы должно итти заимствование терминов и их оформление.

Практика говорит о том, что термины в основном заимствуются через русский язык и зачастую оформляются по нормам русского языка. Последнее отмечено уже, как большой недостаток, с которым нужно бороться. Но все же, какое указание можно будет сейчас сделать на будущее, какой коллективный опыт в этом вопросе о заимствовании и оформлении заимствованных терминов может быть сейчас предложен?

Тов. Мещанинов говорил, что интернациональный язык уже создается, и создается он в СССР. По его словам, мы должны при создании новых терминов исходить из той суммы слов, которая имеется в языках СССР. И вот в решении вопроса о том, как создаются новые термины в языках, существующих в СССР, мы должны исходить из тех терминов, которые в них уже существуют В этом рассуждении есть какой-то круг. Совершенно ясно, что в ряде случаев нельзя ждать стихийного возникновения терминов, а нужно их именно создать, хотя бы только в смысле их сознательного оформления по нормам национального языка, т. е. нужно осуществлять то сознательное вмешательство в развитие терминологии, на которое указывали классики марксизма.

С этим связан частный, но очень важный вопрос — оформление географических терминов. Возьмем слова „Вам", „Австрия". Тов. Кошкин настаивает на том, чтобы брать только самые необходимые слова, но географическая терминология является сугубо необходимой, поскольку в каждой газете даются в иностранной хронике названия различных географических пунктов земного шара. И вот вопрос: на что ориентироваться? В слове

„Австрия" имеется сочетание четырех согласных, которые не каждый язык в состоянии усвоить и освоить, и, пожалуй, не только не каждый, но подавляющее большинство языков воспримет это написание, как большую неприятность. Во-вторых, говоря о географических терминах, приходится подумать над тем, как они оформляются либо тем народом, на территории которого находится данный географический пунк, либо смежными народами. Естественно напрашивается вывод о том, что такие названия, как Rom и Θøster удобнее для ряда языков, чем Rim, Avstrija. Например, Θøster звучит совсем по-родному для каждого тюркского языка. Где основания к тому, чтобы затруднять усвоение этого слова заимствованием во что бы то ни стало русской формы?

Особенно нужно подчеркнуть, что разработку интернациональных терминов нельзя проводить изолированно, ибо каждый из языков, как бы он правильно ни подходил к вопросу об оформлении заимствованных терминов, все же не может избежать ряда случайностей. То предложение, которое внес докладчик и которое горячо приветствуют участники пленума — предложение о создании планирующего терминологического органа в составе Научного совета, научно прорабатывающего эти вопросы и помогающего соответствующим терминологическим органам национальных республик и областей направить по единому руслу разработку интернациональных терминов, конечно, надо приветствовать.

Еще одна мыль, связанная с вмешательством в развитие языка. Товарищи очень горячо отстаивали существование в национальной терминологии таких слов, как „шуро", соответствующего по значению русскому „совет". Мне известны такие случаи, когда в массе уже бытуют „русские" слова. (ставлю „русские" в кавычки, поскольку они являются сейчас словами интериациональными), а между тем пресса продолжает глухо отмалчиваться от этого требования масс и продолжает систематически проводить старые термины. Надо более чутко прислушиваться к голосу масс, усваивающих интернациональные термины, так называемые „советизмы" независимо от того, узаконены они в процессе, или нет. Надо добиться того, чтобы масса действительно контролировала терминологическую работу прессы.

Для иллюстрации важности вопроса об оформлении интернациональных терминов приведу еще один пример: kooperas, kooperâsta, kooperatsija, kooperirovajt. Беру последнее слово в том оформлении, против которого товарищи будут возражать. Но дело в том, что он часто попадает в печать. Не так давно я встретил слово mobilizovajt в татарской газете. Этим примером я хочу подчеркнуть крайнюю важность того вопроса, который выдвинут тов. Диманштейном. Надо заботиться о том, чтобы заимствуемые термины безболезненно укладывались в ряд словообразований и словоизложений данного языка. В первой паре (kooperas — kooperasta) мы имеем довольно удачное оформление глаголов и имен, а во второй — глагол и имя взяты от различных основ в их русском оформлении, чем нарушен словообразовательный ряд языка. Вот почему в ряде языков

так плохо прививаются глагольные формы, образованные от интернациональных и заимствованных слов. „Кооперация“ есть, а „кооперируем“, „кооперированный“ и т. д. не выходит. Заимствованное слово остается чужеродным телом, язык его не осваивает. Нам нужно будет уделить больше внимания этому вопросу. Такая разработка новой терминологии, которая обеспечит успешное развитие литературных национальных языков— важнейшая задача практического языковедения.

КУСИКЬЯН. (Институт национальностей). Товарищи, выступления по докладу показывают, что терминологическое строительство в нашей стране проходит с большими затруднениями. В нем замечаются элементы стихийности, элементы кустарщины и ряд таких недостатков, с которыми мы должны в ближайшее же время покончить. И даже среди выступавших здесь на пленуме нет по этому вопросу единого мнения, хотя бы об отдельных терминах. Много раз фигурировало, например, слово „шуро“ и на этот счет выявились различные мнения. Что это показывает? Это показывает, что одна важнейшая сторона в нашей работе развивается недостаточно быстро. У нас отстает исследовательская работа. Исследовательская работа ведется по разным языкам, но далеко еще недостаточная, а самое главное — методологически пестрая. Есть исследовательские работы, написанные учеными, стоящими целиком на базе буржуазного языкознания. Есть люди, которые пытаются применить в языкознании марксистско-ленинскую терминологию, но к сожалению применяют ее неудачно.

Необходимо исследовательскую работу продвинуть основательно вперед. Я на это указываю потому, что, к сожалению, незаметно, чтобы товарищи особенно подчеркивали значение исследовательской работы. Тут говорилось, что нужны словники. Нет спора — словники нужны, и нужен единый образцовый словник. Но разве дело только в словниках? Если заниматься только изданием словников, то можно в конце концов сделать работу столь трафаретной, что она не даст тех результатов, которых мы добиваемся. В особенности это относится к языкам младописьменным, потому что работающие над этими языками в республиках люди недостаточно подкованы.

Особенно много споров может возникнуть в тех именно случаях, которые связаны с отсутствием исследовательской работы по истории языка. Возьмем то же слово „шуро“ и слово „совет“. Нет сомнения, что слово „совет“ настолько ясно и понятно по своей форме и содержанию, что именно поэтому оно распространяется по всему миру. Между тем у некоторых народов нашего Союза есть свои слова, означающие „совет“. Я возьму, например, армянский язык. Многие наши видные партийные работники пытались привить слово „совет“ — не вышло. Массы употребляют слово „хорурд“. Если подойти к семантике очень упрощенно (может быть даже так, как некоторые товарищи сегодня тут трактовали слово „шуро“), то получается, что слово „хорурд“, которое на языке феодалов и в церковном смысле означает „таинство“, следует из'ять. Но для чего? Ведь „хорурд“ означает сейчас „совет“ в нашем смысле. Это

слово во время Октябрьской революции стало применяться в пределах РСФСР, а потом попало за пределы РСФСР. И теперь, несмотря на то, что у многих есть большое желание употреблять термин „совет“ с целью большого приближения к интернациональному термину, ничего из этого не выходит, ибо слово „хорурд“ накрепко внедрилось в быт.

В чем тут дело? Тут дело обстоит не просто. Очевидно нужна большая исследовательская работа, чтобы определить пути внедрения русского термина „совет“. Иначе вопрос останется открытым и придется делать так, как иногда делают в армянских словарях, т. е. попросту пишут оба слова рядом. Но для того, кто пользуется термином — это не выход из положения: ему хочется знать, какое слово предпочтительнее, какое слово он должен поставить на первое место и считать единственно правильным.

Нужно сказать что исследовательская работа по линии применения марксистско-ленинской методологии и особенно с учетом новых достижений в науке о языке — яфетической теории — идет слабо. Тут говорили, что неизвестно, как использовать яфетическую теорию. Вполне возможно на примере армянского языка критически разобрать некоторые слова. Я хочу указать, что в терминологических работах надо учитывать тот материал, который обычно мало учитывается именно благодаря отсутствию достаточной исследовательской работы. Например, в Армении составили словарь технических терминов. Авторы извиняются в том, что они не использовали языка народных масс. Это, конечно, хорошо, что они сознают этот недостаток. Но интересно, что они ломали голову над многими такими строительными терминами, которые очевидно существуют в массовом языке, потому что, как наверно товарищи знают, в Армении существуют остатки древнейших мостов и армянские крестьяне с давних пор хорошие строители домов из камня. Нет сомнения в том, что это строительное искусство имело соответствующую терминологию, которая сохранилась в массовом языке, а вот профессора университета в составлении терминологии предпочли итти по другому пути. На всякий случай они, разумеется, извиняются, что не использовали массовый язык — это именно те слова, которые мы должны учитывать в терминологическом строительстве.

Тут, кстати, я хотел бы уточнить смысл высказанного проф. Яковлевым. Он говорит, что не все богатства языка в наше время актуальны. Это совершенно верно, но нужно также указать, что, к сожалению, многие богатства языка не учитываются именно потому, что учитываются обычно лишь литературные языки прежде господствовавших классов, а не богатства массового языка. Например, сейчас армянский язык имеет большую потребность в ботанических терминах. Где их найти? Их надо в первую очередь искать в массовом языке, где имеется очень много ботанических терминов, весьма ценных и нужных. Однако до сих пор эти ботанические термины переводчиками и авторами не используются просто потому, что переводчики их не знают. Я думаю, что это явление наблюдается и в других языках.

Говоря о переводах терминов, надо поставить известную границу между языками младописьменными и старописьменными, принимая во внимание, что старописьменные языки прошли такие этапы, каких не знают языки младописьменные. Это нужно принять во внимание, потому что многие товарищи о языках говорили вообще. Забыли, как пестра наша страна в смысле языков, находящихся на разных этапах, разных стадиях развития. Почему-то обычно учитываются только языки младописьменные. Это, разумеется, естественно, потому что такие языки требуют наибольшей энергии в своем строительстве. Но, с другой стороны, нужно иметь в виду, что старописьменные языки, в том числе и русский язык, принесли из глубины истории много такого, с чем нужно покончить. Правильно сказал в своем докладе т. Диманштейн, что нужен серьезный критический подход. Это касается и русского языка.

В заключение я хочу указать на то, что здесь мало отмечался момент, связанный с нашим воздействием на язык. Тов. Гаджибеков говорил, что необходимо следить за бытованием того или иного термина. Но этого мало. Иногда бытование зависит от того, насколько активно тот или иной термин пускается в оборот, т. е. насколько активно мы воздействуем на язык.

Если эта активность воздействия достаточно учтена, тогда эту работу можно преводить, но я заметил, что даже в республиках, где такое активное воздействие возможно, его нет в достаточной степени. Возможно, что это касается и русского языка.

Наконец, я хотел указать на то, что проект тезисов по терминологии, вполне приемлемый во всей своей принципиальной части, требует все же конкретизации по языкам различных типологий, по языкам различных стадий развития. Только тогда мы сможем спустить в республики такой документ, чтобы они вплотную взялись за терминологическое строительство. Иначе многие принципиальные высказывания, которые имеются в этих тезисах, могут еще долгое время остаться нерасшифрованными, а следовательно и не реализованными.

ХАШИМОВ. (Узбекистан). Вопрос терминологии является, несомненно, вопросом создания нового языка в наших условиях, в частности нового узбекского литературного языка. Основные указания, касающиеся развития языка вообще, и в частности в наших условиях, даны в сочинениях классиков марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В развитии терминологии назрела огромная теоретическая потребность, и наша задача заключается в том, чтобы эти указания претворить в жизнь.

На это дело оказывается не таким легким. Это показывают выступления ряда товарищей. Принципы правильны в общем, но применение их не во всех республиках одинаково. Беда в том, что накопленный республиками опыт до сих пор теоретически не осмыслен, теоретически не продуман. В этом наша беда, товарищи. (Голос: „прежде всего наша беда здесь“). В этом оказывается отсталость лингвистической науки. Мы на данном собрании еще раз резко выявили, насколько теоретически отстала лингвистика от социалистического строительства республик СССР. Результат обсуждения доклада т. Диманштейна

о терминологии показывает, что мы настолько отстали, что даже не можем полностью представить себе тот опыт, тот сырой материал, который имеется в республиках. А ведь опыта, накопленного материала—немало. Каждая республика ощупью ищет ответа на конкретные вопросы, которые ставит жизнь.

Когда говорилось об общих принципах лингвистики, то заявляли: „лингвистика—это идеология" и т. д., и т. д. Все это верно. Но никто не сумел показать, как применяется этот общий принцип в конкретном языке—татарском, узбекском, дагестанском, как применяется в нем этот принцип, как наделе выглядят эти языки, потому что как-никак они отличаются друг от друга, они прошли различные ступени развития. Разве может быть одинаковый подход к терминологии в узбекском языке и в языках, скажем, Дагестана? Конечно, нет. В подходе мы должны учитывать те исторические этапы, которые данным языком пройдены, и тот исторический этап, на котором сейчас данный язык находится. Поэтому товарищи с мест подняли в своих выступлениях конкретные вопросы не о том, что такое язык, что такое терминология, хотя некоторые пытались (конечно, неверно) этот вопрос осветить. Дело заключается не в том, чтобы схоластически об'яснить термин „абстрактный"; надо показать на практике, что значит этот термин. Тут товарищи высказывались по поводу богатства и бедности языка. Это вопрос схоластический (Голос: „очень научный!") Никакой науки тут нет. Как вы определите бедность или богатство узбекского языка? Получается схоластика, если вы не знаете данного языка. (Яковлев: „Знать-то надо"). А не зная, т. Яковлев, вы никак не решите этого (Яковлев: „Я знаю кое-какие языки"). Вот в том-то и дело, что мы часто очень авторитетно выступаем по вопросам, зная только кое-какие вещи, а данный момент требует не „кое-какого" ответа, а фундаментального вывода. Поэтому, товарищи, огромное значение имеет привлечение к этой исследовательской работе научных работников с мест, хорошо знающих данный язык. Теперь ограничиваться общими фразами больше нельзя. В составлении узбекского алфавита участвовали и русские товарищи, потому что дело касалось только звуков, но теперь дело касается литературы, исторического прошлого. Тут должны максимальное участие принять местные работники (Яковлев: „А русским нельзя разве участвовать?"). Можно, но только действительно знающим данный язык, чтобы практически помочь товарищам из местных национальностей, а не ограничиваться общими фразами.

Мне вкратце хотелось бы остановиться на этапе терминологической работы в Узбекистане. Мы связываем вопрос терминологии с развитием нового узбекского литературного языка. Вопросами развития языка занимались и националисты, и пантюркисты. Поэтому до сих пор имеют место проявления всех этих идеологий со стороны ряда людей, скажем, националистов Чеготай Грунда и арабистов. Поэтому в области создания терминологии борьба с этими уклонами, с арабизмом является борьбой за правильное развитие нового литературного узбекского языка. Общим принципом является также развитие узбекского языка через заимствование интернациональных слов.

В принципиальной форме этот вопрос не вызывает сомнений, но конкретные вопросы возникают дальше когда мы начинаем раздумывать—какие слова брать, какие не брать, и если брать, то в какой форме. Тут существует ряд разногласий.

Это происходить потому, что некоторые хотят интернациональную основу брать в русской форме, другие во французской форме, третьи в немецкой. Все созывавшиеся конференции твердили, что нужно брать интернациональную основу, но никто не сказал четко, в какой именно форме, через какой именно язык брать эту основу.

Я думаю, что на данном собрании мы должны покончить с разнобоем и сказать определенно, что интернациональные слова нужно брать только через русский язык. Нужно считаться с самой жизнью. Русский язык—самый близкий язык для национальностей, благодаря совместной работе с русскими пролетариями на предприятиях, в колхозах и т. д. Этого обстоятельства мы не можем не учитывать. Но нельзя также игнорировать национальную форму в суффиксах, в окончаниях, хотя основу мы и будем воспринимать через русский язык.

Здесь был также поставлен вопрос о том, какими терминами мы владели. Оказывается, что в нашей литературе имеются арабские и персидские слова, которые не отвечают тем запросам, которые пред'являются в данный момент. В Узбекистане ведется сейчас большая работа по преодолению, вытеснению этих арабских и персидских слов. Однако в этой работе имеются перегибы. Я не согласен с теми товарищами, которые проявляют здесь, на пленуме, некоторое „левачество", не учитывая того, что ряд арабских слов уже проник в трудящиеся массы и накрепко освоен ими.

Необходимо в большой мере исходить из практики. Поскольку то или иное слово вошло в быт и сейчас удовлетворяет население, соответствует по содержанию тому или иному советскому термину—необходимо это слово сохранить. Поэтому нужно глубоко изучить, какие слова имеются, какие из них хороши, какие нужно сохранить. Но в принципе, если данное слово прочно освоено массой населения, его необходимо сохранить, если даже оно имело раньше другое значение; важно, что на данном этапе в него вкладывается новое содержание и это новое содержание правильно воспринимается употребляющими данное слово.

Вопросы терминологии и развития литературного языка выдвинули также другую проблему. Опыт показал, что мы плохо знаем то терминологическое богатство, которым располагает наша узбекская масса. Например, у меня имеется терминологический словарь вредителей в сельском хозяйстве, различных насекомых и т. д. Опыт показал, что все термины, которые в этом словаре встречаются, давным-давно имеются в массах, а мы, не зная этого, искусственно создавали терминологию, и лишь соприкоснувшись тесно с массой, мы узнали о том, что по существу ломились в открытую дверь.

Углубляя исследовательскую работу, изучая богатство языка масс, мы сможем создать такой узбекский литературный язык, на котором смело можно будет дать сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Но нам еще очень многого в этом отношении нехватает. Работа над переводами классиков марксизма-ленинизма продвинулась вперед, но нам нужно каждодневно учитывать опыт этой работы, переносить его в другие республики и в свою очередь усваивать лучший опыт братских народов.

НОМИНХАНОВ. (Лингвистич. комиссия НИАНКП). Тут товарищи подчеркивали, что в области терминологии в национальных республиках и областях сделано очень много. Однако далеко не везде это дело обстоит благополучно.

Созданы научно-исследовательские учреждения, изданы терминологические словари и т. д. Но в некоторых областях, как например в Калмыцкой, в отношении терминологии сделано очень мало. Мне хочется сообщить о положении с терминологией в Калмыцкой области. Ничего по этой линии не делается, а если делается, то совсем недостаточно. Нет ни одной организации, которая бы специально работала по линии терминологии. Все работники, которые могут заниматься терминологией, разбросаны и не используются.

Что же выходит? До сих пор в Калмыкии нет терминологического словаря. В одном месте начали было создавать терминологию кустари-одиночки. У них ничего, разумеется, не выходит. Работа этих кустарей идет по линии наименьшего сопротивления. Например, „политика“ у них переводится: „tƟr tɵkm“; „tƟr“ это—„дело“, а можно перевести „власть“, „tɵkm“ вообще ничего не значит. Слово „труд“ переводится „Kyçkəlsn“.

Так произвольно переводятся очень ответственные слова. Между тем, эти слова могли бы быть переведены достаточно хорошо, так как имеются эквивалентные калмыцкие слова. Переводчики же об этом не думают, а просто нередко дают русские слова. Они засоряют слова всякими суффиксами, например, „ударничество“; к чему давать „чество“, когда можно взять русский корень для этого интернационального термина и дать ему калмыцкое оформление? Таковы плоды работы наших куетарей.

Это показывает, что в Калмыкии неблагополучно с терминологией.

По-моему надо приветствовать организацию центрального терминологического органа при ВЦК НА. Этот орган мог бы посылать на места инструкторов, чтобы они там организовали изучение терминологии, организовали людей, создали в республиках комиссии, руководили ими. Без такого центра у нас ничего не выйдет.

ВРУБЕЛЬ. (Научный совет ВЦК НА). Мне хочется сказать об одной из моих статей, в которой я касался вопроса об использовании аналитического алфавита, аналитической системы письма, помещенной в журнале „Культура и письменность Востока“. Она получила неправильное толкование. Я считаю, что нельзя относиться к использованию аналитического письма с огульным отрицанием.

У нас несомненно есть большие достижения в создании письменности для письменных народов и для тех народов, которые раньше имели феодально клерикальную письменность.

Но есть еще один момент, который очень мало освещен в прессе. Это вопрос об интернациональном воспитании, его

преломлении в письме, что необходимо оттенить. Наше письмо служит одним из моментов сближения наших национальностей, т. е. то, что для Запада и вообще дли зарубежных стран совершенно недостижимо.

Мне хотелось бы указать еще на один вопрос, который совершенно не затронут в нашей лингвистической литературе— это вопрос о социал-фашистской теории письма. Я имею в виду Каутского, который рассматривает письмо с чисто технической точки зрения, никакой классовой сущности и никакой политики в этом письме не видит. Между тем в нашей практике языкового строительства мы выдерживаем ожесточенную классовую борьбу. В своих суждениях Каутский опирается на индо-европейское учение о языке и вместе с индо-европеистами он говорит о невозможности постановки вопроса о генезисе письма. Между тем самое существование письма им обусловливается географическими факторами. Рассмотрение письма с точки зрения идеологической значимости для него чуждо.

Каутский—механист и идеалист. Нужно сказать, что взгляды Каутского имеют отражение и у нас внутри Советского союза, и у тов. Яковлева как раз есть такая установка, когда он ставит знак равенства между капитализмом и социализмом, когда он устанавливает очереди „политика—производство—язык" и т. д.

Еще больше это сказывается в выступлении тов. Лайхтера, который доводит до абсурда то, что говорит тов. Яковлев.

Разрешите сказать несколько слов относительно „мирового масштаба". Дело в том, что, когда мы говорим о письменности, когда мы говорим о „мировом масштабе", мы прежде всего имеем в виду не то, что надо создавать сразу письменность в „мировом масштабе". Это—фальсификация. Никто из нас этого не предлагает. Но мы говорим, что когда ставится вопрос о письме, мы рассматриваем это с точки зрения мирового опыта пролетариата. Мы имеем в виду, что ни одно достижение науки не может быть отбрасываемо. Но из этого не следует, что обязательно сейчас надо строить все алфавиты в „мировом масштабе" и все ранее сделанное разрушить. При составлении алфавита нельзя стоять на национально-ограниченной точке зрения.

Разрешите сказать относительно унификации и дезунификации. Необходимо поработать над вопросом о том, что является критерием унификации и сказать, что унификация для нас не является самоцелью. В каждом отдельном конкретном случае мы подходим к вопросу с учетом всей совокупности конкретных условий и если порой допускается дезунификация, то она должна быть оправдываема какими-то вескими причинами.

Однако, надо отметить, что китайский алфавит является дезунифицированным. Не знаю, может быть здесь существуют причины, которые оправдывают существование и принятие этого алфавита, но они мне неизвестны. Прежде всего китайский алфавит построен на основе индо европейского учения о языке. Во-вторых, он является англизированным китайским алфавитом на латинской подоснове (я имею в виду: „ch"—ч, „zh"—дж, „she"—ш).

Не приходится говорить относительно орфографии, которая исключительно уродлива. Если принять во внимание ту уста-

новку, которую дал тов. Диманштейн по вопросу о терминологии, говоря о борьбе с уклонами, о шовинизме и национализме, никак нельзя увязать наличие этого алфавита с тем, что он говорил, и с тем, что сказано в резолюции китайских товарищей, которая говорит: „Необходимо создать такую письменность, которая соответствовала бы требованиям современной науки, необходимо вести линию на интернационализацию письменности" (Рез. 1 конф. по латинизации).

Мы, несомненно, против всяких схем, против стандарта, против штампа, но учитывать наше языковое строительство при создании письменности, хотя бы для той народности, которая территориально относится не к нам, мы должны.

В заключение я приведу авторитетный отзыв Марра по вопросу о том, как составляются алфавиты: „Я видел в процессе выработки новую латинскую транскрипцию для черкесского языка, да это—прошу прощения за резкость—издевательство над актуальным вопросом громадно-общественного значения. Не подлежить никакому сомнению, что изобретение армянского и грузинского алфавитов в первоначальном их виде еще на заре средневековья происходило с лучшим соблюдением гарантии научности, с большим учетом того, что делалось у соседей, да и о состоянии вообще науки, чем современная нам работа по реформе алфавитов в стране, где столько академий, институтов, университетов и несколько тысяч ученых, тысячи ученых в одной секции научных работников" (Абхазск. анал. алф., стр. 13).

При разработке алфавитов мы должны исходить из того достижения, которое все же в предшествующий этап развития языкового строительства мы имели, повышая требования каждый раз все больше и больше к самим себе.

Еще один момент, о котором у нас обычно говорят—„масса решит". Совершенно верно—масса решит, но вместе с тем надо поставить вопрос о том, чтобы правильно ориентировать массу. Мы не можем допустить такого положения, что какой-нибудь отдельный профессор придет и свою точку зрения будет выдавать за точку зрения авторитетного учреждения и тем самым неправильно ориентировать массы. На это нужно обратить внимание.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО тов. ДИМАНШТЕЙНА

Правы были товарищи, указывавшие на то, что как в докладе, так и в тезисах не было достаточной разработки терминологий отдельных языков, применения к ним наших основных принципов, но это—совершенно естественное явление. Здесь на пленуме собрались представители различных республик—Бурято-Монголии, Узбекистана, Калмыкии, Карелии, Татарии, Башкирии и других. Если бы мы задались целью преподать каждому языку конкретные детальные установки по строительству его терминологии—по существу пришлось бы по каждому отдельному языку поставить специальный доклад, это не могло войти в мой доклад. В своем докладе я не предполагал преподнести

конкретные предложения по всем языкам, а считал необходимым дать конкретные политические установки, указать, из чего исходить, что исправить в дальнейшей работе по терминологии. Я думаю, что наш Пленум даст возможность развернуть эту работу более правильно, раз будут приняты правильные установки, учтен опыт мест, изложенный выступавшими представителями республик. Я считаю, что и в последнем отношении мы добились известных результатов, т. к. в прениях товарищи с мест главным образом освещали свой опыт, который очень пригодится нам в нашей дальнейшей работе по терминологии.

Хочу остановиться на некоторых возражениях, сделанных по поводу моего доклада. Когда я говорил о богатстве отдельных языков, я указывал, что это вопрос не принципиальный, это не тот вопрос, который нам сейчас более всего интересен. Если один язык богат терминами о паразитах, а другой—о верблюдах, то это по существу не меняет дела для широких масс в новой обстановке. Число слов, словарный запас—это не единственное мерило. Но, разумеется, совершенно не считаться с этим нельзя. Надо иметь в виду, что количество переходит в качество. Отрицать совершенно значение количества—это тоже перегиб, хотя бы потому, что язык, более обильный словами, терминами, охватывает куда большее количество понятий абстрактных, конкретных и т. п., что облегчает культурное и хозяйственное строительство.

Но я указал в своем докладе на этот момент только для того, чтобы не обольщались наши местные работники мыслью о том, что „раз мой язык богат—мне нечего больше добиваться". Надо помнить, что все языки нацреспублик еще довольно бедны, даже русский язык, а тем паче те языки, для которых мы сейчас занимаемся разработкой терминологии. Они сугубо бедны в отношении тех огромных требований, которые перед ними ставят массы, успешно двигающие вперед социалистическое строительство. Они отстают от потребностей трудящихся масс настолько, что мы зачастую просто не в состоянии выразить на этих языках то, что выдвигается жизнью. Это бросается в глаза при переводах классиков марксизма-ленинизма на национальные языки.

Я хотел бы отметить один очень характерный момент, связанный со словом „совет", о котором здесь говорили. Я недавно был за границей и читал там одну коммунистическую брошюру. Там написано, что сначала буржуазно-капиталистическая пресса никак не хотела переводить слово „советы" на иностранные языки именно для того, чтобы оттенить такой режим в России, который даже „не поддается переводу" на „культурный" иностранный язык, что это „невероятное слово" „советы" означает что-то страшное. Поэтому именно не стали переводить „совет" словами „Conseil", "Rat" и т. п. Но на деле оказалось противоположное. Это слово стало настолько популярным, что просто бессмысленно сделалось его сейчас переводить.

Укажу также, что Ленин еще в 1919 г. отметил тот момент, что за границей слово „совет" не переводят на иностранные языки, а так и пишут „Советская Россия".

Тов. Мещанинов правильно сказал, что слово „совет“ имеет сейчас свое специфическое содержание, и по существу не поддается переводу.

Я хочу еще остановиться на вопросе, давно обсуждающемся. Это вопрос об использовании в терминологии слов персидских, арабских и т. п. Я считаю, что к этому вопросу нельзя подойти абстрактно. Во-первых, нельзя огулом заявлять, что арабский язык—вообще реакционный, даже контрреволюционный. Он—реакционный для нас, когда мы говорим о коране, когда его терминологией пользуется реакционная часть национальной интеллигенции.

Вообще на свете нет абсолютно реакционных языков и революционных языков. Сейчас в Аравии наши товарищи-коммунисты превосходно делают революцию на арабском языке в ряде стран.

Тут товарищ цитировал Энгельса насчет того, что мы не можем подойти к слову, вернее к термину, с точки зрения его древнего происхождения, а нужно подходить к термину с точки зрения того, что он сегодня собой представляет. Надо ли, например, сохранить слово „шуро“? Нет, если народу слово „шуро“ навязано, если рабочие, крестьяне и батраки плохо знают это слово, а лучше знают слово „совет“,—тогда надо решительно выбросить слово „шуро“ и ввести слово „совет“. Но если рабочие и колхозники употребляют слово „шуро“ в значении совета—мы не можем непременно сразу навязать им слово „совет“. Дело не в отдельном слове и в его древнем или новом происхождении,—дело в том, как оно успело за 15 лет революции привиться в массах. Если слова навязаны, масса их туго принимает—надо от них отделаться. Там же, где слова уже вошли прочно в быт, незачем притив них начинать гонение, хотя они и арабского происхождения.

У нас мало уделялось внимания состоянию языка в повседневной нац. печати, а надо сказать, что повседневная печать является огромнейшим фактором в нашей жизни. В СССР имеются тысячи районных национальных газет, совхозных, колхозных, которые читаются в красных уголках, в клубах; в газетах—этих важнейших лабораториях, которые в большой степени создают язык, мы имеем огромнейшие дефекты. Я думаю, что вопрос о газетном языке и о газетной терминологии надо было бы специально проработать, так как он стоит у нас в ряду других факторов формирования языков.

Здесь поднималось много конкретных вопросов: как быть с терминологией по химии и т. д. Я не согласен с тем, что терминология химии—это не дело лингвистов, что решают этот вопрос только химики, или что вопрос о терминологии физики решают только физики. Понятно, что при решении вопроса о терминологии для каждой дисциплины нужно считаться с мнением специалистов данной отрасли науки. Но с точки зрения языка и политики мы будем иметь свое первое слово. Они могут нас поправлять, но решение вынести должны мы. Я думаю, в частности, что при теперешнем положении очень редкое явление, чтобы вузовцы-нацмены не знали русских терминов физики, химии, естествознания и т. д., не знали бы русского языка и чтобы они не проходили параллельно на рус-

ском языке этих дисциплин. Отсюда вывод, что эти термины брать не в русской, а в иностранной транскрипции не нужно. Такие слова, как „водород", „кислород" должны привиться, вряд ли нужно изобретать что-то новое для них.

Нельзя представить себе, что мы должны строить язык из расчета, что ничего не менялось и не меняется в произношении людей при новой обстановке. Произношение зависит от определенной среды. А когда люди попадают в другие условия— у них постепенно меняется произношение, у них сам язык начинает „иначе поворачиваться". Поэтому я считаю, что мы должны оставить все важнейшие имена и названия так, как они произносятся на самом деле, и незачем писать, например, вместо „Сталин"—„Усталин" или „Исталин".

Пару слов по поводу тезисов тов. Гаджибекова, сказавшего, что вся терминология должна пройти у национальностей через русский язык. Это—вопрос принципиальный и очень сложный. Тезисы Гаджибекова противоречивы. Он говорит одновременно, что базой для дальнейшего обогащения дагестанских языков являются сами родные языки и что в то же время основным источником является русский язык.

Я говорил уже о различном отношении к вопросу о значении русского языка. Не буду повторяться. Правильнее будет сказать, что мы переходим к интернационализации терминологии через советские языки, а не только через один русский. Я считаю, что в основном язык отдельной нации должен развиваться на собственной базе, а также через советские языки, через союзные языки, через языки ближайших республик, действующие друг на друга.

Тут товарищи говорили, что для них Украина и Белоруссия— не пример. Я думаю, что они правы, и неправы. В чем дело? Правильно, товарищи, что фактически на Украине и Белоруссии хозяйничали одно время в области языковедения контрреволюционные элементы, вредители и т. д. Но можно ли считать, что это есть постоянное явление, существующее на Украине и Белоруссии? Нет, конечно. Можем ли мы считаться с их опытом? Можем и должны. Должны ли мы учесть не только ошибки, но и достижения Белоруссии и Украины? Конечно должны, и не только учесть достижения в области языка, но еще более считаться с их ошибками, чтобы не допускать их у себя. Мы говорим, что идем в терминообразовании через советские языки, но это не значит, что мы будем отказываться от новых интернациональных слов.

Тов. Данилов упрекнул меня за то, что я писал в своих тезисах, что языковый момент является одним из решающих в определении нации. Я тут ссылался на Сталина, но он вместо Сталина противопоставил мне Скрыпника, и даже не заметил этого. Я не знаю точно, что Скрыпник сказал, точной цитаты из его выступления не приведено, но решающее в вопросе о стабилизации наций заключается в наших условиях в наличии единого языка.

Это не значит, что один только язык является решающим. Иногда можно с одним этим признаком и не считаться. Сказал я это, или нет? Если Сталин говорит о том, что национальность немыслима без общности языка, значит ли это, что когда нет

единого языка перед нами стоит вопрос—есть ли она нация? Если у нее есть язык—это еще не значит, что она уже нация, но нацией она может стать. При наших условиях может быть, что она пойдет по линии сближения языков и подойдет как раз к той нации, которая ей ближе. Рассуждения т. Данилова были совершенно необоснованы.

К сожалению за недостатком времени я не могу остановиться на многих вопросах, о которых стоило бы поговорить. Основной вопрос, который перед нами уже стоит, без решения которого наше обсуждение по существу ничего не даст,—это вопрос, как быть с работой по терминологии в дальнейшем. Никто, разумеется, не ставит вопроса о том, что фактическим терминологическим центром будей такая-то комиссия, работающая параллельно с Научным советом ВЦК НА. Это будет Комиссия, но только как орган Научного Совета, включенная в его работу. Я мыслю, что нужно Научный Совет перестроить в целый ряд главков: главк терминологический, главк орфографический и т. д. и чтобы эти главки давали под общим руководством Научного Совета установки по всем дисциплинам. Это формальная сторона этого вопроса, но неважно, будем ли мы называть этот центр „главком" или „комиссией". Основной вопрос заключается в том, чтобы поднять эту махину.

Товарищи, неужели вы думаете, что это случайность, что на 16-м году революции мы в вопросах терминологии находимся в таком разброде? Это доказывает крайнюю сложность и трудность вопроса. Попыток мы имели немало. Работа на местах шла недостаточно широкая, но все-таки она шла—по линии Наркомпросов, по линии НИЯЗ'а, по линии республиканских комитетов НА. Но получалось до сих пор кустарничество. Для устранения этого кустарничества надо поднять внимание к этому вопросу, надо осознать, насколько этот вопрос по-настоящему является решающим не только на фронте языкового строительства, но и на всем фронте культурной революции. Если мы этот вопрос будем и в дальнейшем разрабатывать по-кустарному, то мы не сумеем скоро дать массам ни Ленина, ни Сталина, ни Маркса на родном языке, а если дадим, то в искаженном или неточном виде. Очень трудно привлечь массы к нашим лозунгам на плохо понятном для них языке. Могут ли правильно осуществляться в республиках и областях директивы и постановления партии, если их там искаженно переводят на национальный родной язык?

Я считаю, что нам по линии ВЦК НА непременно надо сработаться с существующими органами здесь в центре, с органами, которые работают в Ленинграде, сработаться достаточно серьезно со всеми институтами, которые работают на местах, со всеми комиссиями, терминологическими комитетами и т. д., наладить проверку и учет их работы. Я считаю, что нужно практиковать межнациональную проверку работ по терминологии, чтобы одна нация проверяла другую, внедрить социалистическое соревнование в этой работе, и в заключение подготовить и созвать специальную конференцию уже по конкретным вопросам, с конкретными установками по отдельным языкам, по отдельным отраслям, по отдельным дисциплинам.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО тов. ГАДЖИБЕКОВА

Здесь товарищ Бокарев и другие говорили, будто у нас, в Дагестане работа проходит чисто кабинетно, что мы нашу работу проводим изолированно от масс. Я должен сказать, что у нас в секторе только три работника, а иногда лишь два работника. Но мы всячески стараемся привлекать работников, находящихся в районах, и в центре Дагестанской республики.

Массы, конечно, игнорировать нельзя. Но в то же время мы не должны забывать, что в массы просачивается также и классово-враждебная идеология, что происходит классовая борьба, что различные элементы вводят в язык массы свои слова. У нас есть тенденция брать слова оттуда, откуда они идут. (Голос: „теория самотека"). Нужно установить, откуда слова идут, по каким путям они должны развиваться и нужно вести за собой массы в этих вопросах, возглавлять массы, направлять их движение. Мы не скрываем, что в терминологической работе Дагестана есть крупные недостатки, и первый недостаток тот, что мы недостаточно связаны с массами, недостаточно проверяем нашу продукцию в массах.

Мы по этой линии принимаем меры, изучаем терминологию и на местах, и в центре, и в печати.

Тов. Ашхамаф говорил, что у нас в Дагестане нет установки в отношении об'ема работы. Это наверно. У нас есть четкая установка. Мы свой план строим в соответствии с решениями наших партийных организаций о переводе обучения на родной язык. Сейчас на родной язык переведены школы второй ступени, и мы сейчас разрабатываем терминологию в об'еме школы второй ступени. В дальнейшем, когда будут вводиться высшие ступени образования, мы будем разрабатывать терминологию в большом об'еме. Это, разумеется, не значит, что мы должны всю терминологию разработать только в об'еме второй ступени. Во всех вузах преподается дагестанский язык, следовательно, мы должны разрабатывать и терминологию, нужную при обучении в вузе.

Я хотел также дать справку по выступлению тов. Сердюченко. Тот. Сердюченко не познакомился с нашими словарями, как следует. Он сказал, что в нашем словаре слово „начальник" переводится „бек". Я принес с собой словарь. В этом словаре вообще слова „начальник" нет. Прежде, чем критиковать, надо познакомиться со словарем. Такого термина как „производственные отношения" ни в аварском, ни в лезгинском, ни в др. языках Дагестана попросту нет, нет и их эквивалентов. Надо взять или арабское слово, или русское.

Я согласен с тем, что в наших работах имеется целая куча недостатков, у нас ведь не было опыта, и мы недостаточно подготовлены, но надо к оценке нашей работы подходить, учитывая наши конкретные условия, конкретную обстановку.

ИТОГИ и ПЕРСПЕКТИВЫ ЛАТИНИЗАЦИИ и УНИФИКАЦИИ

Доклад т. ДЬЯКОВА

ОБ УНИФИКАЦИИ ГОРСКИХ АЛФАВИТОВ

Содоклад т. СЕРДЮЧЕНКО

О ТЕХНИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ УНИФИЦИРОВАННОГО НОВОГО АЛФАВИТА

Содоклад проф. В. АРТЕМОВА

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛАТИНИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ

ДЬЯКОВ

Вы знаете, что основной нашей установкой в отношении развития национальных культур—национальных по форме и социалистических по содержанию — является указание т. Сталина на XVI партс'езде: „Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния в одну общую социалистическую и по форме и по содержанию культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре".

Развитие национальной письменности, а также строительство национальных алфавитов является одной из важнейших частей развития национальных по форме культур Союза ССР. Поэтому и в этом деле, в алфавитном строительстве, мы также должны исходить из задач создания таких алфавитов, которые наиболее соответствовали бы данному языку, являлись бы средством наиболее быстрого культурного под'ема трудящихся данной национальности и, с другой стороны, этот алфавит должен не препятствовать а, наоборот, способствовать культурному сближению всех национальностей СССР. Отсюда установка на максимальное приспособление алфавита к данному языку и установка на унификацию алфавитов народностей Советского союза.

В отношении унификации и в отношении создания алфавитов, соответствующих каждому языку, мы имеем весьма большие достижения. Правда, мы сейчас очень много говорим об отдельных недостатках и прорывах на этом фронте, но это не должно затемнять колоссальных достижений, которые в капиталистическом мире совершенно немыслимы. Сейчас у нас около 100 народностей имеют свою родную письменность, тогда как до революции едва более десятка национальностей царской России эту письменность имели. Велики достижения и в деле унификации алфавита. Уже одно то, что свыше 60 народностей, я не считаю здесь таких, как например немцы и поляки и т. д., сейчас пользуются латинской письменностью, развившейся после Октября. Это есть уже один из основных элементов унификации.

Если даже, например, осетинский алфавит и расходится с НА, то все же это—алфавит, развившийся на основе латинского алфавита и потому он близок к НА. Огромное же большинство латинизированных алфавитов построено целиком на основе НА. Таким образом в деле унификации у нас также имеются огромные достижения. Если мы сравним это положение с тем, что имеется сейчас на Западе, то эти достижения, я думаю, предстанут нам еще более яркими.

Алфавиты Западной Европы являются полной противоположностью нашим установкам в области алфавитного строительства.

Чем характеризуются алфавиты Запада, в особенности алфавиты наиболее старых народностей Запада? Во-первых, тем, что там господствует древняя, исторически сложившаяся форма письменности и орфографии, и алфавит не всегда соответствует характеру языка, не всегда отражает его особенности. Возьмем хотя бы английский алфавит, французский алфавит; огромное большинство алфавитов, которые используются на Западе, не соответствуют характеру данного языка.

С другой стороны, у каждого народа имеются свои особенности орфографии. Так, например, в таких языках, как немецкий, голландский, шведский, норвежский, — языки, которые сравнительно близки между собой,—имеют такие алфавиты и орфографии, что, например, человек, знающий немецкий язык, не может правильно читать голландскую газету. То же самое и в отношении французской и итальянской орфографии и алфавитов. Они сохраняют алфавиты, не соответствующие характеру языка, они сохраняют национальную замкнутость и ограниченность в алфавитах.

В этом отношении наше алфавитное строительство принципиально отличается от алфавитного строительства на Западе, и это вытекает из совершенно иных задач и условий в стране диктатуры пролетариата, и в стране строящегося социализма.

Наше алфавитное строительство (и это тоже надо считать большим достижением) послужило толчком для латинизации алфавитов за рубежом. Непосредственно в связи с нашим алфавитным строительством, непосредственно в связи с нашей работой по унификации, идет работа по алфавитному строительству, по латинизации алфавитов монгольского и тувинского, причем здесь имеется связь не только стихийная. Тувинская и Монгольская республики сознательно приняли ту форму алфавита, которая была разработана у нас в Союзе. И в такой республике, как Турция, наше алфавитное строительство также послужило толчком к латинизации. Правда, латинизация турецкого алфавита поставлена на иных основах, это—латинизация прежде всего верхушечная.

Латинизация, как и все строительство национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, протекала и протекает у нас в условиях ожесточенной классовой борьбы. Обострение классовой борьбы сейчас, при развернутом наступлении по всему фронту на капиталистические элементы, не могло не отразиться и на этом участке нашего строительства. И здесь пришлось бороться на два фронта. Пришлось бороться в первую очередь с великорусским шовинизмом, причем дело шло не

только о том, что выразители великорусского шовинизма выступали против латинизации, выступали в защиту русского алфавита. Дело было сложнее; нередко великорусские шовинисты боролись против самого развития национальной письменности невеликорусских народов.

Нам пришлось преодолевать сопротивление и со стороны местного национализма. Вы знаете, что под видом защиты национальной культуры на местах часто отстаивали арабский алфавит. Вы знаете, что некоторые татарские ораторы на тюркологическом с'езде высказывались за арабский алфавит. И такое течение в пользу арабского алфавита имело место почти везде, причем арабизм прикрывался интернациональными лозунгами. Например, возражавшие против латинизации уйгурской и таджикской письменности выдвигали такое соображение, что таджики и уйгуры живут не только в пределах Союза ССР, но и за пределами Союза, и что, принимая латинизированную письменность, мы оторвем себя от зарубежных трудящихся, и этим самым так сказать ослабим возможность нашего культурного влияния на них и т. д. Такими доводами, казалось бы революционными, фактически прикрывались реакционные стремления оставить старый алфавит, а отсюда сохранить и влияние старой феодально-религиозной идеологии. Иногда открыто высказывалось мнение, что, мол, отмена старого алфавита оторвет нас от старых традиций. Другие, не ссылаясь на старые традиции, пытались прикрыть свою реакционную точку зрения, точку зрения буржуазии и феодальных элементов, революционными фразами. Но после принятия латинизации, после того, как латинизация охватила массы, местный национализм также переменил свою тактику. Латинизация — это тоже форма, и этой формой пытался воспользоваться наш враг, как он может попытаться воспользоваться любой формой—даже совхозами или колхозами.

Я могу вам привести пример из опыта Средней Азии, из опыта построения таджикского латинизированного алфавита. Пример— статья небезизвестного Фитрата о таджикском алфавите. Фитрат под видом защиты унификации писал, что таджикский и узбекский алфавиты должны быть совершенно идентичными, потому что во времена господства арабского алфавита таджикская и тюркская письменность и литература были едины. И это „историческое единство" мы должны, по его мнению, сохранить полностью и теперь (он имел в виду, вероятно, главным образом узбекскую письменность).

В чем же состояло это „единство"? Каждому ясно, что оно состояло не только в арабских буквах, но и в религии, в феодальном содержании всей этой культуры и письменности. И вот Фитрат хочет протащить под видом защиты латинизации эту свою панисламистскую точку зрения. Мы видим очень часто, что такие моменты играли роль в процессе алфавитного строительства. Например, в отношении тех народностей, которые раньше пользовались арабским алфавитом. В момент алфавитного строительства находились люди, которые отстаивали необходимость сохранения, перенесения всех правил арабской орфографии и на новую орфографию, на орфографию латинизированного алфавита, опять-таки исходя из того, что „в старое время" какое-нибудь

арабское слово писалось во всех этих языках одинаково. Как будто вопрос пустяковый. Но на самом деле под этим опять-таки таилось то же желание сохранить религиозную связь, хотя бы при новых условиях.

С другой стороны, мы имели противоположные стремления, особенно со стороны известной части национальной интеллигенции,—создать свой замкнутый алфавит и держаться за каждое отличие, как за известную особенность, делающую этот алфавит национальным алфавитом.

Интересны такие примеры, как написание печатных „α" и „g" у киргизов. Хотели обязательно писать печатные „α" и „g" курсивом. У туркмен имеется также интересная особенность: весь туркменский алфавит унифицирован, но как они пишут строчное „I"? У них строчное „L" соответствует заглавному—так по крайней мере было еще в прошлом году. Это представляет большое затруднение с точки зрения типографской техники. Эти отличия много вредили унификации. Для того, чтобы издать перевод „Вопросов ленинизма" Сталина в Ташкенте, приходилось запрашивать киргизский шрифт, хотя в киргизском алфавите как будто нет ни одной буквы, которой не было бы и в узбекском. И все это происходило из-за „g" и „α".

Я не знаю, имеют ли место такие курьезы на сегодняшний день, но летом 1932 г. они еще имели место.

С уклонами в сторону великорусского шовинизма и в сторону местного национализма пришлось решительно бороться, и только благодаря решительной борьбе с ними на основе генеральной линии партии и на основе ленинской национальной политики, мы имеем те достижения, которые в настоящее время можем констатировать. Но нельзя считать, что строительство алфавита у нас уже полностью закончено. Во-первых, целый ряд народностей у нас только еще приступил к латинизации алфавита. Возможно, что ряд этих народностей перейдут к унифицированному алфавиту. Во-вторых, у нас еще есть некоторые национальности, которые не имеют своей письменности, в частности на Севере. В Дагестане некоторые языки тоже не имеют своей письменности. Для них нужно создать новые алфавиты.

Надо отметить, что и в уже принятых алфавитах имеется ряд расхождений, которые по сути дела ничем не оправдываются. В настоящее время, когда основной задачей является уже не внедрение латинизации, во весь рост встает задача унификации, и эти расхождения являются ничем неоправданными и ненужными. Мы вступили в такой этап, когда вопросы унификации приобретают особенно большое значение, а между тем здесь мы имеем ряд недочетов и не только в отношении так называемых дополнительных букв, где разнобой очень велик.

Дополнительные буквы — это те буквы, которые не вошли в НТА первоначально. В отношении остальных букв имеется также расхождение, расхождение между монголо-бурятским алфавитом, с одной стороны, и НТА—с другой. Там мы имеем разное значение буквы „С" и „Ç" (в одном случае они значат „ч" и „дж" в другом „ц" и „с"), а в северных алфавитах имеет место другое расхождение, там „Ş" = „сь"; „ç" = „ць", а „z" — „дж". „дж".

В дополнительных буквах разнобой, повторяю, более значителен. Я приведу вам один любопытный пример, где этот разнобой легко было бы устранить, и только из-за плохой координации работы этот разнобой сохранился. Например в таджикско-еврейском языке имеем для „ай“ знак „ə“, а для „ч“ знак „h“, тогда как в Дагестане „h“—„ай“, „h“—„ч“.

Устранить этот разнобой было бы очень легко, тем более, что и самые языки — горско-еврейский и таджикско-еврейский в той или иной мере сходны.

Когда принимался шугнанский алфавит, в разработке которого мне пришлось принимать участие, мы действовали вслепую. Были известны многие алфавиты и мы старались выбирать такие знаки, которые имелись бы в других алфавитах. Но нам не было известно значение этих знаков. Так например, в каком нибудь дагестанском алфавите было „Є“ „ше“, мы его приняли за „це“. Это делалось не потому, что мы хотели внести какое-то новшество, а потому, что не было связи в нашей работе. Алфавиты могут быть сгруппированы по значению и форме букв в несколько групп, внутри которых будет меньше разнобоя,—например алфавиты, которые приближаются к НТА: это—алфавиты большинства крупных тюркских народов Средней Азии, хотя и здесь имеются расхождения. Известно, что в казакском алфавите, напр. значение „С“ и „Ç“ — не соответствует НТА.

Другая группа алфавитов — это алфавиты Севера, которые разрабатывались в организованном порядке и все одновременно. Там мы имеем расхождения с НТА в значениях „С“ „Ç“ и „Ş“. Все буквы с седилями имеют там значение мягких, а для шипящих приняты другие обозначения. Внутри этой группы—полная унификация. Мы имеем группу алфавитов монгольских—монголо-бурятский, калмыцкий. Туда же можно причислить дунганский язык, где также имеются те же буквы для „ц“ и „ч“; дагестанские алфавиты между собой в общем согласованы, хотя и там некоторые расхождения имеются. В алфавитах же Северного Кавказа, особенно богатых буквами, разнобой очень велик (абхазский, абазинский и другие).

В чем причины этого разнобоя?

1. Первая шкала унифицированного алфавита принималась, исходя из учета особенностей фонетики только главнейших тюркских народностей, а движение за латинизацию очень скоро охватило целый ряд народностей, в языках которых встретилась масса звуков, не предусмотренных в общем стандарте. Это надо учесть, и надо сказать, что в этом отношении некоторыми работниками ЦК НА тогда прямо проводилась пантюркистская неверная линия. Я говорю о Чебан-Заде, который считал, что нашей задачей является принятие единого литературного языка для тюрков, и именно исходя из этого нужно разрабатывать унифицированный алфавит. Эти люди протаскивали свою линию, и отпор им был дан с некоторым запозданием. Это надо отметить, ибо это имело влияние и на дальнейшее развитие алфавитного строительства. В частности, такой обычный, очень распространенный звук, как „ц“, в первоначальной шкале алфавита не получил для себя буквы, поэтому мы и

имеем расхождения с НТА в алфавитах монгольских и в алфавитах северных.

2. Возьмем так называемые дополнительные буквы (самое название уже характерно). Ведь дополнительные буквы—такие же нужные звуки для тех языков, где они встречаются, как и другие. В отношении их была дана такая установка, что они не подлежат унификации. Каждый народ их разрабатывает по своему усмотрению. Сама по себе эта установка является установкой на самотек, и она предполагала разнобой. Эта установка противоречит всему ходу алфавитного строительства, направленного к унификации. Нужно сказать, что руководство и лингвистическая теория у нас отставали от быстро растущих запросов практики, и местам пришлось действовать часто на свой риск и страх, причем часто даже запаздывало согласование уже принятых алфавитов. Мне, например, в этом году пришлось слышать, что уйгурский алфавит еще не значится в числе утвержденных ВЦК НА (Яковлев: „Значится"). То же самое шугнанский алфавит, на котором уже два года буквари издаются. Это свидетельствует об известном отставании.

Не была разработана шкала для этих, так называемых, дополнительных букв. Это значит, что даже если бы была установка на их унификацию, унифицировать было бы нельзя, не на что было бы ориентироваться. Ориентация же одной народности на другую, соседнюю, как раз и привела к тому, что у нас образовался не унифицированный алфавит, а алфавитные группы, которые иногда могли быть, а иногда и не быть унифицированными. Если бы у нас была такая шкала, по которой можно было бы ориентироваться при работе на местах, если бы была достаточная координация работы—этого не случилось бы. Я думаю, что нашей задачей является сейчас все эти недочеты исправить. Я совершенно не думаю, что мы сейчас должны в декретном порядке предложить всем принять какую-нибудь одну форму алфавита. Здесь еще надо много поработать, но я думаю, что установка наша должна итти на максимальную унификацию, чтобы сходные звуки обозначались во всех алфавитах одинаковыми буквами.

Говорилось о невозможности унификации: что значит унификация, когда каждый язык имеет свои произносительные особенности! Этого и не надо. Мы не языки унифицируем, а алфавиты. Во всяком случае, мы должны создать такие алфавиты, обучение которым было бы легко для всех, которые способствовали бы культурному сближению народов Союза ССР, а не являлись бы препятствием для него. Поэтому максимальная унификация, как в значении букв, так и в их форме, является для нас безусловной установкой.

Конечно мы должны принимать во внимание особенности каждого языка. Если, например, из каких-нибудь двух близких вариантов в данном языке имеется только один, то целесообразнее принимать для него более простой знак, простую букву. Например, когда персы принимают q вместо ɋ, то я думаю, что это правильно, потому что из этих двух вариантов у них имеется только один, и они принимают более простой знак.

Нужно сказать еще о том огромном неудобстве, которое представляет разнобой в буквах в полиграфической промыш-

ленности. Приходится готовить массу новых форм, совершенно ненужных и неудобных, с разными маленькими хвостиками и т. д.

Что надо сделать? Я думаю, что сейчас не нужно согласовывать один алфавит с другим. Надо принять радикальное решение, и в первую очередь разработать какую-то шкалу для тех дополнительных букв, которые не были предусмотрены первым проектом НТА. Если мы начнем согласовывать один алфавит с другим, то мы только закрепим дезунификацию. Принятием такой общей шкалы мы внесем изменения во все алфавиты, причем везде в одном направлении.

В отношении некоторых расхождений, которые имеют в настоящее время НТА, монгольский и северный алфавиты, я думаю, что сейчас, на данном пленуме, мы не сможем устранить эти расхождения в отношении „ц" и „ч". Но я не считаю, что мы в этом отношении не должны работать. На данном этапе это расхождение—допустимая вещь, но мы должны работать в направлении устранения этого расхождения. Затем, мы должны продвинуть дело унификации неунифицированных алфавитов, которые имеются на Северном Кавказе. Мы должны дать твердую установку, что при разработке новых алфавитов, последние должны строиться в расчете на полную унификацию. Если все же будут расхождения, то эти отступления необходимо будет производить из расчета сближения культурного и хозяйственного более близкими народами.

Я думаю, что мы должны придавать сейчас особенно большое значение делу унификации и разработки наиболее совершенной формы алфавитов. Мы в данном случае являемся пионерами, и наш опыт будет иметь колоссальное значение. Он будет иметь значение для всех народностей и за пределами Союза, в особенности на Востоке.

Мы должны чувствовать, что на нас лежит большая ответственность, и постараться разработать такую форму алфавита, которая не только была бы приемлемой, но могла бы послужить образцом как здесь, у нас, так и для других народностей, которые будут приступать к алфавитному строительству, культурному строительству, после того, как они у себя свергнут капитализм.

Поэтому я думаю, что вопросу унификации и разработки наиболее совершенной формы алфавита мы должны сейчас уделить большое внимание, как следует изучить опыт мест и добиться такого усовершенствования алфавитов, чтобы они могли явиться образцом для народов всего мира.

УНИФИКАЦИЯ ГОРСКИХ АЛФАВИТОВ

Т. СЕРДЮЧЕНКО (Северный Кавказ)

Товарищи, на основе четкого осуществления ленинской национальной политики, под твердым руководством коммунистической партии большевиков, в борьбе с уклонами к великодержавничеству и местному шовинизму, мы достигли громадных

успехов в развитии национальных по форме и социалистических по содержанию культур.

В культурном строительстве эти успехи особенно разительны. На краевом партийном совещании по просвещению, происходившем осенью прошлого года, был приведен целый ряд интересных сводок, характеризующих рост просвещения на Северном Кавказе. Вот некоторые цифры. Уже в 1931/32 уч. году такие национальные области Северного Кавказа, как Адыгея, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечня—ввели всеобуч. Первой ступенью дети охвачены полностью во всех автономных областях Северного Кавказа.

Интересно при этом обратить внимание на процент охвата девочек школой. По сводке к началу 1932 года в Адыгее из общего количества учащихся девочек было 51,5%, т. е. больше половины, в Черкесской Автономной Области—451,5, в Кабардино-Балкарской—50,95%, в Северо-Осетинской—95% и в Дагестане 45,55%.

Таким образом, все национальные автономии Северного Кавказа к текущему учебному году полностью охватили детей школой. Если обратить внимание на коренизацию обучения в школах Северного Кавказа и Дагестана, то укажем, что сейчас в начальной и средней школе проводится обучение на языках двадцати девяти народностей, учитывая Дагестанский народ.

Обучение на родном языке отдельных групп нацмен по данным 1932 г. характеризуется следующими цифрами: армян—70%, греков—74%, немцев—80%, калмыков—60%, татар—51%, горцев Северного Кавказа—80% и т. д.

Я не могу привести последних данных, но несомненно, в настоящее время этот процент еще возрос.

По подготовке кадров мы имеем такие цифры: на Северном Кавказе и Дагестане в настоящее время имеется 7 специальных национальных горских высших учебных заведений: Горский пединститут, Кабардино-Балкарский институт, открытый в 1932 г.; Северо-Осетинский, открытый в 1932 г., Дагестанский, открытый в 1931 г. Затем мы имеем Горский Сельскохозяйственный институт, и в 1932 г. открылся национальный Горский комвуз. Во всех национальных областях в 1932 году мы имели уже национальные научно-исследовательские институты, 9 научно-исслед. институтов имеют при себе аспирантуру. Таковы несомненные достижения в области просвещения национальностей, которые имеются на Северном Кавказе. Укажу еще цифры роста национальной прессы: около 20 национальных газет издаются сейчас на Северном Кавказе (здесь я не беру Дагестан).

Одним из основных и серьезнейших факторов, способствовавших расцвету национальной по форме, социалистической по содержанию культуры народов Сев. Кавказа и Дагестана являлось принятие национальными областями нового латинизированного алфавита. На основе НА осуществлены всеобуч и коренизация обучения; выросла печать, растет убыстренными темпами издание разного рода общественно-политической, популярной, художественной и другой литературы на родном языке.

Говоря очень кратко об истории введения латинизированного алфавита на Северном Кавказе, я напомню вам, что фактически за исключением осетин до Октября народности Северного Кавказа и Дагестана не имели своей письменности. Осетины имели письменность на основе русского алфавита. Затем были созданы также специальные буквари, учитывавшие особенности кабардинского языка. Но говорить о том, что эти буквари являлись основой создания национальной письменности—не приходится. Латинизированный алфавит начал развиваться на Северном Кавказе с 1932 года, когда был создан проект кабардино-ингушского и осетинского алфавитов. И первые шаги этих латинизированных алфавитов характеризуются тем же разнобоем, о котором сейчас подробно говорил тов. Дьяков.

Введение латинизированного алфавита в национальных областях края сопровождалось ожесточенной классовой борьбой, сопротивлением классовых врагов, буржуазных националистов, их ожесточенной борьбой против новой графики и за сохранение старой. Были факты, когда литература, напечатанная латинским шрифтом, сжигалась, когда учителя, являвшиеся в аулы обучать детей на основе латинской графики, избивались и изгонялись классовым врагом. Кроме открытой и скрытой работы классового врага против латинизированного алфавита, можно также привести целый ряд примеров великодержавности в новой латинской графике. Я хотел бы остановиться на примере известного профессора Алборова. Алборов в 1930 г. выпустил работу „История осетинской письменности". В этой работе Алборов доказывает, что новый латинизированный алфавит является собственно не революционным орудием в деле развития национальной письменности и расцвета национальных по форме культур, а реакционным, тормозящим развитие национальных культур.

Выступая по вопросу о проекте осетинского алфавита, Алборов заявлял, что он выступает в защиту письменности на латинской основе. Однако на деле он не защищал ее, а старался показать, как трудно изобразить 36 осетинских звуков. Подводя итоги применения латинской графики в Осетии, Алборов делает определенный вывод, что латинская графика затормозила развитие осетинской культуры. Я думаю, что подробно останавливаться на анализе взглядов Алборова нет смысла. Жизнь опрокинула его измышления. Тому порукой—колоссальный культурный рост на основе НА, о котором я говорил.

Дальнейшее развитие социализма в национальных республиках Северного Кавказа требует установления максимальной культурной и политической связи между трудящимися горских национальностей; в качестве одной из мер выдвигается унификация горских алфавитов. В настоящее время отсутствует унификация алфавитов близких по культуре народностей — например, адыгейского и кабардинского, чеченского и ингушского.

Характеризуя алфавитную работу на Северном Кавказе в настоящее время, я должен указать, что принятые сейчас в

национальных областях алфавиты, несмотря на их единую графическую основу, имеют серьезнейшие недочеты. Северный Кавказ в деле унификации отстал от целого ряда национальных республик и областей Советского союза. При построении алфавитов на Северном Кавказе далеко не всегда учитывалось дифтоническое состояние языков и поэтому при анализе существующих алфавитов, мы встречаем ряд серьезнейших недочетов. В алфавите чечено-ингушской языковой группы мы наталкиваемся, например, на вопиющие прорехи. Не говоря уже о том, что система обозначений чечено-ингушского вокализма совершенно извращается в передаче принятой графики, мы в чечено-ингушских языках не имеем специальных обозначений для дифтонических образцов. В результате „ия“ и „ио“ передаются знаками, служащими для обозначения простых гласных „у“, „о“, а как раз группа чечено-ингушского языка требует наличия специфических долгих и кратких гласных. Если взять чечено-ингушскую транскрипцию и отображение ее в чечено-ингушской графике, то в ней оказывается целый ряд прорывов.

Интересно, что первые попытки создания алфавитов чечено-ингушской языковой группы говорят о том, что эта работа проходила без достаточно серьезного учета фонематического строя данных языков.

Мне хотелось бы также обратить внимание на обозначение смычно-гортанных в северо-кавказских языках. До настоящего времени эти смычно-гортанные передаются при помощи двойных обозначений. В то же самое время этот „h“ в целом ряде языков принят в северо-кавказском языке для обозначения звуков придыхания. Если здесь должно быть обозначение смычно-гортанного взрыва, который имеет специальное обозначение через „у“, то казалось бы, для обозначения нужно брать не знак придыхания, а знак смычно-гортанного взрыва. Мы же видим во всех алфавитах передачу этого взрыва при помощи „h“. Именно „h“ был принят потому, что представлялось, что этот звук является придыхательным звуком. Услар считал, что этот звук является звуком с придыханием, об этом же говорят некоторые профессора-лингвисты. В частности, можно указать на работу Беляева о транскрипции, где прямо говорится, что для обозначения гортанно-придыхательного звука было принято двойное обозначение. Если мы в то же время возьмем современный адыгейский алфавит, то найдем там несколько совершенно лишних обозначений. В проекте унификации горских алфавитов уже сделана попытка из'ять такие лишние знаки, в частности знак „ф“. Голос: „Они его не употребляли“). Да, фактически они не употребляли этого знака, но буквари строились с этим знаком.

Теперь о карачаевском алфавите. Там был принят унифицированный алфавит раньше, чем в других областях, и там мы тоже находим целый ряд моментов, характеризующих недостаточное изучение фонетики и отсюда недостаточно четкое отображение фонетического строя в графике.

Отчет, составленный карачаевцами, анализировавшими на основе опыта в течение года применение латинского алфавита,

мог бы иллюстрировать самокритическое отношение самих карачаевцев к принятому алфавиту. Этот отчет говорит о наиболее рациональном построении алфавита и связи с унифицированным НА.

Таким образом, говоря о целом ряде алфавитов северо-кавказских народностей, мы можем указать на целый ряд недочетов, которые об'ясняются тем именно, что при построении алфавитов не было достаточно материала, характеризующего фонематический строй языков, что не были приняты во внимание особенности этих языков. Правда, нужно сказать, что в тот момент, когда строились алфавиты, не существовало еще работ, действительно научно характеризующих строй языков, и видимо использовалась наивная характеристика звукового строя, которая шла от Услара. Последний, как известно, характеризует дагестанские языки как „харкающие", „кашляющие" и грузинский—как „воркующий".

Что дело происходило именно так, показывают те работы по языку, которые до последнего времени появлялись в нацобластях края, и были посвящены характеристике фонематического строя того или иного языка.

В качестве недочета я хотел бы отметить также такой момент, что при обозначении, при передаче в алфавите тех или иных звуков, не учитывалась определенная система обозначения, продиктованная сущностью фонетических явлений.

В качестве примера можно привести то же обозначение взрыва при помощи значка „h", обычно используемого для передачи придыхания.

Если взять чисто внешние основы построения алфавита, то на Северном Кавказе мы имеем грандиозный разнобой, отсутствие двойных начертаний и оторванных от корпуса буквы знаков карачаевского, кабардинского и абазинского языков.

Проводя графический анализ, мы также встретим громадное количество недочетов. В частности имеется большое количество букв, сходных по обозначению, по своей графической форме, что затрудняет процесс чтения и письма. Для примера можно было бы привести звуки задненебные, перевернутую фиту и др.

Еще один момент, на котором следует остановиться, это о порядке букв в алфавите. Как ни странно, но в латинском алфавите, принятом для осетинского языка, еще в настоящее время сохранилась последовательность русского алфавита, даже в учебниках, изданных в 1932 г.

Последний момент—это неразрешенность вопроса об использовании заглавных букв, в частности в кабардинском и адыгейском языках.

Причиной, затормозившей унификацию алфавитов на Северном Кавказе, следует считать прежде всего недостаточное осознание рядом местных организаций и отдельных работников всей политической, культурной и производственно-экономической важности данного мероприятия.

Следовало бы, возможно, ограничиться сказанным. Но трудно пройти мимо одного факта, характеризующего отношение некоторых товарищей и даже организаций на Сев. Кавказе к вопросам унификации до конца 1932 г.

Чеченским научно-исследовательским институтом выпущена одна работа. Предисловие к ней написано директором Чеченского Института унификации алфавитов на Северном Кавказе. Здесь характеризуется работа Центрального Комитета НА, принципы построения НА и дается политическая оценка. Правда, все нападки направлены как будто на „реакционных, феодальных, буржуазных и миссионерских алфавитоносцев", в частности на проф. Яковлева. Но из предисловия становится ясным, что все это относится не только к проф. Яковлеву, но и к работе всего Центрального Комитета НА, потому что здесь характеризуется и оценивается не определенный проект построения алфавита, предложенный Яковлевым, или еще кем-либо, а опорочиваются основы, на которых строился НА вообще.

Конечно, с целым рядом моментов в работах проф. Яковлева мы согласиться не можем. Это говорилось уже не раз—устно и печатно. Но те обвинения, которые прямо адресуются проф. Яковлеву, направлены по существу против всего Центрального Комитета НА.

Наличие подобного отношения отдельных товарищей и даже организаций (Чеченского института—и директора, и ученого секретаря), указывает на определенное неблагополучие в разрешении вопроса унификации у нас на Северном Кавказе.

Второй причиной, затормозившей проведение унификации, является, несомненно, отсутствие твердого и четкого руководства в разрешении этого вопроса со стороны как краевой, так и центральной организации НА.

Следующая причина—недостаточный учет ряда особенностей сев. кавказских горских языков, при разработке горского унифицированного алфавита. В тех проектах алфавитов, которые вывешены на стене, мы можем отметить целый ряд моментов, характеризующих отсутствие передачи в алфавите фонематического строя того или иного языка.

Четвертая причина—неудачный и непоследовательный выбор многих знаков унифицированного алфавита, затрудняющий начальное обучение и замедляющий процесс чтения. Нужно также отметить, что передача смычно-гортанных построена неудачно. Например смычно-гортанное „ч" неизвестно почему передается при помощи особого знака. Этот же хвостик вдруг попадает в разряд гласных и используется для обозначения краткого „а". Ясно, что этот хвостик ставится недостаточно продуманно. И несомненно правы были товарищи, которые на Горской Краевой конференции указывали на полную беспринципность в применении этих хвостиков.

Пятый момент, который нужно отметить в качестве причины, затормозившей проведение унификации,—это отсутствие серьезной работы в области унифицированных алфавитов в связи с горским алфавитом.

Унификация горских алфавитов должна быть проведена на основе НА, что предполагает перенесение в унифицированный горский алфавит всех знаков НА, которые передают фонемы, существующие и в горских языках. Обозначение специфичных для горских языков Кавказа звуков должно быть унифициро-

вано в общегорском краевом алфавите, со включением Дагестана, причем звуки, специфичные только для одной из групп кавказских языков, унифицируются в пределах этой языковой группы.

Этот-то момент, который нам приходится отметить, приведет к тому, что проекты унифицированного алфавита придется в корне переработать, поскольку унифицированный алфавит, принятый в Дагестане, характеризуется иными внешне-графическими установками.

При унификации обозначения звуков, специфичных только для горских языков, должны быть обязательно учтены общие принципы построения НА.

Унификации горских алфавитов обязательно должно предшествовать дальнейшее изучение опыта применения латинизированного алфавита в национальных областях края, предварительная рационализация его в пределах отдельных языковых групп и широкое обсуждение алфавитной реформы на межобластных конференциях.

Какие вопросы должны быть решены на Горской конференции по унификации алфавита? Я считаю, что необходимо провести общую перестройку алфавита на основе принципов построения всесоюзного НА; унифицировать в масштабе Северного Кавказа и Дагестана обозначение специфических для горских языков звуков, в частности „смычно-гортанных", „шипящих и свистящих", спирантов типа „h" и мгновенных типа „к", долгих и кратких гласных; разрешить вопрос о заглавных буквах и их графических формах. Одновременно с рационализацией и унификацией алфавита нужно выработать конкретные системы орфографии для языков Северного Кавказа.

Подчеркиваем, что унификация горских алфавитов должна быть проведена в течение 1933 года.

В заключение я должен прямо сказать, что если и в дальнейшем будет иметь место отрыв работы от центральной организации, то работа затормозится. Нам нужна помощь всего Комитета НА и в лице отдельных специалистов по тем или иным языковым группам.

ТЕХНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УНИФИЦИРОВАННОГО НОВОГО АЛФАВИТА

ПРОФ. В. А. АРТЕМОВА. (Институт Психологии, Психотехники и Педологии, Москва).

В отпущенное мне время очень трудно достаточно исчерпывающе уложить тему моего доклада.

Технографический анализ суммарных букв нового алфавита является чрезвычайно сложной проблемой, стыком многих наук. Этот вопрос не может быть решен только одним языкознанием. Очевидно, на помощь языкознанию должны притти здесь такие науки, как психология, педагогика, искусствознание и

полиграфическое дело. Тема моего доклада чрезвычайно сложна уже по этим соображениям.

Вместе с тем технографический анализ суммарных букв нового алфавита исключительно сложен и важен еще и потому, что здесь мы сталкиваемся с проблемой репрезентации фонематического состава языка в графике. Если академик Марр в своем докладе указал на то, что следует говорить не о „письменности и языке", а о „письменности-языке", то тем самым он хотел подчеркнуть, что письменность и язык находятся в их историческом развитии в состоянии взаимо-обслуживающего взаимодействия.

Мне хотелось бы указать на то, что вопрос о графике и фонематическом составе языка имеет в этом смысле известную аналогию. Графическая форма букв алфавита является не случайным моментом, сопровождающим фонематический состав языка, а моментом, выражающим этот состав. Причем в историческом развитии графики алфавита его так сказать графемы оказывают действие на фонематичсский состав языка, сами из него вытекая.

Я могу за недостатком времени ограничиться только некоторыми тезисообразными положениями.

Прошу вас иметь в виду, что доклад мой является результатом довольно продолжительной работы, которая была проведена в Технографической комиссии под руководством проф. Н. Ф. Яковлева и в которой принимали участие несколько научно-исследовательских Институтов и специалисты различных дисциплин. В отношении полиграфической и лингвистической стороны вопроса мы имели в Технографической комиссии специальный доклад А. А. Реформатского—научного сотрудника Института Полиграфиздательской промышленности ОГИЗ'а. Графическая сторона была разработана художником-графиком Н. И. Писаревым. Вопрос о письменных буквах нового алфавита был разработан заведующим Педологическим сектором Института психологии, педологии и психотехники М. П. Феофановым.

Что касается вопроса о восприятии и удобочитаемости суммарных букв нового алфавита, то он был проработан мною лично и той Лабораторией, которой я руковожу в Институте психологии, педологии и психотехники,—Лабораторией по оформлению книги.

Поэтому прошу иметь в виду, что хотя мое сообщение и будет тезисообразным, но за этими тезисами всегда скрывается соответствующий детальный анализ тех фактов, о которых идет речь.

Мне хотелось бы указать еще и на то, что даваемый нами анализ является предварительным, неокончательным, требующим дальнейших экспериментальных исследований.

Когда мы подходим к новому алфавиту в целях его технографического анализа, мы не должны забывать, что новый алфавит, как и всякий другой, является как средством чтения, так и средством письма. Далее не следует забывать, что в развитии человека как чтение, так и письмо проходят две стадии: стадию обучения и стадию пользования приобретенным навы-

ком. Поэтому если бы мы, подходя к технографическому анализу нового алфавита, взяли за показатель его оформленности только чтение—восприятие его грамотным человеком, то это была бы совершенно недостаточная точка зрения. Вот первая предпосылка нашей работы.

Следующей нашей предпосылкой было положение, что на данной стадии разработки вопроса мы имеем в качестве образца, с которым мы должны сравнивать оформление нового алфавита—основной латинский алфавит. В области моей науки—психологии—такой образец обычно называется нормой. Вот такой нормой оформления нового алфавита и является оформление букв основного латинского алфавита.

В технографическом анализе суммарных букв нового алфавита следует различать следующие пять тесно между собою связанных моментов:

1. Полиграфическое оформление букв НА—экономическая и производственная точка зрения на графику НА.

2. Графическое оформление букв НА—так сказать, искусствоведческая точка зрения.

3. Оформление букв НА—как об'екта восприятия при чтении печатного и рукописного текста. Это точка зрения преимущественно психологическая, хоть в этом вопросе известную роль играет и педагогика.

4. Оформление букв НА, как средства письма—преимущественно педагогическая точка зрения, в которую психология вносит свои коррективы.

5. Пятая точка зрения—языковедческая—оформление букв НА, как выразителя фонематического состава языка.

Из изложенного видно, насколько проблема, которая стоит перед нами, действительно сложна и комплексна. И поэтому, если бы вы думали, что Технографическая комиссия, которая начала существовать с июня 1932 г., в состоянии дать уже вполне исчерпывающий анализ проблемы, то конечно вы пред'явили бы к этой комиссии совершенно непосильное требование. Тем более это требование было бы неосновательно, что целый ряд вопросов технографического анализа букв НА решается только экспериментальным путем. Например, вопрос о седиле, о том, какую он должен иметь форму, какую занимать позицию и как соотноситься в своей пропорции к основному знаку,—этот вопрос может быть решен только экспериментальным путем, что и проделывается сейчас нами в Институте психологии. Совершенно естественно, что Технографическая комиссия должна была избрать в решении поставленного ей вопроса путь предварительного теоретического анализа букв НА с указанных точек зрения, в целях, во-первых, выделения тех из них, которые являются удовлетворительными и поэтому могут быть оставлены при унификации НА, во-вторых, указания тех букв, которые нуждаются в усовершенствовании и после усовершенствования могут быть оставлены в НА, и в-третьих, выделения тех знаков, которые настолько неудовлетворительны, что сейчас же требуют замены их другими знаками. Разумеется, меня не следует понимать в том смысле, что после этого же заседания в течение двух часов они должны быть заменены другими буквами,

но они должны быть признаны за негодные, дабы сейчас же организовать экспериментальную работу для замены их более совершенными знаками.

Когда мы подходим к технографическому оформлению букв НА с полиграфической точки зрения, то здесь мы должны иметь в виду следующее:

1. Мы должны следить за тем, чтобы очко буквы никогда не выходило за пределы торца литеры. Если возьмем, допустим „e" долгое прописное, то совершенно ясно, что у этой литеры очко выходит за пределы торца литеры. Это совершенно недопустимо с полиграфической точки зрения.

2. Недопустимо расширение литеры диакритическими знаками. Например, расширение „D" горизонтальным знаком. Это с полиграфической точки зрения нецелесообразно.

3. Буква по своему начертанию должна быть цельной. Недопустима раздельная диакритика, особенно верхняя, тем более точечная: „ä". Это является совершенно недопустимым с полиграфической точки зрения. Я разумею под полиграфической точкой зрения точку зрения, связанную с процессами изготовления литер, печатания, репродукции, изготовления матриц и т. п. Во всех этих процессах раздельная диакритика нежелательна, неэкономична.

4. Нежелательны также слишком тонкие волосяные линии, острые углы между литерами и перекрест больше чем двух линий. Всему этому особенно не удовлетворяет знак перечеркнутого посередине „x", в котором мы имеем и перекрест больше, чем двух линий, и очень тонкую правую линию, и острые углы в перекресте линий.

5. Недопустимо также применение подключин, как подставных знаков, не на полный кегль. Если нижняя диакритика идет за торец литеры, то приходится приделывать соответствующую подключину, что стоит очень дорого и в процессе пользования буква слишком быстро портится,—отламывается подключина.

6. Совершенно очевидно, что полиграфическая промышленность пред'являет к оформлению букв НА также и то требование, чтобы общее количество знаков было возможно меньшим, возможно более экономным в каждом конкретном алфавите.

7. Наконец полиграфическая промышленность предостерегает нас от двух или многобуквенных обозначений типа немецкого „sch". Сочетания такого типа недопустимы потому, что пространство, которое занимает многобуквенное обозначение, черезчур велико, и с точки зрения экономики полиграфического производства это совершенно нерационально.

Переходя к графическим критериям технографического анализа букв НА, я должен указать на следующие правила:

1. Каждый знак должен быть индивидуально отличим от всякого другого знака.

2. Каждый знак должен иметь простоту начертания.

3. Необходимо, чтобы отдельные штрихи в букве не были излишне измельчены. Когда, например, взяли основное латинское прописное „B" и из него построили „в" строчное, то полу-

чилось, что в малых кеглях (величинах буквы) эта буква в своих частях настолько измельчалась, что с графической точки зрения это стало недопустимым.

4. Четвертым правилом графики является стройность графического чередования букв в тексте. Часть букв всякого латинизированнного алфавита приближается к букве типа „1", другая их часть стоит ближе к букве типа „0". Первые буквы как бы вдавлены в бумагу, вторые как бы выступают из нее. Первые буквы обладают очень малой предметностью, вторые вполне вещественны. Необходимо, чтобы в тексте те и другие буквы стройно чередовались.

5. Алфавит должен быть также увязан признаком общей конструкции и признаками общего стиля, т. е. тем, что мы называем в области полиграфического дела гарнитурой (гарнитура—как стиль рисунка). Может быть гарнитура латинская, принятая в НА, может быть гарнитура шестая, рубленая (гротесковая) и т. д.

Разрешите перейти к тем требованиям, которые пред'являет нам п с и х о л о г и я в отношении техногрaфического оформления суммарных букв нового алфавита. Здесь мы сталкиваемся со следующими положениями.

1. Прежде всего необходима однотипность графического выражения звука и его модификаций. Когда мы рассматриваем буквы, как об'ект чтения, как об'ект восприятия при печатном и рукописном тексте одинаково, необходимо, чтобы всегда было дано однотипное графическое выражение звука и его модификаций, что особенно важно в процессе обучения чтению и письму. Если, например, мягкость будет выражаться различными принципами в графическом отношении, то это чрезвычайно затруднит обучение чтению и письму. Латинский алфавит в основном построен на модификации кружочка и палочки. Однако в нем есть и более сложные случаи, например, s—z, где дан очень сложный принцип графического изображения модификации звука. С точки зрения восприятия z есть перевернутое s в зеркальном изображении и модифицированное (дано не округлыми, а угловатыми линиями). Такая сложность графического выражения модификации звуков очень затрудняет процесс обучения чтению и письму. При этом оказывается, что чем менее различима в восприятии модификация графики и чем она менее однотипна, тем этот процесс более затруднен.

2. Во-вторых, психология говорит нам о необходимости такой графической организованности отдельных букв алфавита, которая способствовала бы наиболее быстрому, легкому и безошибочному их восприятию. Здесь наибольшую роль играет отличаемость одной буквы от другой, простота и ясность контура, степень выступания из фона бумаги и отношение к другим рядом стоящим буквам в смысле удобочитаемости.

Здесь я мог сослаться не на один десяток, может быть не на одну сотню экспериментальных исследований в области психологии восприятия[1], из которых мы видим, что об'ект вос-

[1] См., например, сводку литературы у F. Sander. Experimentelle Ergebnisse der Gestaltpsychologie. Iena, 1928.

принимается наилучшим путем тогда, когда он наилучше выражен в индивидуальном отношении, т. е. не смешивается ни с каким другим об'ектом. Среди букв наибольшей индивидуальной выраженностью обладает „а". Лучше воспринимается буква, наиболее выступающая из фона бумаги. Возьмем букву „о" Это — прекрасная в этом смысле буква,—ее плоскость отчетливо выступает из фона бумаги. Если вы издали посмотрите на большое „0" и я спрошу вас, на сколько миллиметров выступают эти буквы из фона бумаги, то вы ответите: на один-два миллиметра. Вместе с тем большую роль в восприятии букв играет простота и ясность их контура, также способствующая отчетливому выделению букв из фона бумаги.

Наконец, в восприятии букв большую роль играет и то, как каждая буква относится к предшествующей и следующей за ней букве. Если вы имеете прописное „Н", то оно при положении рядом с прописным „В" или „L" (HB, HL) дает неудобочитаемые сочетания, особенно если эти буквы помещены близко одна к другой, как это дано на демонстрируемой здесь таблице. Обе буквы как бы распадаются на части и возникает нечто средне-расположенное между ними. Вместе с тем, всякая круглая буква (типа О) наиболее способствует удобочитаемым сочетаниям с соседней буквой.

3. Психология говорит также о том, что чтение, как чтение связное, необходимо требует, чтобы алфавит, как система букв, сам по себе был расчленен. Это в наибольшей степени зависит от наличия и частоты встречаемости выступающих и невыступающих из строки букв.

4. Наконец психология указывает на то, что напластование зрительных образов букв в их последовательном восприятии при чтении должно подчиняться определенной закономерности. Не должно быть утомляющей глаз шаблонности графического изображения букв. Представьте себе, что в каждой букве был бы элемент „о" одной и той же величины, занимая всегда одну и ту же позицию. Это явно вело бы к утомлению глаза и не способствовало бы чтению, а затрудняло бы его.

Перехожу к вопросу о том, что требует от нас педагогика, когда она имеет дело с новыми алфавитами, как средством письма.

1. Современная педагогика говорит нам, во-первых, о том, что наибольшую роль при обучении письму и пользовании им играет связность, безотрывность, плавность письма.

2. Большое значение имеет легкость и быстрота начертания отдельных букв, штрихов в букве, так и для начертания отдельных букв в целом слове.

3. При этом легкость и быстрота начертания букв определяется:

а) числом штрихов,

б) числом отрывов от бумаги,

в) направлением штрихов,

г) выходом штрихов за строчку,

д) удобством штриха для установления связи с соседними буквами.

Наиболее несовершенной буквой с такой точки зрения является шугнанское „5°".

Известную роль в определении удобства письма играют вопросы физиологии и анатомии руки. Эти вопросы не столь существенны, когда мы ставим вопросы, имеющие колоссальное политическое значение, но совершенно не учесть их нельзя. Учет того, насколько движение руки при письме соответствует анатомическому строению руки и законам ее движения, чрезвычайно важен. Необходимо стремиться к наиболее свойственным человеческой руке движениям, выбирая ту или иную форму для письменных знаков НА.

Лингвистические критерии технографического анализа букв НА очень подробно были развиты целым рядом товарищей, выступавших здесь с докладами, в частности т. т. Дьяковым и Сердюченко. Поэтому мне остается, может быть, только привести эти положения в систему, необходимую в плане моего доклада, как доклада о технографическом анализе суммарных букв НА.

1. Первое положение: алфавит должен целостно и органически отражать структуру языка и, в первую очередь, его фонематический состав. Пожалуй, здесь еще не указали на то, что при этом следует избегать как излишних знаков, так и недостаточного отражения числа фонем в этих графических знаках с учетом удобочитаемости, полиграфического удобства и экономности.

2. Во-вторых, недопустимы тождественные и сходные знаки для выражения звуков разного типа и разные знаки для выражения звуков общего типа, например, парных фонем.

3. В третьих, недопустимы двухбуквенные обозначения. Каждая качественно своеобразная единица алфавита должна иметь единый целостный знак.

4. Наконец, наиболее часто встречающиеся фонемы должны выражаться более простыми знаками, а для более редко встречающихся фонем можно допустить более сложные знаки. Данный пункт требует приспособления НА к особенностям каждого отдельного языка.

На основании изложенных положений в комиссии был произведен технографический анализ суммарных букв НА. В качестве общих выводов из анализа технографического оформления букв НА, по сравнению с буквами основного латинского алфавита, следуют два вывода:

1. Первый вывод указывает, что те буквы, которые введены Комитетом НА в дополнение к основным латинским,—так называемые, вновь введенные или дополнительные буквы, эти буквы в общем построены на тех же принципах, что и буквы основного латинского алфавита. Следовательно, товарищи как в центре, так и на местах, в этом отношении в общем шли по правильному пути и результат их работы с нашей точки зрения удовлетворительный.

2. Однако, вследствие того, что число знаков основного латинского алфавита ограничено (всего 25 пар, а в суммарном новом алфавите мы имеем 96 пар), пришлось во имя сохранения принципиальных положений основного латинского алфа-

вита, пойти преимущественно по пути модификации основных знаков и лишь отчасти—по пути введения новых знаков. Оказалось, что такая модификация не всегда была достаточно удовлетворительной. Основными недостатками технографического оформления суммарных букв нового алфавита необходимо считать следующие:

а) Несоблюдение в некоторых знаках полиграфических требований и отсутствие полиграфической унификации в одних и тех же буквах в разных алфавитах.

б) Несовершенство графического выражения отдельных букв.

в) Меньшая индивидуальная выраженность и отличимость отдельных букв.

г) Большая трудность начертания и меньшая удобочитаемость письменных знаков как отдельных, так и в текстах.

д) Недостаточное соблюдение лингвистических предпосылок оформления.

Практическим результатом теоретического анализа букв НА явилось разделение их по следующим четырем категориям (строчные и прописные буквы отдельно).

А. Строчные буквы

I группа—буквы основного латинского алфавита, являющиеся образцом оформления дополнительных букв:

a b c ç d e f g h i j k l m n o p q r s t u v w x y z

всего 27 букв.

II группа—вновь введенные буквы, удовлетворительные по своему технографическому оформлению:

ḅ ḍ ə đ ḥ ħ ɥ ḳ ʟ ɩ ṃ ṇ ŋ ṛ ṣ ṭ ɣ ẓ ƶ ʒ ƀ

всего 21 буква.

III группа—вновь введенные буквы, технографическое оформление которых требует улучшения, но которые при улучшении могут остаться в НА:

ä ā в є ē ē ə̄ ɬ ɱ ɦ ɥ ī ɟ ɫ o ɵ ö ṗ ṕ
q ɾ s ʃ ƀ ƿ ṗ ū ẋ ϰ з ʒ ƀ ɸ ɸ ʅ ʇ ƶ

всего 38 букв.

IV группа—вновь введенные буквы, неудовлетворительные по своему технографическому оформлению:

ɛ ə́ ġ ɠ ɱ ɪ ɩ ɤ ʅ а также ʼ ʽ

всего 10 букв и 2 апострофа.

Б. Прописные буквы

Одинаковы по категориям со строчными, за исключением:

II группа— всего 6 букв

III группа— всего 5 букв

IV группа— всего 1 б.

Выводы теоретического анализа и разнесение букв по группам, повторяю, разумеется требуют подтверждения экспериментальными данными (преимущественно психологическими) и нуждаются в проверке на практике полиграфического и школьного дела, применительно к телеграфу, стенографии, машинописи и т. п. Все это должно составить второй период работы технографической комиссии ВЦК НА по изложенному в этих тезисах вопросу.

ПРЕНИЯ

АШХАМАФ. (Краснодар). Основной докладчик по унификации алфавитов сегодня остановился главным образом на недостатках, которые имеются в унифицированном тюркском алфавите. Я согласен с тем, что докладчик подчеркнул именно, что впервые вопрос об унификации обсуждался в связи с унификацией тюркского алфавита. Поэтому северо-кавказские языки, которые во многом отличаются от тюркских языков, остались вне обсуждения при установлении принципов создания системы унифицированного алфавита. На северо-кавказской конференции в 1931 г. все представители национальных областей Северного Кавказа особенно подчеркивали это и не соглашались с тем, что можно принять целиком ново-тюркский алфавит. Между тем, они приняли все те знаки, которые могут быть использованы для северо-кавказских языков, но настаивали на том, что для северо-кавказских языков, которые требуют от 45 до 48—50 знаков, нужна особая система, особые принципы. Когда по этому вопросу я выступал на конференции, то некоторые представители (я даже могу назвать представителя ВЦК НА проф. Яковлева) меня обвиняли в том, что я выступаю против ново-тюркского алфавита. На конференции против ново-тюркского алфавита никто не выступал, но говорили, что для северо-кавказских языков может быть установлен ряд дополнительных знаков. Это правильно, и я думаю, что при унификации северо-кавказских алфавитов относительно дополнительных знаков нужно установить совершенно иной принцип. Я имею в виду сейчас указать на то, что эти принципы могут быть разные: например, есть двойные начертания, которые отсутствуют в новом тюркском алфавите.

Докладчик отметил, что унификация алфавитов, в особенности на Северном Кавказе, проводилась неорганизованно. Возьмем такой пример, что если вопрос об унификации стоял в 1929 г., даже еще в 1927 г., то проведение унифицированного алфавита, недостаточно при этом разработанного, было приурочено к проведению такой большой работы, как ликвидация неграмотности в национальных областях. В процессе этой работы национальным областям предложено было перейти на унифицированный алфавит. К тому же краевой комитет нового алфавита присылает в национальные области совершенно безграмотно составленную таблицу к которой поставлена печать краевого исполкома. Пришлось некоторым областям посылать своих представителей в Ростов, чтобы убедить краевой комитет НА, что вопрос перехода на унифицированный алфавит является очень серьезным и что к разрешению этого вопроса нужно подойти со всей тщательностью (Коркмасов: когда это было?). Это было летом 1330 г., были проведены специальные областные конференции по унификации алфавитов, а краевая конференция состоялась весной 1931 г., причем на этой краевой конференции не было представителя Кабарды и Чечни. На унифицированный алфавит, выработанный для северо-кавказских языков, перешли только кабардинцы, при чем как перешли? В 1930 г., до созыва краевой конференции, кабардинцы провели унифицированный алфавит, руководствуясь знаменитой таблицей краевого комитета НА. И что же вышло? Вышло то, что кабардинцы отказались внести изменения, которые были выработаны на краевой конференции. До принятия этого унифицированного алфавита в 1930 г. кабардинцы приняли унифицированный алфавит.

Теперь перед нами встает вопрос о том, что в национальных областях Северного Кавказа перед переходом на унифицированный алфавит нужно провести серьезную подготовительную работу. В национальных областях Северного Кавказа проделана очень большая работа по проведению всеобуча, по ликвидации неграмотности, в области развития национальной литературы и т. д., поэтому перейти на унифицированный алфавит без предварительной работы будет очень трудно.

ЛАЙХТЕР (Инструктор ВЦК НА). В своем выступлении по докладу т. Коркмасова я постарался изложить те принципиальные вопросы, без предварительного разрешения, которых строительство алфавитов остается делом неосмысленным, случайным и кустарным. Мне не была дана возможность изложить все то, что я имел по этому поводу сказать. В ответ на мою критику, по-моему, вполне справедливую и проникнутую стремлением помочь Научному Совету поднять дело алфавитного строительства на должную принципиальную высоту, связать с техникой, с производством,—последовали лишь окрики, ничего не опровергающие, никого не убеждающие в том, что у нас не хотят заняться действительно коренными, самыми актуальными вопросами алфавитного строительства.

Напомню те вопросы, которые нужно решить прежде, чем приступать к построению алфавита.

I. Какими соображениями нужно прежде всего руководиться при построении алфавита: лингвистическими, или технико-производственными, или педагогическими?

Поскольку всем требованиям удовлетворить нельзя, то такие из приведенных трех главных моментов являются решающими?

Если исходить из соображений лингвистики и последней отдать предпочтение и решающее слово, то следует прежде всего решить:

а) нужно ли ориентироваться на состояние языка на данный, сегодняшний день (который тут же становится вчерашним), т. е. нужно ли иметь в виду буквальное выражение только тех фонем, которые мы находим в данном языке в момент составления для него алфавита, или б) нужно учитывать происходящую уже сегодня и неизбежно последующую в ближайшие же годы ломку фонетического строя данного языка под влиянием проникновения интернациональных терминов и влиянием соседних языков, т. е. заранее включить в состав алфавита ряд латинских букв для выражения таких звуков, которые еще только входят или должны будут войти в состав данного языка (как это было сделано например в Якутии, где было принято семь запасных букв для интернациональных слов). Наконец, желательно или нежелательно стремиться к сокращению числа букв в алфавите сравнительно с числом фонем, путем ли использования наличия или отсутствия парности определенных согласных, путем ли символизации мягкости предшествующих согласных посредством специального знака мягкости или условного выражения последующей гласной и т. д.

II. Если исходить из соображений техники и последней отдать предпочтение и решающее слово, то на какой именно род техники ориентироваться?

а) телеграфию, притом типа Морзе или же букво-печатающей передачи,

б) или полиграфию, притом на какую именно форму: низшую—с ручным набором, или высшую—с машинным набором,

в) или дактилотипию (пишущая машина),

г) особенно важно определить, какая именно форма связи с техникой необходима с точки зрения обороны страны. Из изложенного вытекает вопрос о техническом стандарте и предельном количестве букв, допустимом в алфавите.

III. Наконец, если исходить из соображений педагогики, то следует прежде всего решить:

а) Нужно ли исходить из интересов первоначального обучения грамоте,

б) нужно ли исходить из интересов образования на высших его ступенях,

в) нужно ли исходить из интересов письма, или из интересов чтения.

IV. Наконец, мы обязаны быть бдительными к возможному вредительству в деле алфавитного строительства и постараться уяснить себе, какая же линия в этом деле была бы выгодна вредителям.

Указанными вопросами, вероятно, не исчерпываются все вопросы, которые нужно поставить и решить для того, чтобы осветить дальнейший путь алфавитного строительства. Думаю, что товарищи дополнят этот список вопросов.

Теперь я изложу пленуму свою точку зрения на все эти вопросы.

1. Я считаю, что в алфавитном строительстве, происходящем в эпоху машинной техники, решающее слово принадлежит технике, а не лингвистике. Если это не так, пусть это будет документально зафиксировано.

2. Соображения лингвистики и педагогики играют в алфавитном строительстве подчиненную роль, а именно:

а) лингвистика определяет тип, структуру алфавитов;

б) педагогика и соображения письма и чтения определяют ту или иную модификацию букв алфавита, допустимую условиями техники.

3. В отношении количества букв в каждом данном алфавите решающим моментом являются те возможности и те пределы, которые ставит полиграфическое производство в его высшей форме—форме машинного набора. При этом следует иметь в виду то, что эти пределы могут быть расширены путем отхода в соответствующих изданиях (но отнюдь не в алфавите) от применения заглавных букв.

4. В отношении разнообразия форм букв алфавита решающим моментом являются те возможности и те пределы, которые ставит современный телеграф, именно Морзе (если только Морзе не ликвидируется там, где вводится букво печатающая передача). Ошибочно полагать, что возможности передачи на Морзе безграничны. Они безграничны технически, но весьма ограничены организационно, т. к. с введением новых знаков требуется обучение или переобучение кадров телеграфистов во всем Союзе. В то же время не следует отказываться от известного преодоления тех пределов, которые ставит современная буквопечатающая телеграфная передача, преодоления не только путем дополнительного включения в аппараты некоторых букв для передачи полного состава „яналифа“, но и путем выработки для массового употребления специального телеграфного варианта для каждого данного алфавита, который не может быть обслужен буквопечатающим аппаратом.

Следует дать решительный отпор всем, кто считает, что национальности могут не пользоваться телеграфом на родном языке, и заклеймить такую точку зрения, как великодержавническую и ослабляющую нас в отношении связи в военное время.

5. Из изложенного вытекает, что алфавит не может быть безграничным по количеству букв, наоборот, он имеет строго определенные пределы. Выход за пределы, которые ставит техника, делает алфавит неприменимым к технике. Это наносит крупный вред социалистическому строительству и может быть выгодно только врагам пролетариата.

6. Из того, что алфавит имеет пределы и в отношении количества букв и в отношении их формы, вытекает негодность

универсального применения положения, гласящего: „каждой отдельной фонеме свой отдельный знак". Универсальное применение указанного положения требует предположения, что количество фонем в языках Союза, переходящих на НА, не превышает технического предела алфавита по количеству и по форме букв. Это противоречит действительности. Достаточно сказать, что последовательное проведение этого принципа в китайском алфавите потребовало применения 10—11 таких букв, которых нет в составе т. н. дополнительных букв НА. Следовательно универсальное применение положения: „каждой фонеме свой отдельный знак", являющееся результатом отрыва алфавитного творчества от техники, может быть выгодно только врагам пролетариата.

7. Исходя из того, что интересы алфавита, интересы создания самой широкой полиграфической базы для национальной письменности, интересы обеспечения возможности, в случае войны, перехода подготовки и выпуска изданий из пункта в пункт, требуют сокращения числа букв, даже сравнительно с имеющимся техническим пределом, следует поощрять применение различных сократительных приемов, как символизация мягкости согласных и т. д.

8. Обращаясь к лингвистической стороне построения алфавита, следует придерживаться при выработке алфавита для каждого данного языка включения в него всех букв основного латинского алфавита, независимо от того, насколько далеко зашел в данный день неизбежный процесс проникновения в язык синем, характерных для интернациональных слов. Исходя из того, что фонетический строй языков меняется в результате общения, следует принять, как ведущий принцип, подчинение орфографии заимствуемых интернациональных слов фонетическим законам того языка, из которого слово заимствуется, а не наоборот.

9. Обращаясь к педагогической стороне построения алфавита, следует отдать предпочтение интересам обучения на первоначальных ступенях, отдать предпочтение чтению перед интересами письма. Из этого следует и соответствующее графическое оформление букв и ориентировка на расположение отличительных знаков в верхней, а не в нижней части букв.

10. Учитывая, что процесс создания алфавитов происходил без учета указанных вопросов, т. е. происходил стихийно, следует считаться с наличием ряда вошедших в жизнь алфавитов, неприменимых ни к телеграфу, ни к машинному набору. С этим приходится считаться как с фактом. ВЦК НА и его НС должны принять самые энергичные меры к тому, чтобы изыскать способы подведения под указанные алфавиты технической базы, теперь же следует немедля создать для подобных алфавитов их телеграфные варианты и согласиться с тем, чтобы в части изданий, которые могут выпускаться на базе машинного набора, было прибегнуто к письму без заглавных букв.

В отношении всех вновь создаваемых алфавитов следует самым строгим образом придерживаться предварительного согласования алфавита с техникой. Обращаясь к содокладу технографической комиссии, нужно подчеркнуть, что в докладе не

учтена применимость алфавитов к телеграфу и к машинному набору. Произведенный анализ НА касается только графической, зрительной, потребительской стороны алфавита, а не его производственной стороны. Этим содоклад комиссии обесценивается. При оценке паровоза надо начинать с его двитателя, а не с формы трубы. Поэтому вывод комиссии о „неэкономности" двухбуквенного выражения фонемы, плоский сам по себе, не имеет под собой никаких оснований.

Разрешите возвратиться к вопросу о выражении фонемы одной буквой. Подобный принцип не опубликован, как постановление, ни в одном из оффициальных документов, изданных ВЦК НА. И хотя этот принцип до сих пор был принят, если не де-юре, то де-факто, то все же он проводился в жизнь непоследовательно. Так, для долгих гласных в ряде алфавитов введено употребление 2 раза подряд одной и той же гласной буквы и т. д.

Это является ответом тем т. т., которые не признают того факта, что построение новых алфавитов протекало без установленных принципов, не считая 33 букв яналифа и того, что имело отношение только к переходу от арабского алфавита (непропуск гласных), но могло не иметь отношения ко всем другим случаям.

ЖИРКОВ (Научный работник ВЦК НА). В унификации алфавитов и во всей нашей работе в этом направлении наиболее трудной является унификация алфавитов Северного Кавказа. Здесь нужно быть очень осторожными, особенно в виду того, что там алфавиты уже менялись по нескольку раз, и это не может способствовать дальнейшему укреплению навыков быстрого чтения.

Я сам, работая преподавателем в группе аварцев в КУТВ'е, испытывал их (а у них латинский алфавит менялся только один раз) чтение сравнительно с русским чтением, и оказывается, что они все безусловно читают по-русски все-таки быстрее, чем на родном языке. Это показывает, что, с одной стороны, они мало читают на своем родном языке, потому что сравнительно мало литературы, и с другой стороны, это говорит за то, что в перемене алфавита надо быть осторожными. Тов. Агамалы-Оглы провел унификацию азербайджанского алфавита чрезвычайно обдуманно, наметив отдельные этапы. И нам нужно также наметить этапы, через которые можно безболезненно привести народы Северного Кавказа к унифицированному алфавиту. Унификацию на Кавказе, конечно, более трудно провести, чем в Азербайджане, потому что звуков здесь гораздо больше, но эта задача не безнадежная и требует лишь тщательного изучения каждого алфавита в отдельности. Эта работа может быть проделана только при большом участии работников мест. От работников на местах нужно ожидать, чтобы они искренно стремились к этой унификации, чтобы они оценили будущий унифицированный алфавит как лучший по сравнению с тем положением, которое мы имеем в настоящее время.

Этапы работы по унификации мы в два-три дня заседаний пленума не сможем наметить, но мы должны сейчас же поста-

вить вопрос о конкретной проработке этих этапов и о конкретном порядке проведения унификации. Первым этапом должны стать те простые случаи, когда нужно только унифицировать какой-нибудь один знак со знаком соседнего народа. Далее будут встречаться более трудные пункты, которые будут отнесены на следующие этапы.

При этом для Северного Кавказа могут быть применены диакритики или двухбуквенные сочетания. Двухбуквенные сочетания применяются в унифицированном алфавите и они применяются правильно, если они в своем бытии оправдываются самим построением данного языка.

В каких случаях применяются двойные буквы для согласных? Во-первых, они применяются для выражения усиленных согласных в противоположность не усиленным придыхательным; поскольку эти звуки усиленные, весьма законно писать для них две буквы вместо одной буквы, во-вторых, они применяются для выражения африката, т. к. а ф р и к а т — звук сложный и, следовательно, допустимо писать для африката двойной знак. Эти случаи применяются в унифицированном алфавите Дагестана.

Затем для выражения лабиализованных согласных тоже могут использоваться двойные буквы, для палатализованных согласных в ряде языков тоже применяются эти двойные буквы, но во всяком случае надо их применять так, чтобы в системе каждого данного языка дать двойную букву для выражения такого звука, который менее часто встречается. Насколько мне известно, в дагестанских языках (аварский язык мне известен близко, другие менее, но системы их я себе представляю)— эта система применена очень хорошо. В них использование двойных букв допущено в большом количестве, но вместе с тем они хорошо использованы. Очень неблагополучно однако обстоит дело у тех же дагестанцев с написанием двойных букв в русских и интернациональных иностранных словах.

Это относится к согласным буквам. Гласные двойные буквы были допущены в унифицированный алфавит, но эти двойные буквы оказались чрезвычайно неудобными и туркмены, например, от них отказались, но не отказались от выражения долгот те народы, у которых долгота обозначалась черточкой над буквой, что очень показательно: протяжная черта ясно символизирует протяжность звука. Например в Таджикистане от этого диакритического знака до сих пор не отказались и мне думается, что может быть и туркменам придется вернуться к обозначению долгот, но путем диакритического знака.

Таким образом в унифицированном алфавите уже существуют двойные буквы и существует диакритика, но и эти двойные буквы на Северном Кавказе должны унифицироваться. Диакритики существуют в унифицированном алфавите в очень ограниченном количестве. Это было нашей принципиальной установкой с самого начала. В этом небольшом количестве, мне думается, они могли бы остаться в унифицированном алфавите и на Северном Кавказе, в тех алфавитах, которые имеют много звуков. Но это дальнейший этап. Первый этап—это унификация отдельных звуков, которые будут сближать отдельные алфавиты.

Здесь один из выступавших товарищей обратил внимание на то, что новый алфавит, как таковой, не имеет алфавитного порядка. Это вопрос чрезвычайно важный и требующий серьезнейшей проработки. Тот алфавитный порядок, который здесь дает наша сводная таблица, как будто наиболее рациональный. Здесь принят такой принцип: все буквы латинского алфавита, являющиеся дериватами от основной латинской буквы, стоят после этой буквы, кроме того есть лишь некоторые отступления от этого общего правила, укоренившиеся в практике тех народов, которые составляли уже словари. Запоминать 96 букв сводного алфавита никто ни от кого не требует, но запоминать каждый национал будет свой алфавит в общем алфавитном порядке, а сейчас мы имеем иногда в букварях порядок даже русского алфавита. Во всяком случае пора об алфавитном порядке подумать и включить его в программу работ Научного Совета.

Еще два слова относительно той аксиоматики, которую здесь представили товарищи психологи. Мне кажется, что утверждения, что такая-то буква хороша потому-то, а эта плоха потому-то, действительно слишком аксиоматичны. Вот что я хотел высказать по этому поводу. Тов. Артемов спросил у данного собрания, верны ли принципы, которые Техноrрафическая комиссия положила в основу работы. В докладе тов. Артемова я не усмотрел, какие у него собственно гарантии в том, что члены Техноrрафической комиссии не принесли своих привычек и привычных восприятий по отношению к буквам латинского алфавита. В оценку алфавита не переносить своих привычек так же трудно, как произвести физический опыт в изоляции от силы тяжести. Тем не менее в физике можно произвести такой опыт. Мне думается, и психологам нужно на это дело обратить внимание. Сейчас мы можем подозревать, что оценка этих букв дана по большинству голосов, а если по большинству голосов— то это значит, что здесь могут прокрасться индивидуальные установки. Это—одно мое сомнение.

Второе мое сомнение такое: действительно товарищи психологи осудили очень много букв. Десять букв осудили совсем, а около 20 рекомендуют переделать. Но весь вопрос и вся трудность будет тогда, когда нас спросят: а как переделать? Кто знаком с историей создания наших букв, тот вспомнит, что всевозможные варианты букв уже приведены и оценены, но они были оценены не в условиях изоляции от личных вкусов. Вот на будущее время в работах этой комиссии я хотел бы создать условия полной изоляции в этом смысле, полной об'ективности этой оценки.

Мне хотелось бы на этом кончить, но тов. Лайхтер прочитал здесь записку, из которой видно, что если бы создавал алфавит тов. Лайхтер, то он бы его создал так, как он сам хочет. Но алфавиты создавались исторически и индивидуальным желанием одного человека ничего сделать нельзя в этом общественном деле. Вы должны отправляться от текущего момента исторического развития. Против индивидуализма т. Лайхтера и его непродуманного, туманного выступления я горячо протестую. Это—неверная позиция.

Он призывает уважать технику и считаться с техникой. Это допустимо до известного предела. По словам же тов. Лайхтера выходит, что техника должна установить, как предел, сколько букв нужно иметь в алфавите, а ведь это гораздо более существенно связано с количеством фонем в языке. В этом пункте техника должна подчиниться. Наш современный линотип— это не есть технический предел и очень возможно, что его еще придется перестроить. Мы используем этот линотип, но мы сделаем новый. Мы строим блюминги, но может быть мы создадим и сверхблюминг. Техника сама должна итти вперед. Язык является достаточно серьезной общественной областью, чтобы техника относилась к нему с уважением.

ГАДЖИБЕКОВ (Дагестанский Комитет НА). Товарищи, я считаю необходимым отметить как крупное достижение работы ВЦК НА—переход нашей братской Азербайджанской республики на унифицированный алфавит, т. е. переход на фонетическую унификацию нашего нового тюркского алфавита.

Мы больше, чем другие республики, ощущали необходимость перехода на унифицированный алфавит, так как в Азербайджане живет ряд народностей, как аварцы, лезгинцы, которых мы обслуживаем. Например, дагестанские тюркские газеты мы издавали на унифицированном алфавите, а для дальнейших ступеней мы издавали на неунифицированном алфавите. На этой почве мы имели массу недоразумений.

Это отражалось на нашей работе, на качестве преподавания в школах.

Другим несомненным достижением, которое необходимо отметить здесь, является принятие заглавных букв дагестанским алфавитом. До сих пор аварский, лакский, лезгинский, табасаранский алфавиты не имели заглавных букв. Нам Казанский пленум разрешил, как временную меру, не принимая международной формы заглавных букв, переходить к этим буквам постепенно. На последней орфографической конференции, которая была созвана в Дагестане в декабре 1932 г., заглавные буквы были приняты, и с 1933 г. у нас будет осуществлен переход к заглавным буквам.

В связи с переходом на заглавные буквы, у нас возникает целый ряд вопросов. Я считаю необходимым поставить здесь эти вопросы, чтобы товарищи с мест и научные работники центра пришли в этом деле нам на помощь.

Здесь тов. Дьяков отметил, что у нас в дагестанском алфавите имеются двойные обозначения согласных. Двойными мы обозначаем усиленные звуки. Так, в аварском языке таких двойных обозначений 10, в лакском языке—12, в лезгинском—5 и в табасаранском—5.

В связи с переходом на заглавные буквы, у нас возник вопрос в отношении специфических знаков нашего алфавита, как например „к“, „о“. Как быть с ними? У нас такое мнение—не создавать для „к“ особого знака. Мы знаем, что унифицированная заглавная буква „к“ изображается перечеркиванием. Мы думаем не создавать особого знака, а дать это „к“ увеличенным. То же самое в отношении „т“, „п“. Мы просим пленум высказаться по этому вопросу и дать нам ответ на него.

Возникает и другой вопрос. У нас двойное обозначение имеет „т". В основном алфавите эта буква обозначается „Т". Как же быть, когда это удвоенное „Т" пишется в начале? Писать ли так: „ТТ" или писать „Тт". Сейчас этот вопрос у нас дебатируется. Большинство склоняется к тому, чтобы при писании в начале слов изобразить это так: „Тт"?. Просим на этот вопрос ответить.

Дальше: у нас, у чеченцев и у других нагортанные звуки двойными буквами не обозначаются.

В отношении двойных букв в дагестанском алфавите. Двойные буквы придется оставить для обозначения усиленных гласных. Если бы мы отказались от этого, пришлось бы к аварскому алфавиту добавить еще 10 знаков дополнительно к существующим, к лакскому алфавиту—еще 12 знаков. Это не имеет смысла.

Тов. Жирков затронул вопрос о порядке расположения букв нового алфавита. Сейчас это—актуальнейший вопрос, так как у нас определенной системы нет и мы ее будем принимать только сейчас. Не всегда можно допустить последовательность одинаковых по начертанию букв, это может быть не согласовано с фонетическим составом языков и не выводится из законов самого языка.

Теперь относительно самого называния букв алфавита. Некоторые народы, которые перешли на новый алфавит, называют имеющиеся одинаковые по начертанию буквы по-разному. В этом отношении нужно что-то предпринять и сделать так, чтобы каждая буква нашего унифицированного алфавита имела свое определенное название.

ГРАНДЕ. На предварительном обсуждении в комиссии был задан вопрос: были или не были установлены основные принципы, когда строились новые алфавиты? Я считаю, что такие принципы были, несмотря на то, что по словам т. Лайхтера они не были зафиксированы. Из этих принципов можно выделить три принципа: обязательно должны быть обозначены все фонемы данного языка, причем каждая фонема может быть обозначена только одним способом, т. е. не так, как например, во французском языке буква „ж", не должно быть двойных букв для одной фонемы, как во французском и немецком языках „ch", „sch" и каждая данная буква должна иметь только одно значение. Во всяком случае проведение этих принципов обусловливает ту принципиальную разницу, которая существует между нашими алфавитами и алфавитами буржуазных стран. Там нет единой системы построения алфавита, каждый язык сам строит свой алфавит, не унифицируясь с другим языком. А наши принципы устраняют всякие разнобои и дают возможность единой структуры для наших алфавитов. Однако, когда мы говорим об унификации, этого еще недостаточно. Мы еще должны добиться того, чтобы каждая фонема обозначалась одним и тем же способом, в каком бы языке она не встречалась. В этом отношении есть большие недочеты и задача дальнейшей работы Научного Совета—устранить в порядке постепенности эти недочеты; между тем Научный Совет в своей предыдущей работе мало сделал для устранения их и для усиления дела унификации. Первые попытки унификации были сделаны еще в 1928 г.,

но несмотря на это мы видим много отступлений и в казакском и в хакасском, и в якутском, и в др. алфавитах. Еще хуже обстояло дело, когда начали строить латинские алфавиты для бесписьменных народов. Еще больше отступлений от унификации было проявлено по алфавиту угрофинских групп народов. Это получилось из-за того, что унифицированный алфавит был выработан на основе тюркских языков и в нем естественно не были учтены те звуки, которых нет в тюркском языке. И в дальнейшей своей работе мы должны исходить из того, чтобы проблема унификации не шла против основных задач латинизации.

Пока же в употреблении тех или иных знаков существует очень большой разнобой. Возьмем букву „c"; приблизительно в тридцати алфавитах она имеет значение „ч", в тридцати двух алфавитах имеет значение „ц" и в одном алфавите значение „ш". Что же касается буквы „Ç", то примерно в 30 алфавитах она имеет значение „ч", в некоторых же — значение „дж", в других „ц", а в аварском и лезгинском языках она обозначает смычногортанное „ч". Возьмем эту букву „Є": в некоторых алфавитах она обозначает мягкое „ч", а в коми-пермяцком и коми-зырянском и удмуртском она имеет значение твердого „ч".

Можно привести целый ряд таких примеров, но я не буду их перечислять. В общем мы имеем большой разнобой и нужно принять меры для того, чтобы этот разнобой устранить. Имеются знаки, которые используются одним и тем же способом, но не всегда обозначают одинаковые звуки.

Возьмем букву „s; с хвостиком внизу она „ш"; возьмем „Z"; с хвостиком внизу она обозначает „дж", т. е. один и тот же хвостик употребляется с различными значениями. Если мы возьмем перечеркивание, то оно тоже имеет различное значение.

Таким образом мы видим, что в обозначении основных и добавочных букв нет единой системы. Унификация определенной группы языков проводилась, но опять-таки не под руководством Научного Совета, а главным образом, по инициативе мест. Сравнительно лучшая унификация была выработана Институтом Севера для северных народов, однако отдельные ячейки алфавитов еще не унифицированы. Правда, мне указывали, что имеются крупные достижения в деле унификации калмыцкого и бурятомонгольского алфавитов, но здесь в основу был положен индоевропейский принцип. Я считаю, что лучше унифицировать по районам, чем потом приходить вот к таким выводам.

Когда вырабатывается алфавит для языка, который латинизируется, то мы говорим —надо унифицировать. Но с кем унифицировать? Что такое унифицированный алфавит? Я пытался задавать такой вопрос, но ответа не получил. В тех материалах НС, которые имеются у нас, значится 59 унифицированных алфавитов и 9 неунифицированных. К этим 9 относятся алфавиты нацобластей Сев. Кавказа, а также ижоров и др. Возьмем абхазский и татарский алфавиты и сравним их между собой, мы увидим, что между унифицированным абхазским и татарским алфавитом такие же расхождения, как между неунифицированными алфавитами. Почему же одни считаются унифи-

цированными, а другие неунифицированными? Карельский алфавит, который утверждался, и ижорский алфавит, который не утверждался, между собою почти не отличаются, во всяком случае гораздо меньше, чем татарский и коми, которые утверждены.

В дальнейшем должно быть дано поручение рабочему ядру Научного Совета выработать твердые принципы в отношении унификации. В основу унификации нужно положить тот коренной принцип, что каждая фонема должна иметь один и тот же знак на всех языках.

Унификация занимается целым рядом проблем и одна из них—выработка единого знака мягкости. Если мы примем особую букву для знака мягкости, получится отступление, получается шаг назад от тех первых принципов, которые фактически проводились.

СЕЙФИ. Товарищи, упрекающие Научный Совет по поводу унификации, правы; мы не добились настоящих унифицированных алфавитов. Но этот упрек в известной степени ложится на трудности нашего роста. Когда мы принимали основной унифицированный алфавит, то он принимался для тех народностей, у которых письменность была на арабском шрифте, т. е. для тюркских народностей. После этого новый алфавит охватил не только тюркские народности, но и целый ряд других. Наш прежний унифицированный алфавит не может удовлетворить все народности, перешедшие на латинский алфавит. При составлении нового унифицированного алфавита для тех или других языков, которые по своей фонетике отличаются друг от друга, нужно расклассифицировать эти языки по группам.

Нужно обратить очень серьезное внимание на доклад тов. Артемова о формах знаков. Это самое больное место. Есть такие значки, которые друг другу мешают при чтении. Нужно это упорядочить, иначе мы не добьемся правильного и быстрого чтения и письма.

Потом, среди значков, которые предлагается сегодня узаконить, есть „е“. Если мы приняли латинское „в“, то его смешивали бы при чтении с „е“.

Нужно принять решение заменить это „е“ другим значком.

Кроме того, я бы предложил тов. Артемову фиту перенести в группу знаков, подлежащих замене. То же отношении „г“.

НОМИНХАНОВ (НИА НКП). Я хотел бы остановиться на унификации алфавитов группы монгольских народностей. Здесь дело обстоит не совсем благополучно. Этот вопрос нужно поставить, потому что унификация имеет большое значение для культурного сближения народов монгольских групп. Какой разнобой существует между алфавитами этой группы — показывает следующий пример. Мы имеем такие буквы: h n ь. В монгольском алфавите они соответственно обозначают: g, ng, i. Посмотрим, как они бытуют в калмыцком языке. Буква „h“ путается с буквой „g“. Например слово „газр“ можно писать и через „h“ и через „g“. От этого получаются большие недоразумения в письме. Сейчас существует совершенно лишний знак „n“, который можно заменить „ng“. От этого калмыцкий алфавит не пострадает.

Если возьмем палатализацию (ь—i), то здесь чувствуются следы русского алфавита. В монгольском языке прекрасно обходятся без этого знака. Палатализация обозначается после „л“ и „п“, когда нужно выразить притяжательность местоимения третьего лица. Перемена этой буквы даст положительные результаты в сторону унификации. Этот вопрос мы поднимали неоднократно и на Элистинской конференции, и на Московской конференции. Калмыки настаивают на этом. Существующее положение мешает взаимному пониманию калмыков и монголов.

ЮШМАНОВ. Товарищи, у нас в Ленинграде в историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ) работала с полгода бригада из предподавателей и студентов кафедры языков и литератур советского Востока по вопросу об унификации нового алфавита. Работа эта не закончена до сих пор частью из за отсутствия у нас специалистов по целому ряду уже латинизированных языков и частью из-за некоторых технографических трудностей, когда участниками бригады предлагались различные сложные знаки и поэтому выбор был крайне затруднен. Все же некоторые результаты от работы бригады получились. И хотя еще окончательной таблицы, которую можно было бы сдать в печать, у нас нет, но основная схема все-таки выработана. Нужно сказать, что при рассмотрений существующих систем применения нового алфавита к конкретным языкам, вся бригада больше всего одобрила алфавит народов Севера, находя его наиболее последовательно выработанным в смысле применения дополнительных знаков.

В результате коллективной работы у нас получилось на сегодня следующее: мы располагаем обычно не в алфавитном порядке, а в порядке классификации звуков. „Р“ не вызывает никаких сомнений; для звонкого соответствующий знак „ь“, а не „в“, как в обычном НТА; m тоже возражений не встречает, Также f, v. Здесь же под ними мы должны были располагать междузубные фрикативы, которые встречаются по СССР только в башкирском языке. Поэтому были оставлены несистематично подобранные знаки „ь“ и „d“ как они приняты в башкирском, только потому, что это исключительный случай применения в одном языке.

В следующем столбце берем аффрикаты „c, з“; соответствующего носового нет; в качестве фрикативов „s, z“. Относительно шипящих у нас одобрено было то, что принято в алфавите народов Севера. Вопрос только в очертании: перечеркивать горизонтально или вертикально.

Относительно перечеркивания s возражали потому, что трудно изображать этот знак в печати и в письме. В международном фонетическом алфавите употреблена волнистая линия для арабских эмфатических согласных и для соответствующих звуков этого ряда и литеру s отлили с волнистой линией. Нужно сказать, что впечатление получается несколько лучшее, но начертание технически очень сложное.

Затем мы берем „k“, считая, что это переднее „к“. Для заднего „к“, берем „q“, для звонкого предпочли бы начертание несложное, не такое, как в западно-европейской языковедной литературе. Там трудное начертание („пузатое g Бругмана“). Что

касается звонкого „q“, оно в природе есть, но в качестве фонемы редко встречается (в туркменском есть, и там пишут такой знак „ɋ“; мы его в скобки взяли потому, что вопрос еще не решен). Для „г“ взяли обычный знак „g“. Для фрикативов задних было принято „x“ и „ɋ“ с пересечением, для других видов „h“ сжатое и „h“ не сжатое. Для соответствующих звонких было предложено „h“ с хвостом или готическое изображение.

Для гласных у нас приняли схему из 10 знаков. Если потребуется более открытое „о“, то берете еще этот знак: „ɔ“ (перевернутое „с“).

Дополнительный значок (седиль или крючок, как у буквы „Ç“) используется комплексным методом: в одних языках для палатализации (смягчения), в других языках для гортанного взрыва, а в белуджском—для церебральных согласных.

ПАРАСКЕВОПУЛО (КУНМЗ). Вопрос о переходе на латинский алфавит мы ставим, как политический вопрос, учитывая сказанное т. Сталиным, что при разрешении языковых вопросов тех национальностей, половина которых находится за границей, нужно считаться с этим фактом. Переход греков СССР на новый алфавит будет иметь международное значение.

Вопрос о латинском алфавите для греков ставился и в буржуазной Греции, и там хотят найти выход из тяжелого положения. Греческий алфавит очень сложный. Многие буквы в древне-греческом языке обозначали совершенно различные звуки; в современном же языке эти буквы обозначают новые звуки. Но буржуазная Греция бессильна разрешить этот вопрос.

Мы же еще в 1926 г. реформировали алфавит для греков и выкинули лишние буквы (двойные буквы), Потом для обозначения звука „у“ мы взяли букву, которая в основном алфавите читается как „и“. Позднее выяснилось, что наш алфавит не в силах удовлетворить нас—в нем нехватало много букв для обозначения звуков „б“, „д“, „г“, „дж“, „йот“. Если мы примем за основу литературный язык греков СССР, принятый на специальной конференции, созванной ВЦК НА, то тогда нужны будут еще буквы для обозначения звуков „ч“, „ш“, „ж“. При выработке проекта алфавита, Научному совету надо учесть это обстоятельство. И мы думаем, что в целях пропаганды необходимо печатать в журналах и газетах статьи, написанные на этом алфавите. Наш новый алфавит должен быть безусловно построен на основе унифицированного латинизированного алфавита.

ТАГИРОВ (Институт ППП, Москва). В вопросах унификации латинского алфавита чрезвычайно трудной, сложной и неразработанной областью являются вопросы графического построения букв латинского алфавита и вопросы технического применения букв латинского алфавита. Тот документ, который мы получили, и тот доклад, который нам сделал от т. Артемов является первой работой, которая будучи отправным пунктом, дает возможность дальнейшей проработки этого вопроса. С этой стороны этот доклад и этот документ являются положительными моментами разработки нового алфавита.

Но целый ряд положений я считаю дискуссионными, о которых придется говорить не только здесь на пленуме, но нужно будет подработать дальше в печатных органах.

Во-первых, я считаю дискуссионным вопрос о самом об'екте исследования и вопрос о буквах, о технографическом анализе букв. Если мы возьмем понятие буквы, то сюда вкладываются различные понятия: звук, фонема, графема, вопрос гарнитуры, вопрос гранитуремы, вопрос типографского литера. Все это входит в понятие буквы.

Что же является об'ектом технографического анализа? Мы здесь получаем некоторую путаницу в понятиях. Возьмем вопрос о графеме, о гарнитуреме, о которых больше всего была речь. Очень часто при переводе звука, как графемы, на полиграфический язык, мы получаем эту графему в виде оттиска, совершенно различного в зависимости от гарнитуры.

Мы имеем два понятия графемы и гарнитуры. Это различие, когда мы делаем технографический анализ нового алфавита, нужно ввести. Хотя графемы отдельно от гарнитурных особенностей в процессе чтения никогда не появляются, несмотря на это в анализе нам все-таки необходимо это различие ввести. Это должно быть сделано для того, чтобы рассматривать эти графемы независимо от того, какими они кажутся вследствие колебаний читаемости в отдельных гарнитурах. Колебания читаемости в отдельных гарнитурах будут различны. Мы знаем, что читаемость некоторых гарнитур совершенно отрицательна, а некоторых — положительна и т. д. Предлагаемые мною различия надо ввести для того, чтобы исключить эти колебания читаемости в отдельных гарнитурах. Это исключение гарнитурных особенностей является до некоторой степени абстракцией, но эта абстракция сохраняет существенные элементы в процессе чтения, сохраняет закономерность в построении нового алфавита.

Этот вопрос важен и с другой точки зрения. Тезисы выдвигают, как ведущие точки зрения в области терминологического процесса, полиграфические требования. Тов. Лайхтер здесь выступал и ратовал за то, чтобы технические требования были ведущими. Я считаю, что когда мы рассматриваем анализ с этой технографической точки зрения, если это касается вопроса графемы, то здесь ведущей точкой зрения будут лингвистические требования. Вспомним хотя бы такой момент, когда определенное количество знаков в том или ином алфавите совершенно не считалось с техникой их воспроизведения и количество определялось, исходя из лингвистических требований.

Дальше, возьмем такой больной вопрос, как вопрос о прописных и строчных. Когда мы определяли их, мы исходили из требований не полиграфических, не вопросов техники, а из совершенно других требований. Если бы мы исходили из требований техники, нам пришлось бы совершенно отказаться от практического воспроизведения их. Поэтому когда мы говорим о технографическом анализе графемы, то здесь ведущей точкой зрения будет лингвистическая и психологическая — вопросы удобочитаемости и педагогические вопросы. Когда мы подходим к анализу гарнитуремы, т.-е. букв, применимых к полиграфической технике, то здесь точка зрения техники будет ведущей точкой зрения. Вот каким образом разрешается вопрос, когда мы разделяем два понятия—графема и гарнитурема.

В отношении анализа суммарных букв я никак не могу согласиться с этим—они в конкретной обстановке совершенно не встречаются. Когда мы произведем анализ буквы латинского алфавита, нам необходимо брать не суммарные буквы, а необходимо брать конкретный алфавит определенной народности. Останавливаясь на работе технографической комиссии, я думаю указать на два отрицательных момента в этой работе. Вопрос об историзме. Мы все-таки декларируем о том, что в научных анализах нам необходимо учитывать вопросы истории. Но когда мы подходим к вопросам техники и технического построения, то совершенно игнорируем эту историческую точку зрения, Нам необходимо все-таки исторический анализ включить в технографический разбор букв латинского алфавита. Второй момент—это вопрос о доминировании практики и теории. Я считаю, что в работе технографической комиссии мы практику считаем ведущей, в результате чего страдает техническое применение латинского алфавита. Мы имеем около 70 народов, перешедших на латинский алфавит; отливка букв для народностей производится в отношении комплектации по усмотрению. И что в результате мы предпринимаем? Если мы заказываем буквы на набор 50—60 тыс. знаков, то оказывается возможным набор лишь 16—15 тыс. знаков. Это сильно отражается на экономическом состоянии наших типографий. Поэтому я считаю, что вопросы применения нового алфавита в технике должны быть вопросами первоочередными в работе Научного Совета ВЦК НА.

ЯКОВЛЕВ (Научный Совет ВЦК НА). На каждом пленуме ВЦК НА мы поднимаем вопрос об унификации. Мне кажется, что это получается из-за того, что у нас унификация и вообще создание алфавитов шли в известной мере стихийно, не было надлежащего руководства. Академик Марр правильно определил сущность движения за унификацию. Он сказал: „унификация должна развиваться диалектически".

Мы имеем на сводной таблице знаков нового алфавита такое накопление противоречий в самих знаках, особенно дополнительных, что это разрушает в известной мере унификацию. Для того, чтобы иллюстрировать это накопление противоречий, я в дополнение к тому, что приводил тов. Гранде, позволю себе привести пример из области дополнительных букв. Звук „чш", как редкий звук, который существует в немногих языках, территориально и культурно не связанных, изображается совершенно разными буквами. Для этого звука можно было бы выбрать одну букву. В абхазском языке этот звук изображается буквой „η", в адыгейском языке буквой „d", в языке коми буквой „ϵ", в дунганском буквой „Ç". Я боюсь, что проводя латинизацию ваханского языка, мы получим еще пятую букву. Этот разнобой в области унификации совершенно недопустим с полиграфической и графической стороны, потому что для одного и того же звука мы имеем 4 буквы. Опять приходится поднимать тот же вопрос, который поднимался на последнем пленуме, что нужно провести решительную унификацию в области дополнительных букв и тогда это позволит свести 90 букв к 75, а может быть и еще меньше.

Теперь два слова относительно унификации на Кавказе. Унификации на Кавказе фактически нет. Есть унификация в пределах Дагестана, и в пределах Кабарды, Абхазии и абазинцев, а остальные языки не унифицированы. Тов. Сердюченко в своем выступлении указывал, что причиной этого является отсутствие достаточных научных материалов и что в свое время не были учтены все звуки горских языков. Это неверно. В проработке алфавита в достаточной мере участвовали специалисты центра и мест. Этот вопрос прорабатывался три раза. Три раза собирались местные конференции, созывались краевые совещания и на этих краевых совещаниях принимались проекты. И в 1931 г. этот вопрос обсуждался, но обсуждение опять-таки привело к принятию проекта и до сих пор этот вопрос не разрешен. В чем тут причина? Причина не в том, что вопрос не проработан научно и не в том, что нет инициативы у отдельных работников, а причина в организационных неувязках. Мне хочется сказать, что мы должны решить вопрос—подходящий ли сейчас момент для проведения унификации на Северном Кавказе или нет. Надо иметь в виду, что здесь мы уже подходим к проведению сплошной грамотности. Если очень легко унифицировать алфавит тогда, когда почти все население было неграмотным, то ставить этот вопрос сейчас гораздо сложнее; не лучше ли подождать с унификацией до того, как мы достигнем полной грамотности? Если мы решим вопрос в этом направлении, то нужно это дело организационно оформить лучше, чем до сих пор, чтобы не ограничиваться только созывом с'езда и постановлением. Только в этом смысле НС должен ставить вопрос об унификации на Кавказе.

Теперь относительно принципов, положенных в основу унификации алфавитов. Я должен дополнить тов. Гранде двумя замечаниями: во-первых, следует отметить принцип чисто полиграфический: не допускать отделения корпуса буквы от дополнительного знака. Известно, что в этом отношении нам пришлось итти по пути седиля, потому что этот знак на Западе уже давно применяется. Говорят, что лучше писать значек сверху, но в этом отношении мы не имеем опыта (Голос: а в чешском языке?). Там он изображается отдельно. А потом, как его писать, с отрывом или без отрыва? У нас был выставлен в основе принцип писать буквы без отрыва. Поэтому мы стали на путь „хвостов"—седилей, за это нас на Северном Кавказе обвиняют в руссификации. Правда, на Северном Кавказе исходили при этом из алфавита Услара (с „хвостиками") и поэтому, когда унифицированный алфавит попал в условия Северного Кавказа, то он оказался сходным с теми алфавитами, которые здесь были выработаны до революции.

Затем, был еще принят один принцип: в тех случаях, когда в одном языке имеются парные звуки, а в другом—одинарные, то выбирать для таких одинарных звуков простейшую из двух букв, а также выбирать более простые буквы для наиболее часто встречающихся звуков. Такие случаи мы считаем допустимыми, не нарушающими унификацию. Однако следует сказать, что когда дополнительные буквы, противоречащие друг другу, оставляются в алфавите только вследствие нежелания

местных работников учесть опыт других, то это никуда не годится.

Мне думается, что теперь настало время для того, чтобы организовать работу по унификации как-то по-новому: подобно тому, как создан центр по терминологии, мы должны создать центр и по унификации алфавитов.

Но не нужно забывать и полиграфическую, техническую сторону этого дела. Если мы будем учитывать и полиграфическую сторону, и политическую, и языковую, и создадим центр, который мог бы регулировать это дело, то у нас будет не унификация по линии механического накопления знаков, как она шла до сих пор, а будет действительная унификация.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО тов. ДЬЯКОВА

Прежде всего я считаю, что по сути дела неправильной являлась установка, высказанная тов. Ашхамаф. Мне показалось, что тов. Ашхамаф, ссылаясь на недостатки первоначального алфавита НТА, оправдывал то положение, что никаких шагов к унификации в отношении некоторых алфавитов на Северном Кавказе не было предпринято, раз этот алфавит был несовершенным. Мне кажется, что таким путем можно доказывать, что унификация вообще не нужна.

Между тем практика республик была не такова. Я считаю, что работники мест, которые пошли по другой линии и зная недостатки общей схемы, все же шли к унификации и своими силами пытались эти недостатки устранить и применить этот алфавит к своим языкам,—эти товарищи пошли по правильному пути, и в результате мы имеем сейчас довольно значительные достижения в области унификации. Если бы товарищи пошли по той линии, которая проскальзывала в выступлении т. Ашхамаф, то тогда получился бы еще больший разнобой. Поэтому я считаю, что тенденция к использованию схемы унификации, несмотря на ее недостатки, была здоровой тенденцией. Конечно, такие настроения, о которых здесь говорил тов. Ашхамаф, питались именно несовершенством этой схемы.

Действительно ли здесь имеется каждая буква для отдельного звука? Совсем не так. Это получилось вследствие разнобоя и самотека. Не имея какой-то общей схемы, люди на местах брали то, что они находили, что они сумели найти. Если как следует пересмотреть сводную таблицу знаков НА, то она сразу сократится до 70 или 60 знаков. Так что небольшая работа по упорядочению проделанного может дать большие результаты в смысле упрощения алфавитов и унификации.

Если бы работники республик пошли по другой линии, то мы тогда должны были бы делать то, перед чем сейчас стоят товарищи на Северном Кавказе. А на Северном Кавказе, как об этом говорил тов. Сердюченко, дело с унификацией обстоит далеко не благополучно; там при проведении унификации придется совершенно заменить 12—15 букв, а это очень нелегкое дело.

Я хочу остановиться и на выступлении тов. Лайхтера. Я считаю это выступление совершенно неверным и вредным. К чему по сути дела сводится точка зрения Лайхтера? Он говорит, что

„все должна определять техника". Надо спросить, в каком смысле он понимает эту технику, т. е. все ли должно определяться существующим стандартом латинских букв или тем, что можно сейчас отпечатать на печатной машине? Ведь мы знаем, что и японские газеты, и иероглифы печатаются, и в этом смысле техника не ставит границ. Значит здесь по мнению Лайхтера „техникой" является обычная касса английская, французская и т. п. Значит, речь идет о применении той латинницы, которая сейчас существует на Западе и которая у нас, конечно, неприменима.

Ясно, что когда мы говорим о создании алфавита, то надо говорить об алфавите, составляемом для какого-то языка, а не для наборной кассы. Я считаю совершенно неправильным такое утверждение, что всякий интернациональный термин должен приниматься в форме того языка, из которого он заимствован. Надо принимать его в наиболее интернациональной, утвердившейся форме, а часто это совсем не изначальная форма.

Я хотел бы также остановиться на выступлении тов. Сейфи. Я считаю неправильным говорить, что мы стремимся к унификации по группам. Как известный этап, такая унификация по группам являлась шагом вперед. Но это не то, к чему мы должны стремиться. Наоборот, мы должны добиваться максимальной унификации всех алфавитов. Затем, что значит „по группам"? Если по языкам—тюркский, монгольский и т. д.,—то это совсем неверная точка зрения. Конечно, у культурно и хозяйственно близких народностей алфавиты должны быть в первую очередь сближены, это правильно на известном этапе. Но говорить об унификации по группам и предложить еще это записать в резолюцию,—было бы ошибкой.

Мы не должны создавать ряда унифицированных групповых алфавитов, дезунифицированных между группами, а должны стремиться к максимальной унификации всех алфавитов.

Мне также непонятно, что хотел сказать тов. Жирков по поводу этапов. Мы должны наметить сейчас ряд мероприятий, разработать их и в определенный срок провести. А что он подразумевает под этапами: сначала унифицировать на Кавказе, потом на Севере и т. п.? Это наверно. Ведь эти унифицированные алфавиты, удаленные друг от друга, нам пришлось бы потом снова перерабатывать в целях унификации.

Очень важно и правильно, что на этом Пленуме был поставлен доклад по техноrрафическому анализу нового алфавита.

Работая на местах, мы не знали типографской техники и поэтому применяли часто неподходящие для типографии знаки.

ВЦК НА должен иметь постоянный орган, который ведал бы вопросом унификации, и руководство со стороны ЦК НА не должно ограничиваться только принятием или непринятием того или иного проекта алфавита. Нужно усилить также живую связь с местами, живое руководство, чтобы знать, что делается в области алфавитного строительства. Тогда мы сможем достигнуть настоящей унификации, тогда не будет разнобоя, часто зависящего только от отсутствия достаточной координации и взаимной осведомленности.

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОРФОГРАФИИ

Доклад т. ПАЛЬМБАХА
Содоклад т. А. ХАШИМОВА
Содоклад т. ТОГМИТОВА

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРФОГРАФИЙ

т. ПАЛЬМБАХ

Товарищи, от доклада по орфографии следует ожидать особой конкретности, особой фактической полноты, однако ограниченность времени, отведенного для доклада, вынуждает меня максимально сократить фактический материал и говорить лишь по самым основным вопросам развития орфографий национальных письменностей с тем, однако, чтобы в заключительном слове восполнить этот пробел в фактическом материале по тем наиболее острым моментам, которые будут вытекать из прений. С другой стороны, я рассчитываю на то, что т. Хашимов, который даст в содокладе развернутую характеристику узбекской орфографии, наиболее интересной и в известном отношении наиболее спорной, пополнит фактический материал по двум основным вопросам орфографии: по вопросу о раздельном и слитном написании слов и по вопросу о сочетании морфологического и фонетического принципов в орфографии в связи с вопросом о диалектах.

Подходя к подготовке материалов для доклада по орфографии, Научный Совет поставил своей задачей собрать все материалы, имеющиеся как в самом НС, так и в других научно-исследовательских учреждениях, а также получить все возможные материалы с мест. Для этой цели была создана бригада из работников лингвистической комиссии НИА НКП, в которую включились также лингвисты из других научно-исследовательских организаций. Бригада провела работу на основе планов, составленных НС. Планы предусматривали, во-первых, разработку тех имеющихся орфографических кодексов, которые НС удалось получить и, с другой стороны, изучение какого-то определенного минимума оригинальной и переводной литературы, изданной за последние годы в нацреспубликах и областях с тем, чтобы отразить не только те положения, которые мы имеем в соответствующих постановлениях конференций и орфографических справочниках, но и достаточно ясно представить те основные достижения и недостатки, которые имеются в повседневной практике национальных письменностей.

Я изложу совсем кратко р зультаты этой работы и сообщу о тех основных выводах, которые сделал Научный Совет на основе предварительного изучения развития орфографий национальных языков за последние годы, а также о возможных практических предложениях по дальнейшей разработке национальных орфографий. В прениях по предыдущим докладам были заострены вопросы о необходимости, всесторонне изучив имеющийся опыт развития новых письменностей, повести решительную борьбу за поднятие национальных литературных языков на высшую ступень. И вот это требование освоения, требование поднятия качества нашей работы во всех областях культурного строительства, связанных с развитием литературного языка, относится в равной мере, и пожалуй в некоторых отношениях в особенности, к орфографии, которая делает письменность доступной массам, которая должна сделать эту письменность стандартной и тем самым обеспечить то высокое качество, которого требуют от письменностей вновь складывающихся и бурно растущих литературных языков задачи строительства национальных культур во второй пятилетке.

Нужно отметить, что основные достижения, которые мы имеем в области создания национальных орфографий, падают именно на годы первой пятилетки. До 1929 года мы имели небольшое количество конференций, опыт которых не был сколько-нибудь широко проработан и закреплен. Начиная с 1929 года идет выработка орфографий и закрепление их по большинству письменностей, перешедших на новый алфавит. К 1929 году относится выработка и введение стандартных орфографий татарского, казакского и узбекского языков. В 1930 году введены орфографические кодексы таджикского, туркменского и башкирского языков. В 1931 году приняты бурятская, аварская, калмыкская орфографии. В 1932 г. создала свою орфографию младшая в Союзе Кара-калпакская республика. Эти и ряд других орфографий, разработанных в основном за годы первой пятилетки, заложили достаточно прочную орфографическую базу для развития литературных языков. Они дают основание судить о том, в каком направлении развиваются сейчас орфографии национальных письменностей.

Изучение этих орфографий приводит к выводу, что существующие системы письма, действующие на новом алфавите, являются в основном вполне удовлетворительными. Они разрешают на практике, в основном достаточно последовательно, те проклятые вопросы о соотношении между отдельными принципами правописания — традиционным, морфологическим и фонетическим, которые являлись предметом оживленных и подчас обостренных споров на лингвистических конференциях и на пленумах ВЦК НА и которые до сих пор не совсем разрешены в теории.

Однако нужно оговориться, что несмотря на эти несомненно опередившие теорию практические достижения, все-таки сейчас налицо очень большие расхождения в деталях правописания как внутри отдельных орфографий, где имеются противоречия по одним и тем же случаям правописания, так, разумеется, и между различными орфографиями отдельных литературных язы-

ков, в том числе и очень близких по своему строю и системе письма.

Успехи, которые сейчас достигнуты в деле создания орфографии национальных письменностей, действующих на новом алфавите, были связаны с идеологической борьбой, которая велась вокруг принципиальных основ национальных письменностей со времени первого тюркологического с'езда в Баку на всех последующих конференциях и пленумах ЦК НА.

Мы знаем хорошо установки первого тюркологического с'езда по вопросам орфографии. Подробно характеризовать их не буду. Вспомню только то место из выступления Байтурсунова, где он, касаясь преимуществ отдельных систем правописания, сопоставлял казакский язык с русским и западно-европейскими языками, а также с другими тюркскими языками народов СССР и характеризировал казакский язык, как самый стройный из всех существующих языков. Правда, он сделал оговорку, что других языков, кроме казакского и русского, он не знает, однако тотчас вслед за этой оговоркой снова стал убеждать с'езд в том, что языки, которых он не знает, являются наиболее архаическими. Эта националистическая установка, которая так ярко сказалась на Бакинском с'езде в выступлении Байтурсунова—впоследствии организатора контрреволюционных националистов в Казакстане,—затем снова протаскивалась в ряде других мест и по другим поводам. Сошлюсь только на то место узбекской конференции по вопросам литературного языка и орфографии, состоявшейся в 1929 году, где оценивается роль городских говоров Узбекистана — вопрос наиболее актуальный в узбекском языке — и где отстаивалось требование положить в основу узбекского литературного языка говор сельских местностей, а не городских масс Узбекистана. Это требование обосновывалась тем, что узбеки, живущие в городах, рабочие массы Узбекистана, говорят не на узбекском, а на каком-то испорченном языке, с которым „считаться нельзя". Вот эта формулировка несомненно близка к тому, что мы слышали раньше на тюркологическом с'езде. Я не затрагиваю вопроса о диалектной базе узбекского литературного языка по существу, ибо совершенно ясно, что выбор ведущего диалекта не может быть решен абстрактно лишь на том основании, что одни говоры—сельские, а другие—городские. Мысль о том, что диалект городского населения всегда и везде следует класть в основу формируемого литературного языка—абсурдная мысль. Роль того или другого диалекта определяется не просто социальной принадлежностью его носителей, а всей совокупностью условий, в которых проходит строительство данной национальной культуры. В частности нельзя решить этого вопроса без учета реального количества населения, говорящего на том или другом диалекте, без учета того конкретного процесса сближения диалектов и языков, который вытекает из характера и тенденций развития данной национальной культуры, втянутой в общий поток социалистического строительства в стране.

Во всяком случае, независимо от того, как будут решены вопросы орфографии узбекского литературного языка, ссылка на его порчу там, где он прогрессирует, там, где городские

несингармонистические говоры охватывают не два-три процента, а более половины всего населения республики, там, где язык развивается на основе совершенно естественных тенденций, в направлении к сближению с другими диалектами и языками,— такая ссылка есть несомненное проявление националистических тенденций в трактовке вопросов литературного языка и его орфографии.

С другой стороны, мы наблюдали и наблюдаем в орфографической работе, как и в других областях развития национальных письменностей, определенные проявления уклона в великодержавный шовинизм, определенные случаи пренебрежения к национальной форме языка. Чем же иначе, как не проявлением этого уклона, можно назвать такие тенденции в развитии орфографии, как стремление оформлять все заимствуемые слова без какого бы то ни было учета особенностей национальных языков, в виде заимствований всех аффиксов и окончаний из русского языка? Чем, как не проявлением такого пренебрежения и отхода от национальных особенностей языка, можно об'яснить то, что принципиально не ставился вопрос о пунктуации применительно к особенностям национальных языков? Здесь мы имеем голое следование практике русского языка, ведущее в ряде случаев к прямому нарушению законов синтаксиса национального языка.

Вот с этими тенденциями в развитии национальных орфографий велась борьба на тех конференциях и пленумах Комитета Нового Алфавита, которые состоялись после первого тюркологического с'езда. Ряд конференций проходил без участия Научного Совета, но в наиболее важных конференциях по вопросам литературного языка и орфографии Научный Совет принимал непосредственное участие. К предварительной проработке орфографии литературного языка привлекались научные работники из центра, и те выводы, к которым приходили конференции, получали соответствующую санкцию со стороны органов народного образования—Наркомпросов и ОНО.

Нужно сказать, что Научный Совет все же недостаточно обеспечил на протяжении этих лет научную помощь в разработке орфографий национальных письменностей, перешедших на новый алфавит. В основном эта недостаточная разработанность относится к изучению диалектов. До сих пор ряд важнейших и наиболее спорных вопросов орфографии, непосредственно связанных с состоянием диалектов, с изучением соотношений между ними, с изучением тенденций их развития, по ряду языков не изучен. Это основной недостаток не столько Научного Совета, сколько всей нашей науки об языке, тем самым и недостаток тех научно-исследовательских организаций, которые занимаются вопросами практической лингвистики.

В результате не было должной конкретности при оказании помощи отдельным орфографическим конференциям и органам народного образования со стороны Научного Совета при разработке тех или других вопросов орфографии?

Какую же работу провел Научный Совет за эти годы по оказанию помощи в разработке национальных орфографий.

Участие Научного Совета в работе конференций по отдельным республикам и нацобластям началось с 1928 г., следова-

тельно после первого пленума Центрального Комитета НТА. Самое непосредственное участие Научный Совет принял в работе, протекавшей в Азербайджане. Затем он участвовал в разработке орфографий по другим республикам и нацобластям.

По окончании IV пленума в Алма-Ате делегаты выехали на туркменскую орфографическую конференцию в Ашхабад. Здесь были разработаны вопросы туркменской орфографии. В 1930 г. проведено таджикское совещание по вопросам литературного языка и орфографии. В этом же году созвана конференция по вопросам литературного языка и орфографии тюркских народов Сибири, конференции в Грозном, в Краснодаре и во Владикавказе, которые также касаются вопросов орфографии. В 1931 г. при НИА НКП созывается по инициативе и при участии Научного Совета монгольская конференция по языкам народов Севера, где в основном разрешались вопросы алфавита, но в связи с ними обсуждались также и важнейшие вопросы орфографии латинизируемых письменностей. В том же году проводится конференция по коми-языку, где также затрагиваются вопросы орфографии.

Далее, в 1932 г. при участии Научного Совета проведена вторая китайская конференция—в основном по вопросам орфографии, результатом чего явилось издание орфографического справочника на латинизированной китайской письменности.

Затем происходит дунганское совещание в Москве с последующим проведением дунганской конференции на месте, с выездом туда представителя Научного Совета. В том же году НС принял участие в подготовке материалов для крымской конференции, которая, однако, не состоялась.

Наконец, в этом году проведено узбекское совещание здесь, в Центральном Комитете НА.

Кроме тех работ, которые были связаны с участием в конференциях на местах, Научный Совет подготовлял материалы по вопросам орфографии ко всем пленумам, начиная со второго, и участвовал в обсуждении основных вопросов орфографии, которые ставились на этих пленумах и выдвигались участниками пленумов.

Таким образом, об'ем работ, проведенных Научным Советом в связи с созданием орфографии национальных письменностей, перешедших на новый алфавит, достаточно большой. Он свидетельствует о том, что Научный Совет в области научного руководства разработкой орфографии национальных языков на протяжении ряда лет вел широкую работу, как в центре, так и на местах. Однако, как я уже указал, основной недостаток этой работы состоял в недостаточно конкретной помощи местам, в слабой изученности истории орфографической работы на местах, в недостаточной связи с республиканскими и областными организациями, руководящими распространением письменности на новом алфавите. Нужно откровенно признаться в том, что Научный Совет до сих пор не располагает всеми важнейшими материалами, которые появились в результате работы местных конференций и организаций, занимавшихся вопросами орфографии. Целый ряд постановлений, резолюций и материалов конференций у нас отсутствует, не говоря уже о том, что специальной

работы по обследованию и дообследованию отдельных трудных и спорных вопросов, в особенности вопросов диалектологии не было проведено.

(Голос: А насколько выдержаны были директивы и установки, ан ные Научным Советом за этот период?)

Об этом я скажу позже.

Начну с характеристики отдельных недостатков, которые я сейчас перечислил: недостаточно конкретная научная помощь, недостаточная изученность опыта мест, недостаточное внимание к тем своеобразным условиям, в которых протекала работа по выработке орфографии в данной республике.

Возьмем Туркмению. На туркменскую конференцию, как я уже сказал, выезжали представители Научного Совета сейчас же после закрытия пленума в Алма-Ате. И вот, видимо с одобрения членов Научного Совета, конференция из'яла из туркменской орфографии обозначение долготы гласных. Насколько это мероприятие было нецелесообразно показывает то, что сейчас отсутствие обозначения долготы гласных в туркменском языке затрудняет усвоение новой письменности и беглое пользование ею на письме и при чтении. Поскольку долгота в языке существует, а на письме она никак не выражается,—это ведет к путанице, к смешению слов. Как разгадать этот случай? У некоторых товарищей закрадывалось подозрение, не было ли здесь перенесения в туркменский язык опыта азербайджанской письменности, поскольку деятельным участником конференции от Научного Совета был азербайджанец, т.е представитель языка, в котором нет долгих гласных. Из достоверного источника мы узнаем, что азербайджанский товарищ, который якобы высказывался за отмену долгих в туркменской письменности, на самом деле тут не при чем, что ни один из делегатов Научного Совета не выступал против обозначения долготы гласных и что данное правило было заранее обсуждено и принято туркменскими организациями. Это уже совсем плохо. Плохо не то, что принято определенное решение, хотя бы потом практика потребовала его пересмотра, плохо именно то, что делегаты Научного Совета оказались в стороне, согласились с решением, в правильности которого они не уверены. Уже этот случай показывает недостаточность той помощи, которую Научный Совет оказывал делу усовершенствования орфографии новых письменностей.

Еще один пример — конференция в Ново-Сибирске. Конференция очень ответственная, так как на ней стояли вопросы литературного языка и орфографии мало изученных в диалектологическом отношении тюркских языков Сибири. Эта трудность обязывала к максимальной мобилизации сил и в центре и на местах, к соответствующей подготовительной работе по изучению современных диалектов для того, чтобы здесь на конференции не принимать решений наугад. Ведь, прежде всего, требовалась помощь именно в разрешении вопроса о том, какой из диалектов должен быть положен в основу развития данного литературного языка.

Насколько серьезным и трудным было по отдельным языкам это положение, свидетельствует следующая иллюстрация, которую я приведу из своих наблюдений. Когда я недавно был в

Абакане, руководящие работники Хакассии рассказывали о распространении унифицированной письменности в области, причем делали упор именно на трудностях, связанных с тем, что до сих пор еще не выяснено, какой диалект кладется в основу хакасского литературного языка.

Председатель Облисполкома, зав. ОНО, и редактор областной газеты, с которыми я беседовал — представители различных диалектов Хакассии. И вот после того, как более, чем на протяжении года, на практике проводились решения ново-сибирской конференции, основной задачей которой было внести ясность в вопрос о диалектах, оказалось, что никакой ясности тут нет, что товарищи, руководящие культурным строительством в области, не ориентируются в этом основном вопросе развития своей письменности. В результате не подготовлены условия для создания школьной грамматики родного языка и для введения стандартного провописания. И не только это: неизвестно, на какой диалект в основном ориентироваться, нельзя сделать и заключения о том, насколько самый алфавит в его теперешнем составе соответствует литературному языку. Не приходится говорить, насколько такая неясность в основных вопросах развития письменности отражается на темпах ликвидации неграмотности, на качестве издательской продукции и школьного преподавания. Редактор областной газеты "Qьzьl aal" т. Спирин с горечью рассказывал, с какими надеждами делегаты отправлялись на ново-сибирскую конференцию, созванную Комитетом Нового Алфавита. Но, к сожалению, того, за чем ехали, они там не получили. Они так и вернулись с конференции, не узнав, как нужно подойти к вопросу о выработке хакасской орфографии. Письменность у них существует несколько лет, газеты издаются, издается довольно большое количество книг, но все это делается без орфографического стандарта, без какой бы то ни было ориентации на определенный диалект.

Наконец, третий вопрос — о правильности общих установок в орфографической работе, которые давались Научным Советом. Можно ли сказать, что Научный Совет достаточно глубоко разработал принципиальные вопросы орфографии латинизированных письменностей? Нет, этого сказать мы не можем. Тот об'ем неотложных практических работ, которые на протяжении небольшого времени проведены по созданию десятков новых алфавитов, по созыву ряда конференций, на которых стояли в основном опять-таки вопросы алфавита, определил собою характер первого периода участия Научного Совета в латинизационном движении, как периода алфавитного строительства. Этот первый пленум Научного Совета является началом нового этапа в научном руководстве латинизационным движением в СССР, основным содержанием которого должно быть укрепление уже созданных на НА письменностей, борьба за высокое качество этих письменностей, а следовательно углубление теоретической разработки вопросов орфографии. Сейчас отставание теории от практики орфографической работы еще более резкое, чем в других отраслях нашей науки.

Те общие мысли, которые высказывались на Пленумах, которые проводились через центральный орган Комитета Нового Ал-

фавита „Культура и Письменность Востока", говорят о том, что теоретическая разработка орфографии латинизированных письменностей шла в отрыве от изучения опыта мест, что, в основном правильно намечая задачи создания массовой орфографии национальных письменностей, Научный Совет работал в отрыве от практики, от богатейшего опыта мест, от конкретных и, зачастую, весьма сложных взаимоотношений, которые складывались на местах, в связи с неизученностью опыта развития других национальных письменностей, а главное — благодаря неизученности диалектов, на основе которых стихийно росли литературные языки. Я думаю, что основной вопрос орфографии — соотношение между морфологическим и фенетическим принципом — этот основной вопрос, по которому велись абстрактные споры в прессе и, в частности, в органе ЦК НА, оказался в основном правильно разрешенным именно практикой, минуя или во всяком случае очень мало обращаясь к помощи теории. И вот сейчас задача, которая стоит перед практическим языковедением, состоит в том, чтобы возможно скорее изучить этот опыт и на основе его продолжать систематическую разработку уже отдельных вопросов орфографии и таким образом усовершенствовать письменности народов, принявших НА.

После краткой характеристики того этапа, который пройден Научным Советом, перехожу к обзору состояния современных национальных орфографий. Начну с „проклятой" проблемы соотношения между отдельными принципами орфографии — традиционным, морфологическим и фонетическим.

В тезисах я указываю на то, что самый факт перехода на новый алфавит, который должен стать основой массового письма, который должен способствовать скорейшей ликвидации неграмотности среди национальных масс республик и областей, разумеется отвергает самую возможность отстаивания традиционно-исторического принципа в орфографии. Но если теоретически дело обстоит так, то на практике традиционный принцип в системе правописания далеко не отброшен. Мы имеем в таких языках как таджикский, средне-азиатско-еврейский, персидский, бурято-монгольский, калмыкский и, наконец, в в ряде тюркских языков, связанных со старой арабской письменностью, известное число традиционно-исторических написаний. Возьмем такие пережитки, как апостроф в таджикской письменности и ряд других случаев традиционно-исторического написания в тюркских, иранских и монгольских орфографиях, поскольку эти языки были связаны со старой арабской и монгольской письменностью и поскольку ряд условностей старого письма они переносят в новую орфографию, созданную на базе нового алфавита. Так например, в таджикской орфографии сохраняется апостроф в таких словах, как *ta'rix* — история, *ma'ruza* — доклад, хотя они произносятся *tarix, maruza*. В среднеазиатско-еврейской письменности по традиции сохраняется суффикс прямого дополнения *"ro"*, отсутствующий в живой речи: *mohoro ham navis* вместо *mohoja ham navis*. В тюркских письменностях, действовавших прежде на арабской графике, нельзя не отметить помимо условностей правописания заимствованных арабских слов также наличие случаев традиционного написания

тюркских слов под влиянием арабской системы письма, например, в области раздельного и слитного написания слов и т. п. Я говорю именно об этих пережитках, об этих случаях традиционно-исторических написаний, которые до поры, до времени сохраняются, но с которыми уже сейчас необходимо вести последовательную борьбу. Разумеется в другом положении стоят случаи традиционно-исторического написания, например, в заимствованных именах и названиях и в тех словах, которые стали международными. Совершенно ясно, что здесь нельзя говорить ни о фонетическом, ни о морфологическом принципе, в применении к данному языку, поскольку речь идет о таком написании слов, которое является общим и для других языков и которое вошло в данный язык именно в силу его так сказать международной традиции. Совершенно, повторяю, ясно, что в этих случаях мы имеем ряд якобы традиционных написаний, но, разумеется, совсем не того качества, которое мы имели ранее в старых письменностях, тормозивших развитие языка, а не двигавших его вперед по пути сближения с другими языками.

Таким образом, говоря о принципах, положенных в основу орфографических систем письменностей, созданных и создаваемых на новом алфавите, мы имеем в виду решение проблемы соотношения между принципами морфологическим и фонетическим. Этот вопрос стоял, в сущности, на всех пленумах ВЦК НА, начиная со второго, причем обсуждение его нередко сводилось к тому, насколько один принцип лучше другого. А между тем, уже сама практика показала, что ни тот, ни другой принципы сами по себе не лучше и не хуже, а дело состоит том, чтобы найти такое соотношение этих двух принципов не только в отношении орфографии в целом, но и в отношении к отдельным случаям правописания, которое бы обеспечило наиболее легкое усвоение письма и чтения для масс трудящихся, говорящих на данном языке, и которое с другой стороны, было бы наиболее целесообразным, удобным и наиболее последовательно разрешало бы диалектологическую проблему в орфографии.

Ведь совершенно ясно, что фонетические и морфологические моменты выступают как две стороны одного и того же случая правописания, поскольку мы имеем в виду не просто написание отдельного слова, вырванного из системы грамматических связей и диалектов, а стандартную передачу определенных явлений литературного языка в их отношении ко всей системе языка и ко всем его диалектам. Глухое написание в конце при озвончении в середине слова является фонетическим моментом, поскольку оно отражает особенности живой речи, и в то же время—это явление морфологическое, поскольку оно противопоставляет начало слова его середине и концу и таким образом выделяет это слово из потока других слов. Нельзя разрывать фонетические и морфологические моменты, как изолированные и относящиеся к каким-то различным и даже исключающим друг друга системам правописания. Как же тогда быть с таким положением, когда морфологический момент все же противопоставлен фонетическому, например в характерном для тюркских языков написании основ и окончаний, когда по ряду язы-

ков основы пишутся морфологически, а окончания—фонетически, а в некоторых письменностях наоборот, аффиксы оформляются в большой степени морфологически. Однако и в этих случаях нет непримиримого противоречия между обоими принципами правописания. Возьмем такие наиболее типичные явления, как сингармонизм и ассимиляция согласных в аффиксе. С чем мы здесь имеем дело—с морфологическим или с фонетическим принципом? В тех случаях, когда казакский язык, последовательно сингармонистический и не дробящийся на диалекты, нарушает губной сингармонизм, например, в *qolь* (его рука) вместо *qolu*,— есть ли это фонетический или морфологический принцип? Когда в туркменском языке для *gynner* (дни), орфография дает "*gynler*",— есть ли это фонетический или морфологический принцип? Там, где орфография построена с учетом живых диалектов, где в основе орфографии лежит какой-нибудь из существующих диалектов и где, следовательно, оформление аффикса дается таким, как оно действительно существует в живом языке, хотя и не во всех диалектах, там это явление выступает одновременно и как фонетический, и как морфологический момент.

Если взять тюркские языки, то в отношении к одним диалектам отсутствие губного сингармонизма в написании, отражая особенности диалекта, как они существуют в живой речи, выступает, как фонетический момент в орфографии. Наоборот, для представителей других диалектов, сохранивших губной сингармонизм, это написание не выражает звуковую сторону речи, не является фонетическим, поскольку они произносят данное слово иначе, и оно поэтому осмысливается лишь в ряду определенных морфологических категорий литературного языка, основанного на другом диалекте.

Но вполне ясно, что литературный язык имеет одной из основных целей — воздействовать на развитие живых диалектов в сторону их сближения. Те противоречия, которые до поры до времени существуют в смысле разрыва между фонетическим и морфологическим принципом в орфографии литературного языка в его отношении к диалектам, будут и должны сниматься, поскольку система правописания будет становиться все более последовательно грамматической, изживая собою все пережитки анархического фонетизма, и в то же самое время она будет по мере сближения диалектов, все более и более близко передавать строй и отдельные особенности живого языка. Другими словами, в будущем развитии орфографий формирующихся сейчас литературных языков последовательное применение грамматического принципа будет означать не возврат к старым морфологическим написаниям, стоящим в противоречии с живой речью, а именно усиление той тенденции в правописании, которую мы называем фонетической и которая должна быть возможно полнее и последовательнее проведена, раз мы хотим сделать новые письменности наиболее легкими и доступными массам.

Общая тенденция, которую сейчас можно установить в развитии национальных орфографий, состоит в том, что языки, дробящиеся на диалекты, в большой мере морфологичны в своей орфографии, а языки, не дробящиеся на диалекты, в большей мере фонетичны. По группам можно указать на такие две: ор-

фографии тюркских языков в большей степени фонетичны, иранских — в большей степени морфологичны.

Если взять только эти две группы языков, то в чем причина того, что в одних преобладает морфологический принцип, а в других — фонетический? Очевидно, причина состоит в том, что иранские языки, помимо того, что они дробятся на диалекты, имеют в качестве базы для развития литературного языка не свои реально существующие диалекты, а отличный от них литературный язык, нормы которого не могут быть переданы в орфографии иначе, как с помощью морфологического принципа.

Однако и в тюркских языках, в том числе тех, которые не дробятся на диалекты, как например, казакский, мы имеем ряд случаев морфологического написания, вполне законных и нисколько не противоречащих требованию приблизить письмо к живому произношению.

В казакском языке сохранился губной сингармонизм, но в ряде других тюркских языков губная гармония отмерла.

Это отмирание выражает определенную тенденцию в развитии тюркских языков. Таким образом, в отношении современного состояния казакского языка отход от губного сингармонизма в орфографии — момент морфологического порядка, он как бы противоречит фонетическому принципу. Так, например пишется *tyje* (верблюд) вместо фонетического *tyjo*, *qoldar* (руки), а не *qoldor*, *tuzь* (его соль), хотя оно произносится хак *tuzи* и т. п. Но нужно сказать, что эта установка на последовательный морфологизм дает наиболее правильное разрешение проблемы приближения письма к произношению по мере усиления и в казакском языке тенденции к отмиранию гармонии гласных, которая уже теперь падает дальше первого слога аффикса: *tyjөlөrimizge* (нашим верблюдам).

То, насколько решающими при установлении соотношения между морфологическим и фонетическим принципом являются вопросы диалекта, доказывают следующие примеры. В каракалпакском языке, где губная гармония удерживается в одной группе диалектов и отсутствует в другой, существующая практика дает постоянное расхождение, постоянный разнобой в написании губных и негубных гласных. Сплошь и рядом в одной и той же статье, в одной и той же строке не только газеты, но и книги можно найти написание с губными и не губными гласными, как в аффиксах, так и в основах.

Так например, в одном и том же номере газеты „Qьzьl Qaraqalpaqьstan“ мы находим слово sorup (спрашивая) наряду с sorьp, kyşyn (его силу) наряду с kyşin, çoqluq (отсутствие) наряду с çoqlьq и т. п. Такая же непоследовательность в проведении губного сингармонизма характеризует и ногайскую прессу, причем не выдержаны в огублении гласных не только газеты и брошюры, но даже орфографические справочники. Правило орфографии ногайского литературного языка о том, чтобы последовательно заменять начальный ç кубанского и других диалектов через начальный j северо-дагестанского на практике не проводится. В ногайской литературе, изданной за последние два года в Черкесской области, бросаются в

глаза частые случаи произвольного употребления то начального j, то начального ç даже в отношении одних и тех же основ: jet (достигай) и тут же, в этом же номере газеты—çej.

Каковы же те моменты, которые характеризуют состояние теперешней орфографии латинизированных письменностей СССР? Остановлюсь вкратце на следующих основных вопросах орфографии; слитное и раздельное написание слов, правописание основы и аффиксов, вопросы сингармонизма и долготы в правописании, вопросы пунктации, орфография интернациональных и заимствованных терминов.

В отношении слитного и раздельного написания слов мы имеем в подавляющем большинстве орфографий латинизированных письменностей стремление писать раздельно значимые слова независимо от их грамматической категории, а также служебные слова и частицы. В основном эта практика достаточно последовательна, однако по отдельным случаям слитного и раздельного написания слов ряд орфографий дает значительные расхождения. В большинстве новых орфографий принято писать раздельно определение и определяемое, дополнение и дополняемое. В тюркских, монгольских, а также в части иранских и яфетических письменностей это правило распространяется и на такие слагаемые, которые формально (по ударению и падежному изменению) сливаются в одно слово. Однако есть стремление писать их не раздельно, а слитно, если они образуют одно понятие, причем гармония гласных, играющая первостепенную роль в орфографиях сингармонистических языков, может в этом случае нарушаться. Так, например, в кара-калпакском и др. „bu kyn“ „этот день“, пишется раздельно, но „bugyn“ „сегодня“—слитно. В казакском и др. „qara qus“ „черная птица“ пишется раздельно, но „qaraqus“ „орел“—слитно. В туркменском и др. слова типа „muna bilbaq“ „пояс, кушак“ пишутся слитно, несмотря на то, что они сложены из твердой и мягкой основы. Наряду с этим мы наблюдаем в некоторых орфографиях стремление сохранить во что бы то ни стало сингармонизм и в угоду ему писать раздельно (либо через дефис) единое слово. Например, в киргизском слово «muntip» „сделав так“, составленное из „manu“ и „etip“ пишут через дефис (mun-etip), сохраняя отсутствующий в этом слове начальный гласный вспомогательного глагола „et“.

Итак, если новые орфографии твердо следуют правилу писать раздельно все значимые слова, не сливающиеся по значению или по формальным признакам (по ударению, сингармонизму и т. п.) в одно слово, то при наличии такого слияния существующая практика решает вопрос различно по одним и тем же случаям правописания, т. е, данные слова пишутся то слитно, то раздельно, то через дефис. Можно ли дать какой-нибудь рецепт написания этих слов? Дать единый рецепт для всех орфографий, разумеется, нельзя.

Надо особо подойти к каждому языку в отдельности, учтя преобладающий в нем тип сложения слов, количество слагаемых, такие формальные признаки единого слова, как ударение, сингармонизм, где он последовательно проводится по всей орфографии и т. п. Если взять иранские или тюркские языки, то

в словах, образованных по типу сложения основ бывает, как норма, два слагаемых. Поскольку одни из этих языков несингармонистические, а другие имеют тенденцию к изживанию сингармонизма, — ничто не препятствует слитному написанию слова, хотя бы оно было образовано из твердой и мягкой основы. Учет сингармонизма может служить достаточным основанием для раздельного написания этих основ лишь в тех последовательно сингармонистических орфографиях, в которых частичное нарушение сингармонизма затруднило бы широким массам усвоение родной письменности. Совершенно другое положение мы находим в тех языках, в которых составное слово образуется из трех, четырех и большего количества основ, причем эта многосоставность не является случайной, а достаточно широко распространена в языке. Положим, в таджикских словах типа ruznoma „газета“ (из ruz „день“ и noma „книга, писание“), korxona „фабрика“ (из kor „дело“ и xona „дом“) пишутся вместе, так как они сливаются в одно слово, отличное по значению от суммы слагающих его основ. Значит ли это, что, скажем, в мордовской орфографии слова, выражающие понятие „зрачек“ — „сельме ломань“ надо писать вместе на том основании, что сельме — „глаз“ и ломань — „человек“, дают в сложении не „глазной человек“, а новое понятие — зрачек. Нет, эти слова пишутся раздельно, несмотря на то, что по значению они сливаются в одно слово. Едва ли можно возражать против этой практики, если учесть многосоставность сложения основ в современном мордовском языке. В самом деле, при слитном написании разросшихся в целую строку слов, мордовская орфография рисковала бы встретиться со значительно большими трудностями, чем те, какие возникают в немецкой письменности, при беглом чтении многосоставных слов.

Итак, практику слитного и раздельного написания значимых слов в орфографиях, действующих на новом алфавите, мы можем характеризовать как в основном правильную и последовательную.

Практика слитного и раздельного написания служебных слов, частиц и аффиксов дает больше расхождений и противоречий в деталях.

Отмечу некоторые из них. В адыгейском и кабардинском — двух очень близких языках — аффиксы одного и того же рода пишутся по-разному — в адыгейском слитно, а в кабардинском — раздельно. В таджикском, персидском и средне-азиатско-еврейском союз „va“, „və“ в значении „и“ пишется раздельно, но другой союз „о“, „и“ в том же значении пишется слитно со словом, либо через дефис. В аварской орфографии аффиксы, имеющие семантику предлогов или союзов, пишутся то слитно, то раздельно, то через дефис. По ряду орфографий мы находим много условностей в употреблении дефиса. Так, например, в таджикском одни сложные слова (образованные при помощи союза „и“) пишутся через дефис (guftu-gú ‘разговор’), в то время как другие пишутся то слитно (в сложных именах korxona „фабрика“), то раздельно (в сложных глаголах: kor kardan „работать“). В практике туркменской орфографии через дефис пишутся безударные элементы dыr - dir „есть“, dь—di

'был' и mь—mi 'ли?' вопреки постановлению конференции о слитном написании этих безударных частиц. Из практики написания слов через дефис напрашивается вывод о необходимости свести употребление дефиса до минимума, ограничивая его в основном случаями удвоения слова типа усилительного sap safed „белый-белый" (таджикск.) dyrli dynli—„различный-преразличный" (туркменск). и т. п., а также случаями соединения смежных по значению слов, дающих обещающее понятие, как в туркменск. oqьv-jazuv (чтение, письмо, грамотность).

Таким образом, характеризуя орфографию письменностей, действующих на НА, в области раздельного и слитного написания в основе удовлетворительной по большинству этих письменностей, мы должны все же отметить имеющиеся расхождения в отдельных деталях внутри этих орфографий, такие расхождения, которые мешают стандартизации письма и укреплению массовой письменности.

Следующий вопрос—правописание основ и аффиксов. Мы видим, как в правописании основ по одним языкам в большей степени проводится фонетический принцип, а по другим языком — морфологический, то же и в отношении к аффиксам. Однако, основная тенденция, которая здесь сказывается, это стремление максимально фонетизировать написание аффиксов там, где этому не мешают различия диалектов и наряду с этим—тенденция к удержанию морфологического момента в написании основ.

Возьмем примеры из орфографий, в которых правописание аффиксов дается морфологически, и сопоставим их с примерами правописания, основанного на противоположном принципе, т. е. фонетическом в аффиксах и морфологическом в основах.

1)	işde	(на работе)
	tarapdan	(со стороны)
	gerekdir	(нужно)
	ajьtdьr	(вели говорить)
	jaşdaş	(сверстник)
Но:	ajdar	(он скажет)
	kitabьm	(моя книга)
2)	qьzda	(у девушки)
	qьzdan	(от девушки)
	qьsta	(зимой)
	qьstan	(от зимы)
	baspaq	(давить)
	çazbaq	(писать)
Но:	duzşь	(продавец соли)
	çazsa	(если пишет).

Первый пример из туркменского. Он говорит о том, что существующее сейчас морфологическое написание аффикса может быть пересмотрено в сторону большего фонетизма, поскольку в живой речи мы имеем прогрессивную ассимиляцию с заменой d на t. Здесь можно было бы равняться на такие орфографии, как казакская и др., в которых более последовательно проведено фонетическое написание аффиксов.

В отношении правописания основ большинство орфографий очень строго придерживается того, чтобы конечная согласная основы не изменялась при изменении слова, не подвергалась регрессивной ассимиляции. Это мы видим из второго примера (из каракалпакской орфографии), где верхние слова дают фонетическое написание аффиксов, а нижние — морфологическое написание основ. В словах duzşь и çazsa регрессивная ассимиляция не отображена, хотя эти слова произносятся с уподоблением конечного согласного основы начальному согласному аффикса duşş и çassa.

Таким образом в отношении к основам возможна дальнейшая их фонетизация. Необходимо договориться о пределах соблюдения морфологического принципа в правописании основ. Ведь, если конец основы будет несколько иначе изображен, то облик всего слова этим как будто не искажается. Ведь тот же пример из туркменского, закономерный и для других тюркских орфографий, с ajdar при ajьt и kitabьm при kitap показывает, что несмотря на стремление орфографически сохранить во что бы то ни стало одну и ту же основу, тюркские орфографии нарушают этот принцип и дают озвончание согласных при присоединении к ним аффиксов, начинающихся с гласного звука. Это существующее нарушение морфологического принципа в отношении конечной согласной необходимо распространить на все случаи и, таким образом, в еще большей степени приблизить письмо к произношению.

Из примеров нарушения фонетического принципа, не оправдываемого состоянием языка и его диалектов, необходимо отметить такую загадку киргизской орфографии, как орфографическое kyl (смейся), которое произносится gyl, т.-е. с начальным звонким, и орфографическое gyl (цветок), которое произносится kyl, т.- е. с начальным глухим. Как бы ни об'яснять происхождение этой загадки, все же мы имеем в киргизском такое несоответствие, когда из парных k, g все национальные слова вначале не могут иметь глухого, а только звонкий, который в орфографии всегда передается через глухой и, наоборот, заимствованные слова начинаются в языке всегда с глухого, а пишутся через звонкий.

Третий вопрос о том, как передаются в новых письменностях явления сингармонизма и долготы. Тенденцию развития новых орфографий в области обозначения сингармонизма, а также допускаемые на практике расхождения в передаче гармонии гласных мы уже рассмотрели в связи с вопросом о диалектах. Теперь о долготе. Мы видели, что в туркменском языке есть долгота гласных, но она в орфографии отсутствует, То же мы имеем и в ингушском языке. Это ведет к большим затруднениям при усвоении чтения и письма. Отсутствие на письме существующей в языке долготы ведет к тому, что даже квалифицированные товарищи не могут научиться бегло читать, спотыкаясь именно на словах с долгими гласными. Ведь слов, значение которых различается лишь по долготе,—в языке не единицы, а многие десятки. Кроме того, такое слово, как „ata“— отец, в то же время передает и дательный падеж — отцу, к отцу, хотя в языке дательный имеет конечный „a“ долгий.

Итак, помимо наличия достаточно большого количества слов с долготой в основе, на письме не передается также долгота в аффиксах. Это вдвойне запутывает читающего и мешает усвоению письма.

Следующий вопрос — пунктуация. В основном орфографии письменностей, действующих на НА, следуют здесь практике русского языка. Так, например, запятая нередко ставится по русскому образцу перед союзами, хотя в ряде языков последние об'единяются в интонационное и логическое целое не с последующими, а с предыдущими словами, вследствие чего запятая должна была бы стоять не перед, а после союзов. Правда кое-где имеются отступления, поиски более целесообразного решения вопросов пунктуации применительно к особенностям данного языка. В частности, очень интересно употребление запятой в туркменской письменности, где логическое подлежащее простого предложения отделяется запятой. Этот случай употребления запятой следует учесть другим письменностям, так как отсутствие границы, отделяющей на письме логическое подлежащее, часто приводит к недоразумениям. Есть предложение отделять запятой логическое подлежащее и в монгольских орфографиях.

Другая деталь—постановка запятой при перечислении в предложениях с однородными членами. На практике некоторых письменностей имелась тенденция не писать запятой между перечисляемыми членами слитного предложения, по крайней мере там, где их только два. Совершенно ясно, что здесь отсутствие запятой затемняет смысл предложения, делает его двусмысленным. Например, слова „баи и феодалы“ при отсутствии запятой могут быть поняты как „богатые феодалы“ и т. д.

Эти и другие детали пунктуации особых трудностей не представят, если к ним подойти с учетом особенностей синтаксиса данного языка.

Наконец, последний вопрос — это оформление интернациональных терминов. Здесь имеются большие расхождения как внутри отдельных орфографий, так и между орфографиями отдельных национальных письменностей. И все-таки, по сравнению с прошлыми годами, в теперешних письменностях заметны попытки упорядочить практику правописания заимствованных слов, принципиально рассмотреть и обосновать отдельные случаи и группы оформления интернациональных терминов. Сошлюсь на появившееся сейчас в ряде языков слово „proletar“ вместо „proletarij“, которое было раньше. В таких словах, как „конференция“ русское „ц“ передавалось обычно через „ts“, причем сохранялось и русское окончание. Мы имели либо „konferentsija“, либо „konferentsia“. За последнее время в словах данного типа, при отсутствии в языке фонемы „ц“, заметно стремление давать более рациональное оформление „konferensi“. Все же теперешнее состояние орфографии вновь усваиваемых слов остается по ряду языков далеко не удовлетворительным. В одних орфографиях заимствуемые слова пишутся согласно правилам правописания данного языка, причем эти слова подвергаются таким значительным фонетическим изменениям, которые нередко делают слово вовсе неузнаваемым. Это относится

к якутской и адыгейской орфографиям, а также частично к казакской. Примеры полного искажения интернациональных слов по этим языкам уже отмечались в печати. Сошлюсь только на отмеченное в якутской орфографии написание слов революция, большевик, в виде yrebelytsyjə, bassaabьk. В других орфографиях преобладает стремление заимствовать слова в их русской орфографической форме, иногда с сохранением русских окончаний, например kommunalnьj (кара-калпакск.), mobilizovajt (казанско-татарск.) и т. п. Наконец, до сих пор наблюдаются случаи, когда в написании заимствуемых слов отдельные орфографии следуют не русскому правописанию, а русскому произношению, что ведет к непоследовательному и произвольному написанию одних и тех же слов, напр. satsial наряду с sotsial и т. п.

Все же сейчас в большинстве новых орфографий заметен отход от прежнего фонетизма при усвоении национальных слов через русский язык, что вело к произвольному написанию слова. Эти орфографии в основном заимствуют новые слова через русское написание и в то же время проводят ряд усовершенствований в смысле отбрасывания излишних окончаний и т. п. Тенденция найдена на практике верная, но она нуждается в том, чтобы ее последовательно развить по отдельным типам заимствований и узаконить путем издания соответствующих орфографических справочников. В заключение—несколько слов о тех недостатках новых орфографий, которые связаны с наличием в алфавитах лишних знаков для обозначения одних и тех же вариантов фонем и с отсутствием обозначения кратких гласных. В чеченском есть знак, являющийся вариантом долгого „е". В таджикской орфографии „і" долгий передается то через ӣ, ӥ то через ӥ. Лишние знаки для обозначения вариантов фонем находятся и в некоторых других письменностях. В частности возникает вопрос, является ли особой фонемой звук, изображаемый сейчас в хакасской письменности буквой 4. Там можно встретить слова, в которых имеется четыре и больше таких буквы. В Минусинске на уличных надписях бросаются в глаза слова, которые испещрены этими і с хвостиками. Когда я спросил одного из деятелей хакасской письменности, почему нужно писать этот знак, то после некоторого обсуждения вопроса оказалось, что находится только один случай, а именно в словах kir (войди) и kцr (введи), где знак этот можно считать особой фонемой. Если дело обстоит так, то ради одного или нескольких слов вводить знак для этой фонемы едва ли стоит, если бы даже она и существовала. Недавно со стороны ряда научных работников внесено предложение о сохранении в тюркских письменностях только „к" и „g", устранив их варианты, связанные с твердой огласовкой. Практические удобства такого сокращения алфавита показывает зарубежный опыт тувинской письменности. Предложения, касающиеся сокращения алфавитов и связанной с этим рационализации орфографий, должны быть возможно полнее обсуждены.

К недостаткам отдельных орфографий следует отнести также отсутствие обозначения на письме кратких гласных. Краткие гласные пропускаются в калмыцкой и курдской орфографии и, частично, в казанско-татарской. Пропуск кратких гласных

несомненно затрудняет чтение, поскольку отдельные слоги в словах остаются на письме не обозначенными. Так, например, в казанско-татарской орфографии, помимо пропуска гласных „ь“ и „е“ в закрытых слогах (timrneih—род. падеж от timer железо) и в первом открытом слоге (krə вместо kerə) встречаются нередко такие слова, как şqrdatьp, представляющие собой какой-то шифр, для распознания которого нужно заранее знать слово и его произношение. Эта практика недалека от условностей старой арабской письменности. Трудности ее для учащихся очевидны.

Из этого краткого обзора основных моментов, характеризующих теперешнее состояние новых орфографий, мы приходим к выводу, что положение с орфографией у нас благополучное и что те расхождения, которые имеются в орфографиях новых письменностей, в основном не носят принципиального характера, за исключением таких орфографий, как узбекская, где вопрос заключается не в самих принципах правописания, а в изучении диалектов и разрешении диалектологических проблем. Сейчас основная задача состоит в поднятии орфографии на более высокую ступень путем устранения этих практических противоречий. Вместе с тем необходимо усилить борьбу за подготовку кадров и за последовательное проведение установленных правил правописания через печать, делопроизводство и школьное преподавание. Для того, чтобы эти задачи могли быть успешно разрешены, требуется усилить научную разработку вопросов орфографии в соответствующих научно-исследовательских организациях и сочетать массовость в практической работе с развернутым изучением проблем орфографии в научно-исследовательских организациях, чтобы обеспечить в дальнейшем усовершенствование и такую стандартизацию орфографических систем новых национальных письменностей, которая требуется сейчас, как никогда, для того, чтобы закрепить те достижения, которые мы имеем за годы первой пятилетки в области создания новых орфографий и которые служат прочной базой для успешного развития национальных письменностей во второй пятилетке.

В качестве организационного пожелания я совершенно так же, как и тов. Диманштейн, хочу указать на необходимость создания в составе Научного Совета особой орфографической комиссии, которая в увязке с научно-исследовательскими организациями и органами народного образования национальных республик и областей, путем применения метода социалистического соревнования между отдельными письменностями, проведения массовых конкурсов и другими формами привлечения широкой общественности к борьбе за массовое освоение родной грамоты,—содействовала бы поднятию качества новых письменностей народов СССР.

А. ХАШИМОВ (Узбекистан)

Тов. Коркмасов в своем отчетном докладе отметил, что НС больше руководит разработкой литературного языка и орфографии в национальных республиках. Одним из доказательств

этого является проведенное 7 января 1933 г. совещание при участии НС по вопросам нового узбекского литературного языка и его орфографии. Совещание учло современные тенденции узбекского языка, соответствующим образом изменив те или другие пункты решения майской конференции 1929 г.

Я хочу обосновать здесь резолюцию этого совещания, тем более, что в Узбекской республике скоро должна быть созвана по этому вопросу специальная комиссия, которая займется обсуждением этой резолюции. Поэтому я постараюсь обосновать пункты резолюции на конкретных примерах, исходя из современных тенденций узбекского языка.

Мне придется, разумеется, ограничиться лишь основными вопросами, касающимися узбекского нового литературного языка и его орфографии. Эти вопросы являются самыми насущными; они поставлены социалистической культурной революцией, которая происходит в Узбекистане. Современный этап культурной революции в Узбекистане требует установления научно-проверенных путей дальнейшего развития узбекского литературного языка и упрощения узбекской орфографии.

Я считаю необходимым остановиться вкратце на развитии узбекского литературного языка; это даст возможность, с одной стороны, выявить особенности современного этапа в развитии литературного языка и, с другой стороны,—выявить имеющиеся в этой отрасли недостатки и найти исторические корни тех чуждых установок, отголоски и остатки которых до сих пор существуют и возможность рецидива которых имеется.

Поскольку все эти чуждые установки концентрировались вокруг чагатайского литературного языка, то я начну именно с него.

Возникновение чагатайского литературного языка относится к началу XIV века; оно обусловило образование чагатайской литературы. В XIV—XV веках, когда через Среднюю Азию (через Бухару и Самарканд) проходила торговая дорога, соединяющая Китай и Восточный Туркестан с Индией, Европой и Персией, причем Средняя Азия играла посредническую роль и сама участвовала в этой торговле,—феодализм поднялся на более высокую ступень.

В эту эпоху образовалось феодальное государство Тимура и Тимуридов. В эту эпоху усилилось господство помещиков-феодалов, племенной феодальной чагатайской аристократии; ее идеология пропитала, разумеется, и литературу. Чагатайская литература возникла во дворцах Тимура и Тимуридов и достигла наивысшего развития с появлением произведений Атаи, Байкара, Лютфи, Наваи, Бабура и др. Многие из этих писателей были сами ханами, визирями и крупными феодалами. Все их произведения написаны на литературном чагатайском языке.

Чагатайский язык, как литературный, оформился в особенности во времена Наваи. Наваи не только писал свои произведения на чагатайском литературном языке, но и разрабатывал отдельные проблемы чагатайского литературного языка. Специальные работы он посвятил разбору его словарного богатства, преимуществу его перед персидским языком и призывал писать на чагатайском литературном языке.

В сделанных Наваи противопоставлениях чагатайского и персидского языков и в превознесении им преимуществ чагатайского языка ярко отражается стремление чагатайской аристократии создать свой язык. С другой стороны, здесь сказываются противоречия, соперничество, существовавшие между чагатайской и персидской аристократией из-за господства в Персии, ибо часть Персии, с центром в Герате, находилась в то время под властью одного из Тимуридов—Байкара, визирем и близким другом которого был Наваи. Подчеркивание преимуществ и словарного богатства чагатайского языка перед персидским должно было косвенно доказать право чагатайской аристократии на господство в Персии.

Отсюда ясно, почему националисты-пантюркисты в части литературного языка до и после Октября выпячивали значение Наваи, об'являя его своим „дедушкой", борцом за тюркский язык. Националисты-пантюркисты доходили до утверждений, что Наваи, и в его лице—чагатайский литературный язык, приближался к живым диалектам.

Но история показывает обратное. Чагатайский литературный язык был языком чагатайской феодальной дворцовой аристократии, все более отдалявшимся от живых чагатайских диалектив (барласов, джалпар, тюрков и чагатай). Чагатайский литературный язык развивался под сильным влиянием персидского и арабского языков, пропитываясь фарсизмом и арабизмом. Он развивался, заимствуя не только персидские и арабские слова, которые составляют в нем 80—90%, но и грамматические формы.

В XVI веке земли Тимуридов были завоеваны узбеками во главе с Шайбаны-ханом. Но узбекская родовая племенная аристократия, победив чагатайскую аристократию, не задушила существовавшую до нее чагатайскую литературу и чагатайский литературный язык, а наоборот, пригласила к себе видных представителей чагатайской литературы, дворцовых поэтов—как Мамадсалых, Маджилиси, Паша Ходжа и др. Мамадсалых, перейдя на сторону узбекской аристократии, создал большую поэму о завоеваниях Шайбаны-Хана („Шайбаны Намэ"). Переход части чагатайских поэтов на службу узбекской феодальной аристократии вызывал недовольство других чагатайских писателей, вылившееся в ряде саркастических стихотворений, где их называют изменниками и т. д. Это недовольство являлось отражением противоречий, существовавших между узбекской и чагатайской аристократией. Но эти противоречия, повторяем, не мешали узбекской дворцовой аристократии продолжать традиции чагатайского литературного языка.

После Шайбаны начинается образование отдельных феодальных ханств. Литература и язык продолжают развиваться в отдельных ханствах, имея центрами Коканд, Хиву, Бухару и т. д. В этот период—период Умар-хана—в основном сохраняется прежняя традиция чагатайской литературы, имеет место некоторый расцвет дворцовой жизни и под'ем литературы дворцовой аристократии, из среды которой растут писатели. Писатели времен Умар-хана считали себя продолжателями Наваи.

Потом начался упадок, вытеснение чагатайского литературного языка персидским языком, языком медрессе и т. д. Не

только прекращается развитие этого литературного языка, но даже уничтожаются традиции чагатайского языка, происходит регресс, движение назад в связи с усилением господства арабского и персидского языков.

В начале второй половины XIX века Туркестан завоевывается русским капиталом. Начинается другая полоса в экономике и культуре. В Туркестан проникает русский капитал. Русский капитал носил колониальный характер, паразитический характер, и колониальная политика русского царизма, помещиков и буржуазии положила яркий отпечаток на развитие экономики тогдашнего Туркестана. Царизм всячески задерживал развитие производительных сил и помогал удерживать феодальные отношения.

Политика царизма заключалась, как вам известно, в задержке культурного развития трудящихся, в подавлении всякого национально-языкового творчества и в руссификации местных национальностей.

Колониальная политика царизма в Туркестане оставила яркий отпечаток на характере тех общественных отношений, которые развились уже на основе проникновения паразитического колониального русского капитала. На этой основе происходит рост торговой буржуазии, особенно крупной торговой буржуазии, которая была сама связана с царизмом и жила его подачками. Растет и городская мелкая торговая буржуазия, которая была связана с крупной узбекской торговой буржуазией. На этой основе мы видим развитие общественного движения, называемого джадидизмом, которое представляло интересы оформившейся узбекской торговой буржуазии. В джадидизме, с одной стороны, отражались интересы крупной торговой буржуазии,— отсюда либеральный характер, соглашательство этого движения; с другой стороны, мы видим в нем отражение интересов мелкой городской торговой буржуазии (например, в статьях, помещенных на страницах „Таракки“ и других газет джадидов после 1905 г.). Джадидизм отражал и стремление к промышленному развитию, хотя, конечно, элементы промышленного капитализма были так слабы, что не представляли решающего момента в социальной основе джадидизма. Все эти стороны нужно иметь в виду при анализе джадидизма, чтобы правильно подойти к социальной основе джадидистского движения. Я считаю, что основной решающей силой джадидизма была крупная торговая буржуазия.

Джадидизм охватывает не только экономику; джадидизм охватывает и вопросы идеологии, просвещения, литературы, языка. Джадидизм создал свою литературу (ряд джадидистских поэтов и писателей), свою печать, правда, печать слабенькую; в противовес старой школе джадидизм занимался просвещенческой деятельностью, открывая джадидистские школы, т.-е. школы, реформированные в духе новой торговой буржуазии, стремящейся к знанию. Джадидисты боролись за национальный язык, подразумевая под ним язык узбекской буржуазии. Они восстанавливают чагатайский язык; все газеты джадидистов до Октябрьской революции написаны в основном на чагатайском языке. При этом они не только восстанавливают чагатайский

язык, и добавляют к нему особенности других тюрских языков, внося некоторые элементы живых говоров: ташкенского, коканского, самаркандского и др. Это особенно заметно в драматических произведениях джадидов. Здесь можно усмотреть также некоторое влияние особенностей татарского, османского языка. Против этих влияний джадиды, воспитанные под влиянием татарских, османских пантюркистов, не возражали, но они боролись против всякого влияния русского языка, против введения русских слов. Последнее об'ясняется тем, что в области языка джадиды придерживались пантюркистских установок—идеи создания общего тюркского языка, в основе которого должен лежать османский язык. Эта идея была выдвинута газетой „Торджиман" во главе с Измаилом Гаспринским, журналом „Тюрк юрду" и др.

Вместе с тем, поддерживая идею создания общего тюркского языка, джадиды подчеркивали и другую сторону—необходимость приближения единого тюркского языка к чагатайскому литературному языку.

Об этом определенно говорит статья Ходжи-Мумина в журнале „Айна" (1914 год), анализирующая положения, выдвинутые „Шуро" об образовании, о создании единого турецкого языка, где проводится идея приближения единого тюркского языка к чагатайскому литературному. Это есть зародыш той линии, которая в дальнейшем после Октябрьской революции, влилась в определенное течение „Чагатай-грунгы". Так связывается идеология „Чагатай-грунгы" с идеологией (в особенности за последние годы) джадидизма в области развития узбекского литературного языка.

После Октябрьской революции для Узбекистана началась совершенно новая полоса. Октябрьская революция порвала цепи колониального рабства, дала новую жизнь трудящимся. Развитие экономики и культуры Узбекистана происходит уже при диктатуре пролетариата, под руководством коммунистической партии, под эгидой советской власти, в условиях ленинской национальной политики. Эти общие условия определяют ход развития всей экономики и культуры Узбекистана, в том числе и языка.

Языковая политика нашей партии и советской власти—это часть ленинской национальной политики, которая заключается в том, чтобы „помочь трудящимся массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов, развить и укрепить у себя действующие на народном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт, психологию местного населения, развить у себя прессу, школы, театры, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке, поставить и развить широкую сеть культурно-просветительных учреждений, культурно-просветительных школ как образовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для ускоренной подготовки туземных кадров, квалифицированных работников и советских, пар-

тийных работников по всем областям управления и, прежде всего, в области просвещения" (из постановлений X с'езда партии).

В результате осуществления ленинской национальной политики трудящиеся Узбекистана все более развертывают социалистическое строительство и культурную революцию: созданы школы I и II ступени на родном языке, созданы вузы, где преподавание все более переводится на узбекский язык, невиданными темпами развертывается ликвидация неграмотности (1—2% грамотных до революции и около 60% грамотности теперь), повышается культурный уровень трудящихся масс; развертывается национальная печать и издательство, переведены и переводятся на узбекский язык сочинения Маркса, Энгельса, Сталина, создается узбекская литература, национальные театры и т. д. Все это лишний раз доказывает, что „период диктатуры пролетариата и социалистического строительства СССР есть период разцвета культур, социалистических по содержанию и национальных по форме" (Сталин).

Результатом всего этого является быстрый рост нового литературного узбекского языка, который должен приобщить узбекские трудящиеся массы к пролетарской культуре.

Значение национального языка в условиях диктатуры пролетариата сформулировано тов. Сталиным в его речи в КУТВ'е и в докладе на XVI с'езде ВКП(б). Тов. Сталин четко указал на то значение, какое имеет национальный язык при диктатуре пролетариата, как форма, осуществляющая приобщение трудящихся данной национальности к пролетарской культуре. В этом и заключается значение национального языка. Задача заключается в том, чтобы направить развитие национального языка, в данном случае развитие узбекского литературного языка, в сторону обеспечения быстрейшего приобщения трудящихся масс Узбекистана к пролетарской культуре. Это значит, что новый узбекский литературный язык должен развиваться по пролетарскому пути.

Борьба за пролетарский путь нового узбекского литературного языка требует:

а) приближения его к живым говорам, в целях обогащения их словарным запасом;

б) использования этимологических форм всех узбекских диалектов;

в) выведения законов нового узбекского языка из изучения узбекских говоров и современного литературного узбекского языка;

г) обогащения и развития узбекского языка за счет интернациональных слов и терминов;

д) изжития недостатков, имеющихся в современном литературном узбекском языке, а именно—обилия арабских и персидских слов, не усвоенных и плохо усвояемых трудящимися массами, и замены их интернациональными словами.

В дальнейшей работе по составлению грамматики, синтаксиса узбекского языка мы должны исходить из законов существующего литературного языка и из законов живых говоров Узбекистана. Мы должны обогатить узбекский литературный язык

за счет интернациональных слов и научных терминов—вот что двигает вперед узбекский язык, его развитие по пролетарскому пути.

Что значит изжить недостатки, имеющиеся в современном литературном узбекском языке, сводящиеся к обилию арабских и персидских слов, не усвоенных массой и вновь введенных, и заменить их интернациональными словами? (Речь идет не о тех арабских и персидских словах, которые полностью усвоены, а о тех, которые новы, не усвоены трудящимися массами и которые нужно было бы заменить интернациональными терминами).

Вот этими основными линиями определяется ход развития нового узбекского литературного языка в целях ускорения приобщения трудящихся масс Узбекистана к пролетарской культуре.

С развитием нового узбекского литературного языка теснейшим образом связана его латинизация. Латинизация—это не есть только механическая латинизация письменности—это общественное движение, связанное в наших условиях, советских условиях, с развитием новых литературных национальных языков. Эту сторону я подчеркиваю потому, что до сих пор нередко понятие латинизации ограничивают только письменностью, не связывая этого дела с пролетарским путем развития новых национальных языков. Мы связываем латинизацию со всем развитием языков трудящихся масс, строящих социализм. Ведь латинистами могут быть и буржуазные демократы, стоящие на точке зрения развития языка по буржуазному пути! Это имело место и в Узбекистане, в лице „Чагатай-грунгы", где были элементы, боровшиеся за латинизацию, стоя в то же время на точке зрения буржуазного пути развития узбекского литературного языка.

Я не буду останавливаться на истории развития латинизации в Узбекистане. Здесь я подчеркиваю связь нового литературного узбекского языка и латинизации, которая дала возможность ускорить развитие последнего.

Вопросами узбекской орфографии мы занимаемся не впервые. Вопросы орфографии ставились на ряде происходивших в Узбекистане конференций, посвященных языку и орфографии. Но на данном этапе языкового строительства и запросы культурной революции, и накопленный нами опыт требует, чтобы мы еще раз поставили все эти вопросы и приблизились к правильному их разрешению.

Я укажу только основные моменты, способствующие разрешению вопросов орфографии узбекского языка. Отсюда будет зависеть разрешение и всех остальных вопросов орфографии.

Первый вопрос—это вопрос о принципах построения орфографии. В этой области имеется три принципа: исторический, морфологический и фонетический. Исторический принцип для нас неприемлем. По-моему, здесь нет необходимости останавливаться на доказательствах этого. Майская конференция, происходившая в Самарканде в 1928 г., отвергла исторический принцип, приняв за основу узбекской орфографии два принципа: фонетический и морфологический.

Начнем с принципа фонетического. Принцип фонетический является самым легким для составления орфографии, но он

хорош тогда, когда существует единый диалект, единый разговорный язык, а не ряд диалектов, отличающихся между собой и в фонетике, и в других морфологических формах, как в Узбекистане. Узбекистан не имеет одного общего диалекта, в нем существует ряд диалектов, которые отличаются друг от друга даже количеством гласных. Например, в некоторых говорах—городских и частично кишлачных (тюрки, чагатаи и др.)—имеет место неразличение некоторых гласных, например—„о“ от „ө“, „у“ от „и“ и т. д. Имеется определенное нарушение, ослабление сингармонизма в этих говорах.

Поэтому признание одного только фонетического принципа привело бы в наших условиях к анархии, а не к созданию единой орфографии, ибо в Узбекистане существуют различные произношения и ряд говоров, отличающихся друг от друга. Таким образом нужно привлечь другой принцип, который содействовал бы созданию единой орфографии. Таким принципом является морфологический, основывающийся на единых правилах, вытекающих из современного состояния узбекского языка.

Последнее связано с вопросом о сингармонизме. В большинстве говоров, городских и кишлачных, на данном этапе развития языка сингармонизм все больше ослабляется, нарушается. Это происходит, главным образом, в связи с развитием социалистического хозяйства и культурной революции в Узбекистане, с развитием фабрик, заводов, ростом пролетариата, впитывающего крестьян различных говоров, при усилении связи между городом и деревней и между различными районами, с созданием совхозов, колхозов, куда входят представители различных языков и т. д.

В результате всего этого получается скрещивание различных городских, кишлачных диалектов в масштабах, каких прежде не видел Узбекистан. До Октября результатом этого скрещивания являлась усиленная тенденция выравнивания живых говоров как городских, так и кишлачных. Эта тенденция именно и приводит к все большему ослаблению сингармонизма. Такова основная линия развития живых узбекских говоров.

При составлении орфографии необходимо учитывать этот основной закон уменьшения роли сингармонизмов, который можно видеть и наблюдать в языке.

Каким образом мы должны развивать орфографию узбекского языка, каким образом должны составить ее, чтобы ускорить этот процесс, чтобы создать базу для единой орфографии? При разрешении этого вопроса мы должны учитывать уничтожение сингармонизмов на данном этапе развития узбекского языка. Поэтому мы стоим на той точке зрения, что количество гласных можно сократить до пяти (а, ə, ь, I, о, ө, и, у, е = а; о, u, i, э). Сокращение гласных в узбекском алфавите поможет решить этот основной, кардинальный вопрос для трудящихся масс Узбекистана, перед которыми стоит задача быстрейшего поднятия своего культурного уровня. Этот вопрос для нас является важнейшим вопросом культурной революции.

Во всех школах и в школах ликвидации неграмотности мы видим трудности в усвоении тех звуков, которые непривычны. Например, я сам присутствовал на уроке, на курсах ликвида-

ции неграмотности, и видел, что люди иной раз мучаются: „Легче усвоить какую-нибудь самую трудную книгу, чем усвоить эти отдельные гласные звуки, которые изображаются, но не произносятся“— говорят они. На этой именно основе возникла потребность сократить количество гласных, диктуемая не желанием кучки интеллигентов или другой группы людей, а потребностями самих трудящихся масс, которые встречаются с такими трудностями на пути ликвидации своей неграмотности.

Если, основываясь на все большем ослаблении сингармонизма, закон твердости и мягкости перенести на согласные, сохранив пока его и на гласных, то тем самым парность гласных уничтожается и количество букв сократится до пяти. Твердость или мягкость слов указывается теми звуками, твердыми или мягкими, которые имеются в данных словах.

Но как быть, если этих твердых звуков нет? Тогда в каждом диалекте слово будет читаться по-своему. Возьмем „кап“. В некоторых говорах произносится „кэһ“, а в Ташкенте говорят „кап“. Те говоры, в которых произношение отличается от ташкентского, будут произносить по-своему. Но конечно через школы и иными путями нужно в то же время содействовать выработке единого литературного произношения, чему будет соответствовать тенденция развития узбекских диалектов, о которой я уже говорил.

В орфографии узбекского языка большую роль играет орфография международных терминов. Этот вопрос до сих пор разрешен не был. Между тем создалась та анархия, которую мы сейчас переживаем в орфографии, когда каждый журнал, каждое издательство фактически имеет свою орфографию. И такая анархия превращается сейчас в целое бедствие. Вот почему необходимо ускорить создание единой орфографии литературного языка для всех диалектов, причем орфографии, которая легко усваивалась бы, которую легко было бы внедрить в практику.

В решениях майской конференции 1929 г. по вопросу об орфографии интернациональных терминов существуют две точки зрения: с одной стороны — заимствование интернациональных слов, без указания, через какой язык их брать, и другое указание—брать эти термины в русском произношении.

Такое положение способствует путанице в орфографии интернациональных терминов. Необходимо решить, через какой именно язык, через орфографию какого языка брать интернациональные термины.

Я лично стою на той точке зрения, что нам надо интернациональные слова и термины брать через русский язык, через русскую орфографию, приспосабливая их к морфологическим и другим особенностям узбекского языка. На русском языке надо остановиться потому, что он является нашим вторым государственным языком, он преподается в наших школах, и русское произношение слов привычнее другого, чему способствует также совместная работа с русскими пролетариями на заводах, в совхозах, колхозах и т. д.

Начертав основные линии развития узбекского литературного языка и его орфографии, мы должны будем подумать о соста-

влении правил, определяющих основные принципы орфографии узбекского литературного языка. Решение о сокращении числа гласных явится основной линией, по которой пойдет решение других вопросов орфографии, причем надо учесть, что некоторые из правил, принятых майской конференцией в 1929 г., теперь теряют свою силу, так как надобность в них отпала. Теперь нужно выработать новые правила, исходя из современного состояния этого вопроса и из вышеуказанных основных положений.

Резолюция январского совещания гласит:

„Впервые вопрос литературного языка и орфографии был поставлен на майской конференции в 1929 году, решения которой имели наряду с правильными моментами и ошибочные.

На данном этапе культурной революции и накопленного опыта по языковому строительству встает ряд новых задач в области изучения тенденции развития узбекского литературного языка— сокращение алфавита и изменение, в связи с этим, основ орфографии.

1. Борьба за пролетарский путь развития нового узбекского литературного языка требует:

а) приближения его к живым говорам в целях обогащения его словарным запасом;

б) использования этимологических форм всех узбекских диалектов для обогащения грамматики литературного языка;

в) выведения законов узбекского языка из изучения узбекских говоров и современного литературного узбекского языка;

г) дальнейшего обогащения и развития узбекского языка за счет интернациональных слов и терминов;

д) изжития имеющихся в современном литературном узбекском языке арабских и персидских элементов (слов и терминов), семантически не годных и не усвояемых трудящимися массами.

2. На основе имеющихся материалов и накопленного опыта выявлена тенденция дальнейшего развития узбекского языка по линии все большего изживания сингармонизма.

При построении орфографии на ближайшее время нужно исходить из этой несомненно прогрессивной тенденции развития узбекского языка, способствуя ускорению этого процесса.

3. На данной стадии развития литературного языка в области правописания основой орфографии остается фонетико-морфологический принцип.

4. Поскольку орфография опирается на тенденцию изживания сингармонизма и на ведущие диалекты с количеством гласных меньшим, чем число соответствующих букв действующего алфавита, постольку возникает необходимость сокращения этих букв.

5. Высказываясь в общем за сокращение алфавита в указанном направлении и учитывая, с одной стороны, мнение узбекской делегации о необходимости сокращения числа гласных до 5, а с другой стороны, ряд выступлений за сохранение 6 гласных, совещание считает необходимым до окончательного решения этого вопроса произвести следующие исследования:

а) статистический подсчет встречаемости гласных на достаточном количестве знаков и образцах разной литературы;

б) изучение ошибок школьников и малограмотных: в каких именно случаях они затрудняются в обозначении гласных звуков и какие при этом именно гласные заменяют другие;

в) составление списка совпадающих слов одной и той же грамматической категории по каждой паре гласных.

При учете встречаемости парных слов не следует игнорировать и слова иностранные, вошедшие в массовое употребление.

6. Как для данного вопроса, так и для языкового строительства вообще необходимо продолжать и усилить изучение узбекских диалектов и современного литературного языка и форсировать издание соответствующих материалов и исследований.

7. При современном состоянии узбекского языка необходимо узаконить в орфографии факт существования двух согласных в начале слова.

8. Помимо реформы алфавита в сторону его сокращения, необходимо в кратчайшее время произвести работу по рационализации графической стороны нового алфавита, для чего использовать предстоящее совместное в ВЦК НА совещание полиграфистов-националов.

9. Через школы и иными путями необходимо содействовать процессу выработки единого литературного произношения на основе единого литературного языка с тем, однако, чтобы эта работа не служила тормозом на данном этапе для ликвидации неграмотности, особенно в отсталых районах.

10. Разработка терминологии узбекского литературного языка должна итти, во-первых, по линии использования лексических возможностей узбекского языка и словотворчества трудящихся масс, во-вторых, по линии освоения интернациональных слов и научных терминов, имея в виду выработку интернациональной союзной унифицированной терминологии и подчиняя их произношению и морфологическим особенностям современного узбекского литературного языка и, в-третьих, в отношении арабских и персидских слов, не усвоенных и не усвояемых трудящимися массами, необходимо стоять на пути решительного их изгнания и замены интернациональными терминами.

11. На современной стадии развития узбекского языка, в связи с ростом культурной революции, выявилось начало процесса развития грамматической категории прилагательных, которые на предыдущей стадии развития существовали в крайне неопределенной форме. Необходимо произвести научно-исследовательскую работу для того, чтобы облегчить этот процесс и направить его в надлежащее русло, и вообще принять все необходимые меры к тому, чтобы дальнейшее развитие узбекского языка как в морфологическом, так и в синтаксическом отношениях, находило поддержку и получало соответствующее направление со стороны нашей лингвистической науки".

Однако ни решение майской конференции, ни решение совещания НС при ВЦК НА в орфографии интернациональных слов, на мой взгляд, единства не создают. Говорится: берите эти слова, но не указывается стандарта, не указывается, какое произношение, какое письмо, какую форму принять за основу. Правда мы говорим „советскую". Но что подразумевать под „советской"? Скажем в советском Азербайджане данное слово

пишется так, а в Казакстане иначе, а на русском языке — еще по-другому. В узбекском языке, например, на практике пишется так, как в русской орфографии, в основе сохраняется русская форма, приспособляющаяся к фонетическим и другим особенностям узбекского языка. Это нужно отметить, потому что в резолюции нигде не отмечена эта существующая практика. Отсюда, товарищи, и происходит анархия, когда одно и то же интернациональное слово на разных языках пишется по разному.

Таковы основные принципы узбекской орфографии и те задачи, которые стоят перед нами по этой линии.

ПРЕНИЯ

ДЖАФАРОВ (Инст. национальностей). Связь с Турцией по линии лингвистической обязывает нас учесть два момента: первый момент—это возможное влияние европейской, в особенности французской буржуазии, через Турцию на наше терминологическое строительство. Второй момент: после лингвистического с'езда в Константинополе (сентябрь—октябрь 1932 г.) возможность некоторого оживления среди ныне маскирующихся пантюркистов. Я приведу пример из турецкой газеты „Акшам" от 18 сентября 1932 г. из статьи Вала-Нуреддина. Он пишет: „Не следует доказывать логичность и интернациональную видимость нашего письма вопреки письму азербайджанских тюрков. О преимуществе нашего алфавита над алфавитом азербайджанцев достаточно сказать следующее: их алфавитом нельзя дать телеграмму из Лондона в Истанбул, нашим можно. Они не могут пользоваться типографическими средствами Запада, мы можем. Наконец, книга, напечатанная у нас, представляет европейский вид, а книгу, написанную их алфавитом, нельзя определить—на грузинском она или на армянском".

Этого мало. В другом месте его статьи сказано: „Пять—десять лет тому назад азербайджанский письменный язык до такой степени находился под влиянием нашего письменного языка, что с отстранением нескольких слов и суффиксов истанбульский писатель мог бы непосредственно писать в бакинские газеты. Но благодаря тому, что азербайджанцы приняли такой алфавит, который не похож на наш, азербайджанский диалект совсем отличается от нашего. И с того дня началось расхождение в культуре этих двух стран".

Конечно, товарищи, марксистски мыслящему человеку совершенно ясно, из-за чего началось расхождение между культурами этих двух стран. Я на этом останавливаться из-за отсутствия времени не буду. Перехожу к конкретным вопросам.

Я не думаю, разумеется, что все созданное в Турции, ничего положительного для нас не имеет. Те переустройства, которые производятся в области языкового строительства Турции, в особенности в области орфографии представляют, конечно, большой интерес и для нас. Там есть очень полезные вещи, которым мы можем и должны учитывать. Так по линии, напр., орфографического строительства есть чему у них поучиться.

В частности, мне кажется, правильно у них разрешен вопрос о слитном раздельном написании некоторых слов. Я бы сказал, что если два слова обозначают одно понятие, то нужно писать их вместе. В туркменской орфографии это явление имеется, хотя проводится непоследовательно. В Азербайджане же этот вопрос остается пока вообще нерешенным.

Мне думается, что арабский алфавит по сей день идеологически еще, как следует, из нашей среды не изгнан. Идеологически он оставляет еще свое влияние. Примеры: „rədd etmək" (отвергать), „qət'etmək" (резать) и т. д.; как в старой арабской орфографии, так по сей день и в латинском алфавите придерживаются этой орфографии. Мы не освободимся полностью от арабской традиции орфографии, если будем писать отдельно эти слова. Эти арабские слова у нас до сих пор сохранили свою известную силу. И среди самих тюркских слов имеется масса таких примеров. Для разрешения вопроса об их орфографии, нужно исходить из смысла, а не из формального значения их. До тех пор, пока мы не устраним эти пережитки арабской орфографии и в латинской орфографии они будут господствовать.

Другой вопрос относительно фонетического оформления слов. Мне думается, что не нужно принимать тут какого-нибудь шаблонного принципа,—нужно подходить к каждому слову сугубо конкретно. Есть такие слова, которые можно принять по первоистичникам. Например слова „Гегель"; в русском языке нет „h", а в тюркском этот звук имеется. Есть такие слова, которые можно принять через русское слово, скажем „Париж": Но есть и такие слова, в правописании которых нужно исходить из подчинения их тюркским фонетическим особенностям. Нужно определить, какие слова принимать через русский язык, а какие слова нужно подчинить фонетическому закону тюркского языка. Таким лишь путем можно выработать крепкий и здоровый принцип орфографии.

САНЖЕЕВ. Мне кажется, что с точки зрения теоретической, дробление языка на ряд диалектов не всегда требует так называемого морфологического принципа в орфографии. Возможны такие случаи, когда язык, не делящийся на диалекты, может быть построен именно по морфологическому принципу, тогда как языки, делящиеся на ряд диалектов, могут быть построены по фонетическому принципу. При дробящемся на диалекты языке введение так называемого фонетического принципа дело возможное. Бурятский язык представляется дробящимся языком, многодиалектным. Там насчитывается примерно 10—15 диалектов. Там в отношении так называемого губного притяжения, дело обстоит так, что большинство диалектов придерживаются именно этого закона, а другие диалекты губно не притяжные, т. е. когда после, скажем „е" имеется в одном диалекте „ө" (тогда как по закону губного притяжения требуется „у"), а в других диалектах наборот: вместо „ө" вы встречаете „у". В этих случаях об'является „диктатура" одного диалекта и по существу морфологический принцип в данном случае не имеет места. Далее по существу говоря, будет ли здесь дана

орфография губно-притяжных или не будет дана,—это в семантике не произведет изменения. Здесь принцип, повидимому, исключительно лексико-фонематический.

Я хотел остановиться еще на одном моменте. Иногда механическое следование особенностям русского языка по существу отражает консервативные тенденции в развитии данного языка. Например, монгольские языки, в том числе и бурятский, отличаются тем, что там последние конечные гласные выпадают. И дело дошло до того, что в калмыцком языке, например, все гласные, за исключением первого слога, выпали. В этом направлении значительно далеко пошел монгольский язык и далеко идет бурято-монгольский. Отсюда что получается? Мы встречали в самом языке стечение двух согласных в одном слове. Имеется установленное наукой стечение двух согласных. Это для монгольского языка терпимо. Но возмите иностранные слова. Пишут слово marksiista и т. д. Об этой ошибке мы несколько раз уже говорили.

Другой неприятный момент — слепое следование русскому языку в отношении ударения. Русское ударение последовательно отражается в бурято-монгольском языке в виде долготы, но в русском языке это ударение переходящее, а потому здесь получается так: „maarksa“ но „marksüzma“. Это, с одной стороны, противоречит сущности самой агглютинации, которая заключается не только в том, что приклеивается суффикс, но и в том, что основа слова остается неизменной.

В монгольском языке в отношении заимствованных иностранных слов особых недоразумений нет.

Последний вопрос относительно стечения 3 гласных. Мы в монгольском языке стараемся избегать этого стечения. Но мне кажется, что это не так страшно, и хотя слова с различными значениями пишутся иногда одинаково, но мы по контексту легко можем узнать значение этого слова.

УСТИНОВ. Вопрос орфографии у татар возник неожиданно, упал, образно выражаясь, как снег на голову. Многие работники не ожидали, что вопрос примет такой острый оборот. Многим казалось, что стоит только перейти на новый алфавит и вопрос будет исчерпан. Первое время была об'явлена полная воля фонетике, но скоро возникли затруднения, выяснилось, что кроме татарских есть еще термины иностранные и тогда фонетический принцип оказывается бессильным. Следуя этому принципу иностранные слова мы искажали до неузнаваемости.

Сторонники орфографии разбились на два лагеря. Одни настаивали на необходимости сохранения в интернациональной терминологии своей орфографии, другие говорили, что это неправильно. Эта борьба приняла острую форму. На сторону сохранения фонетизации перешли и сторонники националистической тенденции. Последние говорили, что надо сохранить незыблемость речи: русские слова должны подчиняться полностью нормам татарского языка.

Пришлось поставить вопрос о необходимости введения двух новых гласных в татарский язык, а именно: „о“ и „е“. До сих пор у нас везде, вместо „е“ было „и“, а вместо „о“—„а“. На-

пример, вместо „оркестр“ писали „аркестр“. Я сам один раз оказался в тяжелом положении перед русскими детьми, когда я сказал: „когда же придет аркестр“. Борьба за введение новых гласных, наконец, окончилась победой, но сначала эта победа была половинчатой. Сначала наши сторонники перешли только на букву „о“. Они согласились с тем, что букву „о“ нужно признать, но не признавали буквы „е“, и продолжали вместо „е“ писать „и“. При таком положении даже такие слова, как „совет“, которое было все же наполовину реформировано, все же писалось „совит“.

В конце концов после долгой борьбы были приняты обе буквы („о“ и „е“).

Однако получились некоторые перегибы: буквально во всех словах, которые взяты из русского языка и вошли в быт, стали писать букву „о“, стали „окать“. Например, вместо „самовар“ стали уже писать „сомовор“. И до сих пор у нас еще существует в этом вопросе неразбериха; две наши центральных газеты „Коммунист“ и „Татарстан“ пишут по различной орфографии.

Какой можно сделать вывод? Интернациональную терминологию безусловно нужно сохранить. Я считаю, что это есть наше завоевание, наше достижение. Такие слова, как „Ленин“ должны писаться одинаково на всех языках. Надо только внести ясность в определение понятия „интернациональный термин“. Не все слова, которые переходят с русского языка, должны считаться интернациональными, иначе у нас получится извращенное понятие. (С места—„А какую вы устанавливаете грань“?) Грань вы должны установить сами.

НОМИНХАНОВ (Калм. область). Тов. Пальмбах, говоря о работе Комитета НА, пропустил последнюю конференцию калмыков. Языковая конференция Калмыцкой области была в мае 1931 г. Представителем от Комитета НА на этой конференции был проф. Пашков. Он нам помог разобраться в вопросах орфографии, и мы тогда приняли принцип фонетический в сочетании с морфологическим, и на этой основе начали создавать нашу орфографию. На той конференции мы не могли решить ряда вопросов нашей орфографии, потому что не были еще как следует изучены и исследованы диалекты, которые существуют в Калмыцкой области, хотя их и не так много (всего 3—4). Для того же, чтобы создать орфографию, надо прежде всего знать существующие диалекты.

Я хочу остановиться на тех недостатках калмыцкой орфографии, которые мы сейчас встречаем. Я просматривал газету, выходящую на калмыцком языке, которая является документом, характеризующим состояние орфографии калмыцкого литературного языка на сегодняшний день. Я проследил вопрос о нарушении гармонии гласных, глухих и звонких согласных, оформление интернациональных терминов и т. д.

Нарушение гармонии гласных по законам калмыцкого языка недопустимо, ибо результатом еге является грубая ошибка, а между тем это имеет место. Примеров много, но не будем их здесь проводить—они большинству известны. На Московской научной конференции по вопросам орфографии было

решено в конце слова писать звонкую согласную, но это не соблюдается.

Оформление интернациональных терминов—это очень важный вопрос, потому что в нем допускается много искажений. Калмыцкая область считается областью сплошной грамотности, и в ней особенно недопустимы подобные вещи. В принципе иноязычные слова, заимствуемые в виде терминов, надо брать в их основе, отбрасывая суффиксы и флексии и к этой основе слова давать калмыцкие окончания, что даст нам возможность создать стройный литературный язык.

Большим недостатком в создании нового калмыкского литературного языка является то, что он засоряется ненужными иноязычными окончаниями, без которых вполне можно было бы обойтись. Возьмем слово „пролетарский". Они пишут его так : proletarski. По-калмыцки же можно было бы написать так: proletarion. Слово „большевистский" пишется так: bolьsevitshij тогда как это можно выразить гораздо проще и понятнее для трудящихся масс. Такие простые вещи, как, например, слово „технический", его можно было бы написать так texnigin, а они этого не делают. „Ударничество"—они пишут так: udarnisestvo в то время, когда можно было бы написать проще.

Все эти ненормальности и недостатки надо изжить. Главный недостаток заключается в том, что у нас работа не организована соответствующим образом. Нужно создать какую-то организацию, которая следила бы за этой работой. Сейчас нет такого организующего центра, который давал бы ей направление и осуществлял конкретное руководство.

ХАЙРОВ. За последние годы проведен ряд орфографических конференций и конференций по языковому строительству, но они не были охвачены научным руководством ВЦК НА и Научного Совета. Доказательством этого является то, что и сегодня, делая доклады о принципах орфографии, мы затрудняемся сказать, какие принципы мы предлагаем в основу. Значит эти конференции не достигли нужных нам целей. В дальнейшем Научный Совет должен взять научное руководство этими конференциями при разработке нужных нам вопросов.

Я хочу сказать пару слов относительно татарской орфографии. Здесь не только до принятия латинского алфавита, но и после, большое место занимал принцип сингармонизма, если можно так назвать этот принцип. На страницах периодической печати писали интернациональные термины такие, как „кооператив", „технический", подчиняя их принципам сингармонизма. Но это безусловно не имело такого большого размаха и они уже сейчас свою историю прошли. При переходе на новый алфавит несомненно был сделан большой перегиб в сторону фонетического принципа. Это создало большие затруднения в полиграфическом отношении.

В 1929 г. на орфографической конференции в Казани, едва ли мы нашли достаточно хороший выход из этих затруднений, ибо до сих пор трудно сказать, насколько мы освободились от фонетического принципа и насколько мы укладываемся в морфологический принцип. До сих пор во многих случаях у нас целиком и полностью сохранился фонетический принцип. На-

пример „Aştan“ раньше мы писали „Aşdan“. Как будто это можно было считать подчиненным морфологическому принципу. Мы так распространили в последнее время фонетический принцип, что даже и сейчас пишем „Kitap“, где мы сохраняем фонетическую основу.

Я думаю, что в настоящее время мы должны до некоторой степени упор делать на морфологический принцип. Но мы не можем укладываться в морфологический принцип. Слово „комсомол“ мы так и пишем „комсомол“, хотя в нашем языке и не было звуков „о“ и „е“, но мы принуждены были их принять из-за того, что современный язык имеет большое количество интернациональных слов. Таким образом в нашем языке к 10 гласным звукам мы прибавили новых 2. Имейте в виду, что такое большое количество гласных звуков затрудняет и ликвидацию массовой неграмотности и преподавание в школах. Не принять эти дополнительные два звука мы уже не можем, так как они стихийно вошли в наш язык, выгнать их административным путем из нашего языка мы не можем.

Нам могут сказать: это великорусский шовинизм и ориентация на русское оформление. Но когда мы имеем такой поток новых интернациональных терминов, то они, входя в наш язык, не могут не влиять на него, и это вполне закономерное явление.

Я думаю, что мы до предполагаемой татарской конференции должны установить окончательно принципы разрешения этого вопроса. НС сейчас должен заняться этим вопросом, НС должен помочь своими научными силами местам.

ЛАЙХТЕР. Я хотел сообщить некоторые сведения о том, какая работа ведется по китайской орфографии. На первой китайской конференции, которая состоялась в 1931 г., вместе с китайским латинизированным алфавитом были приняты правила орфографии, заключавшие в себе нормы орфографии слога, затем орфографию самостоятельных и служебных слов, правила переноса и орфографию заимствованных названий.

Что касается правил пунктуации, то это осталось неразработанным. Принятие норм орфографии слога было, конечно, недостаточным, т. к. в эти нормы каждый вкладывал собственное содержание, потому что диалектов у китайцев много. Поэтому сейчас же встал вопрос о том, чтобы в эти нормы вложить определенное содержание. Для этого надо было взять запас корней, выраженных в иероглифах, и дать их орфографию. Эта работа была проделана силами московских и ленинградских товарищей. После конференции был составлен и издан орфографический справочник, включивший в себя почти 5.000 знаков. До того, как он был издан, рукопись была послана для согласования в Хабаровск Дальневосточному Комитету НА. Можно сказать, что в основном задача установления орфографии слога разрешена.

Одновременно Дальневосточный комитет НА приступил к составлению краткого китайского словаря, который бы заключал в себе самые ходовые слова. Изданный словарик содержит запас примерно в 4.000 слов.

Нужно сказать, что в китайском языке не стоит, как в других языках, вопрос относительно фонетической или морфоло-

гической системы орфографии, потому что там дело сводится к орфографии слога и к слитности или раздельности написания. Самый слог почти не изменяется. Есть только редкие случаи, когда он подвергается изменению, но это не составляет существенного вопроса.

Я хотел бы остановиться на орфографии заимствованных слов. Я не буду говорить относительно удельного веса заимствованных слов, потому что это является вопросом терминологии и в этом отношении Дальне-Восточным комитетом делаются только первые шаги. Но я хотел остановиться на орфографии тех заимствованных слов, которые фактически вошли в употребление.

Первая китайская конференция приняла постановление о том, что иностранные имена, собственные имена пишутся так, как в том языке, откуда они берутся. Но эта установка была изменена, потому что если бы надо было связаться, допустим, с английской, французской или другой орфографией, можно было бы залезть в такие дебри, откуда нельзя вылезти. Была принята установка писать так, как произносится в том языке, откуда заимствуется, причем отклонения допускались и допускаются в сторону того, чтобы придерживаться в некоторых случаях международного начертания данного слова, если такое международное начертание существует, но обязательно с тем условием, чтобы это не создавало противоречия между правилами написания и произношения.

После, когда составлялся китайский словарь, были допущены отклонения от первоначального решения в сторону того, чтобы оформлять некоторые слова, некоторые названия так, как это оформляется в русской орфографии. Я не могу сказать, что это определенно принято, возможно, что мы имеем дело с явлением случайным, просто потому, что это не совсем установилось. Но во всяком случае, нужно отметить, что слова иностранного происхождения в китайском языке пишутся, не считаясь с фонетическими нормами самого китайского языка, нормы китайского языка совершенно ломаются. Я хочу привести несколько примеров. Например gramm, который по-старому нужно было бы передавать так: gelamu. Это не входит ни в какие нормы китайского языка. Они совершенно ломаются и никаких уступок в этом отношении не делается.

litr вместо lite (r)
bolshewik вместо burseweike
sowet вместо suweiai

Ничего в этом страшного нет. Для этого и существуют школы, ликпункты, сеть обучения.

Больным вопросом является вопрос орфографии целых слов. Хотя правила, которые были приняты на первой конференции, обнимали, по существу, большую часть случаев, но и у китайцев встают такие вопросы, как те, о которых говорил тов. Джафаров. Он говорил, что когда имеется одна мысль, то пишется вместе, а где две мысли,—то раздельно. Но нужно иметь точный критерий, где имеется одна мысль, а где две мысли. В некоторых отношениях сами китайские товарищи испытывают затруднения. Работа над этим вопросом в ДВК НА ведется.

Дальневосточный комитет вступил в договорные отношения с Институтом Востоковедения Академии Наук. Институт Востоковедения послал в ДВКрай работников на продолжительный срок и они занимаются разработкой этого вопроса.

ЯКОВЛЕВ. Вопросы орфографии затронули также и вопросы литературного языка и мне кажется, что это не случайно. Дело в том, что мы первоначально предлагали поставить отдельный доклад по вопросу о развитии литературного языка и его отношении к диалектам. Но даже если мы этого доклада не поставили, пришлось вопросы орфографии решать в связи с вопросами о диалектах. Тов. Хашимов ясно показал, насколько одно связано с другим. В докладе тов. Хашимова надо приветствовать совершенно ясную постановку этого вопроса в Узбекистане, где теперь принимается ориентировка на городские диалекты, как ведущие, а отсюда и отношение к сингармонизму, что сингармонизм, как явление отживающее, не должен служить основой орфографии. Я думаю, что этот вопрос теперь получил совершенно четкую формулироку.

Теперь, что касается самого вопроса об орфорграфии, то в этой области меньше всего сделано и вообще эта область является наименее изученной. Отчасти в этом, конечно, виновато отсутствие определенных установок и отсутствие руководства со стороны ВЦК НА. Еще в начале работы ВЦК НА было как-то самотеком допущено, что вопрос орфографии пожалуй централизовать не надо, пусть каждая национальность решает по-своему. И самое большее, на что шли—это шли на то, что отдельные работники специалисты иногда приглашались на орфографические конференции, а очень часто совсем не приглашались. Таким образом орфографическая работа на местах шла совершенно оторванно от работы ВЦК НА и так она пожалуй идет и до сих пор. Для того, чтобы координировать эту работу, нужно, чтобы на каждую орфографическую конференцию был обязательно приглашен наш представитель. Иначе за этой сложной работой трудно следить. Но у нас не только нет представительства на конференции, у нас даже материалы конференций или совсем не получаются или приходят со значительным опозданием. Здесь Научному Совету придется работу организовать заново. Кроме того, сама по себе сложность этого вопроса очень осложняет его проработку, ведь проработать алфавит можно на основе вопроса о фонетике, проработать вопрос о литературном языке можно на основе тех сведений, которые дают местные работники. Но чтобы проработать вопрос об орфографии как следует, нужно знать язык, нужно знать всю грамматическую структуру языка—без этого орфография не построится, потому что орфография—это есть грамматика графического языка, грамматика письменной речи. Следовательно тут нужно наладить чрезвычайно солидное научное учреждение, чрезвычайно солидную комиссию, которая могла бы заново построить работу.

Теперь я хочу сказать несколько слов о самом процессе развития орфографий, как он мне представляется в национальных языках. Тов. Пальмбах указал, что орфография развивается в сторону большего фонетизма. Я с этим не согласен. Я считаю,

что на первых порах в сознании национальных письменностей действительно преобладал фонетический принцип. Такова была установка на тюркологическом с'езде. Но теперь на местах начинает выступать сочетание фонетического и морфологического принципов. Правда, здесь еще не нащупано, как это сочетание проводить и никакой теории в этом отношении до сих пор не было. Эти искания чисто эмпирически находят сочетание морфологического и фонетического принципов для каждого отдельного языка. Мне думается, что сейчас все-таки развитие орфографии идет по линии изживания чистого фонетизма. Из примеров мы видели, к чему приводит чистый фонетизм. Например, в бурято-монгольском иностранные слова. Они показывают, что чистого фонетизма провести нельзя и как только мы начинаем его проводить, мы наталкиваемся прежде всего на затруднения в иностранных заимствованиях, а кроме того наталкиваемся и на затруднения в ряде языков. По существу чистого фонетического принципа провести нельзя.

Какой должен быть принцип новой орфографии? Надо сказать, что в 1930 г. я стал думать над этим вопросом и в 1931 г. я по этому вопросу вступил в полемику с проф. Чебан-Задэ на последнем пленуме ВЦК НА, причем он доказывал, что никакого нового принципа не может быть, существует принципы морфологический и фонетический и никакого нового принципа принять здесь нельзя. Морфологический и фонетический принципы так как они унаследованы нами от буржуазной практики, представляют собою противоречащие принципы, они выступают, как принципы, борящиеся друг с другом. Там дело обстоит так, будто бы могут быть построены чисто морфологическая и чисто фонетическая орфография. На самом деле за этими противоречивыми принципами стоят разные политические и общественные течения, потому что фонетический принцип в условиях буржуазного господства является принципом прогрессивным и я бы сказал мелко-буржуазным в своей основе. А традиционно исторический и морфологический поддерживаются реакционными течениями. Эти принципы поддерживаются крупной финансовой буржуазией, как например в Англии. В буржуазных условиях морфологические и фонетические принципы есть противоречивые принципы, потому что за ними стоят различные классовые силы, а в наших условиях таких противоречивых принципов не должно быть. Поэтому у нас это противоречие должно быть уничтожено. Вывод из этого следующий: наша орфография должна быть и фонетической, и морфологической в одно и то же время, должен быть найден какой то целостный принцип, так сказать языковый принцип орфографии. Но, конечно, это есть только общая установка. Надо применять ее к каждому отдельному языку и в каждом языке найти свое соотношение между фонетическими и морфологическими написаниями. В некоторых языках оно найдено. Существует ряд языков, где в основах написания более фонетические, а суффиксы более морфологические, как например в туркменском. В казакском суффиксы более фонетичны, а основа сравнительно более морфологичная. Нужно пойти по этой линии и она является наиболее здоровой линией, хотя тов. Пальмбах гово-

рил, что нужно стремиться к большему фонетизму. Потом он указал, что чем развитее диалекты, тем орфография более морфологична. Это правильно: она должна быть более морфологичной. Если нужно об'единить диалекты в литературном языке, то это должно строиться на основе морфологических написаний.

В условиях развития отдельных национальностей как раз наиболее передовые в смысле капиталистического расслоения национальности являются часто и наиболее дробными на диалекты.

Вот мне кажется то, что можно сказать о методологической стороне этого вопроса. Правда, этого мало, но дальнейшее должно быть разработано только на конкретном национальном материале.

Теперь несколько слов по поводу изменений, которые делались отдельными товарищами.

Тут прежде всего нужно поставить вопрос о лишних буквах и лишних выражениях, оттенках фонем. Я бы не поставил здесь в первую очередь вопрос о хакасском и „мягком"—z. Возьмем каракалпакскую орфографию. Если в середине слова пишется е, о, ө, то в начале — se, vo, vo (показывает пример). Так что безусловно здесь нужно пойти по линии упрощения и писать везде только е, о, ө. Затем в чеченском языке существует совершенно лишняя буква, которую нужно изжить—ā. Здесь же стоит вопрос о калмыцком языке, о том, что в калмыцком языке краткое „и" не пишется не в первом слоге и слово получается из одних согласных. Это сильно затрудняет чтение. Целый ряд таких конкретных вопросов должен быть разрешен в первую очередь.

Тов. Джафаров правильно подошел к вопросу о слитном и раздельном написании. Во многих языках этот вопрос совершенно не упорядочен и здесь нужно ввести какое-то общее правило. Конечно, слова, которые по содержанию сливаются, должны писаться слитно. Но вот черточка—ее надо упразднить, во всяком случае писать в строго ограниченном числе случаев. Черточку надо писать в сочетаниях усилительных, когда два слова повторяются в усилительном значении или тогда, когда параллельное соединение двух слов дает новое понятие. Во всех других случаях черточку нужно из'ять.

Таким образом, если мы придем к общему выводу, мне хочется сказать одно, что орфографическая работа должна быть поставлена на новых основаниях. Без этого работа не двинется. Кроме того в план работы НС надо поставить вопрос о литературном языке и о диалектах, как отдельный вопрос. До сих пор было такое мнение, что орфография и литературный язык не входят в компетенцию нового алфавита. Эта установка была совершенно неправильная.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ. Здесь выступали большей частью представители национальностей, которые до революции имели какую-то письменность.

Мне придется говорить о национальности, которая до революции никакой письменности не имела—о мордве мокша. Нужно заметить, что в орфографии и литературном языке у нас есть некоторые моменты, совершенно сходные с другими национальностями, некоторые же моменты совершенно различны.

Как и другие национальности, мы начали с фонетического письма. Но нужно заметить, что мордва мокша имеет большое количество диалектов, разница между которыми довольно значительная. Ударение в мокшанском языке — переходящее. Отличаются в диалектах друг от друга даже те слоги, которые имеют ударение. Поэтому установить фонетический принцип чрезвычайно трудно, нельзя об'единить в этом смысле все диалекты. Но тем не менее мы фонетическое письмо проводили. И вот долгое время получалось, что если в периодическом органе или в издательстве работал человек, знающий определенный диалект, то он вводил своей диалект; другие работники других периодических изданий также вводили каждый свои диалекты. Получался разнобой, и многие говорили: „эта книга или журнал по существу не на нашем языке написаны".

Безусловно даже и в первое время нельзя было брать чисто фонетический принцип, и необходимо было сочетать, как совершенно правильно сказал здесь т. Яковлев, оба эти принципа—фонетический и морфологический. Язык сам, в частности мокшанский, показывает, что применение этих обоих принципов возможно и эффективно. Этот язык, как язык агглютинативный, сохраняет основу, в частности при изменении имен можно взять фонетическую основу и дальше уже писать морфологические падежные окончания. Нужно заметить, что наши работники, в частности даже и специалисты-преподаватели вузов, в этой части не учитывают всего строя языка, чтобы таким образом избежать камней преткновения и сохранить свой принцип написания, а иногда во что бы то ни стало оставить свой диалект. В первых падежах мокшанского языка иногда легко отличить гласную, потому что она редуцирована, а иногда это довольно трудно сделать. Поэтому можно писать „а", но можно писать и „е". Возьмите слово „село". По мокшански—оно будет „веле". Представители одного диалекта пишут на конце „я", представители другого—„е", потому что слышится этот звук неопределенно, ударение на него не падает. Некоторые работники вообще не идут дальше трех падежей (тогда как в нашем языке насчитывается 13 падежей), говоря, что незачем иметь такое большое количество падежей.

Мне хотелось бы сказать еще, что некоторые товарищи, говорящие о необходимости исходить из особенностей языка, часто исходят вовсе не из особенностей данного языка, а из особенностей других языков. Как пример, можно привести существующие в русском языке соединительные „о" и „е". В мордовском языке то же самое. Но разница в том, что в русском языке этими буквами соединяются две основы слова, а в мордовском языке—основа и падежное окончание.

Товарищ Пальмбах говорил, что соединение слов в мордовском языке в высшей степени невыгодное. По-моему это—недоразумение, и довольно значительное.

В мордовском языке соединять слова вполне можно. Приведу пример: „прял". Один из авторов учебника говорит, что здесь два слова—одно „пря" и другое—„ал". Возможно, что это и так. Но это не значит, что это отдельные основы, просто это понимается, как отдельные основы.

Представитель Азербайджана совершенно правильно сказал здесь, что если данным словом обозначается одно понятие, то его безусловно нужно писать вместе. Например, в мордовском языке есть такие слова: „те“ и „чи“, обозначающие „этот“ и „день“. Мы их пишем вместе, и я думаю, что никто не станет предполагать, что здесь два слова; совершенно правильно по смыслу писать такое слово вместе, хотя в нем имеются две основы.

ДАНИЛОВ. Проблема фонетизма, так же, как и проблема алфавита, является, конечно, не просто технической проблемой, а проблемой научно-политической. То обстоятельство, что в татарском правописании писали „Линин“, а по белорусской орфографии „соцыализм“ уже свидетельствует о том, что существует некоторый разрыв интернациональной связи рабочего класса, который, конечно, выражается и в письме. Технический подход к орфографии, к алфавиту, к письму безусловно вреден. Когда некоторые лингвисты предлагают при переносе слов отказаться от слогов и переносить слова любым образом, потому что этого требует полиграфическая промышленность, они забывают об интересах школ, они забывают об интересах языка, они забывают о задачах всего культурного строительства, которые мы себе сейчас ставим.

Что важно учитывать в фонетическом строительстве? Я считаю, что наиболее важным принципом будет исторический подход к вопросу—историзм. Тов. Яковлев совершенно справедливо указал, что фонетический принцип на известной стадии является достижением, является прогрессивным явлением. Он является достижением в тот момент, когда мы начинаем разбирать, каким образом создается язык, из каких элементов складываются слова. В этот момент он нам нужен. Но в дальнейшем, при постоянном развитии языка, он уже теряет свое значение. На данном этапе уже фонетический принцип для большинства языков Советского союза был бы неверным принципом, он неверен тогда, когда, как правильно указал т. Пальмбах, нужно учитывать ту стадию, на которой находится язык, литературные традиции и все прочие условия.

Здесь говорили о сочетании морфологического и фонетического принципов и об их единстве. Ясно, что орфография должна отражать современный строй языка, должна отражать именно ведущую закономерность развития этого языка, которая находит прежде всего выражение в языке пролетариата, языке колхозных масс и т. д.

Поэтому мы и боремся с традиционно-историческими принципами, которые отражают прошлый язык. Я бы только не согласился с той терминологией, которой пользовался т. Пальмбах, ибо она не покрывает всего существа дела, так как помимо этих двух принципов мог быть еще лексикологический, потому что когда мы говорим о построении речи, то тут может быть речь о единстве и грамматического и фонетического принципов, причем грамматический принцип покрывал и фонетический и лексикологический принципы. Я считаю, что для правильного решения орфографического вопроса нужно соблюдение двух твердых основ. Орфографическую работу нужно про-

делать с точных учетом фонетических исследований и всех экспериментальных работ по изучению отдельных фонем в национальных языках, так как они могут сослужить здесь большую службу. Нужно учитывать и второе условие, а именно связь этой проблемы с проблемами диалекта, причем этот вопрос надо рассматривать не поверхностно, как это делают некоторые товарищи, когда например речь идет о диалекте немцев Поволжья или одессщины, а с соблюдением тех норм, которые существуют в Германии, в немецком литературном языке. Мы должны исходить из того творчества, речевого творчества, которое происходит у нас хотя бы в области немцев Поволжья, учитывая диалектические особенности, и только в этом случае мы получим твердую научную базу.

Еще два замечания. Орфографическую проблему мы не сможем считать разрешенной, пока не будет решен вопрос о пунктуации и о написании интернациональных терминов. В этом отношении нам нужно будет воспользоваться теми материалами и тем опытом, который имеется в Наркомпросе, потому что раз уже к этой работе приступили в национальных республиках, нам этим материалом нужно воспользоваться.

Года два тому назад некоторые товарищи выступали с лозунгом факультативности письма: орфография может быть не обязательна, говорили они, можно допустить известную свободу написания. Товарищи, которые участвовали в соответствующих заседаниях, знают, о ком идет речь. Этому принципу должна быть об'явлена жасточайшая борьба, ибо мы боремся за всеобщую грамотность и нужно настаивать, чтобы были твердые орфографические кодексы, нужно, чтобы эти кодексы учитывались в массе.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ПАЛЬМБАХ

Остановлюсь на трех - наиболее важных, на мой взгляд, вопросах. Первый—это значение нового алфавита в построении национальной орфографии; второй—это тенденция развития самих языков и их отражение на состоянии и развитии орфографии; третий—это задачи научно-исследовательской работы в области орфографии.

Я уже указывал, что самый факт введения НА решительным образом содействовал рационализации орфографической работы. Если мы сравним написание отдельных слов в старой арабской орфографии и при помощи НА, то мы увидим, что здесь и сама техника написания улучшилась в смысле приближения письма к живой речи. Возьмем такой пример: „dejnet“, „nejnet“, и „degnet“ в тюркских литературных языках; эти слова в арабской графике передавались одним и тем же иероглифом, имели одно и то же написание, и были одинаковы чужды всем этим языкам. Переход на новый алфавит дал возможность отрешиться от традиционной „иероглифической“ формы, не имевшей отражения в живом языке, и таким образом приблизить письмо к живой речи.

Возьмем арабскую графику не в старой ее форме, а в реформированной. К чему она привела? К тому, что основной недостаток арабской графики—обилие диакритических знаков—еще более усилился. Для обозначения сингармонизма пришлось прибегать в реформированной арабской графике, как это было у Байтурсунова, к увеличению диакритических значков. Однако значение перехода на новый алфавит состояло не столько в технических усовершенствованиях, сколько в том, что старая письменность, являвшаяся проводником идеологии эксплоататорских слоев, была из'ята из обращения и тем самым орудие письменности было вырвано из рук эксплоататоров и передано в руки трудящихся.

Однако пережитки арабской графики имеются и до сих пор. Тов. Джафаров проиллюстрировал это удачным примером, когда единое слово продолжает писаться раздельно по традиции, унаследованной от арабской графики. Момент традиционного написания сохранился еще в ряде новых письменностей. За его изживание должна вестись решительная и последовательная борьба.

Несомненно правильна высказанная тов. Джафаровым мысль о том, что дальнейшая работа в области орфографии должна проходить на основе учета других письменностей, в том числе зарубежных. Опыт развития латинизированных письменностей в Турции, Монголии и Туве представляет исключительный интерес.

Второй вопрос—о тенденции развития языков в их взаимоотношении с диалектами и в связи с этим—вопрос о принципах правописания. Т. т. Яковлев, Данилов и Хашимов усмотрели в моем докладе противоречие, заключающееся в том, что я, якобы, открыл какую-то новую тенденцию в развитии письменности и орфографии—от морфологизма к фонетизму.

Я имел в виду совсем иное. В докладе я говорил, что само создание орфографии шло именно от некритического фонетизма к более последовательному морфологизму. Только такое сочетание наибольшего фонетизма в рамках определенной морфологической системы обеспечивает стандартность орфографии, и создание таким образом прочной орфографической базы, на которой могут развиваться национальные письменности.

Я хотел также подчеркнуть ту мысль, что новые орфографии кое-где переборщили по части морфологизма, и это злоупотребление морфологическим принципом необходимо сейчас исправлять. Здесь указывалось на то, что в татарской орфографии имеется такая форма, как „acqan" и что здесь орфография отказалась от морфологического написания аффикса и дает фонетическое написание. Уже из этого одного примера ясно, что в ряде случаев излишний морфологизм в принятых сейчас написаниях аффиксов может и должен быть отброшен. Мы можем также приблизить орфографию к живой речи и в правописании основ, давая фонетическое написание конечного согласного основы, где он изменяется под влиянием аффикса.

Главное же, что мне хотелось подчеркнуть, говоря о направлении развития орфографии литературного языка—это тот бесспорный факт, что диалекты и языки обнаруживают ясно выраженную тенденцию к сближению, в частности сингармонистические языки и диалекты идут к изживанию гармонии гласных.

Возьмем казакскую орфографию, где губной сингармонизм нарушается, хотя в диалектах он существует. Это значит следовать морфологическому принципу.

Стоит ли этот момент казакской орфографии в противоречии с живой речью? Конечно, стоит. Но поскольку здесь это написание основано на учете тенденции отдельных диалектов и языка в целом, которая ведет к изживанию губного сингармонизма, мы должны сказать, что в будущем развитии языка данное морфологическое написание совпадает с живым произношением и таким образом установится как бы единство фонетического и морфологического написания слов.

Тенденция развития языка, благодаря устранению противоположности между городом и деревней, в результате роста промышленности в национальных республиках, ведет к изживанию ряда тех расхождений, которые сейчас имеются между диалектами города и деревни. Таким образом, тот как бы насильственный морфологизм, который сейчас существует,— будет отмирать.

В связи с этим два слова о замечании тов. Санжеева. Он возражал против того, что многодиалектные языки более морфологичны в своей орфографии, а однодиалектные языки— более фонетичны. Тов. Санжеев не привел ни одного примера для обоснования своего возражения. Самая характеристика языкового положения в Бурято-Монголии тов. Санжеевым дана правильно, однако особенность этого положения состоит не столько в том, что селенгинский диалект является ведущим, а в том, что бурятская орфография строится с учетом монгольского литературного языка, и таким образом проведение морфологического принципа здесь особенно необходимо.

Наконец, последняя мысль, которая здесь высказывалась—о дальнейшем усилении и углублении научно-исследовательской работы по вопросам орфографии. Тов. Данилов дважды выступал по этому поводу: и в прениях по докладу о терминологии, и в связи с докладом по орфографии. Он указывал на необходимость всемерно использовать опыт всех научно-исследовательских учреждений, работающих в центре и на местах.

Необходимость использования опыта других учреждений и организаций и совместного углубления работы подчеркивается всеми. Это нашло свое выражение в предложении об организации центра орфографической и терминологической работы.

Но в выступлении тов. Данилова меня озадачила не совсем досказанная мысль о том, что среди лингвистов имеются люди, которые фактически срывают практическую работу по языку, по созданию терминологии и орфографии. Он сослался на тот факт, что два года тому назад известная группа лиц, которую он однако не назвал, протестовала против создания орфографии и усовершенствования письменности на основе научно-разработанной системы правописания Тов. Данилов воспользовался здесь случаем для того, чтобы выступить против нового учения о языке и доказать его практическую несостоятельность.

Пусть он сам ответит на вопрос: какое из двух существующих направлений в науке о языке—традиционное, т. н. индо-европейское, или новое направление, представленное ра-

ботами академика Марра—больше питает практических работников в той исследовательской работе, которая связана с развитием национальных письменностей. Традиционное учение о языке всем своим существом содействовало, с одной стороны, паннационалистическим настроениям,—а с другой стороны, вело к отрыву практической работы от того развития языка, которое сейчас происходит в направлении к сближению национальных культур. Учение акад. Марра всем своим интернациональным существом обращено к такой языковедческой практике, которая ставит своей прямой и почетной задачей содействие развитию социалистических по содержанию и национальных по форме культур, в частности на таком важнейшем участке их развития, как создание новой терминологии и орфографии национальных языков. Эта практика языковедной работы будет становиться все более плодотворной в меру того, как лингвисты, участвующие в разработке нового учения о языке, усвоят наследство классиков марксизма по языку и в особенности освоят учение Ленина и Сталина по национальному вопросу.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО тов. ХАШИМОВА

Мне очень мало придется говорить, потому что все выступавшие повидимому были согласны с выставленными мною установками.

В заключительном слове я хотел остановиться немного на характеристике орфографирования терминов. У нас в Узбекистане на практике применяется система орфографирования такая же, какая существует в русском языке, но с приспособлением основ к звукам и к фонетическим звуковым особенностям узбекского языка. Наряду с этим существует однако и механическая формальное подражание. Например слово „кооперация". В этом слове на русском языке в корне имеются два „о". Но когда мы пишем его на узбекском языке, то можно написать и одно „о", и два „о", так как разницы в произношении нет. Тут есть нелогичность в нашей орфографии,—в некоторых случаях у нас пишут такое слово через два „о", а в некоторых—через одно. Такое же явление и в слове „комиссар". В узбекском языке слово „комиссар" никогда не произносится через два „с". Поэтому это слово, можно писать через „ЦС" и через „с", но не через два „с", тогда везде будет сохранена одна и та же форма.

Некоторые товарищи говорят, что в русском языке нет буквы „h" и слова „гегель", „гектар" должны писаться через „х", как немецкое „аш". На узбекском языке вот пишут „хегель" и „хектар". Но я думаю, что в таких случаях нужно исходить из сочетания произношения этих слов на нашем языке; ведь никогда у нас в колхозах и совхозах не произносят „хектар", а произносят „гектар". И вот, несмотря на то, что у нас в языке имеется звук „х", на практике в этих словах применяется произношение „г".

Я думаю, что здесь нужно установить такую систему: то, что уже на практике применяется, освоено массами и в произношении совпадает, это нужно будет взять для ориентации. Про-

изношение, которое внедрилось в практику—гектар, комиссар, кооперация—всех этих слов изменять не следует.

У нас существует ряд неправильных установок в отношении орфографирования иностранных слов, т. е. неточно установленное звукосочетание при передаче иностранных слов через русскую орфографию. Нужно четко установить, как произносить русские слова узбекскими звуками. Нельзя механически, формально подходить к этому вопросу, и если можно передавать слово узбекскими звуками, то нужно это делать, не вводя другого звука, как это делают некоторые товарищи, которые, если не существует одного звука—вводят другой звук только на том основании, что он встречается в иностранных словах. На данном этапе это было бы перегибом. Поскольку русское „ц" можно изображать через ts, незачем вводить новый особый звук, который сейчас не произносится.

Таким образом при передаче иностранных слов, при орфографировании их через русскую орфографию, беря основу и приспособляя ее к орфографическим и другим особенностям узбекского языка, нужно исходить из тех звуков, которые у нас имеются, а не вводить новые звуки, которые на данном этапе могут только затруднить освоение орфографии этого слова.

Может быть я не точно понял тов. Пальмбаха, когда он говорил в своем докладе о звуковом фонетическом принципе. Я так понял его, что развитие языка идет на фонетическом принципе, и что фонетический принцип господствует в той или иной мере в турецком языке. Насколько я знаком с фактами не только в области узбекского языка, но и в области казакского и туркменского языков,—я прихожу к заключению, что тенденция развития этих языков в дальнейшем будет итти совсем не по линии фонетического принципа, а по линии все большего освоения морфологического принципа. Я мог бы проиллюстрировать это несколькими примерами. Скажем, у нас фонетический принцип господствовал в целом предложении, и уже потом фонетический принцип разрешается в системе предложения, и остается только в отдельных звуках, в начале слова, если оно твердое; союз также подчиняется этому в первоначальном слоге. Таким образом фонетический принцип, т. е. твердое произношение, отражается и на союзе, и на приставке. Потом союз выделяется без всякого подчинения.

Потом постепенно это произношение разрушается и в приставках. В Ташкенте, в ферганских городах, в Коканде и т. д. везде на приставках мы видим разрушение фонетического принципа.

Но кроме разрушения фонетического принципа в приставках, мы наблюдаем его разрушение в основах слов. Например у нас говорят „булуп" или „булеп". Тут возникает вопрос—какую букву писать в конце слова: „п" или „б"? Таким образом, мы видим разрушение фонетического принципа и целиком, и в основе, даже основа не подчиняется фонетическому принципу целиком. Фонетический принцип отходит назад, и язык переходит все больше и больше на морфологический принцип. Я считаю, что в дальнейшем морфологический принцип будет являться основным принципом.

Тов. Пальмбах говорил, что в наших условиях, с введением в язык иностранных слов, развиваются всякого рода исторические принципы. Но надо иметь в виду, что эти слова проникают к нам из русского языка, с русской орфографией, сохраняя свои корни, а в приставках и звукосочетаниях они будут подчиняться законам данного языка. Тут мы не видим цельного исторического принципа, не видим фонетического принципа, которым нужно об'яснить словообразование.

СОДОКЛАД т. ТОГМИТОВА

(Бурято-Монголия)

Товарищи, как известно, Бурято-Монгольская республика перешла на новый латинизированный алфавит с некоторым запозданием. Соответственно этому и научно-исследовательская работа по НА начала развиваться у нас только запоследнее время.

В 1931 году в Москве на конференции монгольской группы народов, созванной по инициативе ВЦК НА, новый монгольский алфавит получил окончательное оформление. Там был также разрешен ряд вопросов, связанных с НА, с орфографией, терминологией и т. д. Примерно с конца 1931 года началась более или менее нормальная научно-исследовательская работа в области латинизации монгольского языка. Основная научно-исследовательская работа велась нашим государственным институтом, в частности сектором языковедения и письменности под руководством ВЦК НА.

Одним из трудных вопросов оформления нового монгольского языка является его многодиалектность. Основных диалектов в Бурято-Монголии два: западный и восточный. В западной Бурятии было более сильно влияние буржуазно-колонизаторской политики, и более резкое влияние оказала политика руссификации, политика изгнания родного языка из школ. В связи с этим мы наблюдаем некоторую потерю родного языка в западной Бурятии.

Эти трудности, связанные с дореволюционным наследством, не изжиты до сих пор. До самого последнего времени, до середины 1931 года, преподавание в национальных школах западной Бурятии велось на русском языке. Все собрания и печать—все это было на русском языке. Перед нами стоял очень серьезный вопрос о поднятии языковой культуры в западной части Бурятии. В 1932 г. наш Институт культуры вместе в ВЦК НА провел научную конференцию по поднятию языковой культуры в западной Бурятии.

Здесь мы имели такое положение: основная масса западной Бурятии говорила на родном языке, а верхушка, часть руссифицированной советской интеллигенции и актив—говорили на русском языке. На научной конференции с участием делегатов целого ряда колхозов западных районов, мы отметили такое интересное явление: делегации от колхозов, пришедшие на конференцию с требованием ввести новый алфавит, указывали, что беднота и батраки говорят на родном языке, что введение нового алфавита ускорит культурное строительство и что преподавание в начальной школе на русском языке—это продол-

жение политики руссификации. Исходя изв сего этого, мы наметили ряд конкретных мероприятий, издали ряд учебников, самоучителей по родному языку для западной части Бурятии.

Научно-исследовательская работа, в особенности по созданию основного литературного языка, была однако поставлена так плохо, что даже после конференции монгольской группы были допущены ошибки, искажения. Мы имели проявления местного национализма в области языковедной работы.

Решение Обкома о письменности наметило ряд практических мероприятий для развития нового литературного языка и указало, что в основу надо взять селенгинскую речь, как ведущую, и на этой основе строить новый литературный язык.

С алфавитом у нас пока благополучно и никаких предложений об изменении нет.

В области орфографии после монгольской конференции мы провели 3 совещания и достигли известного единообразия орфографии, за исключением орфографии заимствованных слов—интернациональных терминов. Здесь у нас имеются спорные вопросы, о которых говорил тов. Санжеев.

В области терминологической работы мы тоже кое-что сделали. Сейчас закончен большой терминологический словарь русско-бурятских слов, примерно в 25 печатных листов, со включением общественно-политических и научно-технических терминов. При оформлении терминов мы обращались к национальному языку, и если в нашем языке не находили точного эквивалента того или иного слова,—мы брали термин в международном употреблении или из русского языка. Мы придерживаемся в этой работе того мнения, что надо создавать не просто терминологический словарь, но словарь, основанный на научном толковании. Бурятия имела уже опыт создания простого терминологического словаря в виде перечня слов. Но такой терминологический словарь на практике оказался не совсем удачным, потому что им могут пользоваться только специалисты-лингвисты, а широкая масса не может, как следует, использовать терминологический словарь в таком виде. Поэтому нам кажется необходимым составить толковый терминологический словарь, который имеет большое общеобразовательное значение для массы. Поняв существо терминов, масса легко овладеет словарем и будет пользоваться им. Эту работу по созданию толкового терминологического словаря мы недавно закончили, обсудили и приняли тезисы, которые, мы надеемся, будут скоро утверждены ВЦК НА.

Дальше перед нами стоит большой вопрос, связанный с созданием марксистско-ленинской терминологии, основанной прежде всего на науке. Мы сейчас переводим шеститомник Ленина, некоторые произведения Маркса и Энгельса, как „Манифест", статью Ленина „Детская болезнь", закончили перевод двухтомника и целого ряда статей. При переводе этих трудов, мы сталкиваемся с огромной трудностью связанной с терминологией.

Перевод классиков марксистской литературы на национальные языки, в частности на бурято-монгольский язык, представляет собой очень серьезную научно-исследовательскую работу. Здесь мы имеем опасность упрощенства, опасность руссификации

всех терминов, а отсюда—отрыв терминов от языка трудящихся масс. Я считаю, что наш пленум должен в своей резолюции обратить специальное внимание на перевод классиков марксизма на национальные языки.

Исходя из особого значения создания марксистской терминологии, я считаю необходимым созвать специальное совещание в ВЦК НА совместно с Институтом Маркса—Энгельса—Ленина, чтобы разрешить на этом совещании ряд вопросов, связанных с терминологией. Для нас очень интересен также опыт других национальных республик в этом отношении и общие установки относительно создания марксистской терминологии, о переводах Маркса, Энгельса, Ленина на национальные языки.

В области создания терминологии на монгольском языке мы уже констатировали наличие кричащих примеров местного национализма. Такие термины, как „материализм", наши лингвисты перевели, например, как „оторванное", „половинчатое" мировоззрение. Термин „идеализм" они перевели как „мировоззрение одобренное". „Диалектику" они переводят, как „науку о причинных следствиях", примерно так же, как буддийскую „науку о причинных следствиях". Такие термины, как „Лига наций" переводились, как „союз народов" или „содружество народов", что выхолащивало классовое содержание. Термин „либерал" переводился как „борец за свободу" и т. д. Таких примеров масса; в 1933 году мы стали наконец на правильный путь в области создания марксистской терминологии.

Несколько слов об общей словарной работе по новому алфавиту. Вначале мы имели ненормальное положение с единством орфографии. Бурято-монгольский Госиздат имел свою собственную орфографию, свою орфографию имели Институт культуры и Учпедиздат. После горячих дискуссий был издан орфографический словарь на 20 тыс. слов и, надо сказать, что этот словарь помог установлению единообразия в орфографии (за исключением таких спорных вопросов, как орфографирование иноязычной терминологии). Но пока принят принцип, который проиллюстрировал здесь тов. Санжеев. Этот принцип, правда, имеет свои недостатки и требует дальнейшего уточнения, но пока по этому принципу мы установили единую орфографию.

Законченный бурято-русский словарь на 20 тыс. слов, а также русско-бурятский словарь общей сложностью в 40 печатных листов мы не имеем типографской возможности издать на месте. В середине 1933 года мы заканчиваем серию словарей и придется со всей настойчивостью ставить вопрос об их издании.

При составлении словарей ярко обнаружилось недостаточное изучение бурятских говоров. Мы имеем ряд трудов по говору—об аларском говоре, селенгинском говоре, и орфографический словарь всех наречий, но вся эта работа проводилась на такой стадии латинизации, когда мы обращали больше внимания на создание грамматики бурятского языка и на изучение особенностей отдельных говоров. Этот материал оказался поэтому непригодным в дальнейшей работе, когда мы стали разрешать практические вопросы оформления нового литературного языка (разработка терминологии, составление словарей, учет запаса

слов, производственно-экономических и бытовых терминов и т. д.). Изучение бурятского языка проводилось нами прежде без особого заострения актуальных политических вопросов, мы обращали больше внимания на фонетические особенности тех или других говоров и изучение говоров не связывалось с таким вопросом, как составление словарей, учебников и т. д., с процессом обогащения языка.

Следовательно предстоит еще много поработать над дополнительным изучением бурятского языка в связи с дальнейшим оформлением нового литературного языка. Такая же большая работа предстоит по составлению большого словаря бурятского языка с учетом всех его наречий.

У нас проводится непосредственная научно-исследовательская и прикладная работа, издана грамматика, синтаксис нового бурято-монгольского языка Бородина в 15 печатных листов. Подготовлена к печати школьная грамматика; можно еще указать на серию самоучителей: самоучитель для активистов, самоучитель для знающих старый язык, самоучитель для знающих русский язык и т. д. Несомненно, издание этой серии самоучителей имеет огромное значение на данной стадии развития нового литературного языка.

Мы спланировали в этом году издание художественной литературы на новом языке. Закончен перевод книги „Мать“ Горького. При этом мы считаем такую работу не простым переводом, а работой, которая обогащает наш язык, которая нашими лингвистами рекомендуется для приобщения националов к художественному языку. Мы обращаем внимание на художественность перевода этого произведения, потому что перевод играет исключительную роль в деле внедрения нового языка в массы. Закончен перевод „Ревизора“ Гоголя, „Мятежа“ Фурманова и ряда других книг. (Коркмасов: Расскажите о творчестве самих националов!).

Мы издали целый ряд национальных произведений, сейчас также готовятся к печати отдельные произведения. В 1932 г. издано 320 печ. листов на НА, что составляет 85% всей продукции нашего ГИЗ'а. Это—научно-популярная, массовая сельскохозяйственная и партийная литература.

План работы по языку содержит в себе следующие темы: составление энциклопедического словаря в одном томе (в 1934 г.). Даем краткий предметный бурято-монгольский словарь с толкованием для школьных работников и учителей по таким предметам, как математика, физика, химия, география, биология.

Относительно опыта Дагестана я должен указать, что словари, изданные Научно-исследовательским институтом Дагестана, конечно, имеют очень большое значение. Но мне кажется, что лучше было бы создавать толковый терминологический словарь, ибо реальное обращение такого словаря, как дагестанский, имеет очень малое значение; широкая масса не имела возможности использовать его на практике.

Если мы, например, для слова „материализм“ дадим соответствующий термин в принятой терминологии и затем краткое толкование—это будет более понятно для масс, и терминология получит право гражданства среди широких трудящихся масс.

В 1933 году мы намечаем составить бурятский толковый терминологический словарь по изданной марксистской литературе и „Вопросы ленинизма", а также два тома шеститомника. Это большая работа—15 печ. листов. Русско-бурятский толковый словарь будет совершенно закончен в конце марта этого года—20 листов, а также русско-бурятский словарь общий—35 печ. листов.

В 1933 году мы намечаем организацию экспедиции в основные районы Бурято-Монголии для изучения и внедрения нового алфавита,—экспедицию с развернутой программой, с учетом всех недостатков работы прошлых лет. Экспедиция будет изучать новый алфавит в процессе его внедрения с точки зрения качества, с точки зрения новой терминологии, с точки зрения словарного запаса и т. д.

После пленума я буду ставить вопрос перед ВЦК НА насчет руководства этой работой.

Следует указать также на факт составления учебников для наших вузов. Заканчивается литературная хрестоматия для технической и другой бурято-монгольской литературы. Издана серия художественной литературы. Вот вам, кратко, состояние работы в Бурятии и наметки плана на 1933 год.

Практический вопрос, который надо сейчас поставить—это вопрос о созыве терминологического совещания по переводам совместно с Институтом Маркса—Энгельса—Ленина. Было бы очень полезно созвать такие совещания и в национальных республиках. Многие национальные республики только еще начинают работать по шеститомнику и обмен опытом будет очень полезен. Необходима помощь со стороны Научного Совета ВЦК НА в разрешении ряда спорных вопросов орфографии. Мы наметили в июле организовать экспедицию по изучению нового алфавита с участием представителей центра, научных работников, и после этой экспедиции созвать конференцию по вопросам орфографии и терминологии.

ЗАКРЫТИЕ ПЛЕНУМА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. КОРКМАСОВА

Товарищи, мы закончили обсуждение всех вопросов, стоявших на повестке дня Пленума Научного совета. Подводя итоги проделанного, я должен отметить, что работа первого Пленума была значительная. Рассмотрев важнейшие вопросы плана работы НС на 1933 г., мы, можно сказать, впервые обсудили вопросы орфографии, терминологии и унификации не только в освещении докладов центра, но и опыта мест.

Основной недочет в работе Президиума по подготовке и постановке этих вопросов заключается в том, что мы не проделали предварительного обследования опыта мест в области научной работы, не ознакомились с вынесенными многочисленными постановлениями конференций по терминологии, орфографии и унификации. Поэтому все постановления нашего Пленума главным образом все-таки основаны на тех материалах, которые находились в распоряжении Президиума Научного Совета и отчасти были дополнены содокладами. Мне кажется, что наши резолюции получат еще большее обоснование тогда, когда мы двинем их на места,—когда мы сами проверим опыт мест, и таким образом в работу комиссий, которые мы организуем, будут внесены еще большие уточнения. Тогда работа последних станет еще более продуктивной. Задачи, которые стоят перед нами в первом году второй пятилетки,— это главным образом задачи освоения качества продукции. Поэтому на этот момент в дальнейшей работе нам нужно будет обратить особое внимание.

Другой момент, который я хотел бы подчеркнуть—это то большое значение, которое приобретает наша работа в смысле согласования, в смысле сотрудничества членов Научного Совета в полном его составе. Этот момент нам также нужно будет в дальнейшем учесть, чтобы использование членов Научного Совета продолжалось бы и тогда, когда они не созваны на специальный пленум, чтобы это сотрудничество было более регулярным, более постоянным, потому что после вынесения резолюций нужно проводить их в жизнь. А это мы сможем проделать тогда, когда мы будем вместе работать, как работаем сейчас.

В прошлой работе, кроме того, что мы были несколько разобщены, мы не применяли в достаточной мере социалистических методов работы, методов соцсоревнования и ударничества, которые так продуктивно применяются во всех других отраслях работы. Для того, чтобы добиться выполнения плана, который мы утвердили на 1933 г., нам нужно поднять темпы и на нашем участке, и не отставать от общего социалистического строительства.

Мы проделывали эту работу, сознавая, что теоретически мы отстаем и продолжаем отставать. И в этом отношении, в отношении теоретическом, нужно будет взять такие темпы работы, чтобы догнать практику социалистического строительства.

Позвольте выразить надежду, что мы сделаем все для того, чтобы выполнить и перевыполнить план 1933 г. В этом отношении действительно нужно отметить, что первый Пленум Научного Совета является переломным в работе по новому алфавиту. (Аплодисменты).

РЕЗОЛЮЦИИ
ПЛЕНУМА

„Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса национальной культуры".

(Сталин).

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ОТЧЕТНОМУ ДОКЛАДУ ПРЕЗИДИУМА НАУЧНОГО СОВЕТА ВЦК НА и СОДОКЛАДУ О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ ИН-ТОВ НАРОДА СЕВЕРА, КОМИТЕТА НА ТАТАРИИ и БУРЯТО-МОНГОЛИИ

Заслушав доклад т. Коркмасова о работе Президиума НС за период после V пленума ВЦК НА до 1933 г., пленум отмечает имевший место за этот период перелом в работе НС, значительное оживление его деятельности и одобряет линию его работы.

I. Пленум отмечает, что за отчетный период:

а) В области работы НА развернулась успешная борьба на два фронта как с великодержавным шовинизмом, главной опасностью на данном этапе, так и с местным национализмом;

б) работа НС стала строиться на плановых началах, а принятый на 1932 г. план был НС в основном выполнен;

в) после долгих усилий удалось добиться унификации алфавита в такой решающей республике, как Азербайджан.

г) положена здоровая основа для создания стенографической унитарной системы для языков, перешедших на НА, утвержденная на Всесоюзном Стенографическом совещании, созванном НС;

д) подготовлен созыв первого Пленума НС с соответствующей предварительной разработкой необходимых материалов;

е) разработан план работы НС на 1933 г., вместе с положением НС и представлен на утверждение настоящего Пленума.

ж) принят ряд мер для увязки научной работы НС с соответствующими местными органами, а также с соответствующими научно-исследовательскими учреждениями центра и мест.

II. Наряду с этим пленум отмечает:

1. Отставание в работе НС на теоретическом фронте—в области терминологии, орфографии, где в ряде мест был проявлен ряд крупных ошибок, не встретивших своевременно должной критики со стороны НС.

2. Не была налажена должным образом связь с местами по линии научной работы и не был учтен опыт научной работы мест.

3. Отсутствовала массовая работа в органах НС по линии разработки терминологии, орфографии, литературных языков и т. д.

III. Пленум НС предлагает Президиуму в дальнейшем поднять свою работу на должную высоту согласно требованиям социалистического строительства во второй пятилетке, усилить бдительность на идеологическом фронте согласно указаниям январского пленума ЦК и ЦКК, поднять качество своей научной работы, теснее связаться с научной работой мест и соответствующими учреждениями в центре и на местах, выполняя полностью утвержденный Пленумом план на 1933 г., работая методами соцсоревнования и ударничества.

IV. Положение о Научном Совете, представленное Президиумом Научного Совета, утвердить.

V. Выработанные алфавиты за отчетный период одобрить.

VI. Заслушав содоклады Комитетов Народов Севера, Татарии и Бурято-Монголии, Пленум отмечает значительное развертывание научной работы за отчетный период в отношении обслуживаемых ими национальностей.

VII. Пленум особо отмечает большую работу Комитета Народов Севера по созданию письменности для бесписьменных народов Севера.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА т. ДИМАНШТЕЙНА

ПО ВОПРОСАМ ТЕРМИНОЛОГИИ ДЛЯ ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ОДОБРЕННЫЕ В ОСНОВНОМ ПЛЕНУМОМ

1. Терминология в наших условиях представляет собой важнейшую часть языкового творчества, особенно для малоразвитых языков, подвергающихся, благодаря грандиозным успехам социалистического строительства СССР, колоссальным изменениям, стараясь успеть за быстрым ходом жизни, за бурным ростом культурной революции.

Колоссальный рост грамотности в бывших отсталых республиках, когда многие из них достигли сплошной грамотности или приближаются к ней, правильное обслуживание всей этой массы посредством правильной терминологии, облегчая ей возможность быстрее и точнее усвоить генеральную линию партии, точные науки и т. п. на родном языке,—является первоочередной задачей партии и советской власти на фронте культурной революции.

2. В учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина по национальному вопросу указывается огромное значение языка и его роль в политической жизни национальностей. Заботиться о правильной терминологии—значит давать окончательное оформление молодым развивающимся языкам.

Вопросы формирования языков, создание их терминологии у нас не являются самостоятельными вопросами, а только произ-

водными от всей совокупности экономических и политических факторов с полным учетом всей нашей национальной политики. Ленин указал, что „язык есть важнейшее средство человеческого общения, единство языка и беспрепятственное его развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого товарооборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам; наконец—условие тесной связи рынка со всякими и каждым хозяином и хозяйчиками, продавцом-покупателем“ (т. XIX, стр. 90—1). Тут мы находим у Ленина экономическое обоснование заинтересованности в единстве языка, в его понятности по своим терминам более широким слоям и в то же время отмечается группировка населения по отдельным классам, находящая свое отражение в языковых вопросах. Энгельс, например, указал, что в делении английского народа на два класса, имеется и своего рода национальное деление, т. к. терминология одного класса непонятна для другого класса, и получается, что люди говорят как будто на разных языках. Огромная важность экономического момента в вопросах языка говорит нам о реальной важности классовой ориентировки по этой линии.

В условиях советской действительности, когда еще происходит процесс консолидации наций и образование новых национальностей, языковый момент является исключительно важным, как это указал т. Сталин: „Национальная общность немыслима без общности языка“ („Марксизм и национальный вопрос“, стр. 4).

3. Вопросы терминологии находятся в полной зависимости от общего положения социалистического строительства нашей страны, от проявления по этой линии специфических особенностей в отдельных национальных республиках. Решающим фактором являются производительные силы, вопросы языкового строительства должны соответствовать запросам и потребностям социалистической стройки.

Бурный рост социалистического строительства ежедневно приносит массы новых понятий, связанных с развитием индустриализации страны и радикальной перестройкой системы народного хозяйства. Для выражения этих понятий нужны термины, понятные широким слоям рабочих, колхозников и трудящихся. Терминология необходима для более тесного и быстрого приобщения трудящихся народов СССР к сознательному участию в нашем строительстве, для овладения марксистско-ленинской наукой и передовой техникой. Разработка терминологии на языках народов СССР является одним из важнейших элементов построения национальных по форме, социалистических по содержанию культур.

4. Анализируя длительный путь, пройденный большинством языков разных национальностей при выработке своей терминологии, надо признать, что на этом фронте у нас еще далеко не все обстоит благополучно. В дореволюционный период при общем гнете над национальностями и их культурами, при насильственной руссификации не было возможности для нормального развития большинства языков; они или находились в состоянии застоя, некоторые деградировали, засорялись огромной

дозой руссицизмов и в то же время национальная верхушка их капиталистических и клерикальных элементов заполняла литературный язык этих народов чуждыми массам религиозными и другими терминами, взятыми из лексикона верхушечных элементов своей нации или из других подобных источников, из арабских, иранских, древне-еврейских, древне-монгольских и т. п. языков. Отсутствие единства языка задерживало развитие трудящихся масс, тормозило консолидацию нации у многих народов.

После пролетарской революции не удалось сразу развернуть правильную работу по всему языковому строительству в пролетарском духе, как это требовалось интересами революции. Не было еще необходимых для этого выдержанных кадров.

Вопрос о терминологии для национальных языков был впервые широко поставлен на первом всесоюзном тюркологическом с'езде в 1926 г. Следует признать, что подход к разрешению этого вопроса со стороны многих участников с'езда был ошибочным, политически вредным, базировавшимся на националистических установках. Укажем хотя бы следующее высказывание одного из докладчиков на этом с'езде—профессора Чебан-Заде,—что в Венгрии среди этой тюркской ветви „вы найдете таких венгерских образованных людей, которые имеют высшее образование и не знают иностранных языков, потому что они в силу своей культурности перевели весь научный литературный материал на свой язык с соответствующей терминологией". Куда клонит этот националист—совершенно ясно: по его мнению выработка терминологии должна иметь в виду полную национальную обособленность. Он подчеркивает, что в венгерском языке слова „электричество", „конституция", „доктор", „интернационал", „университет" и т. д. существуют на подлинно венгерском языке. Профессор Чебан-Заде, настаивая на ориентировке терминологии на общетюркскую базу, на арабско-персидскую—допускает и европейскую, подчеркивая, что ни одна страна не ориентируется на Восток (понимая СССР), и какого либо заимствования из русской терминологии он не допускает. Он рекомендует организовать терминологическую комиссию с филиалом в Турции. Пантюркизм довольно ясный.

Надо констатировать, что вопросу о классовой борьбе в строительстве языка и терминологии не было уделено внимания и в постановлениях тюркологического с'езда. Однако как с'езд, провозгласивший отказ от арабского алфавита и переход к алфавиту на латинской основе, он принял одно важное решение по части терминологии, а именно: „считать невозможным для тюркских языков дальнейшее заимствование арабско-персидских слов, окончательно отказаться от возврата к арабизмам и персидским терминам и при выборе новых терминов держаться общеевропейской ориентации", причем „из общеевропейских слов принимать только корни, согласуя их с природой тюркской артикуляции". Это постановление является некоторым шагом вперед от старого патриархально-феодального строения языка, но в нем не учтены моменты классовой борьбы вокруг создания языка. Этот этап в языковом строительстве среди национальностей, перешедших к новому алфавиту продолжался

в течение ряда лет и после с'езда. Такого же рода установки мы встречаем и у националистических элементов западных советских республик (Украина, Белоруссия), когда основное внимание по вопросам терминологии обращено было не на доступность языка массам, а на его большую изоляцию от других языков, особенно русского, и приближения его к польскому.

5. Последние годы дали известный сдвиг в смысле правильных установок в области терминологии национальных языков. Ряд организаций выработал некоторые принципиальные установки, намечающие правильное решение основных вопросов в дальнейшей работе по терминологии. После XVI с'езда партии в работе по терминологии произошел перелом. Мы исходим тут из следующей установки тов. Сталина на XVI с'езде партии: „Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в Союзе ССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме... Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру, с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую и по форме и по содержанию культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт—в этом собственно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре".

Борьба за генеральную линию партии в национальном вопросе требует в отношении развития национальных терминологий последовательной борьбы как с великодержавным шовинизмом, являющимся главной опасностью на данном этапе, выражающимся „в стремлении обойти национальные различия языка, культуры и быта, в стремлении подорвать принцип национального равноправия", так и с местным национализмом, состоящим „в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства" (Сталин).

Оба уклона в национальном вопросе по линии языкового строительства проявляются главным образом на этом важнейшем участке развития литературных языков в области их терминологии.

6. Уклон в великодержавный шовинизм теоретически обосновывался на данном участке строительства национальных культур, „бедностью" национальных языков, их бессилием выразить средствами национального языка все богатство содержания, заключенное в современной политической, научной и технической терминологии.

При этом под видом интернационализма в национальные языки протаскивалась в массовом порядке именно русская национальная терминология. На практике этот уклон приводил и приводит, во-первых, к невозможности освоения действительно интернациональных терминов, поскольку они навязы-

ваются языку в чуждом ему оформлении (например, с сохранением русских суффиксов и окончаний, что дискредитирует самую возможность приобщения национального языка к интернациональному терминологическому богатству пролетарской культуры и, во-вторых, приводит к наводнению национального языка излишними заимствованными русскими словами, отнюдь не только терминами („природоведение", „корнеплод", „сводка", „состав") и национально-русскими грамматическими формами, руссифицирующими не только словарный состав национального языка, но в значительной мере деформирующим и его грамматический строй (напр., Союз советских социалистических республик—без изменения порядка слов и окончаний в учебнике на мордовском языке).

7. Уклон к местному национализму обосновывается теорией внеклассового и неизменного национального языка, стремящейся отгородить развитие национальной культуры от „общего потока социалистического строительства", и выступающей глашатаем национализма различных толков (местный национализм, панисламизм, пантюркизм, буддийский панмонголизм). Он стремится навязать языку искусственную и мертвую терминологию под видом „очищения" языка от „чуждых" элементов (пуризм). В другой своей разновидности он выступает поборником сохранения в национальном языке под флагом национального исторического наследства идеологически чуждой иноязычной терминологии из архаических письменностей, которыми эксплоататорские слои населения пользовались в своих классовых целях, насаждая чужие языки, преимущественно в качестве культовых (напр. арабский в отношении к тюркским и яфетическим языкам). На практике этот уклон привел к засорению языков идеологически чуждыми терминами (например, культовыми), к искажению основных общественно-политических терминов путем замены термина национальным словом с приближенным значением, или путем передачи его громоздкими описательными оборотами, или, наконец, путем терминологической отсебятины, чуждой и непонятной массам.

В итоге эта практика ведет к деградации национальной формы языка и к колоссальному понижению его теоретического уровня. Вредительский характер национал-шовинистической практики в области национальных терминологий наглядно подтверждается деятельностью разоблаченных контрреволюционных организаций (султангалиевщина, байтурсуновщина и др.).

На деле оба уклона отрывают литературные языки от масс, тянут их от потока социалистического строительства и тормозят развитие социалистических по содержанию, национальных по форме культур.

8. Борьба партии с уклонами в национальном вопросе ознаменовалась известными успехами и в области развития терминологии национальных литературных языков. Эти успехи неразрывно связаны с успехами распространения нового алфавита среди народов СССР. Не говоря о языках бесписьменных, переход на новый алфавит уже сложившихся литературных языков со старыми письменностями резко сказался на их под'еме в направлении к расцвету национальных по форме и пролетарских

по содержанию культур, поскольку переход на новый алфавит вырвал письменность из рук эксплоататоров и тем самым решительно содействовал культурно-хозяйственному, классовому перевооружению трудящихся масс.

9. Предварительное изучение хода развития и современного состояния терминологии в языках, перешедших на НА, проведенное национальными научными организациями и органами НА, позволяет установить следующие основные черты, характеризующие состояние терминологической работы, а также направление развития и степень разработанности национальных терминологий:

а) В настоящий момент главные трудности терминологической работы связаны с тем, что в большинстве языков отсутствуют терминологические кодексы (конкретные разработки правил регулирования и создания терминологии в данном языке, терминологические словари и т. п.), регулирующие развитие новых терминологий; существующие терминологические органы ведут работу, сообразуясь не с требованиями систематической разработки терминологии, а в основном с требованиями дня в порядке срочности разработки тех или других терминов, вводимых в газету, текущую переводную литературу и т. п. В значительной же мере терминология создается кустарно отдельными ведомствами, авторами и переводчиками без всякого участия терминологических органов.

Такая практика терминотворчества на злобу дня, не руководимая теорией и не обобщаемая систематически, ведет к разнобою в терминологической работе, понижая ее качество и препятствуя ее успешному освоению в языке.

б) В вопросе о приспособлении усваиваемых интернациональных терминов к особенностям данного языка наблюдается наибольшее расхождение, как между практическими работниками в области отдельных терминологий—от механического перенесения терминов в их иностранном оформлении до неузнаваемого искажения слов якобы в угоду национальным формам языка внутри одной и той же терминологии („бассавык“).

в) При усвоении лексического материала с интернациональными аффиксами в практике отдельных терминологий недостаточно используются возможные методы оформления этих аффиксов, способствующие их освоению в языке (например, отбрасывание иноязычных аффиксов, либо их частей и присоединение гласных в конце аффикса с целью наибольшего освоения заимствованного термина в согласии со всем строем данного языка).

Так, например, вместо более простой формы „концентранс“, возможной в тюркских терминологиях, обычно встречается „концентрасия“; вместо более свойственного тем же языкам „акты“ встречается „акт“ и т. п.

Непоследовательность оформления интернациональных терминов затрудняет свободное освоение их в словообразовательном ряду национальных языков. Так, например, имена заимствуются в одной основе, а глаголы—в другой („забастовка“ оформляется по-русски, а „бастовать“ с помощью национального суффикса—„басталаар“).

г) В области устранения из национальных языков ранее господствовавших в них излишних иноязычных, а также идеологически чуждых терминов достигнуты определенные успехи, благодаря растущему использованию соответствующих интернациональных и своих терминов. Однако, в известной степени засоренность национальных терминологий отживающими и идеологическими чуждыми терминами имеется (в таджикском идиом „царская дорога" в значении—„генеральная линия", а казакском „черное хозяйство" в значении „крестьянин" и т. п.).

д) Недостаточно развернута работа по созданию новых терминов средствами своего языка. Наиболее распространен метод сложения терминов из двух или более слов. Наряду с удачными словообразованиями по этому основному методу нередко применяют и громоздкие описательные обороты („дерево, погоняющее дерево, погоняющее нитку" в значении челнока, „большая, большая, большая вода" в значении „великий океан"). В меньшей степени разработаны приемы аффиксации с семантическим упорядочением даваемых в них новых значений (например, „чи"—не только для действующего лица, но и для орудия).

Для ряда языков характерно наличие в них большого количества слов с недифференцированным значением („цена" употребляется также в значении „стоимость", „народ" в значении „государство" и т. п.).

Во всей нашей дальнейшей работе по терминологии мы должны исходить из указаний январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). В связи с крайне обострившейся классовой борьбой, завершающейся ликвидацией кулачества как класса и выкорчевыванием остатков капитализма в городе, националистические буржуазные элементы как великодержавные, так и местно-националистические производят определенные вылазки, пытаясь задержать победоносное наступление пролетариата. Националистическая идеология является важнейшим орудием в их руках для борьбы против социализма; это сказывается и в вопросах разработки терминологии.

Мы должны со всей большевистской твердостью и непримиримостью разбивать такие контрреволюционные попытки, разоблачать перед массами их действительную физиономию, помня о задачах, поставленных XVII партийной конференцией о построении к концу второй пятилетки бесклассового социалистического общества и изживании хозяйственной и культурной отсталости национальностей в СССР.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ТЕРМИНОЛОГИИ

(Приняты Пленумом единогласно).

1. Источниками создания новой терминологии должны служить: а) средства родного языка и его диалектов; б) интернациональная терминология, развивающаяся в советской действительности (типа: пролетарий, революция, социализм, совет, колхоз—для общественно-политической терминологии); в) международная научная и техническая терминология (типа: техника, физика, трактор, телеграф) и названия, связанные с этими

дисциплинами — для научной и технической терминологии; г) отсутствующие на родном языке общественно-политические и научно-технические термины и недостающие интернациональные — из других близких языков.

2. Необходим при создании терминологии дифференцированный подход к отдельным языкам и отдельным видам создаваемой литературы в зависимости от конкретных условий развития данной национальной культуры и с учетом тенденции ее развития в направлении сближения с другими языками.

3. Развитие новой терминологии на основе родного языка, необходимо проводить в следующих разрезах: а) создания новых слов из имеющихся основ в данном языке, используя хорошо развитую систему словообразующих суффиксов; б) смыслового перевода недостающих терминов по аналогии с уже развитыми языками; в) придания бытующим в данном языке словам нового значения; г) использования словарного запаса диалектов, не положенных в основу национально-литературных языков.

4. При заимствовании интернациональных терминов необходимо по возможности придерживаться в их оформлении интернационального оригинала с учетом динамики развития как данного языка, так и языков СССР вообще; не искажать формы основ имен существительных вообще и собственных имен (географических, имен деятелей и т. д.); отглагольные имена, а также прилагательные давать с национальным оформлением в окончаниях.

5. В процессе создания новых терминов необходимо избегать сложных словосочетаний и словообразований, слишком громоздких по форме и мало понятных массам по содержанию.

6. При регулировании уже существующих терминологий необходимо: а) подвергнуть безусловному отсеву термины, не выражающие требуемых советской действительностью понятий, а наоборот искажающие последние в угоду классовому врагу (руссицизмы, арабизмы и т. д.); б) подвергнуть уточнению и разграничению термины, долженствующие выражать хотя смежные, но совершенно различные по содержанию понятия (цена и стоимость, аграрный и крестьянский, социальный и социалистический и т. д.); в) положительные иноязычные термины прочно укрепившиеся в массах и соответствующие требованиям советской действительности не должны быть отбрасываемы.

7. Регулирование уже существующей терминологии и создание новой должно проводиться систематически соответствующими организациями с широким привлечением трудящихся масс (терминологические совещания, конференции, проработка отраслевых терминологий на совещаниях рабочих, колхозников, служащих определенных профессий, организация терминологических конкурсов, методы соцсоревнования между отраслевыми работниками по терминологии, национальными республиками и т. д.).

8. Для ускорения и усовершенствования работы по терминологии создать в составе Научного Совета ВЦК НА терминологическую комиссию. Возложить на эту комиссию изучение и обобщение опыта терминологической работы научно-исследо-

вательских организаций, подготовку к изданию соответствующих материалов (словников и т. д.) и научных трудов, учет подготовки кадров по терминологии. Терминологическая работа должна вестись в тесной увязке с наркомпросами союзных и автономных республик, научно-исследовательскими институтами научными комиссиями союзных республик и т. д.

9. Считать необходимым усиление работы на местах по изданию терминологических национальных словарей по отдельным дисциплинам. На первых этапах издания терминологических словарей практиковать смысловое раз'яснение сложных терминов. Президиуму Научного Совета оказать местам необходимую помощь в этой работе.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДАМ ОБ ИТОГАХ ЛАТИНИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ АЛФАВИТОВ.

1. Одним из ответственнейших участков в области построения национальных по форме и социалистических по содержанию культур является создание и развитие национальных письменностей и национальных алфавитов народов СССР, причем участок этот приобретает особенную важность в связи с поставленной во второй пятилетке задачей изживания хозяйственной и культурной отсталости национальностей, завершения всеобщего семилетнего обучения и освоения и закрепления имеющихся в области национальной письменности достижений.

В деле создания и развития национальных письменностей за 15 лет диктатуры пролетариата на основе проведения ленинской национальной политики достигнуты огромные, невозможные в условиях капитализма, успехи. В то время как до революции из более чем 150 народностей бывшей России—только около десятка имели более или менее развитую национальную письменность, причем значительная часть их пользовалась средневековыми, архаичными алфавитами, огромное большинство народов были совершенно бесписьменными и неграмотными,—в настоящее время около 100 народов Союза имеют свою национальную письменность.

2. Исходя из того положения, что построение национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов СССР не исключает, а предполагает их взаимное сближение и является ступенью к общей социалистической и по форме и по содержанию культуре,—алфавитное строительство в СССР протекает под знаком следующих задач:

а) создание алфавитов, наиболее соответствующих характеру каждого данного языка и наиболее доступных трудящимся массам;

б) максимальное сближение, унификация этих алфавитов.

В этом отношении алфавитное строительство в СССР резко отличается от практики капиталистических стран, где алфавиты, построенные без учета фонематического состава данных языков, затрудняют усвоение грамоты трудящимися и тем самым служат интересам эксплоататорских классов, использующих национально-обособленные формы письма как средство разобщения трудящихся.

В деле алфавитного строительства на основе НА в СССР достигнуты большие успехи: 68 народов имеют новый латинизированный алфавит. Под влиянием успехов латинизации письменности в СССР приняли латинизированный алфавит Монгольская и Тувинская народные республики. Преимущество латинизированного алфавита перед архаическим арабским подтверждено фактом перехода на него Турецкой республики. Движение за латинизацию развивается в ряде других зарубежных восточных стран (Персия, Индия, Египет и т. д.).

3. Проведение латинизации алфавита в СССР на основе ленинской национальной политики протекало в условиях обостренной классовой борьбы, встречая ожесточенное сопротивление как со стороны великорусского шовинизма, выступавшего порой не только против латинизации алфавитов, но даже против создания национальной письменности для невеликорусских народов, так и со стороны местного национализма, отражающего интересы капиталистических феодальных и клерикальных элементов и отстаивающего сложные архаические формы письменности.

Только в результате борьбы на два фронта—с великорусским шовинизмом, как с главной опасностью, и с местным национализмом имели место те достижения, которые отмечены в деле латинизации и унификации письменностей народов СССР.

4. Нельзя считать дело строительства алфавитов в СССР уже законченным как в отношении унификации звуковой значимости букв, так и по их графической форме. Ряд народов СССР только приступил к переходу на латинизированный алфавит; ряд народностей пользуется неунифицированным алфавитом. Более полная унификация достигнута по отношению к основным буквам НТА. Однако, и в этом отношении имеются расхождения между рядом алфавитов. В обозначении же дополнительных букв эти расхождения с НТА еще больше. На данном этапе развития национальных письменностей необходимо и возможно провести более полную унификацию алфавитов.

Существующие расхождения об'ясняются в основном тем, что латинизированный алфавит вначале был разработан в расчете на охват только немногих и наиболее крупных тюркских народов, движение же за латинизацию в дальнейшем охватило гораздо более широкий круг народов. С самого начала ЦК НТА была дана неверная установка, допускающая разнобой в отношении к так называемым дополнительным буквам; лингвистическая теория и руководство со стороны ЦК НА отставали от быстро растущих запросов практики латинизации и алфавитного строительства, в силу чего работа на местах протекала без достаточного руководства и координации.

5. Исходя из задачи достижения максимальной унификации, как момента, содействующего делу культурно-политического сближения народов СССР, а также считая, что отсутствие графической унификации создает затруднения в технике начертания, телеграфной передачи и т. д.,—необходимо провести в жизнь следующие мероприятия:

а) При разработке новых латинизированных алфавитов исходить из задачи их наибольшей унификации. В тех случаях, когда

будет возникать необходимость в отступлении, следует проводить унификацию с алфавитами народов, хозяйственно и культурно связанных с данным народом. Для выражения звуков, имеющих уже в НА соответствующие буквы, никаких иных букв не вводить;

б) Обеспечить максимальное участие мест в проработке отдельных конкретных вопросов унификации алфавитов, а также планомерное руководство этой работой со стороны Научного Совета.

в) Считать необходимым установить определенный алфавитный порядок в сводной таблице знаков НА. Порядок же букв каждого данного языка должен соответствовать последовательности знаков, данных в сводной таблице знаков НА;

г) Признать необходимой техническую унификацию букв НА. При решении этого вопроса необходимо иметь в виду, что он весьма сложен и что техническая унификация НА образует единое целое, включающее следующие моменты:

1) лингвистический (звуковое значение и соответствие графем букв НА фонетическому составу языка).

2) психологический (оформление НА, как об'екта восприятия при чтении).

3) педагогический (оформление НА, способствующее наиболее легкому и быстрому обучению чтению и письму).

4) графический (выдержанность общей конструкции и общего латинского стиля).

5) полиграфический (наибольшая экономичность и производственная целесообразность оформления, имея в виду полиграфический процесс в его целом).

Технографический анализ букв НА указывает на то, что они в общем построены на тех же принципах, что и буквы латинского алфавита.

Однако, вследствие того, что число знаков основного латинского алфавита ограничено, при введении дополнительных букв НА естественно пошли по пути модификации букв этого основного алфавита и отчасти по пути введения новых знаков в общем стиле латинского алфавита. В результате этого неизбежно возник ряд недостатков букв НА по сравнению с основным латинским алфавитом.

В дальнейшем необходимо вести специальные экспериментальные исследования по технографическому оформлению НА, в частности по замене явно неудовлетворительных букв, по усовершенствованию букв, признанных нуждающимися в этом, по вопросу о диакритических знаках (в частности под или надстрочные знаки и стандартизация седиля), по вопросам гарнитур и кеглей. Необходимо также срочно принять соответствующие меры к полной унификации расположения типографских касс и клавиатур наборных и пишущих машин, а также решить вопрос о применении НА на телеграфе.

Для разработки этих вопросов расширить состав технографической комиссии ВЦК НА, укомплектовав ее постоянным составом и тесно связав с научно-исследовательскими институтами в области языкознания, психологии, педагогики, графики и полиграфии, как центральными, так и местными.

д) Разработать вопрос о допустимости использования однотипных по системе обозначений (в частности применения седиля) для выражения различных рядов звуков в различных языках и группах языков.

е) Считать необходимым, чтобы словолитни производили отливку латинизированных шрифтов лишь по утвержденным ВЦК НА номенклатурам знаков.

ж) Считать целесообразной унификацию алфавитов горских народностей Северного Кавказа на основе принципов построения НА, что предполагает перенесение в унифицированный горский алфавит всех знаков НТА, которые передают фонемы, свойственные и горским языкам. Обозначение специфических для горских языков звуков унифицировать в общекраевом (со включением Дагестана) масштабе и с Абхазией; звуки, специфичные только для одной из групп кавказских языков, унифицировать в пределах этой языковой группы.

з) Обязать Сев. Кавказский крайком НА в течение 1933 г. закончить предварительную разработку конкретных мероприятий по проведению унификации алфавитов горских народностей Северного Кавказа.

и) Считать необходимым в ближайшее время провести унификацию алфавитов таджикско-еврейского и горско-еврейского (татского) с таким расчетом, чтобы эти алфавиты были унифицированы в то же время с таджикским, НТА и новодагестанским алфавитами.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДАМ ОБ ОРФОГРАФИИ.

1. Победы культурного строительства в национальных республиках и областях, выразившиеся в достижении к началу второй пятилетки массовой, а в некоторых автономных республиках и областях и сплошной грамотности среди трудящихся народов Союза ССР, бывших ранее массово неграмотными и бесписьменными, одержаны на основе правильного проведения ленинской национальной политики и исторических побед первой пятилетки, обеспечивающих гигантский рост национальных по форме и социалистических по содержанию культур.

В борьбе за ликвидацию неграмотности и всеобщего обучения большое значение имела разработка национальных орфографий, обеспечивших усвоение письменности широкими массами трудящихся.

В области распространения грамотности задачи развития национальных письменностей требуют такого укрепления национальных орфографий, которое необходимо для успешной борьбы за высокое качество грамотности в деле завершения всеобуча и усиления подготовки массовых кадров для всех участков социалистического строительства.

2. Как культурная революция не проходила и не проходит без ожесточенной классовой борьбы, так в частности и разрешение проблем орфографии проходило в борьбе против уклонов от генеральной линии партии в национальном вопросе.

В деле создания орфографии уклон к великодержавному шовинизму обходит те особенности национальных языков, которые

требуют своего выражения в нормах правописания и дискредитирует самую идею создания высоких по качеству национальных орфографий.

Уклон к местному национализму выступает в вопросе об орфографии защитником таких систем правописания, которые изолируют национальные письменности. Под видом борьбы за „чистоту" национального языка местный национализм стремится сохранить в языке и его орфографии мертвые и отживающие формы. В своем стремлении „защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства" он, под видом отстаивания национальной чистоты языка, искусственно вводит в орфографию чуждые нормы ранее господствовавших феодальных и буржуазных письменностей.

В своем конкретном проявлении в практике орфографической работы оба уклона вредят делу создания орфографий массовых национальных письменностей в условиях социалистического строительства.

3. Создание национальных литературных языков и их орфографий на основе НА требует максимального упрощения и стандартизации письма с учетом развития грамматического строя данного языка, в его отношении к диалектам и другим языкам Союза. Поэтому традиционно-исторический принцип орфографии, идущий вразрез с развитием национальных языков в наших условиях должен быть решительно отвергнут. Точно так же снимается противоречие между морфологическим и фонетическим принципами в деле создания национальных орфографий.

На смену этим противоречивым принципам орфографии в наших условиях необходимо установить в правописании такое соотношение между морфологизмом и фонетизмом, которое обеспечило бы максимальное приближение письма к живому языку трудящихся масс с учетом его диалектной базы и тенденции дальнейшего развития, которая проявляется в основном в национальной рабочей и колхозной среде. Тенденция развития и оформления новых национальных литературных языков сейчас отражается на соотношении фонетических и морфологических элементов орфографии в смысле более последовательного проведения обоих принципов правописания, обеспечивающего, с одной стороны, выражение орфографии морфологических особенностей данного языка и, с другой стороны, дальнейшее применение орфографии к живому языку путем максимального использования фонетических написаний в рамках данной морфологической системы языка.

4. Наиболее актуальными общими вопросами национальных орфографий являются следующие:

а) соотношение морфологических и фонетических написаний внутри слова (в основах и аффиксах);

б) слитное и раздельное написание слов и их частей и употребление дефиса (определение и определяемое, дополнение и дополняемое, служебные слова, частицы и пр.);

в) обозначение общих фонетических явлений в границах слова (сингармонизм гласных и согласных и долгота, последователь-

ность обозначения фонем и согласных и долгота, последовательность обозначения фонем путем устранения излишнего обозначения вариантов);

г) выработка системы пунктуации;

д) разработка орфографии интернациональных и других заимствуемых слов.

В разрешении этих вопросов ряд национальных республик и областей достиг определенных успехов, не только разработав достаточно совершенные системы орфографий, но и проводя достаточно последовательно массовую орфографическую практику, обеспечивающую достижение сплошной грамотности и высокое ее качество.

5. Однако, несмотря на то, что в основном разработка орфографии национальных языков идет по правильному пути, действующие орфографии и орфографическая практика в национальных письменностях страдают рядом недостатков, происходящих от неразработанности отдельных орфографических вопросов и от непоследовательного применения на практике установленных правил. Даже в лучших из существующих орфографий имеются противоречия, затрудняющие орфографическую практику и снижающие ее качество. Так, например:

а) одни и те же и различные основы и аффиксы в отдельном языке пишутся то фонетически, то морфологически;

б) в ряде орфографий губной сингармонизм выражается непоследовательно, в некоторых языках долготы, необходимые для различения слов и грамматических форм, не выражаются, полное обозначение сингармонизма гласных в узбекском затрудняет усвоение орфографии, в ряде орфографий имеются излишние обозначения вариантов фонем как сочетаниями букв, так и специальными буквами;

в) в ряде орфографий замечается непоследовательное слитное и раздельное написание составных слов, выражающих единое понятие, непоследовательное слитное и раздельное написание служебных слов, частиц и вспомогательных глаголов, излишнее и непоследовательное употребление дефиса;

г) беспорядочное употребление знаков препинания или механическое перенесение правил русской пунктуации;

д) в орфографии заимствованных слов замечается то механическое перенесение русской орфографической или произносительной формы, то искажение слов в результате полного и неправильного подчинения их произношению и орфографии данного языка, в частности отказ от введения необходимых букв для недостающих звуков.

Наряду с этим в отдельных языках сохраняются традиционно-исторические написания и буквы (арабизмы, фарсизмы и пр.).

Пленум поручает Президиуму Научного Совета, связавшись с местами, разработать конкретные мероприятия по изжитию указанных недостатков, путем организации научно-исследовательской работы в этой области как в центре, так и на местах.

6. Дальнейшая работа по усовершенствованию существующих и созданию новых орфографий, обеспечивающих успешное разрешение задач всеобуча и укрепления массовых национальных

письменностей, требует сосредоточения внимания на следующих актуальных вопросах:

а) усиление теоретической разработки вопросов орфографии в связи с изучением развития национальных литературных языков в их отношении к диалектам, в частности организации специальной орфографической Комиссии в составе Научного Совета и укрепление работы орфографических комиссий на местах;

б) организация в составе Научного Совета специальной комиссии по изучению вопросов развития национальных литературных языков и обобщению опыта этой работы на местах;

в) широкое использование методов массовой работы (орфографические диспуты и совещания, обмен опытом в печати и т. п.), социалистического соревнования и ударничества на лучшую теоретическую разработку орфографий, лучший орфографический справочник, лучшую орфографическую практику в печати, в школе, в делопроизводстве, организация орфографических конкурсов.

ПОЛОЖЕНИЕ
О НАУЧНОМ СОВЕТЕ ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА НОВОГО АЛФАВИТА

I. Научный совет является органом ВЦК НА по линии разработки научных вопросов, связанных с созданием и развитием национальных языков и письменностей.

II. Задачи Научного совета:

1) Разработка вопросов создания новых латинизированных алфавитов для ранее бесписьменных народов и народов со сложной архаической письменностью.

2) Разработка вопросов унификации и усовершенствования нового алфавита.

3) Разработка вопросов построения литературных языков, орфографий, терминологий, грамматик, словарей и т. д. для национальностей, перешедших на НА.

4) Содействие местам в разработке алфавитов, орфографий, терминологий и т. д. по отдельным конкретным языкам.

5) Изучение и обобщение опыта работы мест по развитию национальных письменностей с целью регулирования и планового руководства этой работой и накопления материала для постановки и разрешения теоретических проблем национально-языкового строительства.

6) Привлечение научно-исследовательских учреждений союзного и республиканского масштаба, разрабатывающих отдельные проблемы языка и письменности к разработке вопросов, стоящих перед Научным Советом.

7) Изучение опыта латинизации за рубежом.

8) Разработка вопросов преподавания нового латинизированного алфавита.

9) Разработка вопросов технографии (установление стандартных начертаний букв и шрифтов НА, учет опыта нацио-

нальной полиграфии, разработка системы национальных стенографий, техника телеграфной передачи и т. д.).

10) Учет и содействие делу подготовки кадров научных работников языкового строительства в центре и на местах.

11) Популяризация научной работы ВЦК НА.

III. Для разрешения этих задач Научный совет:

1) организует постоянно действующие комиссии по отдельным разделам научной работы (алфавитная, терминологическая, орфографическая, технографическая).

2) Руководит работой научных комиссий республиканских, краевых и областных комитетов НА.

3) Созывает и проводит пленумы Научного совета.

4) Организует самостоятельно и участвует в организуемых местными Комитетами НА, а также центральными и местными учреждениями, экспедициях, конференциях, совещаниях, посвященных вопросам нацязыков и письменностей.

5) Организует библиотеку и собирание научного архива по вопросам языка и письменности.

6) Координирует свои планы с соответствующими научно-исследовательскими учреждениями.

IV. Состав и структура Научного совета:

1) Научный совет состоит из представителей, выделяемых республиканскими, краевыми и областными НА, а также отдельных лиц, приглашаемых персонально.

2) Научный совет выделяет из своего состава Президиум в составе 9 человек. Состав Научного совета утверждается ВЦК НА.

3) Сметы и штаты Научного совета входят в сметы и штаты ВЦК НА и утверждаются последним.

4) Научный совет пользуется техническим аппаратом ВЦК НА

СПИСОК ПРИСУТСТВОВАВШИХ НА ПЛЕНУМЕ НС

1. АБРАМОВ—Институт нац. ВКП(б)
2. АГИШЕВ—ред. тат. „Коммунист" ВКП(б)
3. К. АЛАВЕРДОВ—ВЦК НА ВКП(б)
4. АЛИЕВ—Курсы НУС ВКП(б)
5. АЛТАЙ—Центр. Сов. Союза безбожник ВКП(б)
6. АРТЕМОВ—Ин-т психол. б/п.
7. И. АХРИЕВ—Курсы НУС ВКП(б)
8. Д. АШХАМАФ—Краснодар Н. И. И-т б/п.
9. БАСКАКОВ—Ин-т национальной педагогики (Москва) б/п
10. БЕКУРОВ — „Сов. законод." ВКП(б)
11. М. БОГДАНОВА—Ин-т нац. (Москва) б/п
12. БОКАРЕВ—НИЯЗ б/п
13. БОРОЗДИН—Педвуз б/п
14. Ц. БУДАЕВ—Курсы НУС ВКП(б)
15. ВАИСОВА—Курсы НУС ВКП(б)
16. ВЕНТЦЕЛЬ—Ред. иностр. слов. б/п
17. ВОЛКОВ—Курсы НУС б/п
18. С. ВРУБЕЛЬ—Ин-т нац. (Москва) ВКП(б)
19. Г. ГАДЖИБЕКОВ—Даг. Ком. НА б/п
20. ГАТУЕВ К.—Осетинск. НИИ б/
21. ГЕРМОГЕНОВ—НИЯЗ б/п
22. ДЕВЛЕТ ГИЛЬДЕЕВА—Ин-т нац. ВКП(б)—ВКП(б)
23. Б. ГРАНДЕ—ЦК НА РСФСР б/п
24. ГУСЕЙНОВ — Культпроп ЦК ВКП(б)—ВКП(б)
25. ДАНИЛОВ—НИЯЗ ВКП(б)
26. ДЖАФАРОВ—Ин-т нац комс.
27. ДЖУКАЕВА—Курсы НУС
28. С. ДИМАНШТЕЙН — Ассоц. маркс.-востоков ВКП(б)
29. Е. ЖИВОВА—Нац. сект. ОГИЗ'а б/п
30. Л. ЖИРКОВ—ВЦК НА б/п
31. А. ЗАРЕЦКИЙ—Пед. Ин-т им. Бубнова (Москва) б/п
32. Н. ЗОЛОТОВ — Вс. Ак. Наук ВКП(б)
33. ИОАНИСЬЯН—Ин-т нац. ВКП(б)
34. КОРИМОВ—М. Картогр. трест б/п
35. КАЦНЕЛЬСОН—Ин-т нац. б/п
36. Я. КОШКИН—Институт народов Севера ВКП(б)
37. КОРКМАСОВ—ВЦК НА ВКП(б)
38. КУЗНЕЦОВ—Ин-т иностр языков б/п
39. КУЗЬМИНСКИЙ—Ред. Ин. Слов б/п
40. КУСИКЬЯН—Ин-т нац. б/п
41. ЛАЗАРЕВ—Ин-т нац. ВКП(б)
42. ЛАЙХТЕР—ВЦК НА б/п
43. Т. ЛОМТЕВ—НИЯЗ ВКП(б)
44. Я. ЛОЯ—ред. ин. слов. ВКП(б)
45. ЛЮБИМСКАЯ—ЦС СВБ ВЛКСМ
46. Н. Я. МАРР—Вс. Ак. Наук ВКП(б).
47. И. МЕЩАНИНОВ—Вс. Ак. Наук. б/п
48. МИРСКИЙ—Изд. Иностр. раб. б/п
49. В. МУХИН — Мари ОблОНО ВКП(б)
50. З. НАСЫРОВ—ЦК НА РСФСР ВЛКСМ
51. НЕЧАЕВ—НИЯЗ ВЛКСМ
52. НИКУЛИН—НИЯЗ ВКП(б)
53. НОМИНХАНОВ—Ассоц. по изучению национальных и колониальных проблем ВКП(б)
54. А. НУХРАТ—ред. „Рев. и Нац." ВКП(б)
55. ОЙУНСКИЙ—Ин-т нац. ВКП(б)
56. ПАЛЬМБАХ—Ассоц. по изуч. нац. и колон. проблем (НИАНКП) ВКП(б)
57. ПАШКОВ—Н. С. ВЦК НА б/п
58. ПАР СКЕВОПУЛО — Коммун. унив. труд. Запада ВКП(б).

59. М. ПЕКУНЬКИН — Партиздат ВКП(б)
60. ПЕТЕРБУРГСКИЙ—НИЯЗ б/п
61. РЕФОРМАТСКИЙ—техногр. ком. Н. С. б/п
62. Р. РЕПИХ—Психол. Ин-т б/п
63. САДЫКОВ—Главлит ВКП(б)
64. Ф. СЕЙФИ—Тат. Ком. НА б/п
65. А. САМОЙЛОВИЧ — Вс. Ак. Наук б/п
66. САНЖЕЕВ—Ком. НА Бур.-Монг. б/п
67. СЕРГИЕВСКИЙ—НИЯЗ б/п.
68. СТАВРУЛИ—Центр. пед. курсы б/п
69. СТАРИНИН—Коммун. унив. труд. Востока им. Сталина б/п
70. СЕРДЮЧЕНКО—Р/Д, К-та НА б/п
71. СУХОТИН—НИЯЗ б/п
72. Ф. ТАГИРОВ—техн. ком. ВЛКСМ
73. А. ТАДЖИЕВ—Совнац. ВКП(б)
74. ТАДЖИБАЕВА — Курсы НУС ВЛКСМ
75. ТАХТАМЫШЕВ—ВЦК НА б/п
76. ТОГЖАНОВ — ЦК НА РСФСР ВКП(б)
77. ТОГМИТОВ — Бур.-Монг. ЦИК ВКП(б)
78. З. УСМАНОВ—Инст. литер. и языка Ком. Акад. ВКП(б)
79. ФИЛИППОВ—Н. Ин-т национальной педагогики б/п
80. ХАЙРОВ—ЦК НА РСФСР ВКП(б)
81. А. ХАШИМОВ—Вс. Ак. Наук ВКП(б)
82. ХИСАМЕТДИНОВ — Ин-т нац. ВКП(б)
83. ХОРОБРОВИЦКИЙ—ред. „Веч. Москва“ б/п
84. Р. ШОР—Центр. инст. подготовки кадров Нар. сбр. б/п
85. С. ЭПИН—ЦК НА РСФСР б/п
86. ЮДАХИН—НИАНКП б/п
87. ЮНУСОВ К.—ВЦК НА ВКП(б)
88. ЮМАНКУЛОВ—НКПрос РСФСР ВКП(б)
89. Н ЮШМАНОВ—Историко-Лингв. инст. (Ленинград) б/п
90. Н. Ф. ЯКОВЛЕВ—ВЦК НА б/п
91. ЯЛКАЕВ—Нац. Отдел Профиздата б/п
92. Ю. ЯШУМСКИЙ—ТАСС б/п

Цена 5 рублей